

Б203 —

523

В. КРАШЕНИННИКОВ

ПО
ДЕКАНУ

Б203—
523

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

В.КРАШЕНИННИКОВ

**ПО
ДЕКАНУ**

**ИНДИЙСКИЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1963

Автор книги в 1957 г. был направлен в длительную командировку в Южную Индию для преподавательской работы.

За три года он побывал в разных уголках этой наименее известной нам части Индии. В результате родилась эта книга.

Автор ярко рассказывает в ней о богатой драматическими событиями истории Южной Индии и о том, что он увидел там в наши дни.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В июне 1957 года я сошел с поезда в Хайдарабаде — большом городе Южной Индии. При мне было письмо советского посольства, в котором говорилось, что предъявитель его — работник индийской редакции Издательства литературы на иностранных языках в Москве — посылается в распоряжение Османского университета для преподавания русского языка и усовершенствования в языке урду.

Представившись вице-канцлеру университета и декану факультета гуманитарных наук, я решил в тот же день полюбоваться панорамой Хайдарабада с вершин Банджара-Хиллз — высокой каменной гряды, которая подходит к городу с запада.

Недолгий путь вверх по шоссе среди скал, загородных построек и садов — и я оказался на вершине Банджара-Хиллз.

Оттуда глазу открывалось настоящее царство камня. Все пространство вокруг занимали бесплодные красновато-бурые горы. Они высились окрест неровным каменным частоколом, обращались вдали в синие конуса и наконец сливались с еще более синим горизонтом. Кругом были видны каменные нагромождения, большие валуны, чудом держащиеся на склонах. Казалось, подтолкни один такой камень — и он полетит вниз, сокрушая все на своем пути.

Среди каменного хаоса, привольно раскинувшись в неровной каменистой долине, лежал Хайдарабад. В глубине его городских кварталов из зеленой кипени парков и садов тут и там подымались белоснежные здания со сверкающими шпилями и минаретами.

Любуясь панорамой Хайдарабада, я старался припомнить, что я знал о нем, но вспоминать было почти нечего. В па-

мяти смутно всплывали когда-то прочитанные строки об алмазных конях Голконды, о знаменитом алмазе Кох-и-Нур, добытом где-то в этих местах; вспомнились рассказы о богатствах низамов Хайдарабада. И это было все.

Еще меньше знал я об Андхре, столицей которой является Хайдарабад. Дома, в Москве, у меня висит яркий рисунок, где художник изобразил молотьбу в деревне Андхры. Полуобнаженные, атлетически сложенные мужчины хлещут желтыми снопами о низенькую деревянную скамью. Под ногами у них — груды золотого зерна. Рядом с трубкой в зубах сидит сахукар — деревенский ростовщик, которому, вероятно, и перейдет большая часть этого зерна. Голова у сахукара обрита, с затылка свисает черная косичка. Чуть в стороне стоят женщины с корзинами. Одна из них льет воду на подставленные лодочкой ладони молотильщика. Жарко, да и работа нелегкая! Дальше на фоне золотых скирд крестьяне гоняют бычков по разложенным на земле снопам. А за током — несжатые поля, рощи манговых деревьев, приземистые хижины под соломенными крышами и, наконец, сливающиеся с небом синие-синие горы. Этот рисунок, подаренный мне одним индийским другом, давал самое общее представление о природе Андхры.

Кое-какие сведения об Андхре я почерпнул из переведенной мною новеллы индийского писателя Кришана Чандра «Когда пробудились поля». Герой новеллы — молодой крестьянин Рагху Рао, приехавший в Хайдарабад на заработки и ставший там рикшей.

Мог ли я подумать, что окажусь в городе, по улицам которого бегал с коляской герой Кришана Чандра? Едва ли. Но недаром говорят, что наши затаенные желания иногда исполняются с неожиданной быстротой и легкостью. Так было и тут. На мою долю выпала большая удача, и я должен был воспользоваться ею на все сто процентов.

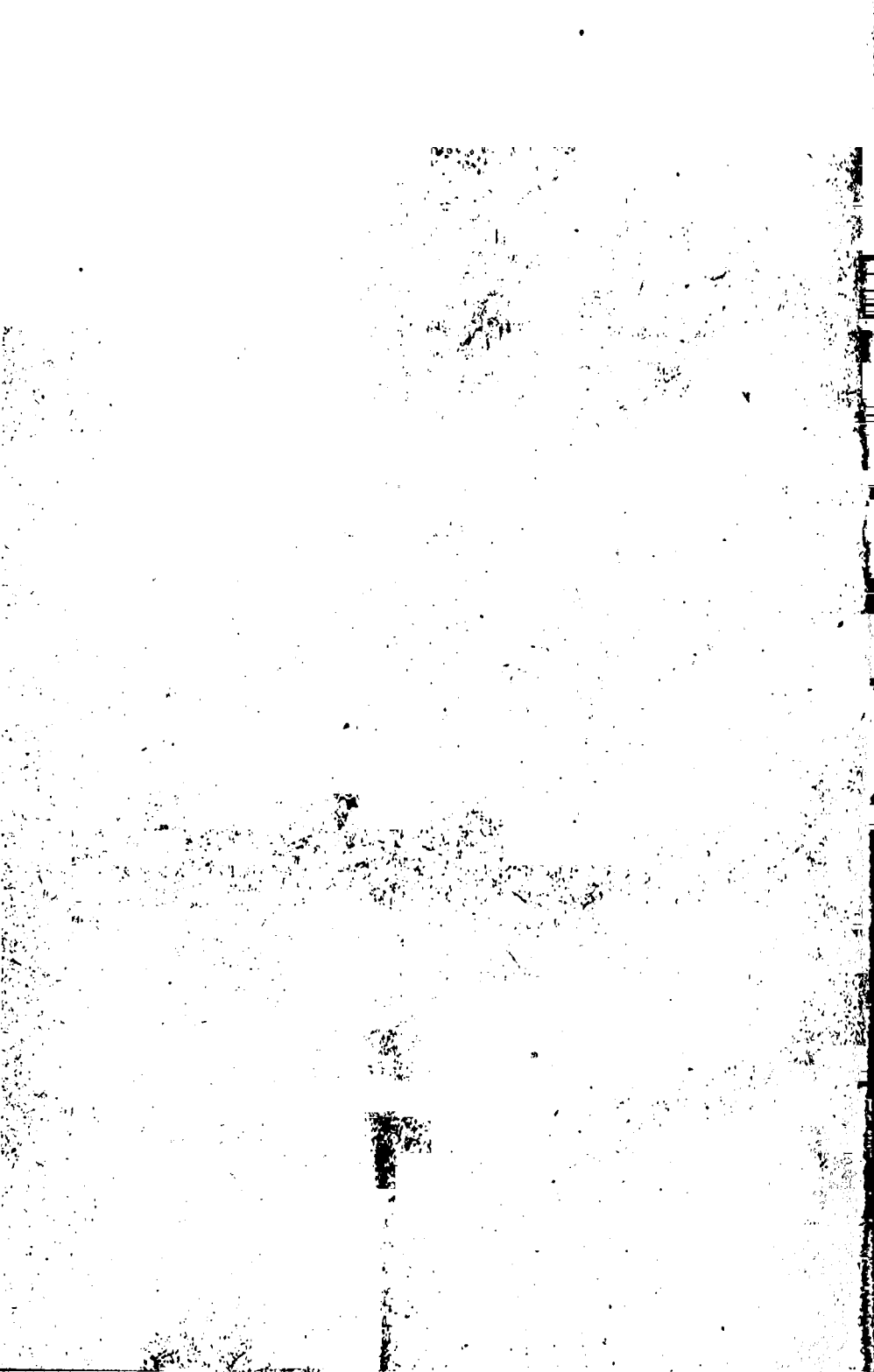
Мне предстояло узнать Андхру и ее народ, познакомиться с Хайдарабадом и его жителями. Но сумею ли я найти ключ к сердцу большого города? Пойму ли я жизнь, кипящую там, внизу, в лабиринте бесчисленных улиц, улочек и переулков? Эти мысли волновали меня, когда я стоял на вершине Банджара-Хиллз и смотрел на лежавший передо мною город.

И мне казалось, что я сумею сделать это. Мне был знаком язык урду — в прошлом государственный язык княжества Хайдарабад, я знал английский. У меня было большое желание все увидеть и узнать. И, наконец, самое главное: впереди для этого было много времени — целых три года.

ГЛАВА I

**ВЕЛИКИЙ
ГОРОД
ДЕКАНА**

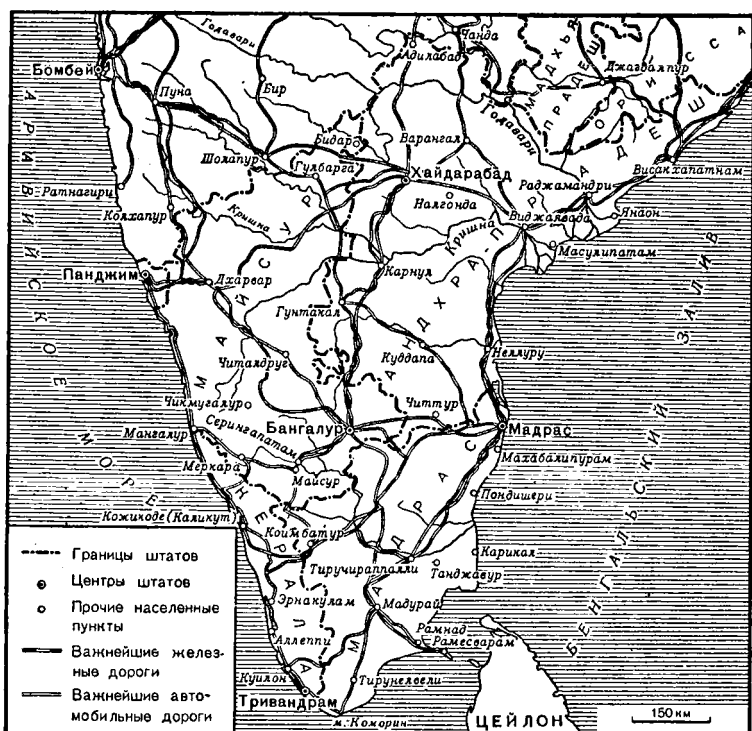
СЕДЫЕ КАМНИ ГОЛКОНДЫ

Полуостровная Индия, которая клином врезается между Аравийским морем и Бенгальским заливом, издавна известна под названием Декан. «Декан» — сокращенное санскритское слово, означающее «Земля к югу от гор Виндхья». Здесь в далеком прошлом существовали различные государства, от которых остались лишь руины городов, крепости, похожие на орлиные гнезда, полуразрушенные храмы, таинственные пещеры и бесчисленные надгробия с загадочными полустершимися надписями.

- *Горы, долины, реки и пруды Декана овеяны романтическими легендами. Деканцы бережно хранят воспоминания о давно минувших делах, о войнах и подвигах давно ушедших героев. На Декане имели место события, о которых рассказывает древнеиндийский эпос Рамаяна, и поэтому жители каждой здешней деревни с гордостью утверждают, что то или иное событие, описанное в Рамаяне, произошло как раз за их околицей.*

Восточную часть обширного Деканского плато занимает штат Андхра, населенный народом андхра, который в старину называли еще и телингками. Говорят здесь на языке телугу.

Андхра — гористая страна. Здешние горы красно-бурые, сильно выветренные, очень часто похожие на древние, ровно насыпанные курганы. Склоны их во многих местах покрыты лесами. Леса там и тут уступают место обширным низинам с красной плодородной землей, где весной под порывами ветра морем волнуются молодые посевы, придающие Андхре сказочно красивый вид. В этом изумрудно-зеленом море, со-

Южная Индия

гнувшись в три погибели, работают крестьянки, одетые в красные, синие и зеленые сари. Женщины стараются облегчить свой тяжелый труд старинными звонкими песнями, которые пели на этих же полях прародительницы нынешнего поколения.

На земле Андхры привольно текут Годавари, Кришна, Тунгабадра и другие реки. Древние запруды по сей день накапливают воду для орошения полей джовара и баджры, хлопчатника и земляного ореха, сахарного тростника и риса.

Прельщенные богатствами Андхры, сюда часто жаловали различные завоеватели. Поэтому история Андхры полна кровавых разорительных войн. То она была независимой империей, то живое ее тело разрывали на куски сильные иноземные правители. В XII и XIII веках Андхрой правили раджи из династии Какитьев, а в XV и XVI веках большая ее часть входила в султанат Бахманидов.

После развала султаната Бахманидов Андхра выделилась в независимое сильное государство Голконду, получившее название по имени своей столицы крепости Голконды. При ди-

настии Кутб Шахов, правившей Голкондой с 1518 по 1687 год, народ андхра был полностью воссоединен в едином государстве.

КРЕПОСТЬ ГОЛКОНДА

Крепость Голконда находится всего в десяти километрах к западу от Хайдарабада. Дорога к ней бежит через каменистые долины с редкими деревьями. На полпути к Голконде, слева от дороги, сиротливо высится мечеть Тули масджид. Вся в затейливой резьбе, с грациозными минаретами, Тули масджид похожа на невесту в подвенечном платье.

Посередине обширной равнины, занятой нежно зеленеющими рисовыми полями, возвышается бурый утес Голконды, увенчанный, словно короной, белоснежным дворцом.

Подножие холма опоясано высокой шестикилометровой боевой стеной, сложенной из буро-коричневых, обтесанных глыб. Седые ее башни сурово смотрят во рвы, наполненные водой. У Фатех Дарваза (Триумфальных ворот) — главных ворот Голконды — стены круто лезут вверх, образуя извилистые закоулки перед деревянными воротами. Окованные створы ворот щетинятся железными штырями, чтобы слоны противника не вздумали вышибить их лбами.

Ворота Фатех Дарваза ведут в обширный Нижний форт. На его главной широкой улице стоят старинные крепкие дома, храмы, мечети, солдатские бараки, арсеналы, склады, конюшни. В Нижнем форте есть даже рисовые поля. В старину в дни опасности здесь могли отсидеться до сорока тысяч человек.

Цитадель находится в западной части крепости. Пройдя в нее через ворота, слева можно увидеть трехэтажное арочное здание арсенала. В арсенале — груды старинного оружия: пушки, ядра, двухметровые пищали с тяжелыми прикладами, пики, осадные лестницы и прочий боевой инвентарь прошлых времен. Отсюда гранитные ступени ведут к Бала Хисару (Верхнему форту) — белому дворцу на вершине холма.

Карабкаясь вверх по лестнице, с огорчением убеждаешься, что от некогда грозной крепости почти ничего не осталось. Кругом одни каменные скелеты солдатских барачков и пороховых складов, стены которых и поныне крепко пахнут порохом. А ведь когда-то перед этой крепостью целые девять месяцев беспомощно топталась огромная армия императора Аурангзеба, и взять ее удалось лишь с помощью предателя!

В прошлом в Голконде было изобилие воды. На склонах холма сохранилась целая система вместительных резервуаров, выдолбленных в граните. Самый нижний резервуар посредством системы гончарных труб был соединен с естест-

венным водоемом на склоне соседней горы и наполнялся оттуда по принципу сообщающихся сосудов. А дальше вверх воду гнали огромные водяные колеса, у которых работали слоны. Из самого верхнего резервуара вода по скрытым в толще стен глиняным трубам расходилась по всей крепости, главным образом во дворцы, где жили Кутб Шахи.

Каменные ступени заканчиваются у Бала Хисара, который орлиным гнездом висит на самом краю отвесного утеса.

Видимая снизу с запада широкая белая стена — не более как тыльная часть здания. Бала Хисар похож на огромную открытую эстраду, повернутую на восток к ровной площадке, отвоеванной у скал. Здесь был дарбар-э-ам — зал для аудиенций. Во время дарбара, то есть собрания сановников государства, послов и гостей, в особой нише, перед ними появлялся султан Голконды.

Восседая в нише на маснаде — ковре с высокими подушками по бокам и за спиной, — правитель Голконды творил суд и расправу, принимал послов, занимался другими государственными делами. Во дворце было прохладно даже в самые жаркие дни, так как существовала надежная система вентиляции. Под Бала Хисаром в теле утеса темнеет большая квадратная дыра. Входя в нее, воздух охлаждался в глубине утеса и затем поступал в здание.

По крутой лестнице можно подняться на плоскую крышу Бала Хисара и наконец на особую трибуну с поручнями — высшую точку Голконды. С большой высоты хорошо видна вся крепость. За зубцами на специальных гранитных накатах лежат нетронутые со времен Аурангзеба большие пушки. Они видны и на площадках боевых башен, и на высоких обветшалых бастионах внутри цитадели. А за крепостными стенами — все те же каменистые просторы, полосы озер, рощи, пасущийся скот, горы на горизонте и затянутый дымкой Хайдарабад.

Какой-нибудь мальчуган, самодеятельный гид, путая слова урду и телугу, расскажет немало любопытных историй о Голконде, слышанных им от отцов и дедов. Он будет уверять, что от Бала Хисара идут в разные стороны тайные подземные ходы и что один из них кончается в центре Хайдарабада. Он поставит вас на определенное место на крыше, и по его знаку человек, стоящий внизу у ворот цитадели, хлопнет в ладоши. Звук хлопка вы услышите четко и ясно, хотя от ворот до крыши Бала Хисара метров триста. В былые времена здесь на крыше всегда стоял на страже сипай, и хранители ворот условными хлопками давали ему знать, как у них идут дела.

Владыки Голконды любили отдыхать на крыше Бала Хисара в вечернее время. На соседнем холме в небольшом двор-

це с колоннами жили певицы. Когда не было ветра, звуки их песен долетали до Бала Хисара. Акробаты показывали свое искусство, поднимаясь на крышу дворца по туго натянутой проволоке. Отдыхавшим на крыше Бала Хисара владыкам Голконды слуги приносили большие подносы, покрытые желтыми колпаками, и кувшины. На подносах были кушанья, сдобренные перцем и мускусом, фрукты. Кувшины были полны винами, секрет изготовления которых давно утерян.

Развалины жилых дворцов Кутб Шахов находятся недалеко от ворот Бала Хисар. Они огорожены высокими, метров в десять-пятнадцать каменными стенами, в которых скрыты глиняные трубы водопровода. Когда-то это были большие прохладные помещения со стенами, выложенными особыми глазированными плитками бело-синего цвета с богатым орнаментом. Все они открываются в центральный двор, посередине которого некогда били фонтаны и росли розовые кусты. Тут же, в пределах дворцов, находились кладовые со съестными припасами и кухня, где готовили старинным способом — на таганах, отчего стены ее до сих пор покрыты густой копотью.

Не менее роскошные покои ожидали владык Голконды и после кончины. С Бала Хисара хорошо видны их мавзолеи, которые находятся к северо-западу от крепости. Мавзолеи отличаются простотой и изяществом. Они построены по единому плану: основанием мавзолея служит широкая платформа, подпертая арочными колоннами, на ней — низкий прямоугольник с галереями и карнизами, украшенными лепными деталями и маленькими нишами. И все это увенчивает громадный купол, словно парящий в воздухе.

В мавзолеи с четырех сторон ведут низкие двери. При Кутб Шахах в гробницах были расстелены ковры, с потолков свисали богатые люстры. На особых подставках лежали кораны. Но сейчас там нет ничего, кроме мраморных надгробий, на которых искусные граверы вывели в честь усопших строки прочувственных од. Если сверху посередине надгробия виден мраморный клин — значит, здесь лежит мужчина, если поверхность надгробия ровная и гладкая — женщина.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДА ХАЙДАРАБАДА

В восьмидесятых годах XVI века Голконда была уже столицей богатого и сильного государства. Улицы Нижнего города были застроены домами местной знати, мечетями, храмами и караван-сараями. На городских базарах, в кварталах простолюдинов было полно народу.

Ко двору голкондских правителей постоянно прибывали многолюдные посольства из Северной Индии, Ирана, Турции,

Туркестана и Аравии. Со всего Востока туда приезжали ученые и поэты. В городе становилось тесно. Возникла опасность эпидемий.

Проблему рассредоточения населения Голконды решил Мохаммед Кули Кутб Шах (годы правления 1580—1612). Он обессмертил свое имя строительством Хайдарабада, одного из красивейших городов Индии.

Новый город был заложен в 1591 году на правом берегу Муси, на том самом месте, где, по преданию, юный принц Мохаммед встретил красавицу танцовщицу Бхагмати, которая позже стала его женой. В центре нового города был возведен Чарминар (огромная триумфальная арка с четырьмя минаретами), от него потянулись четыре главные улицы, начинающиеся каманами — высокими воротами.

Вновь выстроенные шахские дворцы Дад Махал, Худадад Махал, Мохаммади Баг, городская больница Дар-уш-Шифа поражали иностранцев своими размерами и величавой красотой. Главный архитектор Хайдарабада, иранец по национальности, использовал при строительстве города все лучшее, что было в арабской и иранской архитектуре того времени. Вместе с тем в зданиях Хайдарабада совершенно отчетливо проступают черты архитектуры, бытовавшей в Андхре с незапамятных времен, что придает городу особую красоту и привлекательность.

Хайдарабад стал центром политической, торговой и культурной жизни Голконды.

ГИБЕЛЬ ГОЛКОНДЫ

Вся середина XVII века проходила для Голконды под знаком все более усиливавшегося давления Великих Моголов с севера. Богатства Голконды не давали покоя и Великому Моголу Аурангзебу. В 1682 году он отправился в грабительский поход на Декан.

В битве при Малькхеде армия Голконды была разбита, и некоторые ее полководцы, предчувствуя успех Аурангзеба, перешли на сторону врага.

Захватив с собой казну, Абульхасан — шестой и последний шах Голконды — заперся в старой крепости, а Хайдарабад был оставлен на разграбление. Цветущий город, в котором за сто лет его существования скопились несметные богатства, был разгромлен, запылал в пожарах. Только ценой огромной контрибуции Абульхасану удалось побудить принца Муаззама, командовавшего делийскими войсками, пойти на перемирие и оставить Хайдарабад.

В начале 1687 года в Голконду прибыл сам Аурангзев. Он отклонил предложение Абульхасана пойти на мировую и

28 января 1687 года начал осаду крепости, которая длилась девять месяцев. Войска осаждавших несли большие потери. С тыла на них нападала полевая армия Голконды, то и дело совершали смелые вылазки осажденные.

В июне начались сильнейшие дожди. Разлившаяся Муси и ее притоки смывали земляные насыпи для пушек, заливали окопы и траншеи осаждавших. Отсыревал порох. Сипаи Аурангзеба тысячами гибли от голода, холода и эпидемий, потоки разлившейся реки уносили сотни трупов. Аурангзев собирался уже снимать осаду, когда в ночь на 21 сентября 1687 года подкупленный военачальник Голконды афганец Абдулла Хан открыл ворота Фатех Дарваза и впустил могольские войска в крепость. Так погибла Голконда. Аурангзебу досталась огромная добыча — золотые и серебряные вещи, предметы роскоши, вся казна. Голконда и Хайдарабад были подвергнуты полному разграблению.

СНОВА ЖИЗНЬ

После нашествия Аурангзеба Голконда, дотоле крупнейший политический, торговый и культурный центр Декана, надолго запустела. Охваченные ужасом люди целыми семьями устремились прочь из погибших городов в более спокойные места.

Во время варварских грабежей и пожаров, учиненных распоясавшейся солдатней Аурангзеба, безвозвратно погибла большая часть культурного наследства, созданного за два века существования Голконды. Сровнены были с землей чудесные дворцы Кутб Шахов, погибли творения резчиков по камню, драгоценным металлам и дереву, произведения ваятелей. Уцелели лишь жалкие остатки.

Погибли также бесчисленные рукописи на дакхни и телугу, созданные руками талантливых каллиграфов, труды историков и философов, картины художников.

Голконда превратилась в отдаленную провинцию империи Моголов. В 1712 году правивший тогда Великий Могол Мохаммед Фаррукх Сияр послал в Голконду наместником Чин Килич Хана Бахадура, который в свое время помог ему вскарабкаться на шаткий престол Дели. Килич Хан получил за эту помощь титул низам-уль-мульк (устроитель государства).

Впоследствии Килич Хан добился независимости своей провинции от центральной власти Дели. Андхра вместе с частью Махараштры и Карнатика стала наследственной вотчиной низам-уль-мулька (или просто низама) Килич Хана.

16 января 1725 года низам Килич Хан сделал своей столицей Хайдарабад. Так, на развалинах Голконды появилось новое государство — княжество Хайдарабад, существовавшее вплоть до 1947 года.

СТАРЫЙ ХАЙДАРАБАД

После осады 1687 года крепость Голконда обезлюдела. Деревеньки, ютившиеся у ее стен, превратились в глиняные бугорки, на которых мирно щипали траву коровы и козы окрестных крестьян. Вся жизнь постепенно сосредоточилась в Хайдарабаде.

Объявив Хайдарабад своей столицей, низамы обнесли его крепкой стеной, начали строить дворцы и мечети. Поднявшись из руин, Хайдарабад снова стал важным политическим и культурным центром Декана.

Низамы и их приближенные расхватали богатые земли Андхры. В деревнях бесконтрольно орудовали откупщики, которые, покупая у низама право сбора налогов, наживались на этой операции. Хайдарабад рос и хорошел за счет разоренных деревень, и печальный этот процесс продолжался до самых последних дней. Город вскоре перерос свои старые границы, очерченные крепостными стенами. Шагнув через реку Муси, он двинулся на север — там вырос Новый город. В середине XIX века севернее возник еще один город — Сикандарабад.

ЧАРМИНАР

В самом центре Старого города стоит Чарминар — его краса и гордость. Сколько раз проезжал я мимо этого старинного здания, и всякий раз от него было трудно оторвать взгляд. Оно стоит посередине неширокой площади, подавляя все вокруг своей мощью и величием. Четыре его минарета гордо возносятся в небо. Чарминар очень велик, и тем не менее в нем много грации и удивительной легкости. Серыми и скучными кажутся столпившиеся вокруг него старинные торговые ряды, высокие глиняные ограды, за которыми прячутся обветшалые дворцы хайдарабадской знати.

Чарминар открывается на все четыре стороны высокими арками, от них начинаются главные улицы города. Его очень украшают две ажурные галереи, расположенные одна над другой на большой высоте. Над галереями — окруженная каменной оградой терраса, служащая крышей.

По углам здания высятся десятиугольные башни, каждая имеет по четыре круговых галереи. Снаружи все здание украшают изящные лепные розы и фестоны.

В Чарминаре есть несколько помещений, которые некогда использовались как медресе — школы. В давние времена Чарминар служил и водонапорной башней. Особое водоподъемное устройство поднимало воду на большую вы-

соту в объемистые цистерны, откуда она по гончарным трубам расходилась по городу.

На крыше Чарминара по сей день стоят одна против другой маленькие мечеть и хиндуистский храм — символ единства народа Голконды, исповедовавшего две разные религии.

Чарминар — символ Хайдарабада, одна из самых интересных и поэтичных его старинных построек. В народе живет слух, что кто-то из старых низамов закопал под Чарминаром часть своих сокровищ, поэтому, мол, до самого последнего времени тут стояли на часах сипаи.

Каменный исполин помнит многие события, которые происходили у его подножия за четыре века. Со специальной трибуны владыки Голконды показывались здесь народу и принимали парады. Перед ними медленно проплывали боевые слоны с вооруженными воинами на спинах, рядами двигались сипаи, вооруженные пиками, щитами и древними мушкетами. На закованных в броню конях скакали тяжело вооруженные совары-кавалеристы.

Позднее Чарминар видел неповоротливые рати низама и летучие отряды его смертельных врагов маратхов, яркие треугольные штандарты французских наемных бригад, служивших низаму, и, наконец, красномундирные полки его величества короля Англии.

И теперь под сводами Чарминара всегда много народу. Зажав под мышкой книги, толпятся студенты соседнего Юнани колледжа — медицинского института. Пестрыми группками теснятся мусульмане, крестьяне андхра, бородатые сикхи. Резко выделяются пестрой одеждой женщины племени банджара. Немало тут и иностранцев.

Вокруг Чарминара карусель автомобилей, велосипедов, велорикш и тонг — двуколки. Стены и заборы вокруг Чарминара залеплены яркими афишами реклам и аншлагами кинокартин, но от этого не пропадает аромат старины, которой дышат стены седого колосса.

Если встать под сводами Чарминара, в центре его гранитной платформы, глазам представятся четыре главные улицы Старого города. Стоит рассказать о каждой из них.

ФАЛАНУМА И ХУССАЙН-АЛАМ

На юг от Чарминара идет узкая извилистая улица Шахали-Банда. В конце этой улицы на взгорке высится Фалакнума — помпезный дворец в английском стиле, до отказа набитый предметами роскоши, редкостными книгами, золотыми и серебряными изделиями. При Фалакнуме имеется небольшая картинная галерея. Перед дворцом вьется на огром-

ной мачте флаг низама. Он густо исписан персидскими буквами.

Фалакнума был построен в 1897 году навабом¹ Викар-уль-Умра — одним из богатейших людей Хайдарабада того времени. Все во дворце, вплоть до мраморных ступеней, было выписано из Европы. Махбубу Али Паше — отцу нынешнего низама — дворец так понравился, что он захотел приобрести его. Монаршая воля — закон! Великолепный дворец достался низаму, который уплатил за него три с половиной миллиона рупий!

Строительство Фалакнумы и история его продажи низаму — яркое свидетельство того, какими огромными деньгами ворочали феодалы Хайдарабада. Деньги эти выколачивались из нищих деревень Андхры.

* *
*

На запад от Чарминара идет старинная торговая магистраль Хайдарабада — улица Хуссайн-Алам. Растянувшись на полтора километра, она упирается в Пурана пул (Старый мост), откуда дорога сворачивает в Голконду.

Улица Хуссайн-Алам всегда забита народом. Ходить по ней — все равно что совершать путешествие в далекое-далекое прошлое! По обеим сторонам Хуссайн-Алама стоят невысокие двухэтажные дома, несущие на себе отчетливые признаки архитектуры Голконды. Стены домов потемнели от времени. Нижние этажи, покоящиеся на высоких каменных цоколях, разделены на множество каморок — ниш, занятых лавками. Входом в них служат широкие, черные от времени арки с брезентовыми козырьками. Перед каждой нишей — каменные приступки.

Хозяева лавок, поджав ноги, сидят на дощечках у входа в свои торговые заведения. Они стараются выставить все товары напоказ — Хуссайн-Алам выглядит огромной выставкой всяких нужных и ненужных вещей. На прилавках стоят сундучки, тазы, корыта, всевозможная посуда. На стенах висит тряпье, густо пересыпанные блестками веера, искусственные косы для невест и бесчисленные предметы, о назначении которых можно только догадываться. Впрочем, в этих лавках можно наткнуться и на очень интересные старинные вещи.

Вторые этажи домов на улице Хуссайн-Алам кажутся необитаемыми. Окна и двери из обветшалого, черного от времени дерева наглухо заколочены. Там живут хозяева лавок, портные, мелкий торговый и ремесленный люд.

¹ Наваб — обычный титул крупных феодалов Индии.

Непривычные острые запахи наполняют улицу. Это сложный запах старого жилья, пыли, перца, мускуса и человеческого пота.

Людская толпа, стиснутая стенами улицы Хуссайн-Алам, похожа на шумливый поток. Над ней несутся хриплые звуки популярных песен из кинофильмов, гортанные выкрики разносчиков. Вот идет небольшая группа крестьян андхра. На их бронзовых мускулистых телах четко выделяются белые дхоти — набедренные повязки. У каждого через плечо — скатка из грубого шерстяного одеяла, на головах — бордовые тюрбаны. Все они обуты в грубые тяжелые сандалии. Крестьяне, постукивая высокими пастушескими посохами, не спеша идут по Хуссайн-Аламу. У каждого в уголке дхоти завязано несколько монеток. Они пришли что-то купить.

Мимо лавок торопливо проходят поджарые мусульмане в своих коричневых узкоплечих сюртуках, белых шароварах и остроносых чувяках. Многие из них носят каракулевые шапки или похожие на срезанный конус красные турецкие фески с кисточками. Стайками плывут девушки хинду в ярких сари, женщины с детьми. Нет-нет да проплывет белая буркаа — паранджа, сквозь сеточки которой глядит на мир старая женщина мусульманка.

Вдоль Хуссайн-Алама катят велосипедисты и велорикши, солидно крякая, пробираются сквозь толпу старые, выдавшие виды автомобили. С мешками и корзинами на головах снуют в поисках работы кули-носильщики.

Пожалуй, только праздный турист может подумать, что все эти люди просто толкаются без дела на улице. Обитатели улицы Хуссайн-Алам и окрестных переулков, заглянувшие сюда покупатели — люди тяжелого повседневного труда. Крестьяне андхра ненадолго оторвались от своих полей. Здешние дарзи (портные), кажется, совсем не разгибают спин. Целыми днями они стрекочут на швейных машинках, которые умолкают только глубокой ночью. Торговцы, лоточники, зеленщики с их тележками, нагруженными овощами и фруктами, — все здесь работают от зари до зари, а зарабатывают гроши.

* *

*

Больше всего народу на улице Хуссайн-Алам грудится возле Чарминара, где торгуют браслетами. Браслетами здесь завалены лавки, забиты витрины. Снимай чувяки, покупатель, садись, поджав ноги, на мягкий коврик, и хозяин лавки выложит весь свой товар, от которого зарядит в глазах. Здесь всякий может подобрать что-нибудь по вкусу.

Производство браслетов идет тут же. Вдоль стен лавок сидят перед глиняными корчагами мастера. В корчагах тлеют

уголья. Взяв кусочки белой глины, мастера разогревают их над корчагами, делают длинные колбаски и намертво прилаживают к двум желтым стеклянным кольцам — основе браслета. Горячую глину и раскаленные кольца голыми руками не удержать, для этого есть особые палочки-держалки.

Когда браслет вчерне готов, начинается самый трудоемкий и ответственный процесс. Мастер придвигает к себе пиалу с разноцветными стеклянными бусинками, захватывает их особыми щипчиками и, нанося одну за другой на горячую глину, лепит на поверхности браслета красивые узоры. Мастера зарабатывают неплохо — по три-пять рупий в день, но работа у них тяжелая и вредная.

ПАТХАРГАТТИ

Улица Патхаргатти, идущая на север,— главная артерия Старого города. На ней сосредоточено множество больших магазинов. Здесь орудуют крупные дельцы оптовики, ворочающие большими деньгами.

Патхаргатти сравнительно недавно расширили, покрыли асфальтом. На месте старых лавок теперь стоят громадные торговые ряды. Нижние этажи их заняты магазинами, а верхние, подпертые массивными колоннами, нависают над нижними, образуя широкие крытые галереи. В жару или ненастную погоду торговцы закрывают проемы между колоннами широкими парусиновыми заслонами, и галереи обращаются в прохладные тоннели, в которых, не затихая, кипит деловая жизнь.

На Патхаргатти за покупателями продавцы ходят по пятам, советуют зайти в гот или иной магазин, где товары, по их словам, всего лучше. Если покупателя интересуют художественные изделия из серебра, которыми издавна славен Хайдарабад,— пожалуйста, его ведут в серебряный ряд. Нужно золотое колечко жене? Зачем же тогда сидят ювелиры у своих витрин, заваленных золотыми изделиями и альбомами, по которым они сделают все что угодно! Мусульманские чувяки с загнутыми носками, турецкие фески? Пожалуйста! Все есть на Патхаргатти, были бы только деньги.

Прежде всего покупателя атакует, так сказать, легкая кавалерия — продавцы всякой мелочи. На тротуаре, где навалом лежат старые книжки на всех языках Индии, его то и дело останавливают лоточники и разносчики и предлагают авторучки, гребенки, игрушки, воздушные шары, свистульки, тонкие веревочки для завязывания шаровар.

Настойчивость торговцев мелочью понятна. Их много, а покупатели редки и расчетливы.

На Патхаргатти в крупных магазинах можно приобрести отличную обувь заграничных и местных фирм, можно купить

зонты, сундуки, заказать и сшить все что угодно. Есть здесь старинный магазин, на вывеске которого арабскими буквами написано: «Шахи Халваи», что значит — королевский поставщик кондитерских изделий. Совсем недавно магазин поставлял свою продукцию самому низаму и его семье. Однако старик кондитер умер, а наследники, вместо гхи — чистого топленого масла, неизменной составной части индийских сладостей, — стали пускать в ход растительные масла и сразу растеряли всех клиентов. За хорошими индийскими сладостями теперь надо ехать в Новый город, к кондитеру Пулла Редди.

Но чем знаменита улица Патхаргатти — так это торговлей тканями. Куда ни глянешь — всюду крупные надписи на английском, телугу, урду, маратхи и хинди, которые вещают о необыкновенных бенаресских сари, английских и индийских габардинах и твидах, о шерсти, шелке, муслине и множестве других тканей. Здесь можно воочию видеть, как разнообразна и красива продукция индийских кустарей и ткацких фабрик. Особенно хороши яркие хлопчатобумажные ткани, которые к тому же сравнительно недороги.

Все лавки на Патхаргатти выглядят одинаково. Снаружи их висят полотнища красивых сари. Вечерами вспыхивают неоновые огни, горланят патефоны. У входа в лавку, на белой простыне с высокими подушками по бокам, сидит хозяин. Он трудится над счетной книгой, а рядом — привыкающий к делу глазастый наследник. Под фёнами — большими потолочными вентиляторами — покупателей обхаживают ловкие, оборотистые приказчики, за суетливостью которых пристально наблюдают сквозь сизый чад агрбатти¹ Ганеш — бог торговцев и Лакшми — богиня удачи. С другой стороны с них не спускает глаз украшенный гирляндами портрет основателя фирмы. Если магазин принадлежит членам мусульманской секты исмаилитов, то в нем висит портрет их «живого бога» молодого Ага Хана, а также изречения из Корана.

В лавках всегда много народу. Сюда приходят за покупками целыми семьями. Сбросив с ног туфли, люди подолгу сидят перед прилавками с яркими тканями, обсуждают их качество, пьют чай, соки и лимонад.

Во многих лавках на Патхаргатти есть особые отделения для женщин, соблюдающих парду². Из сплошного потока машин, велорикш и велосипедов, несущихся по широкой улице, то и дело вывертывается какой-нибудь ловкий рикша и останавливает свою трехколесную коляску перед лавкой. Если над сиденьем коляски поднят легкий козух, а перед козуха зата-

¹ Агрбатти — ароматические курения, похожие на ладан.

² То есть носящих паранджу.

пуг матерней, тотчас же раздается команда хозяина. Двое-трое парней, выбежав из лавки, мигом протягивают от ее входа две длинные шторы, скользящие на кольцах по натянутой проволоке, и обхватывают ими сиденье коляски. Образуется полотняный коридор. Из колясок выходят женщины; видно, как мелькают их ноги, обутые в сандалии, как задевают они локтями за парусину. Молодцы задергивают шторы — женщины уже в магазине. Они сидят в затянutom материей уголке, куда не пускают мужчин, и выбирают ткани.

Если в лавке таких ширм нет, приказчики приносят ткани прямо к коляске, и женщины выбирают что им нужно, выглядывая из-за полога.

Соблюдающих парду женщин с каждым днем становится все меньше и меньше. Времена теперь пошли другие. Мусульманские женщины и девушки отказываются от своих буркаа и ходят с открытыми лицами в белых шароварах или ярких сари.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ИНДИЙСКОЙ КУХНЕ

На Патхаргатти есть много ресторанчиков, где можно пообедать или выпить чаю. Но лучше всего пойти в противоположный от Чарминара конец улицы, к Мадина Билдинг — четырехэтажному зданию с высокими маковками. Недавно весь доход от Мадина Билдинг (хозяева целиком сдают его в аренду под учреждения и жилье) шел в Саудовскую Аравию, на поддержание Мекки и Медины — мест, священных для мусульман всего мира. В нижних этажах здания — магазины и ресторан.

Иранцам принадлежит большинство ресторанов в Хайдарабаде. И в Мадина Билдинг тоже: за прилавком стоит тучный, заросший щетиной иранец. Над ним висит цветной портрет шахиншаха в военной форме.

Только сядешь за столик, как появляется разбитной парнишка в рубаше навывпуск. Парнишка грохнет на мраморный столик стаканы с водой, которые он носит по три или четыре, запустив в каждый из них по пальцу, и подождет заказа. Если чай заказан, он во все горло закричит: «До-о ча-е-е!» (две чашки чаю!) — и вскоре принесет иранского чая.

Чай в иранских ресторанах имеет какой-то своеобразный вкус. Говорят, иранцы долго варят чай вместе с молоком и, кроме того, прибавляют к нему ряд специй. Отведав чашечку такого чая, неудержимо хочется выпить вторую.

В ресторане Мадина Билдинг можно всегда заказать индийские блюда: мясные и вегетарианские. Лучшее из них — чикен бирияни — плов с курицей, сдобренный сложными, сильно приперченными приправами, которые дают удивитель-

ный вкусовой эффект. Новичок, съев несколько ложек бирияни с такой приправой, вдруг чувствует, что во рту у него разгорается жгучее пламя. Стараясь потушить это пламя, он широко разевает рот, дышит, словно рыба, выброшенная на берег. Из глаз льются слезы, неудержимо течет из носа... В конце концов, забыв обо всем на свете, посетитель хватает стакан с водой, минуту назад пренебрежительно отодвинутый им в сторону, и залпом выпивает его до дна. А потом, глядишь, и второй!

Более опытные в таких делах набрасываются на кислое молоко, чудодейственно гасящее пламя, разожженное во рту перцем.

Не довольствуясь приправами из перца, индийцы готовят так называемый ачар — смесь перца со всевозможными едкими компонентами. Смесь эту годами выдерживают и потом расходуют понемногу. Каждый готовит ачар по своему вкусу.

Не сразу привыкаешь к своеобразной острой пище индийцев, не сразу научишься есть бирияни без помощи вилки или ложки, подцепляя его кусочком лепешки. Но когда привыкнешь к приправам, к бирияни, без них пища кажется невкусной.

МУЗЕЙ САЛАРДЖАНГА

Как раз напротив Мадина Билдинг видны большие красные ворота. За воротами находится музей Саларджанга, все коллекции которого были собраны одним человеком — навабом Саларджанг Бахадур.

Наваб Саларджанг умер в 1949 году. После его кончины, в его хавели (дворце) Диване Девди, в загородном поместье Сурурнагар и дюжине других его дворцов, раскиданных по всему Хайдарабаду, остались обширные коллекции всяческих редкостей, собранных им со всего света.

Наваб обладал прямо-таки фантастическими богатствами: у него были обширные земельные владения, множество доходных домов. Располагая практически неограниченными средствами, он собрал неплохие коллекции произведений искусства Индии, Ирана, Турции, Бирмы, Китая, Японии, а также стран Европы.

После смерти бездетного наваба правительство Индии образовало специальный опекунский совет, чтобы распорядиться его несметным состоянием. Затем взялись и за произведения искусств, собранные навабом. Старинный Диван Девди, где жил и скончался наваб, был превращен в музей. Коллекции наваба стали достоянием народа.

Наваб жил широко. Его старый двухэтажный хавели — большое красное здание с окнами, забранными деревянными

решетками, — занимает целый квартал. Посередине хавели — обширный внутренний двор с фонтаном. В большом цементном аквариуме там плавают золотые рыбки, растут декоративные водяные растения. Здесь приятно посидеть в прохладе на балконе второго этажа или на скамьях возле аквариума.

Многочисленные залы Дивана Девди заполнены интересными экспонатами. Когда наваб ездил по Европе, собирая свои коллекции, основные сокровища мирового искусства успели уже прочно осесть в музеях. И все-таки ему удалось приобрести чудесные полотна Рубенса, Рафаэля, Боттичелли, Тициана и других славных мастеров кисти.

Но, как ни интересны европейские коллекции музея Саларджанга, гораздо более ценными являются его коллекции восточных миниатюр, исполненные старыми индийскими и иранскими мастерами, предметы обихода индийской знати, оружие, кустарные изделия, типичные для различных районов Индии. Экспонаты музея — неоценимое пособие для этнографов и историков, изучающих жизнь и быт, художественное наследие и военное искусство старой Индии.

Во флигелях музея сосредоточено уникальное собрание старинных рукописей на персидском, арабском, а также на дакхни, урду и других языках Южной Индии. Ученые Хайдарабада уже не один год трудятся над составлением каталога рукописей, а работе не видно конца. Поставленная на службу науке, эта часть собраний наваба принесет большую помощь в изучении литературного наследия поэтов и писателей Индии, а также Ирана, Турции и Аравии.

В СТАРЫХ МОХАЛЛА

Однако не Чарминар, не Хуссain-Алам и не Патхаргатти определяют истинный облик Старого города.

Стоит пройти согню шагов по любой боковой улочке, ведущей в сторону от центральных улиц, как вступаешь в совершенно другой мир, который заслоняют высокие здания фирменных магазинов и щиты ярких реклам. Это мохалла — жилые кварталы или слободы, где живет городской люд.

Четыре главные улицы, отходящие от Чарминара, Кутб Шахи и представители знати Голконды застроили дворцами, богатыми домами и магазинами, а все пространство вокруг заняли кривые улочки и переулки, где селился трудовой люд, ремесленники, сипаи и мелкие торговцы.

Мохалла — старинные жилые кварталы — почти в неприкосновенности сохранились в Хайдарабаде, особенно по его окраинам. Вдоль улочек мохалла теснятся глиняные домиш-

ки с подслеповатыми оконцами. У них низенькие двери, черепичная кровля. В дождливые сезоны такие крыши протекают. Иногда они заваливаются вместе со стенами. Бедность и нужда так, кажется, и глядят из оконцев этих домиков, в которых прожило не одно поколение хайдарабадцев.

В жаркую дневную пору на пыльных улицах мохалла народу мало. Кое-где играют дети. За ними присматривают девочки подростки в цветастых шароварах. В поисках прохлады слоняются буйволы. Горячий ветер чуть шевелит над крышами и деревьями мохалла зеленые флаги, вывешенные в честь какого-то святого. Над некоторыми домами выются сизые дымки. Стряпня идет на таганцах, где топливом служат кизячные лепешки. Хозяйки заготавливают их впрок, налепля для просушки на стены домов, на колодцы и каменные заборы. Зелени на улицах мохалла мало — она спрятана во внутренних дворах, за глиняными оградами.

В мохалла издавна размеренно текла жизнь, полная тяжелого труда, горя и забот, но вместе с тем удивительно интересная и не лишенная маленьких радостей и удовольствий, которые могли позволить себе бедняки.

Обитатели мохалла жили одной большой общиной, иногда занимались одним и тем же ремеслом. Возглавлял общину староста. В мохалла пришлый человек принимался не сразу. Виновных в нарушении общественного порядка изгоняли из общины.

В старину в каждой мохалла было определенное место, куда по вечерам сходились старики и уважаемые люди, чтобы покурить и потолковать о жизни. Обычно там устраивалась широкая каменная платформа с гладким верхом под тенистым деревом — наподобие среднеазиатской чайханы. Люди здесь отдыхали, играли в карты и кости, жевали бетель, курицу и супари (высушенные плоды арековой пальмы) и слушали выступления местных поэтов.

В мохалла имелись также акхары — борцовские площадки. Между пахлванами (борцами) соседних мохалла периодически происходили поединки, на которые собирались тысячи болельщиков. У каждого пахлвана были восторженные поклонники среди юношей и взрослых. Дети враждовали из-за своих любимцев. Мальчишку из соседнего района могли отколотить и заставить его повторить сто раз, что лучший пахлван во всем городе живет не в его мохалла, а в этой.

Декабрьской порой в небе над Хайдарабадом реяли тысячи патангов — воздушных змеев всех видов и размеров. Повсюду шли ожесточенные «воздушные бои» — патангбази. Опытные бойцы заранее толкли стекло, смешивая его со смолой. Полученным составом смазывали нитки и подсушивали их. Требовалось большое умение для того, чтобы подвести

снóй змéй под змéй протíвника, острой, как пила, ниткой резануть по нитке змея протíвника и заставить его упасть на землю. Ловкий «истребитель змеев» пользовался в своей мохалла всеобщим уважением. Ему кланялись даже старики и почтенные люди.

Центрами общественной жизни в мохалла были базары. Там день и ночь с шумом и гамом толкался народ. Люди занимались не только куплей-продажей, но и развлекались: одни стравливали на пари петухов, перепелов и прочую боевую птицу; знаменитые по всей Индии хайдарабадские мадари — фокусники и поводыри — показывали дрессированных медведей, мартышек, мангуст и змей; народные певцы пели песни, акробаты показывали трюки на врытом в землю столбе или на туго натянутой проволоке.

По улицам мохалла, по базарам ходили катыбы — писари. Бумагу и перья они носили в особых ящичках. Чернильницы у них болтались на веревочке у пояса или на шее. За небольшую мзду грамотей катыб писал неграмотному клиенту письмо, прошение или другой нужный документ. По уголкам базаров сидели гадалышки и предсказатели судеб, гадавшие на Қоране, ведах, на костях и многими другими способами. За медицинской помощью обращались к табибам — шарлатанам знахарям.

В Хайдарабате можно повсюду видеть глубокие, выбитые в скалистом грунте общественные колодцы. Их окружают невысокие каменные ограды. Вниз к воде ведут широкие лестницы с гранитными ступенями. В старину воду по домам мохалла разносили в кувшинах девушки хинду. У колодцев собирались посудачить женщины. Девушки тайком встречались здесь со своими воздыхателями.

Во многих мохалла, как и в центре Старого города, имелись конторы сахукаров — ростовщиков, которые под большие проценты ссужали деньги нуждавшимся. Мелким ростовничеством в Хайдарабате до недавних пор занимались чауши — арабы. Когда приходила пора уплаты долга и процентов, а у должника не было денег, ростовщики не останавливались ни перед чем, чтобы вырвать у него требуемую сумму.

Немаловажную роль в жизни горожан играли караван-сарай и дхармашалы — гостиницы. Они всегда бывали битком набиты всяким прохожим людом, купцами и паломниками. Рядом с караван-сараями имелись небольшие базары, на которых можно было купить любые съестные припасы, все — кроме молока. Молоко, как правило, покупали у молочника лишь тогда, когда он пригонял буйволицу прямо к крыльцу покупателя и доил животное на его глазах. (Только отвернись — молочник непременно подмешает в молоко воду!) Обычай этот в Хайдарабате сохранился до сих пор.

Жизнь в городе текла размеренно, по раз и навсегда заведенному порядку. Однообразие это нарушали лишь стихийные бедствия вроде наводнений, неурожая или эпидемий. Это часто влекло за собой голод и смерть многих тысяч людей. Настоящим бедствием для бедноты были войны, которые без конца затевали низамы.

И сейчас еще жизнь в Старом городе идет примерно так же, как и раньше, но, конечно, мохалла давным-давно потеряли свою замкнутость. Община разваливается, старые традиции постепенно забываются. С развитием образования, путей сообщения и усилением передвижения населения, мохалла — пережиток старины — отомрет совершенно.

ЗА ДЛИННЫМИ ОГРАДАМИ

В Старом городе, расположенном на северном берегу Муси, и даже в Сикандарабаде поражает обилие высоких и длинных оград, которые иногда охватывают целые кварталы. На эти ограды натыкаешься всюду — в центре города и в далеких пригородах. Ограды сделаны из крепко замешанной глины с соломой, либо из камня. Иногда по углам оград видны остатки боевых башен, накаты для пушек. Внутри их ведут большие ворота со створками, обшитыми крепким железом.

За этими оградами живут потомки крупных феодалов Хайдарабада. Городские и пригородные поместья и поныне носят пышные поэтические названия, но хайдарабадцы называют такие поместья хавели (дворцы). Хавели — немые свидетели былого могущества и богатства старой знати Хайдарабада. За их стенами еще совсем недавно шла жизнь, отстававшая от современности на целые века.

Большинству средних и мелких заминдаров и джагирдаров¹ Хайдарабада, конечно, не угнаться было за денежными принцами из семьи низамов, за Саларджангами или таким богачом, как Викар-уль-Умра, которые владели по существу целыми государствами в государстве. Но и они обладали немалыми средствами.

Феодалы Хайдарабада жили широко, с размахом, как маленькие царьки. У ворот их хавели, в караульных помещениях постоянно толклись вооруженные стражи. Рядом с караульными помещениями стояли на помосте барабаны. Иногда барабаны устанавливали в наубатханэ — специальные небольшие комнатах с открытыми окнами. Приставленные к наубатханэ люди по нескольку раз в день отмечали барабанным боем течение времени.

¹ Заминдар — феодал, владевший своей собственной землей. Джагирдар — владелец джагира — надела, данного сюзереном во временное пользование.

За каждой оградой стоял добротный большой дом с обширными внутренними покоем, верандами и балконами, загороженными цветными пологам. Хозяин, как правило, занимал передние покои, устеленные дорогими коврами и подушками. Здесь он принимал гостей, обедал с друзьями и мусаибами — приживальщиками.

Во время обеда слуги расстилали на полу дастархан — длинный ковер, на середину которого ставились блюда с яствами. Гости и хозяин садились на чистые простыни, ставили перед собой тарелки, и каждый, согласно своему вкусу и аппетиту, загребал из общей посуды черпачком. Чем больше гостей садилось ежедневно вместе с хозяином у его дастархана, тем больше ему было почета.

Женская половина семьи феодала жила в особой части здания, где всегда имелся внутренний дворик с розарием и фонтанами. Женщины, начиная с десяти лет, проводили тут всю жизнь, не показываясь на глаза посторонним мужчинам.

В женской половине свисали с потолка широкие качели. Ими главным образом и развлекались пленницы гаремов. Качели часто имелись и в чамане — садике во внутреннем дворе, где проходила большая часть жизни женщин. Чаман непременно упоминается в каждой любовной индийской поэме.

В душевные дни февраля — мая семьи богатых хайдарабадцев проводили время на крыше жилища. С заходом солнца, однако, всех девушек невест отправляли внутрь помещения. По поверьям, на них могли наслать порчу, влюбить в себя и даже унести дэвы — добрые и злые духи, которые с заходом солнца прилетают с Кавказских гор и реют на серебряных крыльях над всей Индией.

Все домашние работы в хавели выполняла бесчисленная челядь. На кухне постоянно дымили очаги. Там стояли на таганах черные котлы с варевом. На железных листах пеклись лепешки, которые тут заменяют хлеб. Отдельно готовились сладости, в которые раньше любили добавлять мускус.

Во дворах работали у колодцев бычки. Вода по канавкам текла в манговый сад, к каменным корытам для скотины. Здесь же были и каретник с колымагами и обширные, полные припасов склады. Старая знать Хайдарабада понимала толк в голубях, и нередко во дворах можно было видеть высокие затейливые голубятни с сотнями породистых голубей.

Где-нибудь в сторонке находился и слоновник. Слон для феодала был все равно что лимузин для теперешнего управляющего банком. На нем совершались выезды в город и на охоту. В праздничные дни хобот и голову слона раскрашивали яркими красками, надевали на слона богатую сбрую с колокольчиками и громадными бляхами, а на спину ставили хоудах — красиво убранную беседку.

Когда-то громадные манговые сады Хайдарабада составляли гордость и славу княжества. Некоторые из манговых садов сохранились до наших дней. В своем увлечении садоводством, богатые хайдарабадцы следовали примеру Великих Моголов. За сотни лет отбора, в результате скрещиваний и прививок, в Индии было выведено свыше трехсот сортов манго, обладающих тонкими вкусовыми оттенками. Кроме манго в хайдарабадских садах во множестве росли гранаты, вился по деревянным жердям виноград, зрели дыни и арбузы.

Жизнь крестьян андхра, трудом которых поддерживалось величие хавели хайдарабадских богачей и за чей счет набивалась казна низама, была нелегкой, исполненной труда и лишений. Хайдарабад, как и Голконда, расцвел за счет нищеты и разорения миллионов ремесленников и крестьян.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

1947 год был переломным в судьбах Хайдарабада. Низам был отстранен от власти, а его княжество включено в состав республики. Низам и реакционные феодалы отдали власть после недолгой, но ожесточенной борьбы с народом и войсками центрального правительства.

Джагирдары, которые вместе с низамом вершили судьбами огромного государства, оказались не у дел. У них была отнята кормушка — джагиры, из которых их отцы, деды и прадеды веками безмятежно черпали огромные средства. И это сразу же нанесло очень сильный удар феодализму, который искусственно сохранялся в княжестве. Феодалные порядки со всеми их отвратительными проявлениями начали стремительно отступать.

Судьба сыграла злую шутку с джагирدارами. Лишенные привычных несправедливых доходов, многие из них оказались в весьма незавидном положении, очень близком к положению тех, за счет кого они так долго жили. Мелкие джагирдары пострадали особенно сильно. Пенсии им были назначены небольшие, а они не привыкли работать. Им приходится распродавать сохранившееся имущество.

Те из джагирдаров, которые не позаботились в свое время о приобретении профессии, работают в конторах клерками, зарабатывая по сорок-сто рупий в месяц. Иные из них гоняют по улицам Хайдарабада коляски рикш, а некоторые оказались на самом дне жизни.

С упадком феодализма и старой знати сразу же потерял свое значение и Старый город. Он стал заповедником старинных архитектурных памятников периода Кутб Шахов и низамов. Большие хавели нередко стоят сейчас заколоченные, разваливаясь и темнея от ветра и дождей.

НОВЫЙ ГОРОД

Новый город вырос в основном при англичанах. Он шагнул далеко на север — до озера Хуссайнсагар и до гранитного холма Наубатпахар, с вершины которого глашатаи под бой барабанов и рев труб объявляли хайдарабадцам волю низама. Он занимает обширную территорию в двадцать пять квадратных километров.

РЕКА МУСИ

Старую и новую части Хайдарабада разделяет река Муси. Большую часть года Муси, обратившись в ручей, журчит меж каменных глыб и заросших кувшинками островков, которыми сплошь усеяно ее ложе. На берегу реки, у подножий каменных набережных, зеленеют изумрудно-зеленые квадратики рисовых полей, буйно растут высокие травы. На мелких местах, высунув из воды тяжелые черные головы с белесыми, изумленно вытаращенными глупыми глазами, нежатся буйволы. По их спинам с хохотом и визгом скачут ребятишки.

Берега Муси — царство дхоби (прачек). Стоя по колено в воде, дхоби с утра до вечера хлещет по камням тугими жгутами белья, полощет его. Рядом на нежарком, но дымном кизячном огне стоят закопченные котлы — в них кипятят грязное белье. Выстиранные цветастые сари и белые рубашки тут же расстилаются на раскаленных солнцем камнях. Белье сохнет почти мгновенно.

На берегу Муси есть низина Чадергхат. Речной песок в низине густо перемешан с леплом, обгорелыми щепками и костями. Среди прокаленных солнцем гранитных глыб видны грубо сложенные каменные платформы, полуразвалившиеся беседки. Здесь находится шмашангах — городской крематорий.

В царстве мертвых всегдалюдно. Бронзовые полуобнаженные люди в белом теснятся у платформ, совершают обряды.

Темными вечерами на Чадергхате догорают большие кострища. Ветер раздувает их, подхватив крупные яркие искры, взмывает ввысь и гасит в темной спящей воде. Это гаснут погребальные костры хайдарабадцев, исповедующих хиндуизм.

Но не всегда спокойна Муси. В пору муссонов она вспухает, и воды ее стремительно несутся в каменном русле. Тогда недолго и до беды. На берегу Муси стоит большое тамариновое дерево с прибитой к нему дощечкой, где написано, что

во время страшного наводнения в 1908 году на нем спаслось от гибели полтораста хайдарабадцев. Наводнение 1908 года было действительно страшным. В водах реки тогда утонуло три тысячи человек и было разрушено двадцать четыре тысячи городских построек.

Через Муси перекинута четыре больших моста. Самый старый из них — Пурана пул (Старый мост), связывающий улицу Хусайн-Алам с Голкондой. Он был построен три с половиной века назад.

Однако для того чтобы перебраться через Муси, хайдарабадцы обычно пользуются большим мостом Ная пул (Новый мост), который соединяет улицу Патхаргатти с Афзалганджем — левобережным деловым районом Нового города. С моста Ная пул хорошо видны оба берега, сплошь закованые в высокие каменные стены набережных с зубчатыми перилами. Город словно обороняется ими от своенравной и коварной в паводок реки. На набережных раскинулись так называемые Могольские сады с аккуратными газонами, дорожками и густыми деревьями. По обеим берегам высятся два крупных здания в индо-сараценском стиле. Это Османия госпитал — городская больница и Верховный суд штата Андхра-Прадеш. Их высокие купола и минареты четко рисуются в вечно голубом небе Андхры.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Служилые люди, пришедшие в свое время на Декан вместе с Бахманидами, Кутб Шахами и низамами, принесли с собой своеобразную культуру, распространенную в Северной Индии, в основном в районе Дели. В Хайдарабаде они осели в самой столице, став ее коренными жителями, расселились в других немногочисленных городах княжества.

Голконда и Старый город видели многих более поздних пришельцев, которые служили Кутб Шахам, а затем позднее — низамам. Иные из них уходили, другие (а таких было большинство) растворились среди местного населения. Именно такая судьба постигла персов, турок, арабов, афганцев и выходцев из других стран Востока, которые навсегда осели в здешних местах.

Интересно проследить судьбу португальцев, французов и чаушей (арабов), которых в свое время было немало в Хайдарабаде.

В старину на одной из окраин Старого города отдельной слободой жили португалы — купцы и офицеры артиллерии низама. В слободе сохранилась их маленькая церковка Скорбящей Богородицы, в которой и посейчас бывает служба. Церковь украшают старинные фрески, фигуры святых и боль-

шое панно, где изображен Христос, снятый с креста. Стены ее отделаны старинным желтоватым алебастром.

Португальцев в Хайдарабаде теперь не осталось. Они совершенно слились с местным населением. Напоминанием о них служат проживающие в городе индийцы католики с португальскими именами вроде де Суза, Перейра и Фернес.

В середине XVIII века, в разгар борьбы между англичанами и французами за Индию, на службе у низама Хайдарабада состояли целые французские бригады, числом до тридцати тысяч бойцов. Большинство французов вернулись на родину. Некоторая их часть осела в районе Пондишери, а те, кто остались в Хайдарабаде, подобно португальцам, растворились среди местного населения. В городе и сейчас можно встретить людей, которые носят французские фамилии, но не знают ни слова по-французски.

Недалеко от Хайдарабада есть большое старинное заброшенное кладбище. Поросшее сухими кустарниками и чертополохом, унылое, кочкастое, оно сплошь утыкано поставленными торчком камнями с арабскими письменами. Это кладбище чаушей.

Чауши — неустрашимые воины — в старину служили наемниками в армии низама, его гвардии и личной охране. Им поручали охрану транспортов с деньгами или ценными грузами. В Старом городе чауши занимали целый квартал. В 1947 году в Хайдарабаде их проживало около тридцати тысяч. Однако сейчас большинство чаушей уехали в арабские страны.

Персы, турки, арабы, португальцы и французы — все они оставили в Хайдарабаде (в основном — в Старом городе) следы своего пребывания. Их влияние испытали на себе местные языки, архитектура и литература. Но свыше полутора столетий тому назад в княжество явились новые пришельцы — англичане, с которыми хайдарабадцы до тех пор имели мало дела.

К началу XIX века англичане успели создать в Индии целую колониальную империю. В руках у них оказались богатая Бенгалия, обширные районы вокруг Бомбея и Мадраса. Их верным вассалом стал раджа Траванкора — княжества на крайнем юге Декана.

В ожесточенных битвах за Декан англичане сначала разгромили Майсур, затем Махараштру — сильнейшие независимые государства на Декане. Низам Хайдарабада ценой предательства удержался на троне.

Англичане отняли у него часть территорий на юге и западе и всю приморскую (восточную) часть Андхры. А в самом Хайдарабаде крепко и надолго сел английский резидент — до недавнего времени фактический хозяин княжества.

Хайдарабадцы начали селиться на северном берегу Муси давно. Здесь тоже возникали мохалла, росли высокие ограды вокруг хавели местной знати.

Едва перейдя мост Ная пул, сразу же попадешь в водоворот пешеходов, рикш, автомобилей и автобусов Афзалганджа — делового района Нового города. Полицейский, стоящий на бочке в середине небольшой площади, едва успевает дирижировать этим говорящим, звенящим и гудящим потоком.

Среди верениц велосипедов, рикш и машин, густо дымя, ползут огромные двухэтажные автобусы — они идут на север, до самого Сикандарабада. С верхнего этажа такого автобуса видны быстро мелькающие витрины магазинов и лавок, красочные щиты рекламы, островки бензозаправочных колонок с эмблемами заграничных фирм, здания колледжей.

Начав свой путь у Ная пул, автобус пересекает самые оживленные районы Нового города — рынок Муззамджахи маркет, торговые улицы Абид-роуд, Баширбаг-роуд и подходит к южному берегу озера Хуссайнсагар. Линия его маршрута как бы делит Новый город на две равные половины: восточную и западную.

В восточной части Нового города находятся Резиденси и Котхи — центры, откуда совсем недавно осуществлялась власть над княжеством.

Если от моста Ная пул поехать вправо, по улице Путли-Бавли, то вскоре среди живописных разностильных домов можно увидеть типичную английскую часовую башню. Напротив башни поднимается массивная желтая ограда, из-за которой выглядывают высокие деревья. Вечером из ворот гуськом выезжают автомобили, рикши и тонги, в которых сидят девушки с книжками. Здесь находится женский колледж Османского университета. В колледже учится полторы тысячи хайдарабадских девушек, перед которыми впервые в истории Индии открылись двери к образованию.

Внутри ограды, среди аккуратно подстриженных газонов, стоит весьма внушительный, украшенный колоннадой дворец в английском стиле. До 1947 года дворец носил название Резиденси. Здесь была штаб-квартира английских резидентов в Хайдарабаде.

Сейчас в обширных залах и помещениях Резиденси размещены классы с учебными досками и партами, а парадный центральный зал, в котором совсем недавно резидент устраи-

вал пышные приемы, стал местом собраний всевозможных женских обществ и ассоциаций города. Перемена эта весьма знаменательна — в Индии закладываются основы окончательного раскрепощения женщины, недавно лишенной элементарных человеческих прав.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ НИЗАМОВ

В районе Хайдаргуды на улице Котхи-роуд есть большой квартал, огороженный высокой стеной. У главных ворот день и ночь толкутся сипаи. Все они в старой хайдарабадской военной форме и тюрбанах с высокими султанами. На ремнях у них патронташи, в руках старые винтовки. Одни из сипаев стоят у ворот на часах, другие, разувшись, сняв ремни и сложив винтовки в грудку, будто это простые палки, отдыхают в караулке, толкуют о том о сем, играют в карты.

В обеденное время в ворота направляются целые процессии босоногих кули с большими подносами на головах. На подносах под желтыми колпаками — горячий, окрашенный шафраном бирияни и другие вкусные блюда. Туда то и дело ныряют запряженные крепкими мулами полувоенные крытые фургоны и автомобили, имеющие на номерах надпись: «Кинг котхи», что означает: «Дворец короля».

В Кинг котхи доживает свой век последний низам Хайдабада.

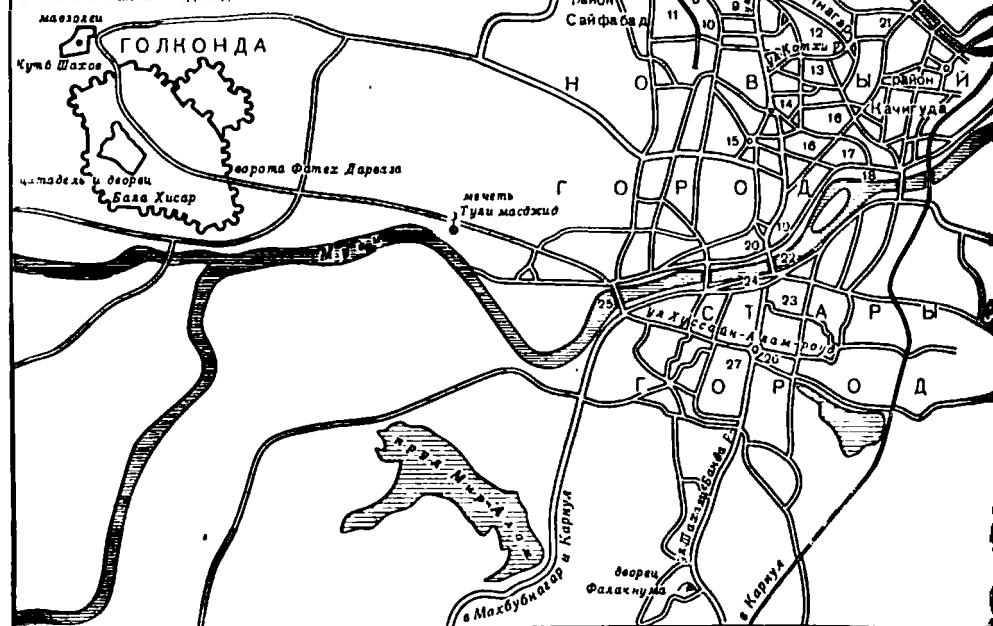
Низама можно иногда видеть, когда он проезжает по городу в большом черном автомобиле. Низам очень стар. Лицо у него дряблое, морщинистое. На нем турецкая феска с черной кистью, черный узкий ширвани¹ и белые шаровары, на ногах стоптанные шлепанцы. Следом за его лимузином часто следует хвост небольших автобусов, набитых молодыми людьми. Это так называемые хана-задэ — приемные дети низама. Хана-задэ около трехсот. На средства низама им дают элементарное образование, а по достижении совершеннолетия устраивают на работу.

Старец низам богат, очень богат. В его личной казне скопились сказочные богатства, в индийских и заграничных банках он держит громадные суммы денег. Все эти богатства, доставшиеся низаму от его предков и приумноженные им самим, выкачаны из нищих деревень Андхры, из торговых рядов Патхаргатти, из многочисленных предприятий и доходных домов, которыми низам владеет до сих пор. И сказочному его богатству вполне соответствуют его скaredность и скупость, анекдоты о которых ходят по всему миру.

¹ Ширвани — длинный однобортный сюртук со стоячим воротником.

Номера на карте обозначены

- 1 Английский клуб
- 2 Ипподром
- 3 Пляцпарад
- 4 Больница Кинг Эдвардс-Мемориал
- 5 Монетный двор
- 6 Секретариат
- 7 Холм Наубатпахар
- 8 Законодательная ассамблея
- 9 Фатех майдан (Поле победы)
- 10 Городской парк
- 11 Район Ред-Хиллз
- 12 Район Хайдаргуда
- 13 Кинг котхи (резиденция низама)
- 14 Ул. Абид-роуд
- 15 Базар Муаззамдхаки маркет
- 16 Ул. Путли-Бавли
- 17 Резиденси
- 18 Чадегхат (крематорий)
- 19 Городская библиотека
- 20 Больница Османья госпитал
- 21 Район Нараянгуда
- 22 Ная пул (Новый мост)
- 23 Музей Салердканга
- 24 Верховный суд
- 25 Пурана пул (Старый мост)
- 26 Чарминар
- 27 Мечеть Манки масджид

Схематический план г. Хайдарабад

По-разному относятся хайдарабадцы к бывшему своему владыке. Одни говорят о нем с величайшим почтением, другие с усмешкой, третьи с неподдельной ненавистью.

В 1947 году, после неудачной попытки отстоять свою авторитарную власть, низам, удовлетворившись «небольшим» отступным в пять миллионов рупий в год, ушел от дел и уединился в Кинг котхи. Там и живет он в окружении многочисленной челяди — живой осколок средневековья, чудом уцелевший в век спутников.

За высокими стенами Кинг котхи дотлевает жизнь, рассказы о которой могут показаться вымыслом.

Только уродливый феодальный строй мог породить таких изощренных самодуров, таких жестоких и коварных людей, как хайдарабадские низамы. Спесивые и надменные, они когда-то претендовали на звание преемников Великих Моголов и, не располагая реальными силами, прославились как вероломные интриганы, на слово которых невозможно положиться. По сей день помнят народы Индии о великом предательстве, которое совершили перед ними в корыстных интересах низамы, оказав поддержку англичанам в их войнах по завоеванию Декана.

Какими были они в личной жизни?

Махбуб Али Паша — отец нынешнего низама, по общему мнению хайдарабадцев, был самым капризным человеком в мире. Неограниченный владыка страны, он жил среди сонма визирей, чиновников, мусаибов, слуг и прислужников. И все эти люди должны были выполнять малейшую прихоть низама.

Вдруг низаму приходила в голову идея отправиться на охоту. Отдавался приказ: приготовить слонов, людей, охотников, палатки, припасы и оружие — и живо! Через несколько часов бешеной суматохи у подъезда его дворца выстраивалась процессия. Слоны, конная охрана, слуги и псы со сворами собак ожидали выхода низама. Но мысли и идеи улетучивались из праздной головы низама так же быстро, как и появлялись. Зачастую, едва успев отдать приказ, он благополучно забывал о нем.

И день и два люди и животные маялись на солнцепеке. Никто не решался сдвинуться с места. Напоминать о чем-нибудь низаму считалось крайне неприличным, и, может быть, лишь на третьи сутки главный визирь отваживался между делом напомнить низаму об изъявленном им желании поехать на охоту. Если его величество говорило да — процессия направлялась за город, если нет — охота отменялась.

В своих роскошных дворцах низам принимал королей. Среди них был такой же самодур и сумасброд, как Николай Романов — наследник русского трона. Хайдарабадские люби-

тели редкостей сохранили в своих коллекциях пригласительные билеты на торжественный прием в честь сего августейшего гостя.

Служба мусаибов (придворных) была адской. Махбуб Али Паша, очевидно, не подозревал о том, что ночь предназначена для сна, а день для бодрствования. Он мог в любую минуту позвать мусаибов, чтобы те растолковали приснившийся ему сон или почитали сказку на сон грядущий. Низам мог приказать какому-нибудь поседевшему на службе мусаибу сходить за чем-нибудь и крикнуть вдогонку: «Живей, бегом!» И мусаиб бежал, да еще как бежал! Но за свое усердие мусаибы щедро оплачивались, а в дни праздников «со стола щедрости низама» им подносились богатые подарки.

Примерно так же живет и нынешний дряхлеющий низам. Он тоже окружен мусаибами. В большинстве это теологи, схоласты, ревнители старины — как правило, хитрые льстецы, служащие низаму ради сладкого куска.

За последние годы в городе было много аукционов, на которых низам распродал свое имущество — начиная от садов и домов и кончая предметами утвари и посудой. Доверенные низама из мусаибов при этом бессовестно надували своего владыку, присваивая большие суммы. В своей жажде погреть руки возле богатств низама, мусаибы то действуют дружной сворой, то готовы перервать друг другу глотки.

Все низамы были многоженцами. Для них не существовало парды. Любую приглянувшуюся женщину они могли безо всяких церемоний забрать в свой гарем.

Этим правом пользовался и нынешний низам. Именно таким способом составил он свой обширный гарем. Красивые женщины боялись попадаться ему на глаза. Женские покои во дворце низама были пожизненной тюрьмой, где его жен одевали и кормили, но где до них никому не было дела. Многих своих жен низам не знал по имени. К той из них, с которой низам собирался провести ночь, мусаибы приносили вечером ожерелье. Ожерелье это потом отбиралось.

До недавнего времени у почтенного старца было ни много ни мало триста жен, первых красавиц государства.

В недавнем прошлом у низама можно было испросить аудиенцию, заплатив за визит золотое ашрафи — так требует старинный обычай. Но сейчас он никого не принимает, отговариваясь тем, что стал стар.

Отстраненный от кормила правления низам, как и в былые времена, издает время от времени фирманы (указы), которые он собственноручно пишет на персидском языке. Низам любит позабавиться сочинением стихов. Он открывает новые мечети, храмы и церкви, произнося при этом прочувственные речи о необходимости укрепления слабеющей веры.

Немало хлопот задают бывшему монарху его сыновья и внуки. Недавно они объединились, требуя от низама повышения полагающихся им пенсий.

В 1960 году Хайдарабад был свидетелем весьма бурного джалуса — демонстрации, устроенной потомками слуг, сипаев и чиновников, служивших низамам. Согласно старинному обычаю, низамы назначали своим старым слугам пожизненные пенсии, считавшиеся наследственными. Однако последний из низамов отказался платить их под тем предлогом, что «он сам стал нищим». Еще раз подтвердив участникам джалуса свой отказ платить пенсии, низам в специальном фирмане грозил им суровыми карами.

Так доживает свой век в Кинг котхи последний из низамов Хайдарабада.

Восточная часть Нового города ныне утратила значение политического и административного центра. За последние годы таким центром стали северо-западные районы Сайфабад и Хайратабад, примыкающие к пруду Хуссейнсагар и холмам Банджара-Хиллз.

ЗАПАДНЫЙ РАЙОН НОВОГО ГОРОДА

Наубатпахар находится на южном берегу пруда Хуссейнсагар. Это высшая точка Хайдарабада. На холм из искристо-серого гранита взобраться не так-то легко. Каменотесы при помощи клиньев и молотов откалывают у подножия аккуратные квадратные блоки — основной строительный материал в городе, тут же подравнивают их и увозят. Здесь еще можно идти в ботинках, но по гладкому крутому склону холма лучше подниматься босиком, иначе можно поскользнуться, и тогда не миновать беды.

С вершины Наубатпахара, где стоит облитая солнечным светом изящная белая беседка, открывается величественная панорама Хайдарабада. На юге, у подножия Наубатпахара, большим зеленым пятном выделяется Фатех майдан (Поле победы). Некогда здесь стояли войска Аурангзеба, перед тем как двинуться на осаду Голконды. Во время национальных праздников на Фатех майдане происходят многолюдные городские собрания и митинги.

Рядом с Фатех майданом видны высокие ворота: это вход в Паблик гарден — главный городской парк. Среди тенистых деревьев парка находятся хороший краеведческий музей и зоопарк. Сбоку высится белоснежное здание Законодательной ассамблеи штата. Из места гуляний чопорных англичан и местной знати Паблик гарден превратился ныне в любимое место отдыха хайдарабадцев и их детворы.

На севере от Наубатпахара видны трубы большой электростанции и монетный двор. На левом берегу озера — роскошные резиденции генерал-губернатора штата и главного министра, Секретариат и другие государственные учреждения.

В западной части Нового города сосредоточены колледжи Османского университета, школы, отели, рестораны, дворцы состоятельных хайдарабадцев и Радиевый институт по лечению рака. Здесь же находится старейшее учебное заведение города Низам колледж, в актовом зале которого до сих пор висит множество портретов британских джентльменов. Это ректоры, заведовавшие в разное время колледжем.

НИРМАЛ ИНДАСТРИ

В магазинах Хайдарабада можно часто найти любопытные кустарные изделия: вогнутые деревянные диски на подставочках, чашки, пиалы, подносы. Все они расписаны цветами и узорами, которые ярко выделяются на сияющей черни основного фона. В магазинах продают низенькие столики и даже целые мебельные гарнитуры с той же росписью на черном фоне, копии фресок Аджанты и Эйлоры, мифологические сцены.

На черных дощечках — птицы, звери, травы и растения, изящные человеческие фигурки. В грациозном танце изогнула гибкий стан юная танцовщица. Под бой своего барабана танцует барабанщик. Все эти маленькие шедевры вышли из рук мастеров художественной мастерской Нирмал Индастри.

Еще четыреста лет назад жители небольшой деревни Нирмал в теперешнем адилабадском районе Андхра-Прадеш мастерили на продажу игрушки из легкой податливой древесины местных пород деревьев бургу и пунки.

Деревянные заготовки покрывали клейкой массой из перемолотых семян тамаринда, а затем их раскрашивали в пестрые веселые цвета натуральными красками. Игрушки получались красивые, легкие и прочные. В убогих хижинах нирмальных кустарей, словно по волшебству, рождались райские птицы, фрукты и овощи, небольшие изящные подносы и множество других изделий.

Древнее искусство нирмальных умельцев, совсем было заглохшее, лет десять назад обрело новую жизнь в работах государственной ремесленной мастерской Нирмал Индастри, которые получили широкую известность в Индии.

Нирмал Индастри помещается недалеко от Наубатпахара. В ее выставочном зале на столиках выложено множество привлекательных вещей, которые охотно раскупаются посетителями. А если зайти за циновки в глубь здания, то там можно

увидеть сидящих на полу мастеров, занятых изготовлением маленьких шедевров. Одни из них грунтуют дощечки или особый прессованный картон, другие покрывают их черным лаком, третьи по бумажным трафаретам наносят на заготовки контуры рисунков и прочерчивают линии.

В конце концов заготовки попадают в руки художников, которые и выполняют главную работу — наполняют формы красками. Готовые изделия покрываются особо прочным лаком, благодаря которому изображение приобретает прочность и стойкость.

Художники Нирмал Индастри внесли в древнее искусство еще одну «свою» черточку: они часто применяют особую позолоту, которая готовится из растительных соков и совершенно не блекнет со временем.

Работа мастеров Нирмал Индастри нелегкая. Она требует большого терпения и умения. В особом шкафчике выставочного зала мастерской экспонированы точные копии знаменитых могольских, раджастханских и кангрских миниатюр. Чтобы рассмотреть их тончайшие детали, требуется увеличительное стекло.

БАНДЖАРА-ХИЛЛЗ

В километре от западного берега Хуссайнсагара вздымаются каменные холмы Банджара-Хиллз, сплошь застроенные загородными виллами. Там цветут сады, тянутся к небу кипарисы. По склонам холмов вьется шоссе, связывающее Банджара-Хиллз с Хайдарабадом и Сикандарабадом.

Еще полтора века назад в бедняцких мохалла на месте теперешнего района Хайратабад вездесущие и всезнающие ребятишки издавали порой ликующий клич:

— Банджара пришли! Банджара!

Тотчас же вся мохалла приходила в движение. И стар и млад торопились к голым каменным холмам над древним Хуссайнсагаром. А там уже разгорались дымные костры, оттуда доносились пронзительные песни, гортанные возгласы, плач и крики детей, рев скотины. Это явился табор кочующего племени банджара и стал на ночлег на каменных холмах вблизи города, где они останавливались испокон веков.

С севера прибывали все новые и новые партии банджара. Усталые бычки тащили на спинах тяжелые мешки с зерном, волокли немилосердно скрипящие арбы с поклажей и бочками с арракой — местным вином. За арбами с криками, песнями и смехом шагали запыленные плечистые мужчины. На них тюрбаны и дхоти, в ушах крупные серьги, у поясов сабли, в руках длинные копыя.

Следом шли женщины в красных до пят юбках, украшенных множеством блесток. Чоли — тугие блузки — у них сшиты

из разноцветных ярких лоскутов и тоже пересыпаны блестками. На голове орна — красные яркие накладки. Но главное украшение женщин банджара — богатые ожерелья на груди и бесчисленные браслеты: от предплечья до кисти. Серебряные браслеты звенят и на ногах. В носу сверкают золотые колечки.

Хайдарабадцы с интересом смотрели, как прибывшие банджара устанавливают вокруг свои арбы, ставят шатры, разжигают костры и вешают над ними черные котлы. Приход банджара означал, что завтра здесь откроется огромное торжище, на котором можно будет купить все необходимое и увидеть массу интересных вещей. Ибо издревле банджара — торговое племя — жили перевозками зерна и других товаров туда, где их не доставало. Продавали они свои товары, в частности, сипаям. Дело в том, что сипаи феодальных армий Индии в то время не получали казенного довольствия. Воины получали лишь деньги и кормились, покупая провиант на базарах. И тут-то выступали на сцену банджара.

Таборы банджара неотступно следовали за воюющими армиями по бескрайним просторам Индии. Очень часто банджара сбивались в большие группы по несколько тысяч человек и кочевали вместе с женами, детьми, повозками, всем своим скарбом и товарами. Привозя издалека зерно, они втридорога продавали его на армейских базарах. Для приобретения зерна — основного провианта в те дни — банджара не колеблясь пускали в ход силу. Порой им приходилось выдерживать настоящие сражения с местными жителями, не желавшими уступать свое добро, или с другим табором.

Банджара были, вероятно, самым ненадежным «интендантством» на свете. Вместе со всеми своими товарами они немедленно перекочевывали к тому из противников, на чьих базарах цены на провиант оказывались вдруг выше.

Торговые караваны банджара бесследно исчезли после того, как в Индии появились железные дороги и по ним начались массовые грузовые перевозки. Кочевые торговцы превратились в поденщиков, которые работают ныне на полях помещиков Андхры. В Индии насчитывается около трехсот тысяч банджара, и большинство их живет в районе Махбубнагара (Андхра).

Переменились времена, но холмы на северо-западе Хайдарабада народ по-прежнему называет Банджара-Хиллз (горы банджара).

* * *

До недавнего времени никто и не помышлял застраивать пустоши Банджара-Хиллз, но в 1931 году один из местных навабов — Мехди Наваз Джанг — построил там загородную виллу Кохистан (Горное жилище) и этим положил начало

интенсивному строительству на склонах каменных холмов. В настоящее время Банджара-Хиллз могут поспорить по красоте с известными Малабарскими холмами Бомбея. Здесь снимают квартиры почти все богатые иностранцы, останавливающиеся в Хайдарабаде.

Вилла Кохистан построена так, что она кажется неотъемлемой частью рассыпанных вокруг громадных камней. Эти камни служат ей стенами, и вход в нее напоминает лаз в пещеру. Но освещение и вентиляция в вилле очень хорошие, обстановка — изысканнейшая. В отношении удобств и комфорта Кохистан может поспорить с самыми современными жилыми зданиями.

СИКАНДАРАБАД

Город Сикандарабад находится к северу от Хайдарабада. Дорога к нему идет по широкой дамбе, которая образовала озеро Хуссайнсагар.

Дорога по дамбе отлично накатана. По ней шелестят шинами автомобили и педикебы. На правом краю дамбы рядами стоят деревья. Левый край обрывом спускается к воде озера. Здесь у чугунной балюстрады есть удобные беседки, скамьи. В жаркие дни у воды сравнительно прохладно, и тысячи людей приходят сюда поглядеть на панораму Банджара-Хиллз, на каменные острова в середине озера с сидящими на них чайками и грифами, на скользящие по синей воде яхты.

Во время муссонов вода, собирающаяся в чаше озера, сбрасывается за пределы дамбы на восток, где находятся густонаселенные районы Домалгуда и Кавадигуда. Для бедняков, живущих в глинобитных домиках у края протоки, это время полно грозной опасности.

В Сикандарабаде до 1947 года расквартировывались английские войска, которые были всегда готовы подкрепить волю высокопоставленного обитателя Резиденси ударом нескольких тысяч штыков и залпами королевской артиллерии. На Стейшен-роуд (Пристанционная улица) до сих пор видны приземистые, чисто побеленные стены английского форта с широкими круглыми угловыми башнями. Сейчас это обыкновенный жилой двор, заросший высокими деревьями; там всегда безлюдно.

Сикандарабад, выросший за полтора века вокруг форта, просторен и очень чист. Несколько широких зеленых улиц прорезает его кварталы, застроенные белоснежными жилыми домами с зелеными дворами. В Сикандарабаде сосредоточены европейского типа отели, большие кинотеатры, благоустроенные рынки, крупные банки и все прочие атрибуты европейского города.

До недавнего времени Сикандарабад был царством автомобилей и тонг — одноосных крытых колясок, запряженных тощими лошадками. Хозяева тонг всеми силами старались не допустить в Сикандарабад велорикш из Старого и Нового городов. Они отлично понимали, что их лошадки не в силах будут тягаться с трехколесными тележками, которые приводятся в движение босыми ногами людей.

Но в 1959 году пришел конец «монополии» тонг на улицах Сикандарабада. Рикши появились и здесь. В день, когда велорикши вступили в Сикандарабад, хозяева тонг, запрягши своих кормильцев, проследовали по городу в скорбной процессии. Истощенные, измученные лошадки и ободренные старые коляски красноречиво говорили о бедности их хозяев.

Не меньшее сочувствие вызывают, впрочем, и велорикши — люди, выполняющие лошадиную работу. Этим трудом в Хайдарабаде кормится около двухсот тысяч человек (сами рикши и их семьи). Вцепившись в руль, рикша целыми днями с огромным напряжением крутит педали, то и дело смахивая с лица пот висящим на раме полотенцем. Рикша тратит значительную часть своего скудного заработка на еду, и все-таки это не спасает его организм от преждевременного разрушения. Обычно рикша живет до тридцати лет, не больше.

Попытки запретить этот вид транспорта наталкиваются на ожесточенное сопротивление самих рикш. Для них велосипед — единственное средство существования. В городе на бирже труда зарегистрированы десятки тысяч безработных, а сколько таких, которые не зарегистрированы нигде?

ЧТО ОСТАЛОСЬ В ХАЙДАРАБАДЕ ОТ АНГЛИЧАН

Большая, широкая улица Сардар-Патель-роуд, идущая строго с запада на восток, отделяет южную жилую часть Сикандарабада от мест, где были некогда расквартированы войска колонизаторов. Северная часть Сикандарабада — старый военный городок с просторными полигонами, плацами, солдатскими бараками и отдельными бунгало, в которых жили старшие английские офицеры. Весь этот район теперь занят хайдарабадским гарнизоном индийской армии. На здешнем обширном Пярид Граунд — смотровом плаце — губернатор штата принимает парад войск в День независимости Индии.

В северном районе Сикандарабада можно найти два неизменных атрибута английского города — ипподром и Английский клуб. На ипподроме до сих пор каждую осень устраиваются скачки с тотализатором. В остальное время там сражаются в крикет одетые в белое джентльмены, старательно копирующие англичан.

Английский клуб — излюбленное место развлечений многих богатей города и иностранцев. Там можно искупаться в бассейне, поиграть в теннис. В обширных залах клуба, где некогда проводили время английские военные, стены увешаны знаками и геральдикой британских королевских частей, стоявших в городе. Там есть целая галерея портретов английских офицеров и генералов. В клубе подают английские блюда.

Члены Английского клуба, любящие путешествия, имеют одну привилегию: в любом пункте страны, где имеется филиал их клуба, с них возьмут за постой и равные услуги значительно меньше, чем с других туристов. Однако, чтобы стать членом клуба, нужно заплатить крупную сумму.

* * *

После 1947 года британский резидент навсегда покинул Хайдарабад. Словно ветром сдуло чиновников англичан, обитателей Сикандарабада. Одни уехали в Англию, другие в Австралию или Южно-Африканскую Республику, третьи поселились в Дарджилинге или Утакаунде (горные курорты Индии). Ушли пехотные, артиллерийские и кавалерийские части британской королевской армии.

Следы, оставленные в Хайдарабаде англичанами, проявляются в большом и малом: в структуре налогового аппарата, в применении неудобной английской системы мер и весов и во многом другом. Преподавание в школах и колледжах города до сих пор идет на английский манер. В Османском университете во время заседаний Ученого совета заведующие кафедрами и главы колледжей надевают длинные синие тоги, специальные шапочки и часами сидят в них в зале заседаний — как будто эти иноземные реликвии могут помочь решению университетских проблем. Система оценок тоже английская.

Как и везде в Индии, в Хайдарабаде широко распространен английский обычай устраивать так называемые гарден партиз — общественные приемы в парках и садах в вечернее время. В ходу ленчи — званые обеды и ужины, во время которых гости берут тарелки и едят стоя. При таких ленчах есть реальная возможность перекинуться парой слов почти со всеми присутствующими.

В Новом городе и Сикандарабаде масса христианских церквей разных толков. Особенно много англиканских. Их высокие колокольни лезут в небо сквозь гущи деревьев. Порой это небольшие, потемневшие от времени и дождей постройки, а иногда огромные соборы, способные вместить сотни молящихся. Сквозь узкие щели их звонниц видны колокола. В нишах над входами — неперменные изображения святых, которые укоризненно смотрят на редких прихожан.

Во время христианских церковных праздников над городами плывет резкий металлический звон, и тогда чаще, чем обычно, на улице можно видеть длинные процессии девочек в одинаковых костюмчиках. Это спешат на молитву воспитанницы миссионерских школ и сиротских домов.

Девочек опекают монахини, среди которых есть англичанки, англо-индианки и андхра. На груди у монахинь медные кресты, в руках четки. Все они одеты в характерные бело-черные одеяния и... почти мужские тяжелые ботинки. Эти ботинки на ногах молодых, иногда очень красивых женщин с бледными нездоровыми лицами сильно старят их и выглядят сущим надругательством над ними.

Что заставило молодых женщин променять молодость, счастье любви и материнства на тяжелый медный крест, на затворническую жизнь в вечном сообществе распятого Христа? Почему они решились выдержать унижительную процедуру посвящения в христовы невесты, когда им приказывают плашмя, руки в стороны, ложиться лицом вниз на холодные камни перед алтарем под бормотание священника, руководящего этой постыдной церемонией? На такой шаг могут толкнуть только личная трагедия или тяжелая неустроенная жизнь.

При многих английских церквях и религиозных миссиях в Хайдарабаде есть начальные и средние школы. По установившимся традициям многие состоятельные хайдарабадцы предпочитают посылать детей именно в эти школы, а не в частные или государственные.

Школы, где главенствуют англиканские священники, являются проводниками английского влияния на умы молодых индийцев. В них учат смотреть на мир через английские очки. Именно в таких школах стараются привить индийским детям твердое убеждение в том, что все английское хорошо, а все индийское — плохо.

Как правило, неподалеку от церквей в Хайдарабаде расположены кварталы местных христиан, среди которых много англо-индийцев, то есть людей, родившихся от смешанных браков между англичанами и индийцами. Христиане держатся заметно особняком от остального населения. Они живут по английским обычаям и стараются говорить только по-английски.

Англо-индийцы в большинстве образованные люди, что позволяет им занимать более или менее высокооплачиваемые должности в конторах, банках и на железных дорогах.

После ухода англичан прослойка англо-индийцев начинает быстро рассасываться. Со временем она растворится среди коренного населения Индии.

За последние годы дела англиканской церкви — оплота английского влияния в Андхре — пошли под гору. Падает число прихожан. Английские священники и миссионеры всюду сталкиваются с более сильным и богатым конкурентом — американцами в рясах. Это типично для всей страны.

По данным индийских газет, в 1959—1960 годах в Индии было около тысячи восьмисот американских религиозных миссий.

Их работа поставлена на широкую ногу.

Приехав из Америки, молодые священники и миссионеры проходят специальные курсы местного языка (в Хайдарабаде, например, они изучают телугу). Обычно после шести-восьми месяцев учебы все они оказываются в состоянии читать проповеди на местном языке. Сдав языковой экзамен, молодой миссионер начинает свою деятельность где-нибудь в глуши страны, главная цель которой обратить как можно больше местных людей в веру, которую он представляет.

Среди американцев в рясах, подвизающихся в Андхре, больше всего католиков, баптистов и адвентистов седьмого дня. Служба в их церквях идет на телугу.

Английские прелаты более или менее терпят канадских и итальянских миссионеров, которых немало на юге Индии, но до скрежета зубовного ненавидят американцев за то, что те прямо из-под носа уводят у них паству. Англия и Америка конкурируют здесь и на религиозном поприще. Англии сегодня приходится сдавать свои позиции всюду, где она еще недавно чувствовала себя полной хозяйкой. Напору американской церкви английским прелатам противопоставить нечего, кроме их хорошо поставленных школ для местного населения — последний оплот, где они все еще довольно сильны.

Но время английских и американских миссионеров проходит. В недалеком будущем с развитием образования в Индии, с индустриализацией страны под индийским солнцем не окажется больше места для колонизаторов в рясах.

МУСУЛЬМАНЕ ХАЙДАРАБАДА

Мне пришлось не один год изучать язык урду. И когда я приехал в Хайдарабад, то, естественно, первое время благодаря знанию этого языка общался главным образом с мусульманами, говорящими на урду. С ними связаны мои первые впечатления о Хайдарабаде. Именно поэтому сначала я хочу рассказать о хайдарабадских мусульманах.

Мусульмане — представители различных этнических групп, исповедующие ислам, — составляют сорок процентов населения Хайдарабада. Ислам наложил глубокий отпечаток на весь облик города, на жизнь местного населения.

МЕЧЕТИ

Ранним утром меня будят протяжные крики муэдзина. Я вижу его, даже не открывая глаз. Муэдзин стоит на углу белой ограды соседней мечети Типу Хана. Заткнув уши пальцами, закинув лицо вверх, он громко повторяет суры Корана, созывая верующих на утреннюю молитву. Его высокий голос разносится далеко-далеко, сливаясь с голосами других муэдзинов и криками петухов, и в окрестных домах, где живут мусульмане, зажигаются огни. Десяток-другой людей, тихо переговариваясь, идут в редеющей темноте к мечети.

В Хайдарабаде мечетей не счесть. Маленькие, потемневшие от времени и дождей, они так и мелькают в пригородах среди холмов и полей. Все мечети построены одинаково. Обычно основанием им служит невысокая каменная платформа, над ней возвышается прямоугольник, одна сторона которого открыта всем ветрам. В глубине помещения в стенах — ниши для Корана. У задней стены мамбар — приступочка. По углам над мечетью высятся два или четыре точеных минарета. Стены — в кружеве лепных деталей.

Спросишь прохожего, чья мечеть, — один пожмет плечами, а другой скажет, что ее построил сто, а то и триста лет назад такой-то хайдарабадец по случаю выздоровления сына или данного им обета.

Возле Чарминара высится второе чудо Хайдарабада — мечеть Макка масджид. Жители города полушутя, полусерьезно говорят, что если какому-нибудь мусульманину не удалось побывать в Мекке, городе пророка Мохаммеда, то он должен посетить хотя бы Макку масджид.

Во время мусульманских праздников в Макка масджид собирается очень много народу. Люди толпятся у ее громадных, обитых железом деревянных ворот, заполняют обшир-

ный, мощный каменными плитами двор, бесконечными рядами стоят вокруг хоуза — большого бассейна. Толпы людей размещаются под высокими деревьями, что густо растут по краям двора, в левом открытом пристрое, где под красными и синими покрывалами стоят надгробия низамов Хайдарабада.

Под ногами молящихся разостланы циновки и ковры, над головами у них растянуты шамияны — матерчатые навесы, защищающие от солнца.

В глубине Макки масджид на мамбаре — каменном приступке — стоит главный имам города, и по его знаку тысячи людей падают ниц, касаясь лбами теплых камней. Голос имама слишком слаб для обширного помещения мечети и большого двора, поэтому слова его громко повторяют люди, стоящие на некотором расстоянии от мамбара.

Рассмотреть Макку масджид удобней всего утром, когда людей нет и всем двором завладевают сизые голубы. Тогда особенно хорошо заметны внушительные размеры главной мечети Декана. Ее потемневшие от непогоды стены сложены из огромных, тщательно отесанных камней. По краям карниза стоят приземистые минареты. Строитель Макки масджид, пятый по счету правитель Голконды, Мохаммед Кутб Шах мечтал поднять минареты на огромную высоту, но расчетливый Аурангзеб, которому пришлось достраивать мечеть после разгрома Голконды, решил, что и такие будут хороши. А когда войдешь внутрь мечети сквозь одну из пяти высоких арок, загороженных сетками от птиц и летучих мышей, открывается подпертый колоннами обширный зал, потолок которого увешан люстрами.

В былые времена по праздникам на дворе Макки масджид варили в больших черных котлах бирияни и раздавали нищим. Один такой котел, размером с хорошую комнату, можно по сей день видеть при гробнице святого Чишти в городе Аджмире (Раджастхан). Добираясь до краев котла по лестнице, кули сыпали в него рис, клали куски баранины и затем разводили под ним костры.

По сей день стоит на дворе Макки масджид черная каменная чаша, из которой раздавали бирияни беднякам. Рядом с чашей — большая каменная скамья, про которую говорят, что раз севший на нее непременно вернется в Хайдарабад...

По образу жизни, занятиям, обычаям и привычкам мусульманина трудно отличить от остальных хайдарабадцев, исповедующих другие религии. В толпе его можно узнать благодаря характерному головному убору — турецкой феске с кисточкой или барашковой шапке, а также по ширвани — узкому и длинному сюртуку со стоячим воротником — и широ-

ченным белым шароварам. (Впрочем, ширвани не показатель. Их носят не только мусульмане, а и хинду из касты каястхов.)

Как получилось, что почти половина населения большого города, столицы штата, сплошь населенного хинду, исповедует ислам?

Причиной появления ислама на Декане были многочисленные походы воинственных делийских султанов с целью завоевания и грабежа богатых южноиндийских государств. Впервые большие массы воинов, исповедовавших ислам, появились на Декане вместе с султанами Хильджи и Туглаком. Эти люди оседали в столицах и в крупных населенных пунктах завоеванных государств, где делами вершили наместники мусульманских правителей. Поэтому до сих пор главные районы на Декане, где исповедуется ислам, гнездами располагаются вокруг таких больших городов, как, например, Аурангабад, Биджапур, Бидар, Хайдарабад и Гулбарга.

За минувшие века пришельцы с севера полностью ассимилировались среди коренного населения Декана. Потомки их живут одной жизнью, одними интересами с индийцами, которые исповедуют хиндуизм и прочие религии, существующие в Индии. Но многие из них хорошо помнят о своих далеких предках благодаря бытующему в стране обычаю составлять так называемое шаджара — генеалогическое дерево своего рода.

Хорошо известно, что основатель династии Кутб Шахов — Кули Кутб-уль-Мульк — был родом из Туркестана. Все его окружение тоже состояло из туркестанцев. Дед Килич Хана, первого низама Хайдарабада, был бухарцем, а значит бухарцами были и все его родичи и сподвижники.

Спросишь какого-нибудь хайдарабадца, по виду мусульманина, откуда он, какого рода племени, и довольно часто слышишь ответ: «Мы из Бухары, из Самарканда, из Хивы». Это значит, что далекий-далекий предок этого человека явился на Декан из Средней Азии, быть может даже раньше первого Великого Могола Бабура, который в XV веке завоевал Северную Индию.

Один из моих индийских друзей, который совершил путешествие по советской Средней Азии, рассказывал, что в старых районах какого-то узбекского городка он с изумлением заметил, что тамошние предметы домашнего обихода очень напоминают подобные же вещи, употребляемые в старинных мохалла его родного города Бхопала. Он нашел много общего в материальной культуре узбеков и жителей Индии, которые живут друг от друга за многие тысячи километров.

Не случайно поэтому многие хайдарабадцы — мусульмане — почитают нашу Среднюю Азию как свою прародину. Сокровенная их мечта — поехать в СССР и своими глазами увидеть края, где некогда жили их прадеды.

Распространению ислама в Хайдарабаде способствовали предки хайдарабадских старожил, которые пришли на Декан не только из Средней Азии, но также из Турции, Аравии, Ирана и других стран Востока, где ислам к тому времени успел занять господствующее положение. Религиозное рвение Кутб Шахов и низамов сделало Хайдарабад оплотом ислама, каким он являлся вплоть до самого последнего времени.

Однако еще задолго до Туглаков и Бахманидов, Кутб Шахов и низамов на Декане уже были люди, проповедовавшие идеи ислама. Звали их пирами. Традиции, связанные с ними, очень интересны.

СВЯТЫЕ ПИРЫ

В седой древности пиры были первыми миссионерами ислама на Декане. Одни из них были убежденными, пламенными вестниками слова пророка Мохаммеда, другие — разведчиками, за которыми иной раз являлись грабительские армии делийских султанов.

Питаясь подаянием и славя аллаха, пиры бродили по дорогам Декана, по городам и деревням. Забредши в глубь страны, иной из них навсегда селился возле какой-нибудь деревеньки. Пещера или хижина на берегу озера под раскидистым деревом становилась для него жилищем.

Мудрый пир часто становился утешителем местного люда. В самом деле — до бога высоко, до раджи далеко, а тут под боком жил человек, который день и ночь проводил в молитвах и был всегда готов помочь добрым советом и участием попавшему в беду. Люди шли к пиру, делились с ним своим горем и заботами, приносили еду.

Когда пир умирал, то оказывалось, что кое-кого из своих прихожан, большей частью неприкасаемых, он успел обратить в ислам. В деревне появлялась небольшая мусульманская община, вырастала мечеть. Через некоторое время над могилой пира его почитатели выстраивали гробницу, или, как зовут подобные сооружения в Индии, даргах.

В Хайдарабаде и его окрестностях даргахов множество. Иные из них очень старые. Например, большой даргах пира Бабы Шариф-уд-Дина, что стоит на горе недалеко от Старого города, существует около восьмисот лет. Другие даргахи представляют собой тщательно побеленную грудку камней или подобие саркофага на обочине дороги или под большим деревом. Все они обнесены заборчиками, заботливо убраны. Ночью над ними мигают светильники.

До сих пор хайдарабадцы почитают древних пиров. Каких только рассказов не наслушаешься о чудесах, которые они

будто бы совершали много-много веков назад! Особенно славен в Хайдарабаде пир Баба́ Шариф-уд-Дин.

В Хайдарабаде можно часто услышать фразу: «Мучже Баба́ Шариф-уд-Дин ки бари акидат хэ».

Если вместо имени Бабы́ Шариф-уд-Дина во фразу вставить имя любого другого пира, она означает, что сказавший особо верует в этого пира, считает его своим духовным советником и заступником в день Страшного суда.

Приверженность к какому-то определенному святому — явление, широко распространенное в Индии. Многие индийцы усердно посещают даргах «своего» пира в годовщины его смерти, когда празднуется урс — поминки. Особо же религиозные, главным образом старики, посещают урсы всех пиров без исключения.

Урсы особо почитаемых пиров отмечаются в Хайдарабаде пышно, при огромном стечении народа. Чуть ли не семьдесят процентов являющихся на урсы людей исповедуют хиндуизм. Они тоже верят в пиров и поклоняются им с не меньшим рвением, чем мусульмане. В дни урсов торговцы устраивают возле даргахов большие базары, на которых можно купить все — начиная от бирияни и кончая ладанками от дурного глаза, внутри которых лежат кусочки бумаги со строками из Корана.

Кончина пира отмечается, кроме того, ежемесячно в день, когда она произошла. Люди, особо уверовавшие в того или иного пира, собираются для этого в кханках. Кханках — это своеобразный монастырь в честь святого. В нем живет саджада — потомок пира или один из его учеников.

Мне довелось побывать во многих кханках Хайдарабада, но особенно запомнился один из них, в самом центре города.

ПОД СТЕНАМИ МАККИ МАСДЖИД

Однажды мой знакомый Таир Али Хан — преподаватель немецкого языка в одном из городских колледжей — пригласил меня на такое ежемесячное собрание в честь старого хайдарабадского пира, кханках которого находится прямо под стенами Макки масджид. Имени этого пира я, к сожалению, не помню.

Мы прошли Патхаргатти, Чарминар, завернули на улицу Хуссайн-Алам. Не доходя до Макки масджид, Таир Али Хан остановился возле какой-то лавки.

— Возьмите-ка вот эту шапочку, — сказал он, протягивая мне белую с желтой вышивкой шапку, похожую на пилотку, только что купленную им у бородача лавочника. — В кханках не принято находиться без головных уборов.

Пока мы шли по кривой улочке, на которую падала могущественная тень Макки масджид, Таир Али Хан рассказывал:

— Саджада этого кханкаха является прямым потомком пира, который жил лет триста пятьдесят назад. Заметьте, что церемонии, которые вы сейчас увидите, — очень старинные, какие не сохранились в других кханкахах. Сюда всегда приглашаются лучшие в городе каввали — народные музыканты и певцы, знающие старинные персидские газели. А я люблю персидскую поэзию. Вы сами оцените, что это такое.

Кривая улочка закончилась тупиком. Пригибая головы, мы спустились вниз под обширный навес, подпертый колоннами, и прошли вперед туда, откуда доносились сдержанный гул голосов, пение и звуки музыки.

Центром кханкаха был небольшой зал, в котором собралось до полусотни почитателей старого пира. В большинстве это были пожилые люди, седобородые старики в традиционных мусульманских одеждах и красных фесках. Они сидели полукругом, поджав под себя ноги, и напряженно слушали пение и музыку.

Музыкантов было трое. В руках старшего из них был гармоний — небольшая переносная фисгармония, на которой играют правой рукой, а левой шевелят небольшие мехи. Слева сидел барабанщик с парой дхоляков — небольших конусообразных барабанов. Справа стоял на коленях человек, отбивающий такт хлопками ладоней. Это и были каввали — народные музыканты и певцы, без которых не обходится ни один урс или праздник.

Люди потеснились, давая мне место возле самого саджады — наследника старого пира. Саджада был грузен, с черной окладистой бородой. На нем была просторная коричневая хламида, громадный пестрый тюрбан, на ногах сандалии.

— Русский профессор? Из Османского университета? — спросил он по-английски.

— Да, пришел послушать каввалей.

— Милости просим! — кивнул саджада.

Наш приход на какой-то миг отвлек внимание присутствующих, но вскоре все пошло своим чередом.

Каввали — явление чисто индийское. Каввалем может стать всякий. Соберутся несколько человек музыкантов, раздобудут гармоний, дхоляк и ходят по урсам и праздникам, подрабатывая на жизнь. Каввали, которые знают персидский язык и газели больших персидских поэтов, к тому же обладающие хорошим музыкальным слухом, — желанные гости на урсах, торжественных вечерах и собраниях. Лучшие из них нередко выступают по хайдарабадскому радио, их музыка записывается на грампластинки. Многие из каввалей — на-

стоящие артисты, пользующиеся большой известностью и всеобщим признанием.

Когда я сел возле саджады, только что игравшие музыканты, собрав инструменты, встали с коврика. Получив от саджады несколько рупий, они отошли в сторонку, слушать вместе со всеми других музыкантов, которые уже рассаживались перед аудиторией.

Старший из новой партии каввалей пробежал пальцами по клавишам гармонiuма, и владелец дхоляка — барабана — настроил свой инструмент, подбивая молоточком особые клинышки в деке, отчего кожа на барабане натягивается или, наоборот, ослабевает. Среди полного молчания все трое откашлялись, еще миг — и полилась песня!

Человек, игравший на гармонiuме, низким голосом запел персидскую духовную газель. Двое других каввалей поддерживали его. Отбивая такт на барабане и хлопая в ладони, они высокими голосами подхватывали последние строфы куплетов.

Певцы пели с большой страстью и подъемом. Медленно раскачиваясь в такт мелодии, они в наиболее патетических местах возводили руки к небу, словно адресуясь к самому богу.

За первой газелью последовала вторая, третья, четвертая. Каввали вкладывали в пение все свое мастерство, всю душу, и это оказывало немалое действие на слушателей. Сидевший возле каввалей человек с пронзительными черными глазами и крючковатым носом — типичный араб — вдруг с воплем вскочил на ноги. Вскинув руки, задрал голову вверх, он вышел на середину круга и, сделав несколько судорожных конвульсивных движений, с тяжелым ревом рухнул к ногам саджады. Саджада обнял его, погладил по голове. Вскоре араб вернулся на свое место и снова вперил исступленный взгляд на клавиши гармонiuма.

Многие из присутствующих в кханках плакали, порывались выскочить на середину и упасть к ногам саджады. Откуда-то из-за угла, шатаясь, с плачем вышел старик и постарчески неловко завертелся на одном месте волчком. Он был в экстазе. Правая его рука с вытянутым кверху указательным пальцем была поднята высоко над головой. Соседи, вскочив с ковриков, встали вокруг старика и, когда тот обессилел, мягко опустили его на пол, где он и растянулся в изнеможении.

Вся обстановка в кханках могла сбить с толку кого угодно. Общий плач, вопли, бросание к ногам саджады, катание по полу и дикие танцы пришедших в исступление людей — все это было слишком необычно и, казалось, шло против разума.

После пяти-шести часов сидения на полу у меня разломило спину. Воспользовавшись перерывом, когда менялись каввали, я ушел, поблагодарив саджаду за гостеприимство.

Снаружи кханкаха было тихо и спокойно. Подавляя все кругом, высилась громада Макки масджид. В переулочке играли дети. Обыденная обстановка успокоительно действовала на нервы, взвинченные виденным. Я поехал домой.

— Вы ушли слишком рано! — говорил мне позже Таир Али Хан. — Под конец выступила лучшая в Хайдарабаде партия каввалей.

— Там была такая обстановка, что мне стало не по себе. Таир Али Хан засмеялся.

— Ну что вы! Просто не привыкли. Это часть старых традиций Хайдарабада. Откровенно говоря, жаль, что они так быстро исчезают...

— Скажите, а на что живет саджада, на какие средства содержит он кханках?

— На средства людей, которые считают пира своим духовным наставником. Вы видели, как саджада давал деньги каввалам?

— Видел.

— Он платил им не из своего кармана. В окрестных мохаллах живут тысячи людей, верящих в пира. Они и поддерживают саджаду. Правда, все это не то, что было раньше. В былые времена правительство низама выделяло саджадам большие джагиры. Но земли эти сейчас у них отобрали, поэтому даргахи и кханкахи мало-помалу приходят в упадок.

— А почему плакали все эти люди?

— Считается, что слезы очищают души присутствующих и пир лучше слышит их молитвы. Впрочем, вы не очень верьте этим слезам. Помните вы старика, который выскочил на середину и начал кружиться?

— И потом упал?

— Ну да. Порой люди в кханкахах в самом деле доводят себя до экстаза и танцуют словно одержимые. Это состояние называется халь. В таком состоянии, как полагают, человек бывает «ближе всего к богу». Но в слезы этого старика я не верю — от его платка сильно пахло луком. Значит, слезы прошибли его не от избытка веры.

Таир Али Хан снова засмеялся.

— А газели там пелись чудесные! — добавил он мечтательно. — В другом месте таких не услышишь.

В старину святые пиры пользовались громадным влиянием и авторитетом в народе. Они напоминают святых старцев старой России, у которых искали утешения простые люди, доведенные до отчаяния тяжелой, безотрадной жизнью.

Пыры немало потрудились в деле распространения ислама и его доктрин в Индии. Очень часто они знали несколько языков. Многие из них оставили после себя обширные сочинения на персидском, арабском языках и на ранней форме языка урду.

Из истории известно, что все властители Индии признавали пиров своими духовными наставниками. Могущественный император Аурангзеб почитал одного из пиров города Аурангабада. Правитель Майсура Типу Султан был привержен памяти пира Гесударазы Банданавазы, чей громадный даргах уже много веков висит в городе Гулбарге (штат Майсур).

Среди пиров было немало жуликов и проходимцев. Иллюстрацией этому может служить сравнительно недавний пример.

Какой-то ловкий мошенник сделал попытку втереться в доверие к нынешнему низаму и стать его духовником. Новоявленный «пир» пустил в ход все средства, чтобы обрести славу крупного святого и привлечь внимание низама. Учтена была даже особая приверженность низама к желтому — «счастливному» для него цвету.

«Пира» заметили, приласкали. Он стал вхож во дворец низама, сделался было духовным наставником монарха. Однако его погубила небольшая на вид оплошность. На одном из урсов, где присутствовал низам, ловкач пир мастерски изображал состояние халь, чем и заслужил высшее одобрение всех присутствовавших. Но когда пришла пора кататься по полу в экстазе, пир всякий раз ловко обкатывался вокруг ярко горевшей керосиновой лампы, которая стояла на полу на высокой подставке. Заметив это, низам вывел здравое заключение, что душа пира вовсе не витает рядом с богом, а что он зорко наблюдает за лампой, чтобы не наскочить на нее и не опрокинуть на себя резервуар с керосином.

В результате новоявленный «святой» был с позором изгнан прочь с августейших очей.

Урсы занимают важное место в жизни мусульман Индии. Порой, чтобы принять участие в таком урсе, совершаются большие путешествия из одного конца страны в другую. Самый многолюдный во всей Индии урс бывает ежегодно в городе Аджмире (Раджастан) у даргаха тамошнего пира Чишти, где собирается до полумиллиона богомольцев.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Большое значение в жизни хайдарабадцев имеют и мусульманские праздники.

Мусульманские праздники связаны с жизнью и деятельностью основателя ислама пророка Мохаммеда и его последователей. Уместно будет сказать здесь, что в противоположность мифическому пророку христианской религии Христу Мохаммед, живший в VI—VII веках в древней Аравии,—реальная личность. Благодаря трудам бесчисленных мусульманских историков каждый его шаг, почти каждое слово хорошо известны. Важнейшие его высказывания образовали свод законов, получивших название Коран-и-Шариф (Благородный Коран).

Правитель и духовный глава небольшого племени кочевников арабов Мохаммед оказался выразителем интересов феодалов, стремившихся к объединению всех племен древней Аравии, родовая община которых находилась в стадии глубочайшего разложения. Позаимствовав ряд положений и идей из религии древних евреев — соседей арабов, исходя из собственного житейского опыта, приняв кое-что из местных идолопоклоннических культов, Мохаммед создал новую религию, ислам — оболочку, в которой заключалась целая система законов политического, экономического и социального порядка.

Ислам сцементировал разлагавшуюся родовую общину арабов, которую раздирали бесконечные войны. Преемники Мохаммеда — калифы — объединили воинственных арабов и в короткий срок распространили свою власть вплоть до Испании и Индонезии.

Религиозные праздники, родившиеся в древней Аравии — родине ислама, приобрели в Индии массу чисто местных черт, но, как и во всем мусульманском мире, отмечаются согласно так называемому лунному календарю.

Если спросишь у старика мусульманина, какое нынче число, он тотчас же назовет день лунного месяца и уж потом, пошептав и прикинув на пальцах, скажет день и число по новому летосчислению.

Заглянув в настольный лунный календарь, можно узнать, где и каких пиров поминают в Хайдарабаде и во всей Индии, когда состоится ближайший большой мусульманский праздник.

О приближении такого праздника я узнавал, глядя на суетливые приготовления у соседней мечети Типу Хана. Перед праздником ее прибирают, разукрашивают флажками. Сбоку, на лужайке, в тени деревьев воздвигается шамияна — большой навес из полосатой красно-белой материи. Напротив мечети местные лавочники расставляют столы и стулья, ставят на них самовары и посуду.

Во время праздников днем и в вечернее время перед мечтью стоят велосипеды, автомобили и мотоциклы. А вокруг — под пологам шамияны, под деревьями, на оградах, окрестных камнях и лужайках — собираются тысячи людей. Усиленные микрофоном, кругом разносятся молитвы и длинные речи ораторов.

Праздников у мусульман много. Широко отмечают они день рождения пророка Мохаммеда. По этому случаю в большом зале одного из студенческих общежитий Османского университета ежегодно происходят торжественные заседания.

Обстановка на этих заседаниях весьма своеобразна. Весь зал устлан белыми простынями. Посередине стоит пюпитр с микрофоном. Сняв обувь у дверей, люди босиком идут по простыням, отыскивая свободное местечко. Окна в зале полужакрыты. В легком полумраке видны сотни неподвижно сидящих фигур, погруженных в молчаливое раздумье. Стоит торжественная тишина (праздник омрачен тем, что пророк Мохаммед родился и умер в одну и ту же дату лунного календаря).

Все присутствующие одеты в традиционные мусульманские одежды: темные ширвани, белые патлуун — шаровары. На всех непременно феска,

Ораторов набирается всякий раз до полусотни. Каждому дается минут по пяти-семи сказать о том, что он знает и думает о Мохаммеде. Иные из ораторов выступают с декламацией своих стихов в его честь.

Заканчивается заседание общим угощением: в Индии без этого не обходится ни одно общественное мероприятие.

Самым большим своим праздником мусульмане всего мира считают бакр-ид (праздник принесения в жертву козы), который они отмечают в дхул-хидджа — двенадцатом месяце лунного календаря. В этот месяц от причалов Бомбея отваливают большие пароходы с тысячами мусульман, совершающих хадж — паломничество к святым местам в Мекке и Медине.

Любопытно возникновение этого праздника.

В Библии есть известная история об искушении пророка Авраама Иеговой — богом древних евреев. Иегова как-то захотел испытать, до конца ли предан ему Авраам. И вот однажды Авраам услышал во сне божественный голос, повелевавший ему взять своего младшего сына Исаака на гору Мориях и принести его в жертву.

Авраам не колебался ни минуты. Он повел сына на гору, посадил на алтарь и занес было над ним нож, как с неба вновь раздался голос Иеговы. Иегова говорил, что теперь он полностью уверен в преданности Авраама и убивать Исаака

не нужно. Вместо сына Авраам принес тогда в жертву большого черного барана.

Мусульмане переняли эту историю у древних евреев. Она стала основой для самого большого мусульманского праздника. Только Авраам стал у них Ибрагимом, основателем Мекки, а Исаак превратился в Исмаила. И, согласно трудам исламских историков, искушение Ибрагима имело место не на горе Мориях, а возле Каабы — святого камня мусульман в современной Саудовской Аравии.

Мусульмане Хайдарабада празднуют бакр-ид широко и торжественно. Во всех старинных мохалла города с самого утра царит большое оживление. Даже самые последние бедняки, весь год ходившие в старенькой одежде, надевают в этот день новые белоснежные куртки и штаны, новые шапки. Все трехкратно обнимаются со словами: «Ид мубарак!» (С праздником!)

Главная церемония в день бакр-ида состоится на ид-гахе — месте, где происходят массовые молебствия мусульман.

К юго-западу от Старого города есть большой пруд Мир-Алам. Его построил лет полтора назад наваб Мир Алам, премьер-министр Хайдарабада, по проекту французского инженера. Плотина пруда состоит из двадцати одной каменной арки — они, словно взявшиеся за руки богатыри, грудью противостоят напору воды.

Возле пруда раскинулась обширная площадь, вымощенная каменными плитами и обнесенная высокой оградой. Это сооружение, способное вместить сотни тысяч людей, и называется ид-гахом.

Ид-гах находится довольно далеко от Старого города. От моста Пурана пул до него добрых пять километров, но в день бакр-ида вся дорога к нему бывает сплошь запружена толпами разодетого народа. Среди толп пешеходов виляют велосипедисты, медленно катят рикши с одним-двумя седоками, ползут автомобили.

...Солнечный день. Жаркое солнце пылает в небе, и раскаленное шоссе кажется покрытым струйками синей воды. Но люди не замечают жары. Все смотрят вперед туда, где среди груд камней видны ворота ид-гаха. Тысячи людей входят в них, торопливо сбрасывают обувь и спешат встать среди молящихся, которые бесконечными рядами выстроились на дворе, устланном разноцветными половиками.

Особенно много народу у задней стены ид-гаха, у мамбара, где стоит имам. Вот он пропел молитву — и стоявшие люди полусогнулись. Еще несколько слов — и десятки тысяч людей, как один человек, упали лицом вниз. Минута — и снова все стоят прямо.

В общем молебствии на ид-гахе, которое мне довелось однажды увидеть, не принимала участия только дюжина полицейских — хинду по религии. Безразличные ко всему, они стояли в воротах, толкуя о чем-то между собой. Рядом с ними лежала на камешке полная полицейская форма: короткие брюки, зеленая рубашка, пышный тюрбан с хохлом, тяжелые ботинки с гетрами и латхи — палка. К самому концу службы из последних рядов молящихся вышел ее хозяин, рослый полицейский-мусульманин. Скинув традиционную мусульманскую одежду, он облачился в форму. Религиозный долг исполнен, можно служить дальше!

А вечером в день бакр-ида во всем городе идет веселье и угощение. Специально к празднику люди припасли коз и овец. Животных режут по-особому. Глава семьи приводит животное к двери дома, помещает головой к Мекке и перерезает ему горло, повторяя слова: «Бисмилла иллаху акбар!» Треть туши отдается родичам, треть нищим, а треть берет для себя семья. Так «велел» пророк.

С не меньшей торжественностью отмечают мусульмане и праздник ид-уль-фитр. Он приходится на конец рамадана — мусульманского поста.

Поститься в субтропиках весьма нелегко. Целый лунный месяц, с восхода до захода солнца, правоверному мусульманину нельзя ничего взять в рот. Понятно поэтому, с каким великим нетерпением ожидают стар и млад появления на небе тоненького серпа молодой нарождающейся луны, знаменующей наступление десятого лунного месяца шавваль. С появлением луны кончается пост и наступает всеобщее веселье и объединение изголодавшегося народа. Друзья приветствуют друг друга возгласами: «Чанд мубарек!» (Поздравляю тебя с луной!)

Интересно послушать рассказы стариков о том, как в старину ожидали в Хайдарабаде новолуния. Если месяц шавваль приходился на зимнее время (ведь лунный год короче обычного на одиннадцать-двенадцать дней, и начало шавваля медленно кочует от января к декабрю солнечного года), то серпик нарождающейся луны заметить было легко, но в дни муссонов, когда все небо затянуто тучами, это было целой проблемой. Чтобы не прозевать знаменательного момента, на возвышенных местах вокруг города размещали специальных наблюдателей.

Лишь тогда, когда была полная уверенность в том, что луна действительно появилась, рамадан считался оконченным. И тогда над городом гремели пушечные выстрелы, рвались ракеты, объявлявшие о начале ид-уль-фитра.

Главное торжество происходит на другой день шавваля: молитвы на ид-гахе, веселье и взаимные поздравления.

Один из мусульманских праздников называется шаб-и-барат (ночь предопределений), который состоит в четырнадцатую ночь восьмого месяца. Мохаммед будто бы сказал, что в эту ночь бог записывает, что каждому человеку предопределено сделать в течение всего последующего года. Он решает, кто должен родиться и кто должен умереть.

Религия предписывает молиться всю ночь, но сейчас об этом предписании никто не помнит. Шаб-и-барат очень веселый ночной праздник. Над мохалла рвутся ракеты фейерверков, всюду идет веселье, на улицах полно гуляющих. В каждой семье к этой ночи припасают вкусную пищу и сладости.

Бакр-ид, ид-уль-фитр и шаб-и-барат, теряя мало-помалу свой религиозный характер, становятся народными праздниками.

Есть у мусульман еще одна знаменитая декада, отмечаемая ими с большим усердием. Дни этой декады не назовешь праздником. Это мухаррам — декада скорби по убиенному имаму Хусейну.

МУХАРРАМ В ХАЙДАРАБАДЕ

Прежде всего небольшой экскурс в историю. Пророк Мохаммед умер в июне 632 года в возрасте шестидесяти трех лет, успев объединить основные арабские племена. Арабы — неустрашимые воины — рвались к сказочным богатствам Ирана, Сирии и других соседних стран. Мохаммед укрепил их воинский дух обещанием, что якобы все воины ислама, павшие в битвах, попадут прямо в рай, перед которым ничто все сокровища Персии. Еще при его жизни войска арабов двинулись на завоевание Сирии.

Огнем и мечом распространяли калифы — преемники пророка — новую веру и свою власть на Востоке. Но уже при третьем калифе, Османе, начались кровавые распри между двумя кланами самого сильного племени арабов кураишей: хашимитами, к которому принадлежал пророк Мохаммед, и умайядами, из которого вышел калиф Осман.

Осман назначил наместниками всех завоеванных земель людей из своего клана умайядов. Но когда он умер, четвертый калиф, Али, племянник Мохаммеда, естественно постарался изгнать отовсюду умайядов и назначить на их места хашимитов.

Началась грызня между хашимитами и умайядами. Наместник Сирии умайяд Моавия отказался подчиниться калифу Али. Он собрал армию для защиты своей власти и прав умайядов и в конечном счете захватил власть, став в 661 году калифом.

После смерти калифа Моавии вся власть перешла к его сыну Язиду. Почти все арабские города признали Язида новым калифом, за исключением Куфы и Басры в Ираке. Жители Куфы подстрекнули имама Хуссейна — сына четвертого калифа Али, погибшего в борьбе за власть, — заявить свои права на трон империи мусульман и обещали ему свою поддержку. Ведь его отец Али сам был калифом, а его мать Фатима — дочь пророка Мохаммеда!

Имам Хуссейн решил бороться за свои права. Он выступил из Мекки к Куфе, намереваясь идти на Дамаск — новую столицу калифов, однако по дороге выяснилось, что жители Куфы не поддержат его. Войско имама разбежалось. Когда он прибыл к Куфе, с ним осталось всего около восьмидесяти человек. Наместник Язида в Куфе окружил горсть сторонников имама в песках Карбалы, и на десятый день мухаррама — первого месяца лунного года (в 680 году) — имам и его люди были убиты.

Гибель горстки людей во главе с имамом Хуссейном (событие само по себе ничтожное) вот уже тринадцать веков оплакивается мусульманами всего мира. Особенно скорбят по имаму шииты, секта которых почитает потомков Мохаммеда, его дочь Фатиму и калифа Али.

Раскол мусульман всего мира на две соперничающие секты — суннитов и шиитов — произошел, как это объясняют мусульманские историки, из-за вопроса, кто должен был получить титул калифа после смерти пророка Мохаммеда. Сунниты считают, что все четыре калифа после Мохаммеда, избранные народом, законно носили этот титул. Шииты же полагают, что после Мохаммеда калифом должен был сделаться Али — его зять. Калифы Абу Бакр, Умар и Осман в глазах шиитов всего лишь узурпаторы, и они едва ли не клянут их в мечетях. (Настоящей же причиной появления суннитов и шиитов явилась острая вражда между различными группами арабских феодалов за власть над Аравией.)

Богатейшие мусульманские семьи Хайдарабада, в том числе и семья низама, принадлежат как раз к секте шиитов. Поэтому мухаррам, день плача по имаму Хуссейну — «страдальцу за веру», широко отмечается в Хайдарабаде.

* * *

В 1957, 1958 и 1959 годах, когда я жил в Хайдарабаде, мухаррам состоялся как раз в самом начале муссонных дождей.

Незадолго до прихода муссона солнце на Декане палит с особой свирепостью. Все кругом раскалено. Нечем дышать.

Разморенные жарой люди лежат пластами по домам и беспрестанно пьют воду. Забившись в знойную тень, высунув языки, мучительно часто дышат собаки. На скотину жутко смотреть, так выпирают у нее ребра. Воды нет, корма нет, и несчастные животные едва таскают ноги.

И вдруг, среди этой жары, все в природе как-то странно замирает. Слышится неясный тревожный шелест в ветвях манго и кокосовых пальм. С запада на город стремительно наступает гряда свинцово-сизых туч. Она все ближе, ближе, нависает над головой. Проносится густой тяжелый вздох — словно сама мать-земля облегченно вздыхает от дуновения прохладного ветра, несущего дождевые тучи.

Новые сильные порывы. Безумно забились, закланялись взлохмаченными головами пальмы. Сразу становится сумрачно. Наступившую тишину неожиданно разрывает яростный удар грома. И в следующее же мгновение с потемневших небес на землю обрушивается ливень, все заволакивает его серая гремющая пелена. Пришел муссон!

Только отмучившись вместе с индийцами март, апрель и май, поймешь, почему они с таким ликованием встречают муссон и почему ребятишки, радостно голоса, скачут под дождем по лужам. Великое облегчение приносит с собой муссон, облегчение и новую жизнь всему на земле.

Дожди идут сначала целыми днями, потом больше по утрам и вечерам, часто они идут всю ночь. Камни вокруг покрываются нежной зеленью плесени. На сожженных солнцем пустошах мгновенно появляется трава, на которую жадно набрасывается изголодавшийся скот. Прохладно, влажно, благодать! Солнцу словно стыдно, что оно так свирепствовало в мае, и оно прячется в пелену рваных облаков.

И вдруг, среди такой благодати, — мухаррам — день скорби.

Познакомить меня с мухаррамом вызвался мой сосед по мохалла Мохаммед Сарвар — студент университета.

Мохаммед высок ростом. У него слегка скуластое лицо, густые темные волосы, широко расставленные глаза. Он широк в плечах и костист. Если бы не плоская грудь, он мог бы казаться физически сильным, статным молодцом.

Мохаммед, едва-едва увернувшись от внезапного ливня, который вдруг хлынул с темного вечернего неба, вбежал на веранду, таща за собой велосипед.

— Завтра вечером мы поедем в Старый город и заглянем в несколько ашур-ханэ, — сказал он, присаживаясь к столу. — А на девятый день мухаррама состоится самое главное: мы увидим джалус и матам.

Я не знал еще, что такое ашур-ханэ, джалус и матам, но не стал ни о чем расспрашивать. А следующим вечером,

оказавшись у Мадина Билдинг, мы с Мохаммедом двинулись в невероятно узкие и запутанные улочки близлежащего мохалла. То и дело начинал хлестать дождь, загоняя нас под балконы и в подворотни.

Много печальных историй можно было бы рассказать из недавнего прошлого этого района Старого города. Ночами у фонарей здесь поджидали клиентов далали — сводники — и вели их на вторые этажи окрестных угрюмых зданий к несчастным отверженным таваиф — проституткам. Кто знает, сколько их тут покончило с собой, не сумев вырваться из жадных лап содержателей притонов, сколько их погибло от болезней. Ужасное ремесло сейчас запрещено, но питаемое бедностью, оно продолжает тлеть по закоулкам города.

— Сегодня седьмой день мухаррама, — рассказывал по дороге Мохаммед. — Все это время люди собираются по вечерам в разных ашур-ханэ, чтобы помянуть имама Хуссейна. Видите вон те огни? — указал он рукой в сторону. — Идемте посмотрим, что там делается.

На краю улицы, возле полуразвалившегося старого здания перед несколькими ямами густо стоял народ. В ямах полыхали костры. Взяв в руки палки, люди фехтовали над огнем, выкрикивая:

— Хуссейн! Благородный Хуссейн!

Чуть в стороне, тускло освещенная пламенем костров, стояла на помосте легкая постройка из бамбука и цветной бумаги — разукрашенное золотой и серебряной мишурой подобие здания с маковками из серебра. Под этим сооружением были видны четыре поручня. Видимо, его можно было нести.

— Тазия, — объяснил Мохаммед. — Ее построили жители этого мохалла. Недешево стоит: целых двести рупий! Тазия — копия надгробия на могиле Хуссейна в Карбале. Золотой тюрбан, меч, щит и лук со стрелами — имитацию тех предметов, которые имам Хуссейн незадолго до гибели имел при себе, держат сейчас в ашур-ханэ. Снаружи слишком сыро.

— А зачем все это?

— Как зачем? Люди изо дня в день имитируют трагические события, происходившие в Карбале. Там шла война, и вон видите — люди делают вид, что дерутся на мечах. Тазия на девятый день мухаррама обойдет весь город, а на десятый день ее принесут к Муси и бросят в воду. Таким образом, верующие символически утоляют жажду имама Хуссейна и его сподвижников, от которой они страдали перед смертью. Тогда же состоится и матам — всеобщее стенание и вопли по убитому Хуссейну. Все это мы увидим через два дня. А сейчас пойдемте к ашур-ханэ.

Ашур-ханэ оказалась совсем рядом. Это было обширное, ярко освещенное электричеством открытое помещение, входом в которое служили три или четыре арки. Путь к ашур-ханэ шел через древние скрипучие деревянные ворота с цепями, которыми их закладывают на ночь, через тесный двор, битком набитый народом. Посредине двора виднелся хауз — доверху налитый водой бассейн с высокими цементными стенами, возле которого играли ребятишки.

Хлынувший дождь заставил нас искать убежища под крышей ашур-ханэ. Было мокро под ногами. Люди стояли, тесно прижавшись друг к другу, толковали между собой, поглядывая на то, что происходило в глубине помещения. А там, на фоне стены, декорированной черной тканью, несколько человек колдовали над непонятными вещами. Виднелась огромная, вырезанная из дерева человеческая рука. На длинных шестах, опутанных разноцветными тряпками, висели блестящие медные пластины в виде сердец, сплошь исписанные арабскими письменами. Все было окутано мишурой, лоскутками и блестками. Видимо, шли последние приготовления: работавшие явно торопились и то и дело посматривали на часы.

Мохаммед пояснил назначение всех этих предметов, прислоненных к стене.

— Рука — это символ пяти членов семьи пророка Мохаммеда: сам Мохаммед, его дочь Фатима, четвертый калиф Али и его дети — Хасан и Хуссейн. А эти железные пластины — древние штандарты, или знамена, с которыми раньше ходили в бой. Их называют аламами. Для их хранения и предназначены ашур-ханэ. Дождь портит все дело, иначе поэты читали бы сейчас здесь свои марсии — элегические поэмы — в честь Хуссейна, пелись бы песни, а народ бил бы себя в грудь с криками: «Али! Али! Хуссейн! Хуссейн! Пусть будет проклят калиф Язид, виновный в смерти Хуссейна!»

Когда дождь кончился, мы обошли еще несколько ближних ашур-ханэ. Там происходило то же самое.

— Вы знаете, некоторые из хайдарабадских ашур-ханэ очень древние строения, — заметил Мохаммед. — В двух или трех из них хранятся, вправленные в аламы камни громадной ценности. Низам считает эти камни своей собственностью и в дни мухаррама непременно проверяет, целы ли они. А теперь поедете к Бадшахи (царской) ашур-ханэ.

Мы снова оказались на улице Патхаргатти возле Мадина Билдинг. Войдя во двор напротив, мы увидели Бадшахи ашур-ханэ — залитый светом открытый павильон со множеством деревянных колонн, подпиравших высокий потолок. Стены его были украшены персидской керамикой дивной красоты. Преобладал синий цвет. По стенам и карнизам павильона были

начертаны изречения из Корана — тоже средствами керамики. С потолка свисали люстры.

На фоне стен, задрапированных черной и красной материей, сверкали золотые пластины аламов, среди них выделялся огромными размерами центральный, принадлежавший Мохаммеду Кули Кутб Шаху, который построил эту ашур-ханэ. По каменным полам, устланным белыми простынями, ходили босые дети, зажигавшие ароматные палочки агрбатти.

Была уже глубокая ночь, когда вдруг люди повалили со двора ашур-ханэ на улицу в темень, неся над головами хвостатые знамена, аламы, и символические ладони. Дождь не пугал их. Это был джалус — траурная процессия в честь имама Хуссейна и его родни.

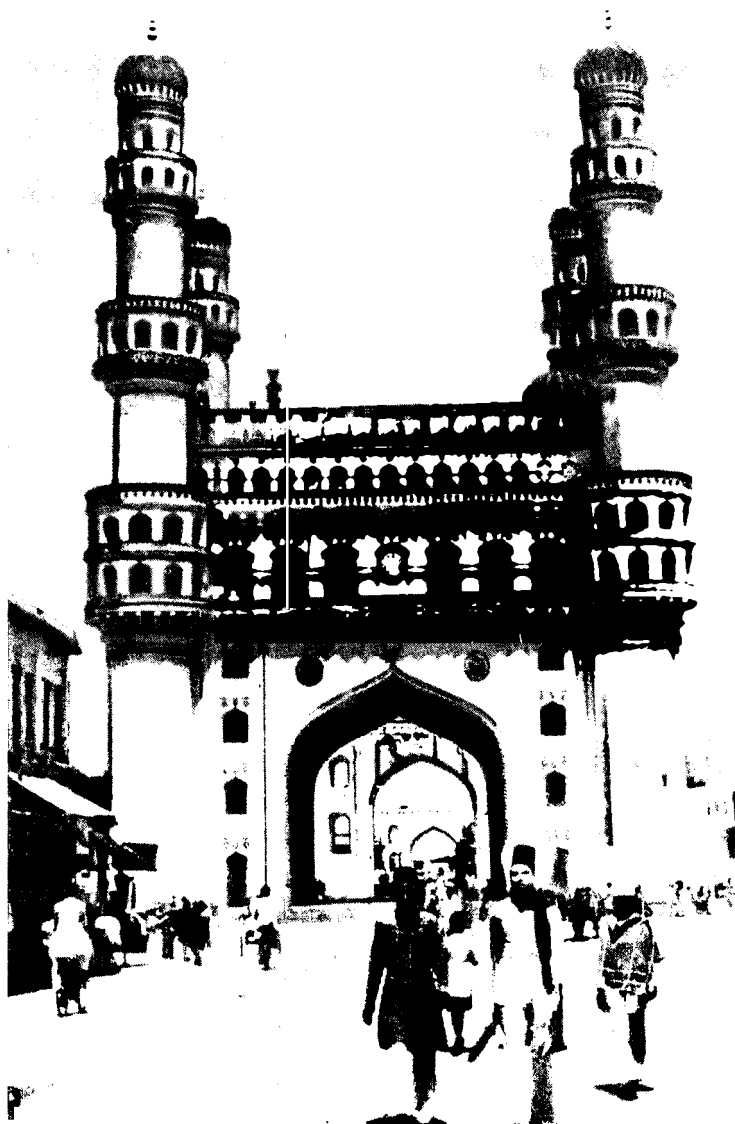
На девятый день мухаррама, в кульминационный его момент, громадные толпы народу собрались на берегу Муси, вздувшейся от муссонных дождей. Накрапывало. Над толпой чернело множество зонтов. Кругом толпились шииты в их характерных черных ширвани и черных шапках. Все чего-то ожидали.

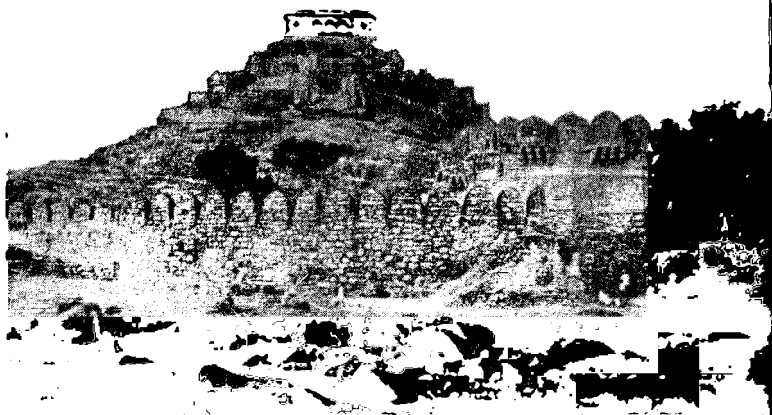
Вдруг в толпе произошло движение. Все стали смотреть вдоль набережной. Издалека, приближаясь, плыло над морем человеческих голов несколько аламов, затем показалась тазия. За ними медленно двигался гигантский слон с большим розовым пятном на щеке, на спине у которого сидело человек десять. Животное то и дело останавливалось у дверей домов. Хозяева предлагали ему какие-то корзины, и слон хоботом отдавал их людям, сидевшим у него на спине. А те бросали сверху кусочки цветной бумаги, которые жадно хватывались толпой.

Слон прошел, и почти вслед за ним из густой толпы появилась группа человек в триста. Они шли почти как военный отряд. Когда они подошли поближе, то стало видно, что их рубашки окровавлены и изорваны на груди. С интервалом в минуту они вдруг дружно вскидывали над головами руки и сверху вниз били себя в грудь кулаками. Это были наиболее ревностные шииты, отмечавшие таким образом гибель имама Хуссейна.

Лица шиитов были хмурые и равнодушные. Никто из них не говорил ни слова. Проходя мимо, все они снова, будто по команде, взметнули руки вверх и начали бить себя в грудь кулаками, и на миг меня обдало теплом массы разгоряченных человеческих тел. Это и был матам.

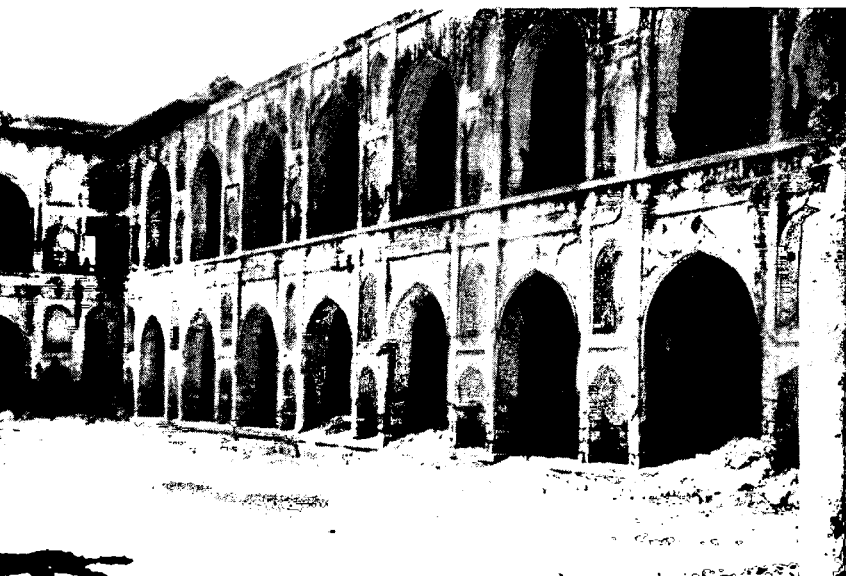
Чарминар

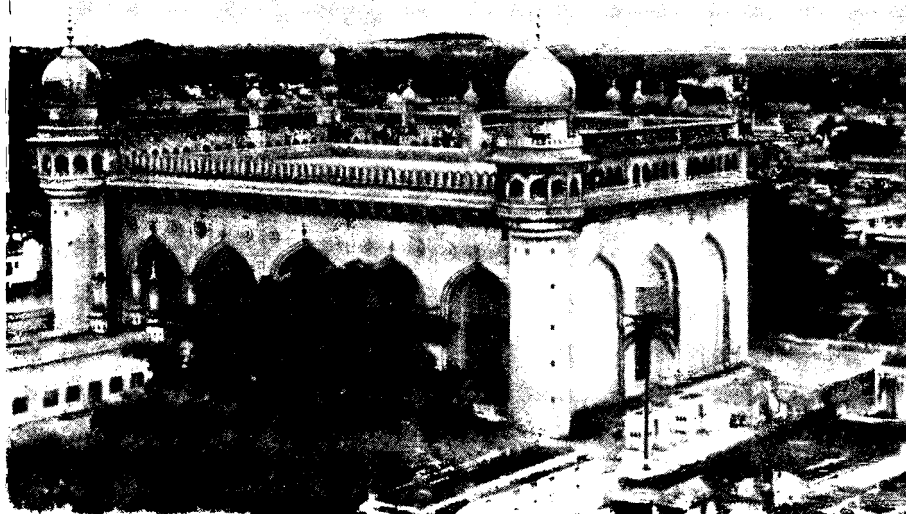

Холм Голконда и дворец Бала Хисар

Дар-уш-Шифа, городская больница в старом городе, ровесница Чарминара

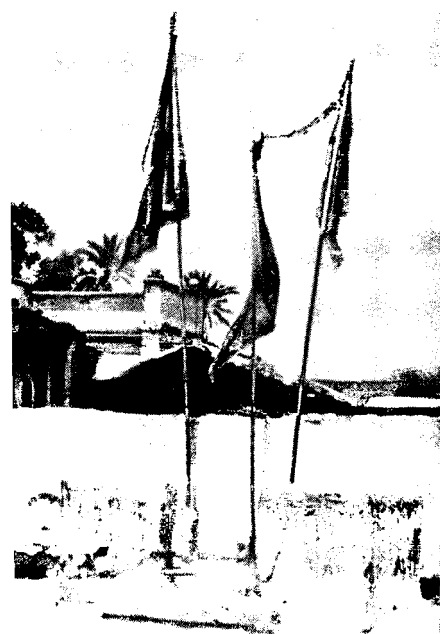
Мечеть Макка масджид

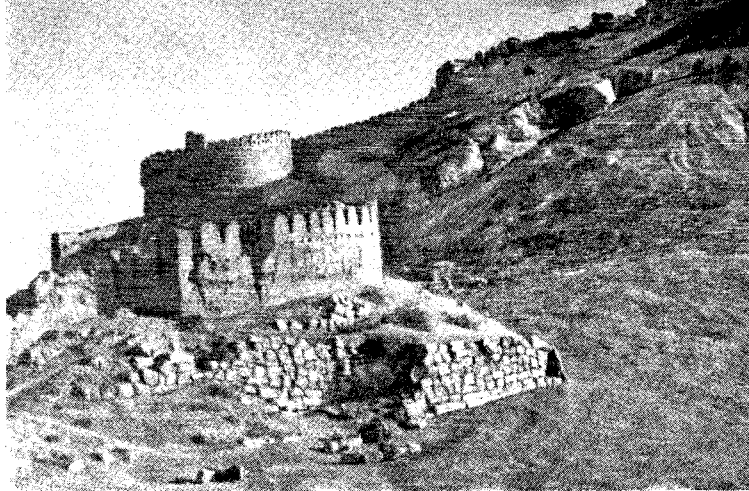
У ворот музея Саларжанга
на улице Патхаргатти

Кладбище вокруг даргаха одного из хайдарабадских пиров

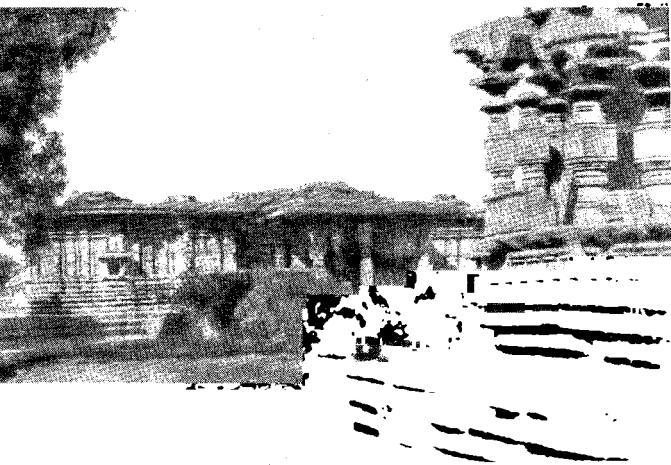
Надгробия и флаги над могилами
местных пиров в старом городе

У крепости Бхонгир

Хайдарабад. Уголок старого города

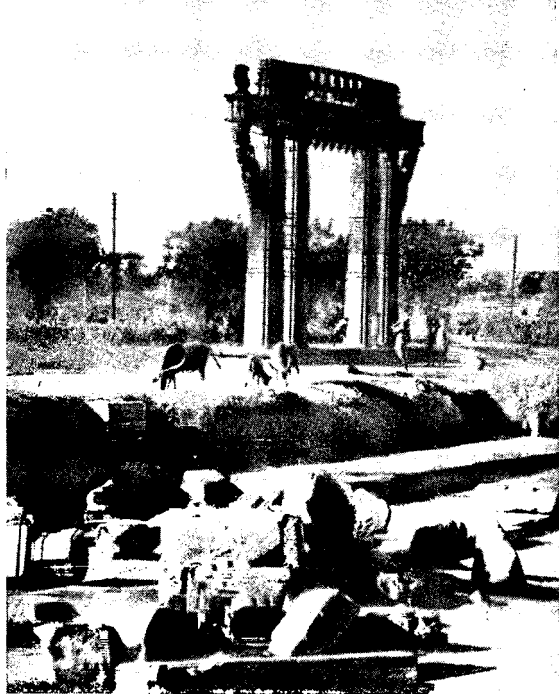

Варангал. Храм тысячи колонн

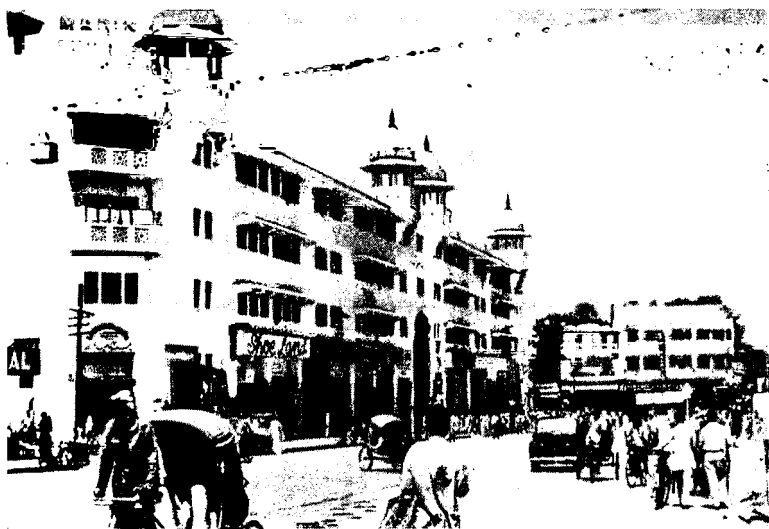

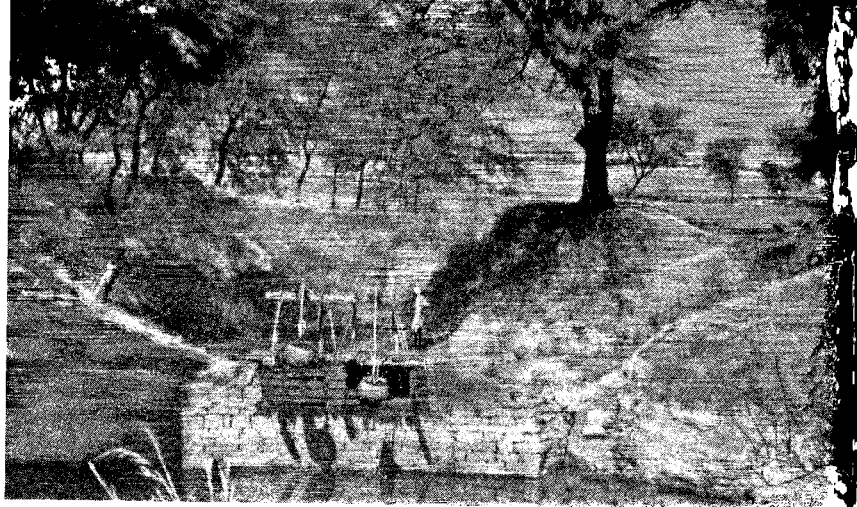
Крестьянин андра

Ворота, оставшиеся от древнего храма в Варангале

Улица Патхаргатти в Хайдарабаде

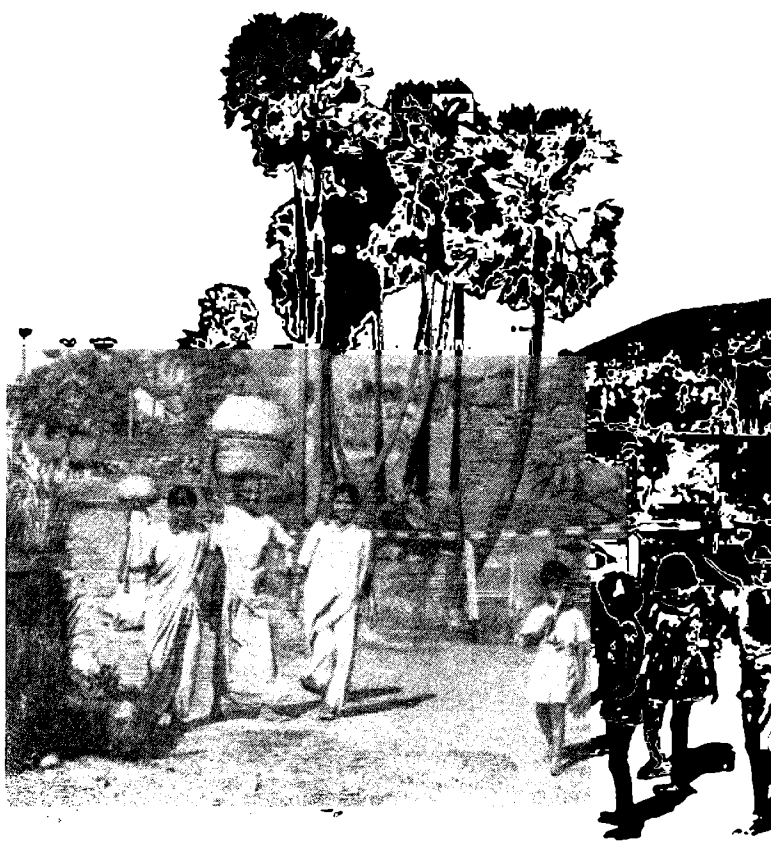

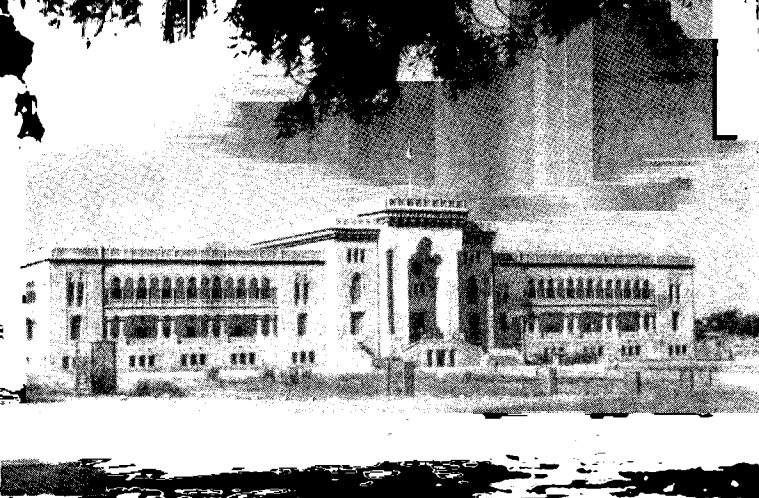
Колодец для орошения полей

Деревня в Телингане

Характерный пейзаж приморской части штата Андхра

Колледж гуманитарных наук Османского университета
в г. Хайдарабаде

Крестьяне, приехавшие на урс пира Наранджана

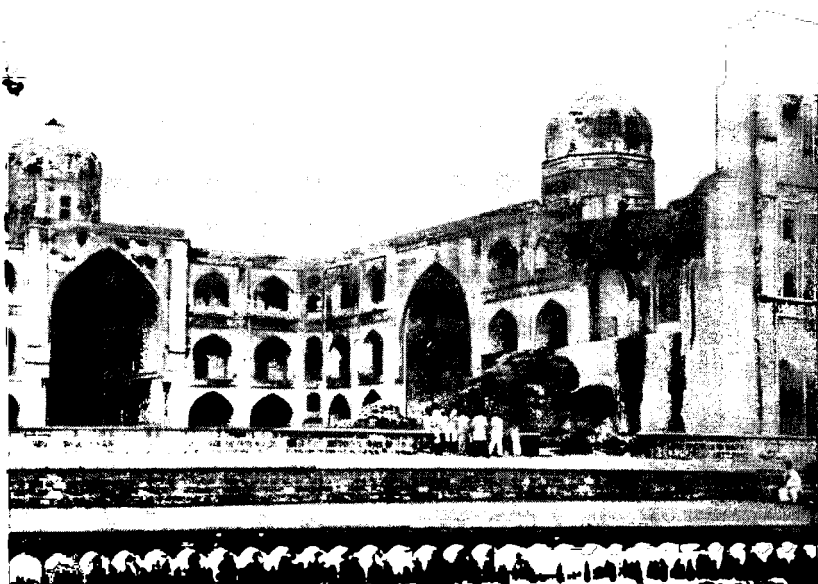

Жены рыбаков ждут возвращения мужей с уловом. Висакхапатнам

Торговый центр г. Майсура

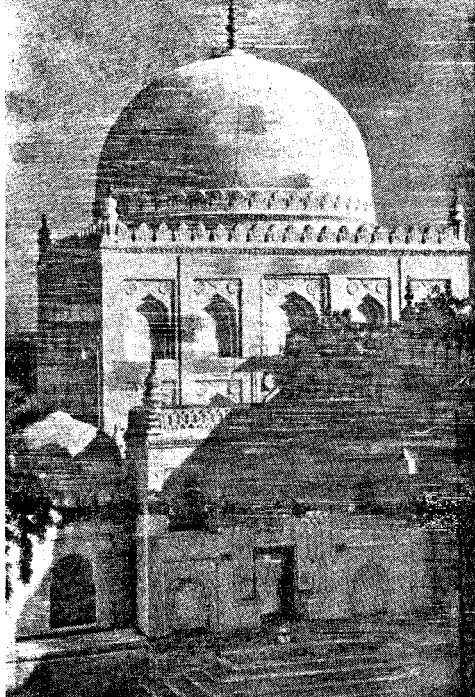
Медресе Махмуда Гавана. Бидар

Маленькие ткачи

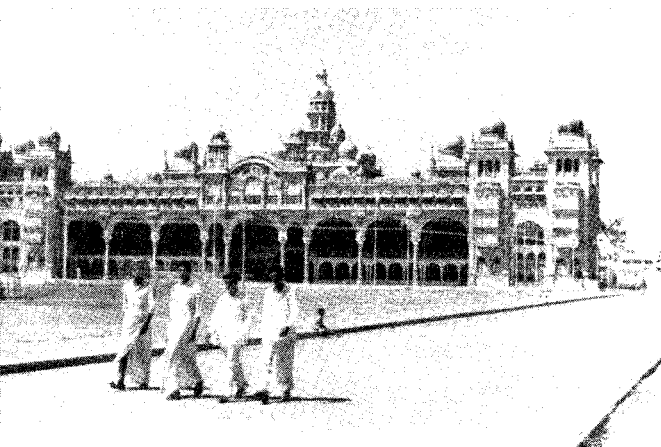
Даргах пира Гесудараза

Улица в Бидаре

Один из уголков г. Майсура

Дворец бывшего махараджи Майсура

Нанди

Шииты прошли, и вскоре набережная опустела.

Но и на этом не заканчивается оплакивание имама Хуссейна. На десятый, двадцатый и сороковой день мусульмане еще и еще раз вспоминают древнюю трагедию в песках Карбалы.

* *
*

На десятый или двадцатый день после шествия шиитов по набережной Муси мне пришлось быть очевидцем последнего «акта» мухаррама.

Долго проблуждав по темным улицам Нового города, я оказался в конце концов в районе Муршидабада и из темноты вышел вдруг на шумный и пестрый базар, полный народа. Обширная площадь была заполнена прилавками. Продавались сладости, игрушки. На кострах шипели чаны, от которых неслись аппетитные запахи. На прилавках призывно горели яркие лампочки и фонари. Большие южные звезды, не мигая, удивленно смотрели с чернильно-темного неба на этот базар, шумевший в столь неурочное время.

Посередине площади, вокруг большой груды дров и всякого горючего хлама, густо толпился народ. Сотни полицейских едва сдерживали напор многолюдной шумливой толпы, где всяк стремился оказаться поближе к загадочной груде.

Меня совсем затолкали. На крышу соседнего дома по длинным бамбуковым лестницам лезли шииты, и я увязался за ними. Хозяин дома не дремал. Он собрал со всех зрителей по полрупии и, ворча, прогнал «зайцев», желавших посидеть на крыше даром.

А внизу уже запалили костер, который долго полыхал огромными огненными языками без дыма и копоти. Когда груда осела, уголья стали разгребать по площади. Для этого служили грабли с длинейшими рукоятками. Люди, выполнявшие эту работу, закрывались от жара и искр рукавами рубашек.

— Смотрите, сейчас начнется самое главное! — сказал мне кто-то из соседей по крыше.

Возле огненной груды, под знаменами, которые колыхались у самого ее края, началось сильное движение. Послышались громкие ликующие возгласы, песни, загрохотали барабаны. И вдруг прямо по огненному ковру, по раскаленным углям, раскинув руки и часто часто семеня босыми ногами, пробежал толстяк иранец. За ним, вздымая огненные искры, проковылял старик, затем еще множество людей. Все они тоже были босыми.

На крыше вместе с другими сидел пожилой низкорослый человек с черной как смоль бородкой. У него было темное лицо, сверкающие глаза. Он выделялся широкой черной хла-

мидой, уверенными жестами и властной речью. Оказалось, что это был мазхаби пешва — духовный глава шиитов Хайдарабада. Он и объяснил мне смысл происходившего внизу: имам Хуссейн незримо присутствует возле костра. Все истинно верующие могут без страха пройти босиком по кострищу — имам не даст никому обжечься. И, конечно, подчеркнул он, большинство бегавших по горячим угольям были шииты!

Процедура длилась долго, пока кострище не подернулось сизым пеплом. Народ стал понемногу расходиться.

Мы слезли с крыши.

— Странно все-таки, что никто не обжегся, — вслух рассуждал на обратном пути знакомый мне студент Османского университета. — Наверное, и в самом деле тут замешана сверхъестественная сила!

— Всегда ли это сходит благополучно? — спросил я.

— Нет, не всегда. У нас в Налгонде в такой же вот огонь сунулся какой-то пьяный. Так он буквально изжарился на угольях. Спасти его не удалось. А вы бы побежали?

— Нет, не побежал бы! — честно сознался я. — Мне бы это даром не обошлось. У здешних людей ступни ног тверды как камень, а я почти не хожу босиком.

— Словом, вы не находите во всем этом ничего сверхъестественного?

— Честно говоря, не нахожу.

Студент недоверчиво покачал головой и всю дорогу упорно о чем-то думал.

ХАЙДАРАБАДСКИЕ ВСТРЕЧИ

От хайдарабадских мусульман мне не раз приходилось слышать жалобы на упадок веры. Эту жалобу я слышал и от Тамкина Казми — историка и ревнителя старины, который регулярно публикует в «Сиясат» — местной газете на языке урду — интереснейшие статьи о прошлом Хайдарабада.

Отправившись как-то в гости к Тамкину Казми, я с трудом разыскал его домик в старинном мохалла, возникшем в Старом городе еще при Кутб Шахах. Комната у него была совсем крошечная, с оконцем на уровне пола — так строили в старину дома хайдарабадцы.

Историку было за шестьдесят. Скрестив ноги калачиком, он сидел на низенькой тахте и, прихлебывая чай из блюдечка, долго со знанием дела и любовью рассказывал о прошлом города, а потом, выйдя на улицу, показал мне старинный индийский Колизей на окраине мохалла: обширную низину, обнесенную высокой каменной стеной с полуразрушенной беседкой на краю.

— Отсюда основатель Хайдарабада Мохаммед Кули Кутб Шах любил смотреть бои слонов,— указал он рукой на павильон.— Слонов поили особым опьяняющим напитком, и они дрались насмерть. Посмотреть на их битвы здесь собиралось иной раз по несколько тысяч человек.

Слушая мой рассказ о виденном в дни мухаррама, Тамкин Казми горько усмехнулся:

— Побывали бы вы тут каких-нибудь полтора десятка лет назад, и вы бы увидели, что такое настоящий мухаррам! Тогда по городу нельзя было ни пройти ни проехать. А вы говорите— удивились! Здешние мухаррамы никогда уже не будут в прежнем размахе и славе.

— Почему?

— Времена пошли другие. Низам и навабы не желают тратить денег на мухаррам— у них не прежние доходы. Отсюда нет былой пышности. А самое главное: среди мусульман стало много неверующих. Рушится вера, рушится на глазах!

Тамкин Казми говорил правду. Ортодоксов среди сегодняшних индийских мусульман не больше тридцати процентов. Все остальные либо вовсе отошли от религии, либо выполняют религиозные ритуалы лишь затем, чтобы избежать неприятностей в семьях, где главенствуют старики.

Как ни покажется это странным, но главными ревнителями и поддержателями ислама, бесчисленных, порой диких предрассудков, старинного уклада жизни в семьях и многого такого, что давным-давно отжило свой век, являются женщины мусульманки, на которых тяжелее всего давит бремя религии. В большинстве своем матери мусульманских семейств и сейчас еще живут в женской половине дома, совершенно отрезанные от мира. Там, за пардой, молодые девушки начинают жизнь так же, как начинали ее их матери и бабушки. А женщины оказывают сильное влияние на семью.

Бывая в гостях у хайдарабадцев мусульман, я очень часто не видел в домах женщин, кроме девочек до десяти лет. В мужской половине шел обед, велись разговоры, а сбоку, за занавеской, слышался шепот, негромкий смех. Иногда занавески чуть-чуть отодвигались, и оттуда выглядывал искрящийся любопытством, черный как уголек глаз. За ширмой сидели женщины— жены присутствующих гостей.

Мне приходилось иногда встречаться с обитательницами женских половин. Вот одна из них.

В литературных кругах Хайдарабада довольно известно имя молодой писательницы Джилани Бану, которая недавно опубликовала интересный сборник рассказов из жизни индийских женщин. Сборник получил широкую известность в Индии и Пакистане. Писатель Кришан Чандр, глава прогрес-

сивного направления в литературе урду, прочит Джилани Бану большую будущность и считает ее продолжательницей своего дела. Рассказы молодой писательницы полны жизни и острых наблюдений. Они написаны на так называемом женском диалекте языка урду, и читать их довольно трудно.

Когда я приехал к Джилани Бану по приглашению ее брата, навстречу из внутренних покоев вышла девушка лет двадцати пяти в традиционных мусульманских шароварах, пестрой блузе и легкой шали. У нее было белое, окрашенное легким румянцем лицо, широкие темные брови, длинная коса и красивые точеные руки.

Оказалось, Джилани Бану соблюдает обычай парды. Однако не в пример другим мусульманкам она ничуть не смущаясь смотрела прямо в глаза, разговаривала смело и независимо, держалась с большим достоинством.

— Как же вы собираете материал? — спросил я. — Из ваших рассказов видно, что вы хорошо знаете людей и предмет, о котором пишете, и в то же время — парда!..

— Мне удастся иногда бывать в деревнях, — ответила она. — Там я разговариваю с людьми и черпаю материал для рассказов. Трудно, конечно, но что поделаешь? Я соблюдаю парду не по собственному желанию, а из уважения к матери и старшим сестрам.

— И так на всю жизнь?

— Нет, вовсе нет! — живо ответила она. — Вскоре я выхожу замуж и тотчас же покончу с пардой. Мой будущий муж — человек новых идей, и он против парды. Но пока я во власти традиций.

Никогда не забыть мне визита к Мохаммеду Сарвару — моему бессменному гиду по Хайдарабаду. Буквально за несколько часов до нашего окончательного отъезда из Хайдарабада он попросил меня и мою жену зайти к нему.

Откровенно говоря, я удивился приглашению Мохаммеда. Сам он часто бывал у меня. Вместе мы много странствовали по городу. Не раз подъезжал к воротам Мохаммеда и я, но всякий раз, выходя со двора, он плотно закрывал за собой калитку. Если же я стучался в его отсутствие, то в доме замирал разговор и воцарялось молчание. Я знал, что Мохаммед живет вместе с братом и матерью и что мать у него очень религиозная.

— Моя мата-джи проводит все время в чтении Корана, — как-то сказал он мне. — Она строго соблюдает парду.

— Сидит дома?

— Да, целыми днями, месяцами и годами. Весь ее мир в четырех стенах. Только изредка она выбирается к родственникам. Недавно я возил ее смотреть кинокартину «Десять заповедей»: нанял рикшу с крытым фургончиком. Поехали с

ней на последний сеанс. Все это очень сложно! — Мохаммед вдруг несколько замаялся. — И я прошу прощения, профессор сахиб, что не приглашаю вас к себе. Не могу! Когда вы стучитесь в мое отсутствие, а вы стучитесь так, как не стучатся у нас в Индии, она насмерть пугается и прячется в заднюю комнату. Что я могу поделать с ней?

Явившись на этот раз с приглашением, он сказал со вздохом:

— Если бы вы знали, как долго я убеждал ее принять вас в нашем доме. Целый год! Сначала это было решительное нет, но вот сейчас она сказала наконец да. Пойдемте, обязательно пойдемте ко мне!

Мохаммед жил через дорогу у талао — старинного глубокого колодца. То, что я пошел в гости не один, а с женой, весьма облегчило и упростило этот первый и последний визит в дом Мохаммеда Сарвара.

Матери Мохаммеда было всего лет сорок пять, но ее очень старило тяжелое коричневое платье, темная старушечья орна — накидка. От вечного сидения взаперти лицо у нее было бледное, но глаза прекрасные — живые и полные любопытства.

Мать Мохаммеда встретила нас очень хорошо, хотя было видно, что она делает большие усилия, чтобы держаться просто и естественно. Как и полагается при встрече со старшей, моя жена, поклонясь, хотела коснуться рукой ее ног, но та не позволила этого сделать. То, что мы отнеслись к ней с должным уважением, и то, что разговор шел на ее родном языке, сразу же успокоило бедную женщину. Она приняла участие в общем разговоре и вела себя как щедрая, хлебосольная хозяйка.

Я успел бегло осмотреть мирок, в котором идут годы матери Мохаммеда: небольшой дворик, две комнаты, черный от сажи очаг, водопроводный кран и полдюжины старых темных кастрюль и котелков. Во дворе стояла хижина, покрытая темными пальмовыми листьями. В летнюю пору жить в доме под шиферной крышей — настоящая пытка, и вся семья Мохаммеда переселяется в эту хижину. Все скромное имущество семьи было сложено в уголке комнаты. Одежда была развешана по стенам.

Мы ушли из дома Мохаммеда, оставив там нового друга в лице его матери. И мне искренне жаль, что нам не удалось отплатить взаимным гостеприимством женщине, которая сумела сломить себя и, позабыв на время старые условности и железные правила религии, пригласила в свой дом чужеземцев. Что ж, остается надеяться, что придет все-таки время, когда мать Мохаммеда выйдет из своего тесного мирка и увидит, как велик и прекрасен настоящий мир.

Пожилые мусульмане, даже те, которые получили образование в Европе или Америке, в большинстве своем твердо придерживаются религиозных традиций. И очень часто видные ученые, пользующиеся передовыми методами в своих научных работах, оказываются глубоко религиозными людьми. Таковы многие профессора мусульмане Османского университета, с большинством которых меня связывали хорошие дружеские отношения.

У многих старых ученых Хайдарабада, мусульман по религии, глубокая религиозность уживается с ясным пониманием того, что мусульманская община сильно отстала от прогресса, пропитана духом средневековья. Многие из них полны восхищения перед достижениями народов Советского Союза и научными подвигами советских ученых.

* *
*

Ислам еще довольно крепок в Хайдарабаде. В дни религиозных праздников мечети и ид-гахи города, как и во всей Индии, до сих пор бывают полны народа. Победное шествие науки и просвещения по земле бывшего княжества началось совсем недавно, всего полтора десятка лет назад, когда Хайдарабад — до этого крепость ислама — стал крупным центром образования на Декане. Но и этого короткого времени оказалось достаточным для того, чтобы феодализм с его невежеством и ислам — эта идейная опора всего отжившего и реакционного — оказались вынужденными сильно потесниться под напором нового. Будущее, конечно, за новым, хотя пройдет не одно десятилетие, когда оно восторжествует окончательно.

ВОКРУГ СВЕТИЛЬНИКА

Хайдарабад — настоящий рай для исследователей культуры и языка народа андхра, да и не только андхра. В городе и его окрестностях живет много маратхов, каннара, тамиллов, кургов и банджара. В Хайдарабаде проживает также довольно многочисленная община сикхов. Все они говорят на разных языках. Но есть в Хайдарабаде еще один язык, который знают почти все. Это урду. После телугу урду самый популярный язык в городе. Пожалуй, только Дели, Мирутх, Лакхнау и еще несколько старых городов Индии с окружающими их районами могут поспорить с Хайдарабадом по распространению и популярности этого языка. До самого последнего времени урду был государственным языком княжества. На нем преподавали в Османском университете и во всех здешних школах и колледжах.

Что же это за язык?

УРДУ — ДИТЯ БАЗАРОВ

Урду появился сравнительно недавно. Он — результат синтеза языков, на которых говорили коренные жители Северной Индии и иноземные завоеватели.

Воины из Ирана, Аравии и Средней Азии, проникшие в Индию вместе со своими повелителями, говорили в основном на сильно арабизированном персидском языке. На многочисленных индийских базарах они торговались с местными купцами и крестьянами.

Средством общения между разнородными массами людей постепенно стал особый общий язык. Основой для нового языка послужила грамматическая система западного хинди, непосредственно происходящего из саура-сенского пракрита, в которую важной составной частью вошло множество элементов персидского и арабского языков.

Новый язык, дитя базаров, в разные времена называли по-разному. Лет полтораста назад он назывался рекхта, то есть смешанный язык. Англичане присвоили ему название хиндустани, то есть язык, на котором говорят во всем Хиндустане — Индии. В старину его часто называли еще и хинди, то есть язык населения Хинда — Индии. У нового языка имелось еще одно очень популярное название — урду, то есть язык базаров и военных лагерей, представлявших собой настоящие вавилонские столпотворения.

На этом «сборном» языке говорили и говорят поныне десятки миллионов жителей Индии. В силу исторических причин

издавна сложилась традиция, что те из индийцев северян, предки которых явились извне и которые жили большими компактными массами, часто и охотно использовали персидские слова и применяли персидский алфавит, слегка переделав его применительно к новому языку, а потомки коренных жителей также часто и охотно использовали слова из старого западного хинди и санскрита и применяли алфавит деванагри. Персианизированный новый язык получил название урду, а санскритизированный — хинди.

Развилось парадоксальное явление — язык был один, а графически его выражали двумя разными способами. Эта особенность развития народного языка Северной Индии была в последнее время использована ортодоксами из числа мусульман и хиндуистов для подчеркивания различий между этими большими религиозными группами.

Реакционно настроенные мусульмане считают, что «их языком» является урду, поскольку в нем много слов, заимствованных из арабского языка, на котором говорил пророк Мохаммед и на котором написан Коран. Ортодоксы хиндуисты в свою очередь объявляют «своим языком» хинди. Ведь хинди пользуется видоизмененным шрифтом санскрита, на котором изложены догмы их религии.

Искусственность разделения одного и того же языка доказывается, между прочим, тем, что на урду пишут многие писатели, не являющиеся мусульманами. Достаточно назвать крупнейшего современного писателя урду Кришана Чандра, предки которого исповедовали хиндуизм. И, наоборот, известно немало поэтов и писателей мусульман, которые предпочитали писать на хинди.

После разделения Индии на два независимых государства стала особенно заметна тенденция еще больше персианизировать урду и санскритизировать хинди, что привело к абсурду: широкие народные массы перестали понимать санскритизированный хинди делейского радио и крайне персианизированные газеты и книги на урду, издаваемые в Пакистане.

В настоящее время, когда религиозные страсти улеглись, наступает новая фаза: все чаще издаются книги, печатаемые одновременно как на урду, так и на хинди, в которых использованы почти одни и те же слова. Первые рассчитаны на знающих алфавит урду, а вторые — на знающих деванагри. И, очевидно, придет время, когда язык, родившийся на базарах Северной Индии, снова получит свое самое точное название — хиндустани, а термины урду и хинди окажутся историческими понятиями. Именно к этому и идет сейчас дело.

Первым, кто начертал стихотворные строки на урду (так мы будем называть в дальнейшем народный язык Северной Индии), был известный делийский поэт Эмир Хусроу, который жил в XIII—XIV веках.

В средние века урду получил широкое распространение и на Декане. Занесли его туда воины северяне, пришедшие на Декан вместе с делийским падишахом Туглаком. Под названием дакхни (южный язык) урду был весьма популярен в Биджапуре и Голконде.

В то время как в Дели при дворе Великих Моголов процветали персидский язык и персидская поэзия, в Биджапуре и Голконде пышно развилась традиция стихотворчества на языке дакхни.

Способствуя процветанию языка дакхни, правители Биджапура и Голконды стремились с его помощью привлечь к себе широкие массы своих подданных для более успешной борьбы с агрессивными Моголами.

После гибели Голконды (Биджапур был разгромлен Аурангзебом несколько раньше) центром языка дакхни и поэзии на нем стал город Аурангабад. Там они достигли высшего развития в трудах большого поэта Вали Аурангабади (1668—1744). Вали долгое время считался первым большим поэтом урду, так как он первым в Индии оставил после себя диван — объемистый сборник стихов в различных канонических жанрах, заимствованных у персов.

Будучи уже знаменитым поэтом, Вали ездил в Дели. Он сумел заинтересовать тамошних поэтов, писавших на персидском, своим опытом сочинения стихов на дакхни. Очарованные красотой стихов Вали, делийские поэты последовали его примеру. Поначалу они даже считали дакхни стандартным языком для своего стихотворчества, но позже, чувствуя, что урду Дели успел уже значительно отойти в своем развитии от дакхни, начали творить на своем северном диалекте.

Последние несколько веков дакхни и северный урду — две ветви одного языка — развивались своими путями. На севере урду постепенно вытеснил персидский и стал языком двора и поэтов. В разные времена на нем творили такие большие мастера художественного слова, как поэты Мир Таки Мир, Сауда, Назир Акбарабади, Галиб и Икбаль. (Эти знаменитые поэты, к сожалению, пока мало известны за пределами Индии.) С разгромом империи Моголов, и в особенности после восстания 1857 года (известного под именем сипайского восстания), поэты урду, оставшиеся не у дел, во множестве устремились в Хайдарабад ко двору низама. С их приходом

северный урду занял в Хайдарабаде первенствующее положение, сильно потеснив дакхни.

В своем развитии дакхни далеко отстал от стандартного урду. Сдавая свои позиции, он постепенно сделался языком простонародья. Его называют сейчас «деревенским языком». В Хайдарабаде дакхни понимают все, но относятся к нему с усмешкой, ибо дакхни грубоват и примитивен по сравнению с развитым и красивым урду. Но дакхни не умер. В Хайдарабаде, Гулбарге, Бидаре и других окрестных городах и поселках на нем и по сей день говорят многие тысячи людей. На нем пишут стихи народные крестьянские поэты и читают их под аплодисменты аудитории.

АГА ХАЙДАР ХАСАН

Главными хранителями старины в Хайдарабаде являются старики. Они бережно лелеют в памяти «дела давно минувших дней» и любезные их сердцам воспоминания о том, как и чем жил народ в многолюдных мохалла старинных индийских городов.

В Хайдарабаде я встретился однажды с одним таким стариком, которого можно было бы с полным правом назвать осколком Индии восемнадцатого или девятнадцатого столетия. Зовут этого человека Ага Хайдар Хасан или просто Ага сахиб.

Агу сахиба в Хайдарабаде знают решительно все. Он ревностный хранитель старины. Принадлежа всецело эпохе, в которую был построен Тадж Махал и жил и творил великий поэт Галиб, он словно живет в башне из слоновой кости, бережно храня воспоминания о своеобразной и очень интересной культуре старого Дели. Им собраны удивительные коллекции редчайших рукописных книг на урду, образцы старинной утвари, старые картины и множество таких вещей, каких не найдешь ни в одном музее мира.

Однако Ага сахиб известен в городе главным образом тем, что он говорит на бегамати забан — наиболее развитой форме урду, бытовавшей некогда в старом Дели.

Чтобы легче было понять суть дела, я хочу отвлечься немного от своего повествования.

Один мой индийский друг рассказывал, что как-то в Бомбее знакомый ему англичанин-журналист долго говорил по телефону с одним из своих соотечественников. Когда же он положил трубку, на его лице было разлито смешанное чувство радости и зависти.

— Я сейчас разговаривал с человеком, говорящим на квинз инглиш (королевском английском)! — воскликнул он.

Журналист — очень эрудированный и культурный чело-

нек — говорил на хорошем английском, и его восклицание вызвало удивление моего друга.

— Разве вы сами не смогли бы говорить на квинз инглиш? — спросил он.

Англичанин отрицательно затряс головой.

— Нет, как ни старайся, все равно это будет имитация, пусть даже искусная. Для того чтобы говорить на квинз инглиш, нужно родиться и вырасти именно в тех районах Англии, где он в ходу. Мне в этом отношении не повезло.

В Англии квинз инглиш считается наиболее красивой формой английского языка. По аналогии с этим урду-э-муалла или кила-э-муалла представляет собой красивую, хорошо отполированную и богатую образными выражениями форму языка урду, которая бытовала во времена Моголов в Лал Кила (Красном форте) в Дели. А бегамати забан — это не менее красивая и развитая форма урду, на котором говорили бегам, обитательницы падишахских гаремов в Лал Кила — женщины из богатых и культурных семей Индии, зачастую и сами талантливые, богато одаренные.

Все-таки бывают чудеса на белом свете! Давным-давно стала музеем Лал Кила. Старинные мохалла Дели оказались совсем оттесненными на задний план помпезными постройками английских вице-королей в Новом Дели. Люди из других штатов, хлынувшие в столицу, значительно снизили общие стандарты старого делийского урду. А тут в Хайдарабаде живет человек, говорящий на бегамати забан!

Я со своим спутником Мохаммедом направился сначала в глубь Банджара-Хиллз, а потом по неровной дороге мы спустились в неприметную низинку, заросшую старыми корявыми деревьями. Там у самого края большого гранитного валуна приютилось небольшое красное бунгало Аги сахиба.

Откуда-то сбоку из пристройки появился бородастый старик. У него были серые сильно выцветшие глаза, крупные руки с набухшими венами. Я обратил внимание на его старинный костюм: длинную пеструю рубашку, шитый золотом жилет и шаровары. На голове сидела характерная шапка, каких в Индии не носят уже добрую сотню лет и которая чем-то напоминает богато расшитый поварской колпак. Старик приветствовал меня легким поклоном с семикратным прикосновением пальцев правой руки ко лбу. Это и был Ага Хайдар Хасан.

Ага сахиб, начав разговор на английском, радушно пригласил нас к себе, и через минуту мы оказались в небольшой и чистой приемной комнате, заставленной старинной утварью. Мы сидели на тахте перед «столом» — плоским медным котлом с крышкой, в котором можно было заварить кашу человек на двести. Сбоку на тумбочке стоял кальян

с длинной трубкой. Табак зажигался сверху, в особой чашечке, и дым шел через воду и трубку ко рту курильщика. На стенах висели голубые блюда, на которых некогда «едали» Кутб Шахи.

Пока я рассматривал старинные картины на стенах приемной, Ага сахиб расспрашивал Мохаммеда: что за человек? Откуда? (Мы явились с визитом, не известив заранее.)

— Он знает урду, Ага сахиб! — сказал Мохаммед. — Русский, из Москвы.

И в дальнейшем разговор с Ага Хайдар Хасаном шел на урду.

К моменту приезда в Индию я был знаком с урду уже более десяти лет. В Хайдарабаде мне приходилось говорить на урду постоянно, но никогда не знал я его таким красивым, элегантным и гибким, каким он был в устах Аги сахиба. Бегамати забан отличали какое-то внутреннее благородство и большая простота. Слушать его было одно наслаждение.

И почти все время, пока шла наша беседа, долгая и обстоятельная, меня не покидало ощущение, что мы говорим по-русски. По своему общему звучанию бегамати забан оказался очень близким к русскому. В нем не было ни одного гортанного звука, характерного для персидского или арабского языков.

Так, в устах Аги сахиба ожил для меня язык старого Дели.

Мы обменивались впечатлениями о «Лампе Аладина», которую только вчера показывал хайдарабадцам приехавший сюда Сергей Образцов. Ага сахиб был в восторге.

— Чудесно, бесподобно! — с улыбкой говорил он, вспоминая знаменитое место, где кривоносый султан спрашивает мудреца: «Можно ли вылить воду из пустого сосуда?» — Все правильно. Наверное, у них есть консультант с востока. И звери как настоящие.

— А было ли в Индии что-нибудь подобное кукольному театру?

— Да было, и совсем недавно. Еще лет двадцать назад в Хайдарабаде были целые семьи, промышлявшие показом коротеньких импровизированных спектаклей. У них тоже были куклы: фигурки, вырезанные из плотной бумаги. В комнате ставили что-то вроде большого абажура с лампой посередине. Куклы размещались по краям абажура, и на стенах появлялись движущиеся тени. Раньше в Хайдарабаде очень любили смотреть такие представления, хотя, конечно, это далеко не то, что мне пришлось увидеть вчера.

— А сейчас где эти кукольники?

Ага сахиб пожал плечами:

— Все они давно забросили свое ремесло. Сейчас всюду кино, книги. Где им тягаться, беднякам! Правда, многие виды искусства были неплохо развиты и в прежние времена. Возьмите хотя бы живопись...

И Ага сахиб показал нам длинную галерею портретов поэтов и государственных деятелей периода Кутб Шахов и ранних низамов, старинные миниатюры. Их то и дело просят у него на разные исторические выставки.

— Вот посмотрите,— сказал Ага Хайдар Хасан, протягивая мне изящно переплетенную рукописную книжицу.— Редкая штука!

Это была одна из первых копий книги поэта XVIII века Мир-Хасана «Сэхр-уль-Баян». «Сэхр-уль-Баян» — настоящая энциклопедия жизни знати Индии XVII—XVIII веков. С ней должен быть хорошо знаком каждый востоковед. Дивно иллюстрированная, написанная искусным катыбом (писцом), книга была настоящим сокровищем. А таких книг у Ага сахиба целые шкафы.

— С севера ее сюда привезли,— сказал он, любовно поглаживая корешок книги.

— Вы и сами с севера?

— Да, мы из Дели. А прадеды — из Средней Азии.

— Вот видите, мы почти земляки.

Ага Хайдар Хасан улыбнулся.

Долго проговорили мы с Ага сахибом. Когда я отправлялся домой, он сказал:

— Раньше считалось смертельным оскорблением, если на визит не отвечали ответным визитом. Но вы уж простите меня ради старости моей. Выбираться мне из дому трудно, еще, пожалуй, умрешь по дороге.

До сих пор звучат у меня в ушах эти последние грустные слова Ага сахиба, сказанные на певучем бегамати забан.

УРДУ СЕГОДНЯ

До ликвидации княжества Хайдарабад урду был государственным языком. На урду говорили чиновники правительственного аппарата, суда, на нем преподавали в школах, колледжах и Османском университете. Урду насаждался сверху, в известной степени в ущерб телугу — основному языку страны Андхра.

После объявления Индии республикой и включения в ее состав бывших владений низама Хайдарабад стал столицей штата, населенного народом андхра. Вполне естественно, что правительство штата — в подавляющем большинстве андхра — начало делать все для распространения и развития языка телугу. Телугу наряду с хинди и английским стал

обязательным предметом в школах города. В Хайдарабаде сейчас образованы центры по пропаганде телугу и литературы на нем.

Однако в национальной языковой политике правительства штата Андхра-Прадеш нередко сказывалась религиозная нетерпимость наиболее реакционных его членов. В результате индийцы, исповедующие ислам, оказались почти полностью отстранены от всех более или менее важных постов в государственной машине и в системе образования. Многие видные поэты урду, ученые и профессора Османского университета, мусульмане по религии, лишившись средств к существованию, навсегда покинули Хайдарабад, переселившись в Пакистан.

Урду был изгнан из колледжей и университета. Он изгнан из школ даже в тех районах, где на урду говорит большинство населения. Возникло серьезное препятствие для дальнейшего развития в Хайдарабаде урду и его богатой литературы. Был нанесен ощутимый удар по старой и своеобразной культуре той части населения города, которая говорит на урду.

В последнее время, впрочем, для урду наметились более светлые перспективы. Здравомыслящие люди в правительстве штата Андхра-Прадеш, видимо, понимают абсурдность попыток искоренить урду. В законодательной Ассамблее штата обсуждаются законопроекты об открытии школ урду в городе и в деревнях. Начинают отпускаться средства для поддержания общественных организаций, пропагандирующих урду, и на издание книг на этом языке.

АНДЖУМАН-И-ТАРАККИ-И-УРДУ

Среди нескольких больших и влиятельных культурных организаций города, старающихся способствовать развитию урду и литературы на нем, главное место занимает хайдарабадское отделение всеиндийского общества Анджуман-и-таракки-и-урду (Общество содействия прогрессу урду). Центр общества — Урду холл (Зал урду) — находится на северной окраине Нового города.

Вскоре после моего приезда в Хайдарабад, члены Общества захотели узнать, как обстоят дела с изучением индийских языков в СССР. Назначена была дата доклада. За несколько дней я получил письмо с напоминанием и программой вечера: сначала будет чае-вае (чаепитие), потом доклад русского профессора сахиба. В заключение, как обычно, местные поэты выступают со своими стихами.

В назначенный день я поехал в Урду холл к его главе Хабибу-ур-Рехману, который принял меня очень радушно.

Одетый в белый ширвани и турецкую шапочку, высокий, с седыми бровями и подвижным нервным лицом, Хабиб-ур-Рехман был хайдарабадцем, одним из тех, чьи прадеды пришли из Средней Азии. Такие лица типичны для нашего Узбекистана. Вокруг этого человека в городе группируются все, кому дороги судьбы урду.

Урду холл, построенный во дворе Хабиба-ур-Рехмана, оказался настоящей культурным комбинатом. Когда войдешь во двор, справа видны многочисленные двери, ведущие в обширный зал, заставленный легкими стульями и массивными книжными шкафами вдоль стен. С высокой сцены в зал смотрят портреты выдающихся культурных деятелей и поэтов урду.

Вот Саэд — могучий старик с тяжелым лицом и пышной седой бородой. На груди у него большой английский орден. Будучи религиозным реформатором, Саэд в то же время многое сделал для развития и популяризации языка урду. В середине сутулый Галиб в пестрой делийской одежде и барашковой шапочке. Дальше — Момин. Задумчиво смотрит в сторону Икбаль. Все трое — великие поэты урду. Рядом с ними видны историк Шибли и острый на язык поэт Акбар Аллахабади, высмеивавший англоманов среди индийцев. Кутает в шарф больную шею поэт и видный реформатор литературы урду Алтаф Хуссейн Хали. Портреты висят в Урду холле не случайно. Эти люди — классики урду, а Общество ставит своей задачей развитие и популяризацию богатой и интересной литературы на этом языке.

Пока я разговаривал на веранде Урду холла с Хабибом-ур-Рехманом, во дворе вдруг прозвенел звонок, и из низеньких пристроек возле бунгало, в котором живет Хабиб-ур-Рехман, побежали в зал и сразу наполнили его парни и девушки. Оказалось, это были студенты Урду колледжа. Колледж готовит их для поступления в университет. Все профессора колледжа, в том числе и сам принципал, — добровольцы энтузиасты. Они работают здесь безвозмездно в свободное от основной работы время. Небольшая плата за учебу идет на поддержание Общества и Урду холла.

* * *

В зале всюду шло чае-вае. Разносили чай, печенье, прохладительные напитки. В первых рядах торжественно пили чай старики — завсегдатаи Урду холла. Все они были в просторных ширвани, красных турецких фесках и с клюками в руках. С немалым удивлением я узнал позднее, что эти старики — большие ученые, знатоки местных языков и истории Андхры.

Вот сидит высокий и прямой, несмотря на свои восемьдесят лет, доктор Гулям Яздани. Целых сорок лет он возглавлял Археологический департамент при правительстве низама.

В самом Хайдарабаде и по всей Андхре всюду можно видеть следы деятельности доктора Яздани. По его инициативе были расчищены и подновлены стены крепости Бахманидов в Бидаре и руины тамошних гробниц и дворцов, реставрированы пещеры Аджанты и Эйлоры, составлены великолепные альбомы фресок этих пещер. Альбомы и каталоги культурных сокровищ, найденных на территории Хайдарабада, тоже плод неусыпного и вдохновенного труда этого большого ученого.

Года два назад в торжественной обстановке президент республики Раджендра Прасад вручил Гуляму Яздани диплом и присвоил ему звание падмабхушана, который дается людям, сделавшим большой вклад в культуру и искусство страны.

В Урду холле часто можно видеть невысокого, крепко сбитого седого старика, подстриженного под бобрик. Это ученый Харун Хан Ширвани, воспитанник университетов Алигарха, Кембриджа, Оксфорда и Гренвилля (Франция). Лингвист и историк Ширвани написал немало книг. Его перу принадлежат известные работы «История Декана», «Махмуд Гаван» и другие. Последняя книга Ширвани «Бахманиды Декана» получила широкое признание в ученых кругах Европы. Она написана на высоком научном уровне, с привлечением огромного фактического материала, включая записки Афанасия Никитина.

В Урду холле бывают также Абдуль Кадир Сарвари и Саэд Мохаммед — профессора кафедры урду в Османском университете, знатоки дакхни и истории Голконды. Здесь можно видеть историка профессора Сиддики, хайдарабадского летописца Насир-уд-Дина Хашми и многих-многих других.

МОШАЭРА

Урду холл иностранцы посещают часто. Здесь выступали с докладами молодой энергичный индолог Ян Марек из Чехословакии, профессор Ральф Рассел из Лондонской школы азиатских и африканских языков и многие другие, но из русских я был первым.

Ученые и молодежь прослушали сообщение об изучении индийских языков в СССР с интересом. Отмечено было, что я говорю с персидским акцентом, хотя персидского я не знаю.

После доклада был сделан перерыв. Уже темно, и старики пошли совершать вечерний намаз. Во дворе под деревьями были расстелены коврики, и молящиеся встали вдоль них рядком, повернувшись лицом к востоку. Молодежь сосредоточилась на веранде. Народ все прибывал, ибо по программе должна была состояться мошаэра (выступление поэтов) — любимое удовольствие хайдарабадцев.

Традиция мошаэр насчитывает не один век. В старину падишахи, навабы, низамы и просто богатые люди Индии окружали себя придворными поэтами, хроникерами и историками. Очень часто в вечернее время поэты собирались по зову своего патрона на поэтические собрания.

Обстановка на старых мошаэрах была весьма своеобразной. Поэты и ценители художественного слова садились в кружок. После пиршества на середину круга ставился светильник — небольшой сосуд с фитилем, плававшим в масле. По знаку хозяина светильник ставили то перед одним, то перед другим поэтом. Это было разрешение декламировать свои стихи. Удачное выступление награждалось аплодисментами, а поэт соответствующей мздой. Плохого поэта лишали права выступать на мошаэрах, а значит и куска хлеба.

Но так было много-много лет назад. Старинные порядки на мошаэрах давно умерли. Их придерживаются лишь немногие уцелевшие приверженцы «чистого искусства». В Урду холле при проведении мошаэр ставят на сцену микрофон и вызывают поэтов по списку. Те подымаются на сцену, приветствуя аудиторию, несколько раз подносят ладонь к лицу и потом читают свои стихи. Слушатели неизменно доброжелательны и полны внимания.

Индию можно назвать страной поэтов. Любой парнишка, сочинивший дюжину стихотворных строчек, изобретает себе звучный псевдоним и уже считает себя поэтом. Однако, чтобы завоевать настоящую славу, нужен, конечно, настоящий талант.

В Хайдарабаде есть поэты, известные по всей Индии. Все они на редкость разные, но талантливые люди. В Урду холле все смолкают, когда председатель мошаэры объявляет имя старейшего поэта урду Амджада. Амджад очень стар — ему около восьмидесяти лет¹. Он слеп, и его водят под руки, но свои стихи он читает звучным молодым голосом:

Долго я думал, но так и не понял:
Кем я создан, зачем я создан?
Сладко дремал я в вечном небытии,
Кто разбудил, зачем разбудил меня?
Где, сам не знаю, тайлся я долго,
Кто позвал, зачем позвал меня?

¹ Скончался в 1961 году.

И здесь, в этом полном народе собрании,
Кто меня поднял, зачем возвеличил?
Зачем я пришел, почему ухожу я —
Долго я думал, но так и не понял...

Амджаду даже не аплодируют. Слышится только почти-тельный шепот слушателей. Ведь Амджад последний большой классический поэт урду в Индии. Имя Амджада известно по всей стране. Его газели и рубай (четверостишья) блестящи по форме. Присущие им загадочность, глубокая мистика и какая-то горечь — результат личной трагедии, которую он пережил в юности. В 1908 году во время разлива Муси он потерял многих близких.

Амджадом опубликовано около пятнадцати книг. Книги его с рассказами о жизни в старых мохалла с интересом читают и стар и млад. Свои рассказы Амджад часто заканчивает стихами с назиданием или житейской мудростью.

Мошаэра между тем продолжается.

— Махдум! — объявляет председатель.

А у поэта Махдума в это время идет важный разговор с соседом. Он машет рукой: отстань, мол, не до тебя! Но тут поднимается негодующий голос аудитории. Раздаются шуточные возгласы:

— Вставай, вставай, старый еретик!

— Влез по уши в свою политику. Совсем про стихи забыл!

В зале хохот. Нечего делать, Махдум поднимается и идет к микрофону. Ему около пятидесяти. У него темно-бронзовое, словно вырубленное из мореного дуба лицо потомственного труженика. Из-за стекол очков блестят умные глаза. Боевой вожак профсоюзов Хайдарабада, член Законодательной ассамблеи штата от Коммунистической партии Индии, Махдум Махи-уд-Дин и в самом деле постоянно занят политикой. Творчеством он может заниматься урывками, когда в городе нет харталов — забастовок, нет конфликтов между рабочими и заводчиками, крестьянами и землевладельцами.

Махдум — один из самых лучших и самых искренних поэтов Индии. Его поэзия то полна красивой лирики, то насыщена пафосом классовой борьбы. Он не раз бывал в СССР и других социалистических странах. Вышедшая в 1945 году книга его стихов «Красный восход» завоевала широкую популярность.

— Прочитай «Инкилаб» (Революция)! — заказывают слушатели, — «Джанг-и-азади!» — кричат другие.

Даже на сцене Махдум не выпускает из руки сигаретки. Он читает «Джанг-и-азади» (Война за свободу):

Война, война за свободу,
Под стягом свободы идет!

То наша война —
Угнетенных индийцев,
Свободолюбивых
рабочих, крестьян.
Война, война за свободу,
Под стягом свободы идет!
Вселенная наша —
Север и юг, восток и запад.
Мы — европейцы, американцы,
Мы — китайцы — бойцы за нашу отчизну.
Мы — красные воины, сокрушители гнета,
Из стали отлиты наши тела!..

Закончив читать стихи, Махдум поспешно уходит на свое место продолжать прерванный разговор.

Если список поэтов оказывается исчерпанным и в нем не оказалось поэта Данды¹, слушатели поднимают шум:

— А Данда где? Давай Данду! Дан-ду-у!

Откуда-то из середины аудитории высовывается щуплый человек с гривой длинных полуседых косм и улыбающимся худым лицом. Зубы у него сильно испорчены бетелем.

— Я у вас вроде на десерт! — улыбается Данда. Через минуту поэт уже на сцене у микрофона. Одному ему свойственным жестом Данда прикладывает руку к виску и, прислушиваясь к своему голосу, гудит, подбирая для стиха соответствующий напев.

Напев найден. Данда начинает читать свои стихи.

Он чуть таскает жирное брюхо,
А я чуть живой,
Что верно, то верно.
Жизни арба его гружена доверху,
А я обнищал,
Что верно, то верно.
Такую пожаловал мне оплеуху —
Щека багровеет,
Что верно, то верно.
Он-то все жрет курятину, рыбу,
А я чечевицу,
Что верно, то верно...

Взрывы хохота, возгласы одобрения:

— Шабаш! (Великолепно).

— Кья каха! (Вот это так стих!)

— Мукарар! (Повтори!)

Данда кланяется и читает новые стихи. Успех прежний. Равнодушных к его искусству в зале нет.

Во всей Андхре не найти второго такого поэта, как Сарвар Данда. Свои поэмы он слагает на старинном дакхни — языке простонародья. Он пишет о хозяине коляски, который

¹ Данда на языке урду означает — палка, дубинка.

обсчитывает рикшу, о жадном сахукаре — ростовщике. Стихи Данды нигде не напечатаны — у него нет на это средств, но они исключительно популярны в народе. На улицах его часто останавливают прохожие, рикши и не отпускают до тех пор, пока он не прочитает требуемых стихов.

Выступлением Данды заканчивается мошаэра. В это время на улице уже ночь. Разомлевшие от духоты поэты и слушатели выходят из зала в прохладу ночи, под яркие звезды.

О ТОМ, КАК ОПАСНО ИНОГДА ПРИНИМАТЬ КОМПЛИМЕНТЫ

Однажды принципал одного из колледжей Нового города пригласил меня председательствовать на мошаэре.

— На нашу мошаэру приедут поэты хинди. Выступят лучшие хайдарабадские поэты. Соглашайтесь! — настаивал принципал.

— Но ведь я никогда не председательствовал на мошаэрах. Вдруг испорчу все дело, — отказывался я.

— Что вы! Что вы! Узнав, что председателем будет русский джентльмен, набегут тысячи народу!

В конце концов пришлось согласиться. Народу на мошаэру и в самом деле собралось несколько тысяч. Для председателя, то есть для меня, на сцену постелили красный коврик, обложили его невысокими подушками, впереди поставили микрофон.

Разувшись, я прошел на сцену, сел на коврик и осмотрелся. В зале сидело на белых простынях множество слушателей, в основном молодежь. Ближе всех к сцене — старики. На сцене по правую руку от меня расположились местные поэты урду, по левую — поэты хинди, гости из Северной Индии, приехавшие специально на эту мошаэру. Правое крыло здания было отгорожено широченной ширмой, за которой виднелись силуэты женщин, соблюдавших парду. Их там было несколько сотен.

Уже в самом конце мошаэры один из поэтов урду попросил слова. Я видел этого человека и раньше. Он выступал иногда в Урду холле, где его встречали довольно холодно. Со сцены он уходил с видом человека, которого не поняли и не оценили по достоинству.

— Хочу прочитать свои новые стихи в вашу честь, председатель сахиб, — сказал он. — Разрешите?

Что тут было делать? Не разрешить нельзя — на мошаэрах полная демократия. И я разрешил.

Поэт вынул засаленную книжечку, раскрыл ее и громко прочитал свои «вирши». В переводе на русский они звучали бы примерно так:

...Много есть на свете разных ученых —
Больших знатоков наук, знаменитых поэтов.
Но такого великого человека,
Как наш возлюбленный профессор... Шининников,
Мир еще не выдывал отродясь!

Зал взорвался смехом. Раздались бурные аплодисменты. Поэт расцвел в улыбке, коснулся пальцами лба и помахал у себя перед носом ладошкой. Он был явно горд успехом. Обернувшись, он приветствовал меня саламом. Я ответил ему тем же. Аудитория снова разразилась аплодисментами.

«Хорошая шутка!» — подумал я.

Но оказалось, что это была вовсе не шутка. Через несколько дней соседский мальчишка принес мне визитную карточку. На ней значилось: шамс-уль-шуара (король поэтов) такой-то. Через минуту явился и сам «король поэтов». Это был тот самый человек, который на недавней мошаэре читал стихи «в мою честь».

— О вас теперь знает весь город, профессор сахиб, — сказал он. — Слава так и летит впереди вас. Просто удивительно умело вы держали контроль над такой массой людей. Не всякому это удастся.

— Спасибо. Очевидно, слушатели уважали меня, как иностранца.

— Нет, не в этом дело. — Поднял он над головой темный палец. — Над вами витает ореол славы. Люди уважают славу. А слава делается поэтами. Помните, как я выступил на прошлой мошаэре?

— Помню.

— Помните мои стихи?

— Помню. Только, пожалуй, вы слишком уж возвеличили меня. Я этого никак не заслужил.

— А я могу возвеличить и прославить вас по всему городу еще больше. Дайте мне только знак!

— Зачем мне это?

— Как зачем? Недаром же платит мне тридцать рупий в месяц наваб «Н»? Наваб «К»... тоже назначил мне пенсию в двадцать рупий. Я получаю полсотни рупий из казны низама!..

— ?!

Я пристально посмотрел на «короля поэтов», а он вдруг спрятал глаза за темными очками. Лицо у него было серое, истощенное. На нем был латаный-перелатанный черный ширвани. Редкие волосы на голове были густо пересыпаны перхотью. Избегая моего взгляда, он протянул письмо. Это было что-то вроде контракта с условиями, на которых я буду возвеличен по городу, и в то же время просьба о личной материальной помощи.

Мы расстались, так и не поняв друг друга. «Король поэтов» поспешно ушел, оставив письмо. А я долго потом не мог забыть полную рыхлую фигуру бездарного, жалкого литературного маклера, который «возвеличивает» по городу тех, кто дает ему деньги.

Впрочем, я был далек от того, чтобы обвинять его. Осколок прошлого, он, очевидно, никак не мог найти для себя места в условиях, так сильно изменившихся за последние полтора десятка лет.

ОТКРЫТИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ГОЛКОНДЫ

Второй крупный центр урду в Хайдарабаде: Идара-и-Ади-бият-и-Урду (Институт литературы урду). Возглавляет Идару и группирующихся вокруг нее ученых доктор Саед Махи-уд-Дин Кадри Зор.

Мне не раз приходилось бывать у доктора Зора. Двери его бунгало всегда открыты для любителей литературы урду и ее истории, для лингвистов и историков. Бунгало доктора Зора напоминает музей: в ней старинная обстановка, висят портреты Кутб Шахов, танцовщицы Бхагмати, большие полотна, изображающие охотничьи процессии хайдарабадских низамов.

Доктор Зор не расстаётся с бетелем. Когда он дома, то рядом с ним, как водилось в старину, непременно стоит медный угалдан — плевательница. Но бетелевая жвачка не мешает ему быть интересным собеседником. Он обязательно поведет посетителя к себе во двор и покажет большое двухэтажное здание в стиле Голконды. Это библиотека Идары, где размещаются старинные книги урду, накопившиеся у доктора Зора.

Рядом с бунгало Зора находится издательство Идары, публикующее все, что касается урду и его литературы, начиная от рассказов на урду для детей и кончая историческими работами разных авторов Индии. Стенды издательства завалены его продукцией.

Но в этом только половина интересов доктора Зора и его сподвижников. Доктор Зор известен в Хайдарабаде как знаток дакхни и ревностный пропагандист древней Голконды, ее истории и литературы.

* * *

После ухода армий Аурангзеба из Голконды и Хайдарабада там остались лишь груды развалин. Вырублены были чудесные сады, испорчены колодцы. Город обезлюдел. Све-

дения о Голконде можно теперь получить лишь из путевых заметок европейских путешественников тех времен, хроник средневекового историка Феришты и легенд, которые по сей день передают из поколения в поколение хайдарабадцы. Казалось, все безвозвратно потеряно, и в непроглядном мраке уходящих веков постепенно забудется Голконда, облик населявших ее людей, их жизнь, праздники, обычаи и привычки.

К счастью, этого не случилось. Нашлись в Хайдарабаде люди, целиком посвятившие себя собиранию материалов о Голконде,— те самые старики ученые, о которых было сказано выше. По крохам, из всех уцелевших источников, они собирали сведения о погибшем государстве. А доктор Зор разыскал и сберег все, или почти все, что осталось от его обширного некогда литературного наследства.

О литературе Голконды до самого последнего времени знали кое-что, понаслышке. Имена забытых поэтов и историков, отрывки из маснави (поэм) на дакхни, смутные слухи о множестве утерянных произведений, разрозненные строки газелей, хранимых в памяти народа,— и это было все. А между тем немало книг периода Голконды хранилось в Асафия лайбрани — главной библиотеке города и в библиотеке музея Саларджанга. В частных книжных собраниях навабов рассыпались от древности рукописи, которые мало кто понимал, так как они написаны на старинном дакхни.

Доктор Зор и его сподвижники сделали все, чтобы собрать и расшифровать эти литературные памятники.

Без устали отыскивал доктор Зор рукописи забытых голкондских поэтов. В свое время французы и англичане прибрали к рукам множество книг и ценнейших памятников культуры Голконды. Зная об этом, доктор Зор съездил в Англию и Францию. Там в Британском музее и во Французской национальной библиотеке он собрал немало материала о Голконде и ее поэзии.

В результате было сделано важное открытие. За целое столетие до Вали Аурангабади, которого считали первым поэтом урду, оставившим диван (сборник) стихов, в Голконде существовала большая поэтическая школа. В то время как на севере, в Дели, в литературе господствовал чужой персидский язык, на Декане уже получила развитие литература на дакхни. Заимствуя старые традиционные иранские сюжеты, поэты дакхни наполняли их местным содержанием и часто создавали оригинальные произведения на чисто местном материале.

Одним из самых больших поэтов Голконды был Ваджахи. Он оставил после себя оригинальную героическую поэму «Кутб Муштари» — вымышленную историю любви Мохамме-

да, принца Голконды, к прекрасной бенгальской принцессе Муштари. Стремясь к возлюбленной, принц одолел тысячи препятствий и был награжден любовью Муштари.

Поэт создал достоверную картину жизни знати Голконды. Занимательно рисует он столкновения принца с различными чудовищами. Разнообразя повествование, тут и там в основной текст его поэмы вплетаются чудесные любовные стихи на старинном хинди. Поэма не лишена и простодушного вульгаризма.

Прозаическая поэма Ваджахи «Сабрас» поражает читателя четким и умным анализом чувств и страстей, которые волнуют человеческие сердца. В истории литературы урду это первое прозаическое произведение, художественный уровень которого по сей день остается недостижимым.

Кроме Ваджахи в Голконде были широко известны поэты Ибн-э-Нишати, Гавваси и многие другие. Но самым талантливым и плодовитым среди них был четвертый султан Голконды Мохаммед Кули Кутб Шах — основатель Хайдарабада.

В Европе первые сведения о Мохаммеде Кули Кутб Шахе как о поэте были даны в сочинениях удивительного французского индолога Гарсона-де-Тасси. Гарсон-де-Тасси жил и работал около ста лет назад. Он никуда не выезжал из Парижа, но оставил после себя обширные сочинения по истории литератур Индии, которые по сей день считаются классическими. Многое о литературах Индии европейские исследователи узнали именно из его сочинений. Однако по-настоящему открыл поэта доктор Зор.

Два десятка лет потратил доктор Зор на собирание литературного наследства Мохаммеда Кули Кутб Шаха. В поисках нужных рукописей он копался в книгохранилищах Лондона и Парижа, ездил в Иран и Турцию и сумел собрать воедино около пятидесяти тысяч стихотворных строк — большую часть творчества поэта.

В результате был открыт большой и своеобразный поэт, из сочинений которого исследователи узнают очень многое о жизни старой Голконды. Силой своего таланта Мохаммед сумел в известной степени прорвать персидские канонические стихотворные формы, сковывающие творческую фантазию. Его стихи, в большинстве написанные так же, как их пишут сейчас, доносят до нас события давно минувших времен во всем их аромате и своеобразии.

Мохаммед писал любовные стихи, посвященные своим женам. В коротких и образных стихах он рисует запоминающиеся картинки народных праздников в Голконде, в которых он сам, как видно, принимал деятельное участие. Одной из привлекательных черт характера поэта является его любовь

к природе. Очень живо рисует он картину басанты — жаркой индийской весны, пору барсата, когда на Декане льют дожди. Поэт любит рассказывать о тенистых садах Хайдарабада, рисовых полях, которые морем волнуются на просторах Андхры.

Целый раздел в книге стихов Мохаммеда занимает описание дворцов, воздвигнутых им в Хайдарабаде. В его стихах можно найти картины жизни, которая бурлила в городе.

Пусть город мой так полон будет людом,
Как море рыбой! —

воскликает поэт в одном из стихотворений. И надо сказать, что город Мохаммеда Кули Кутб Шаха сейчас в самом деле многолюден. Красота его запоминается навсегда.

СЛАВА ПОЭТА

В ноябре 1956 года произошли изменения в административном делении страны. Коснулись эти изменения и Хайдарабада. Часть его территории отошла к Майсуру, часть к Махараштре. Зато были воссоединены районы вдоль побережья Бенгальского залива, где народ говорит на телугу. Вновь созданный штат Андхра-Прадеш занимает ту же территорию, что и древняя Голконда.

Живущие в сердцах хайдарабадцев воспоминания о былом значении и величии Голконды, память о поэте Мохаммеде, вылились в примечательное событие в культурной жизни города. Решено было ввести традицию празднования Дня Мохаммеда Кули Кутб Шаха — основателя города и первого поэта урду.

Инициаторами почина выступили по преимуществу андхра. Ведь мать Мохаммеда Кули Кутб Шаха была родом андхра, и люди андхра считали его своим по крови. Кроме того, известно, что в период правления Мохаммеда Кули Кутб Шаха имел место большой взлет культуры и литературы на телугу и сам он писал стихи на этом языке. Так, через четыре столетия личность Мохаммеда стала символом единения всех жителей Андхры — мусульман и хинду.

Одиннадцатого января 1957 года с раннего утра Хайдарабад напоминал разворошенный муравейник. Тысячи людей стягивались со всех сторон к Чарминару. Над толпой полоскались древние знамена Голконды, двигались вооруженные всадники в броне. Бычки тащили диковинные повозки под желтыми балдахинами, на которых некогда ездила знать Голконды. Разодетые в пурпурные попоны слоны несли на себе изображения рыб — знаки царского величия.

Мэр города обратился ко всему многолюдному собранию со словами приветия и краткой речью. Были зачитаны телеграммы Джавахарлала Неру и других государственных деятелей Индии, приветствовавших инициативу празднования Дня Мохаммеда Кули Кутб Шаха. А потом вся масса людей, слоны, всадники и повозки двинулись к стенам Голконды, к мавзолею строителя города.

Много, очень много народу пришло к мавзолею Мохаммеда. Внутри гробницы, вокруг надгробия, украшенного цветными покрывалами, цветами и гирляндами, читались марсии — прочувственные оды. Тут же была открыта небольшая выставка книг и предметов обихода периода Голконды, многочисленные старинные портреты и картины. А снаружи на платформе мавзолея состоялась мошаэра, на которой выступили лучшие поэты города во главе с Сарваром Дандой. Они славили Мохаммеда и его возлюбленную Бхагмати.

Когда солнце огненным шаром закатилось за гребни окрестных гор, гробница засияла огнями сотен маленьких разноцветных фонариков, вставленных в ее ниши. Темное небо озарил фейерверк. Потом выступили певцы и артисты, певшие песни, сложенные самим Мохаммедом, которые по сей день любимы народом и живут в его сердцах. Звуки песен далеко разносились в темноте прохладной январской ночи и эхом возвращались от развалин Голконды, которая затаив дыхание слушала могучий, неумирающий голос своего повелителя.

Так, после четырех долгих веков молчания снова заговорил, снова обрел утраченную было славу большой поэт Декана. Будь Мохаммед просто удачливым правителем, его имя было бы забыто вместе с сотнями имен других таких же удачливых правителей. Корни его славы лежат в большой культурной и строительной деятельности. А больше всего любят Мохаммеда в Хайдарабаде за его стихи, которые, выдержав испытание временем, в немеркнущей красоте дошли до наших дней.

ХОЗЯЕВА СВОЕГО ДОМА

Все, что я рассказывал до сих пор,— связано с хайдарабадцами, исповедующими ислам. Однако среди тридцати одного миллиона населения штата Андхра-Прадеш — мусульман всего миллион или полтора. Основная же масса жителей штата исповедует индуизм. Андхра, составляющие подавляющее большинство населения штата, говорят на быстром гортанном языке телугу и с гордостью называют свой язык французским языком Востока.

АНДХРА

Все три года, проведенные мною в Хайдарабаде, я жил среди андхра — людей исключительного трудолюбия.

Еще только рассветает, еще солнце только подымается над вольно раскинувшимися постройками колледжей, студенческих общежитий и ботаническим садом Османского университета, а окрестный люд уже давно занят будничными делами. Со двора моего бунгало я каждое утро вижу, как опоясанный рогожей, бронзовый мускулистый человек, упираясь босыми ногами в стволы пальм, ловко влезает на них и стаскивает на землю огромные коричневые корчаги, наполнившиеся за ночь пальмовым соком. Затем он ставит корчаги на двуколку, и через минуту бойкая лошадка уже везет их в город. Из пальмового сока там будут делать тари — местный спиртной напиток.

Звенит колокол у входа в индуистский храм, что находится в поселке Адикмет.

На соседнем дровяном складе начинают работать дровосеки. Почти нагие, дочерна опаленные солнцем люди с тяжелым уханьем бьют топорами по неподатливым корягам. Они готовят топливо на продажу. Тут же, стоя у огромных весов, хозяин отпускает топливо хозяйкам. У входа в цирюльню, зевая во весь рот, правит на ремне бритву брадобрей. Женщины в зеленых сари раскладывают у самой дороги горки бананов.

По горячему асфальту шоссе шагает группа босоногих рабочих. За плечами у них сумки с инструментами. Молодые парни погоняют бычков, которые тянут арбы, груженные камнем. От близлежащего карьера несется дробный перестук — там сотни людей вручную вырубают камень.

Направляются на работу чапраси — уборщики и чернорабочие. Среди них много женщин.

Утрами по шоссе мимо моих ворот громко шлепает деревянными сандалиями тщедушный старик, опоясанный куском белой полотняной материи. Через плечо его хилого

нагого тела перекинут белый джанеу (шнур) — знак брахманского происхождения. Голова старика выбрита досиня, на лбу три вертикальные полосы — знак приверженности богу Вишну. Стуча клюкой, он торжественно шествует мимо, а на лице его написано гордое, надменное выражение, брезгливое отвращение ко всему на свете. Старик словно никого и ничего не видит. Это представитель господствующей в Индии касты брахманов.

В больших городах таких ортодоксов увидишь нечасто. Гораздо больше их в деревнях, где им по старой памяти поклоняются невежественные крестьяне. Теперешние андхра из касты брахманов — состоятельные горожане, бизнесмены и интеллигенты, как правило, одеты по-европейски, неплохо образованы и свободно говорят по-английски. А джанеу они либо совсем забросили, либо носят его под рубашкой.

Типичный андхра — это высокий широкоплечий человек с плотным темно-бронзовым телом, хорошо развитой мускулатурой. У него большие, широко посаженные глаза, высокий лоб и иссиня-черные выющиеся волосы, блестящие от масла. Женщины андхра часто поразительно красивы, особенно в молодости.

Состоятельные андхра, члены Законодательной ассамблеи штата, министры и высокопоставленные лица, как правило, носят национальный костюм: длинные рубахи и белые дхоти из простой грубой материи, сандалии и белые шапочки в виде пилоток.

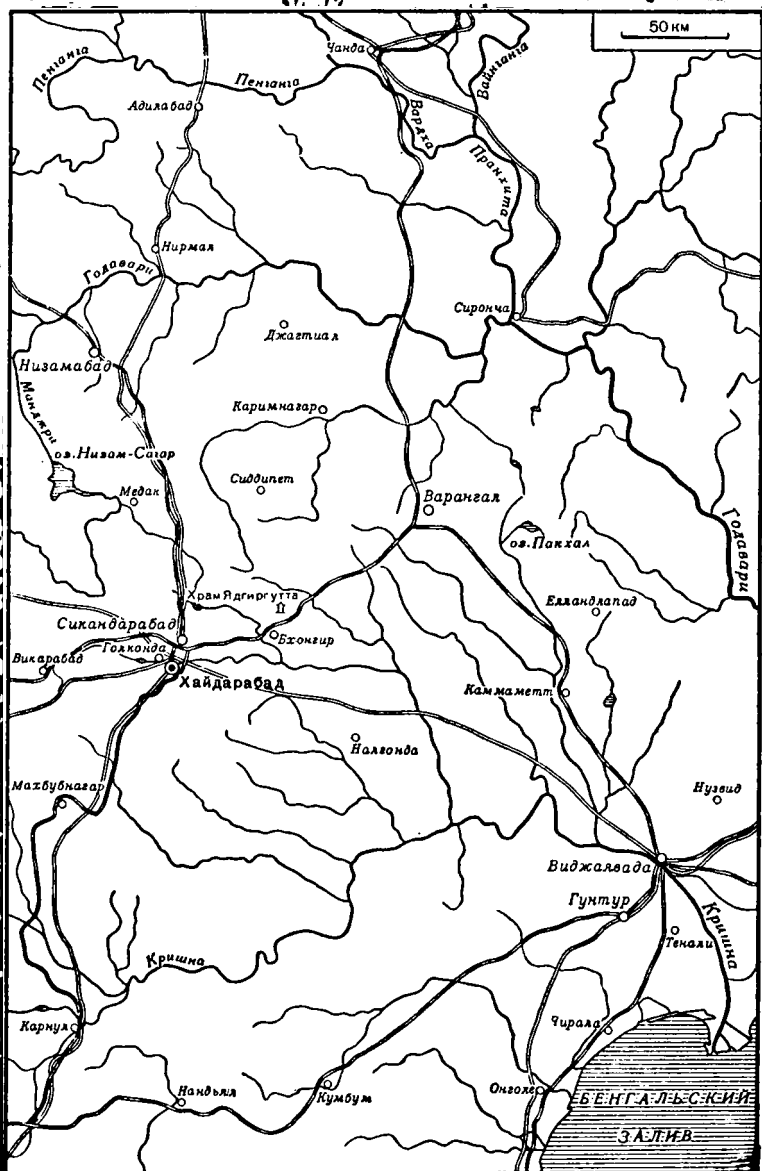
Старая национальная одежда безраздельно господствует в здешних деревнях. Один из моих знакомых андхра рассказывал:

— Когда я еду в деревню, в гости к матери, то, перед тем как войти в дом, переодеваюсь где-нибудь на задах: надеваю вместо брюк дхоти. Увидев меня в брюках, мать упадет в обморок или, чего доброго, проклянет! Городские старухи уже пообтерпелись, привыкли к новым одеждам, а деревенские все еще стоят на своем.

ДОРОГА НА СЕВЕРО-ВОСТОК. БХОНГИР

Одним из самых интересных моих коллег по университету был доктор Сатьянараян — видный физик, декан физического колледжа.

Доктор Сатьянараян суров на вид. Он высок ростом и широк в плечах. У него львиная грива совсем еще черных волос, «браминский» пронизывающий взгляд. На заседаниях академического совета, где одетые в средневековые мантии профессора заседают под сенью портрета низама, доктор

Северная часть штата Андхра-Прадеш

решителен и резок в своих суждениях об университетских проблемах.

Но суровость эта внешняя. Доктор Сатьянараян общителен и интересуется всем на свете. В университете он прослыл как честный и принципиальный человек, не терпящий несправедливости и лести. Именно благодаря ему мне довелось увидеть храм Ядгиргутты — одно из хиндуистских святилищ в окрестностях Хайдарабада — и дальше по той же дороге город Варангал — древнюю столицу Андхры.

В один прекрасный день мы отправились в путь.

В машине кроме меня с доктором сидели его сыновья и моя жена. Мимо проплывали пальмовые рощи с наполовину высохшими вершинами — перестарались добытчики пальмового сока. Машина то и дело пересекала широкие песчаные лежа высохших рек. Бетонное шоссе бежало прямо по дну сухих русл.

— Строить мосты тут бесполезно, — заметил доктор. — Это район страшных паводков. Во время муссонов, в июне — июле, здешние реки вздуваются и сокрушают все на своем пути. Транспорту приходится ждать месяц-два, пока вода в них не спадет.

Ко времени нашей поездки муссон уже прошел, и вся вода успела давно скатиться по руслам в Бенгальский залив. И сейчас отчаянная нехватка ее сказывалась во всем облике страны.

Перед нашими глазами простиралась каменистая полупустыня с редкой и унылой растительностью. Лишь кое-где ярко зеленели рисовые поля. Синеющие вдали горы придавали стране своеобразно красивый фантастический вид.

— Без запруд и без колодцев здесь невозможно сельское хозяйство, — рассказывал доктор. — Без воды не растет даже джовар (просо). А между тем когда-то это был богатый аграрный район, кругом имелось много прудов. Остатки их вы можете увидеть тут на каждом шагу. Но за последние полтора века все ирригационные сооружения были совершенно запущены, земля жестоко изуродована неправильным использованием. В результате возникла ужаснейшая эрозия, которую трудно остановить. Для радикального улучшения почвы требуются большие деньги, а их у нас пока нет. Честное слово, глядя на наши пейзажи, я думаю иногда, что человек противопоставлен природе. Природа жестоко мстит нам за то, что мы относимся к ней по-варварски. Смотрите-ка, Бхонгир!

Вдали на высоком круглом холме из гранита темнело мрачное четырехугольное строение, господствовавшее над окрестностями. Это была старинная крепость Бхонгир, об истории которой мало что известно.

Только подъехав вплотную к основанию холма, можно воочию убедиться, как он потрясающе громаден. Серые его склоны громоздятся над головой, закрывая полнеба.

На вершину холма мы поднимались босиком. Поскользнуться было нельзя — это грозило гибелью. Древние строители выбрали это место для укрепления не случайно. Крутизна и высота склонов холма исключали всякую возможность взять его приступом. Атакующие могли двигаться лишь по узкой дороге, над которой господствовали укрепления.

В выбоинах склонов холма гнездились громадные бело-грудые грифы. Распластав крылья, они кидались вниз, а мощные восходящие потоки раскаленного воздуха швыряли их ввысь, в лазурную голубизну неба.

На вершине мы увидели многочисленные пустые запруды, некогда задерживавшие дождевые воды, которые стекали по склонам, солдатские бараки, бастион с пушкой и полуразвалившийся дворец. В былые времена, задолго до Кутб Шахов, здесь жил наместник Бахманидов, правивший Западной Андхрой. Возле дворца в глубокой выбоине по сей день скапливается чистая дождевая вода. Оттуда ее при помощи специального водоподъемника подавали во дворец. Водоподъемник из гранитных глыб отлично сохранился; он кажется сделанным вчера.

С высоты холма открывается пологая, слегка всхолмленная местность, окаймленная горами. Вдали со склонов одной из гор веселой белой стайкой сбегает легкие постройки, похожие на карточные домики. Это Ядгиргутта.

В Бхонгире имелся трактир. Там всюду орал патефон, сновали парни, разносившие чай клиентам — местным крестьянам.

— Браминский отель. Его держит мадрасец, — заметил Сатьянараян. — А это значит, что пищу тут готовят чисто. Давайте-ка возьмем кофе и идли!

Разделавшись с идли — посыпанными сахаром лепешками из рисовой муки, любимым кушаньем тамилы, мы поехали дальше и вскоре очутились на широкой дороге, ведущей прямо к холму Ядгиргутты.

ХРАМ ЯДГИРГУТТЫ

Хиндуистские храмы рассыпаны по всей Андхре. У околицы каждой деревни, возле каждого крупного дерева можно видеть характерные постройки из глины или кирпича — кубы с уступчатыми низкими крышами и со стенами высотой в полтора метра. Это храмы. В этих игрушечных храмах есть двери, сквозь которые виднеются небольшие фигурки божеств-покровителей, заботливо украшенные цветной бумагой,

пучками травы и тряпочками. Одни из них полуразрушены временем, другие заботливо отремонтированы и побелены известкой. Встречаются и большие храмы. Во время джатр — ежегодных религиозных праздников — к этим храмам устремляются десятки тысяч паломников со всей страны. В эти дни брамины вывозят идолов на ратхе — массивной телеге, украшенной деревянной резьбой и всевозможной мишурой. Под рев труб и звон колокольчиков, влекомая пилигримами, ратха катится вокруг святилища среди тысячных толп.

Особенно большая ратха имеется при храме Джагернатха в городе Пури (штат Орисса). В нее впрягаются до тысячи человек. Это грандиозное деревянное сооружение возведено на дюжине огромных деревянных колес, окованных железом. В былые времена фанатики кидались под эти колеса, рассчитывая ценой своей жизни немедленно попасть в рай!

Храм Ядгиргутты находится на вершине холма. У подножия его всегда шумит базар, точно такой же, какие бывают возле мусульманских даргахов в дни урсов. Пройдя высокую, празднично украшенную арку, пилигримы вереницами подымались вверх по длинной крутой лестнице. А мы заехали с другой стороны холма, откуда на его вершину ведет хорошая автомобильная дорога.

Через минуту мы были на самой макушке холма Ядгиргутты. Там есть тщательно асфальтированная площадка, окруженная со всех сторон служебными постройками и гостиницами. В самом ее центре высится открытая всем ветрам древняя дхармшала — пристанище для пилигримов. Стены дхармшалы совершенно закопчены кострами многих поколений молящихся, побурели от солнца и ветров. К югу от нее идет ход вниз, в тоннель, где помещается статуя божества. На север, тоже вниз, идут ступени к большому священному пруду, где купаются пилигримы.

Небольшие белые здания по краям лестницы, ведущей к пруду, имеют на фронтонах цифры: 1925, 1937, 1945. В эти годы богатые верующие воздвигли их по обету. Щедрое даяние храму не прекращаются и по сей день.

На карнизах зданий видны грубые устрашающие изображения чудовищ и божеств. Среди них можно легко узнать героев Рамаяны: обезьяньего царя Ханумана и Равана — злобного владыку Ланки (Цейлона). Какое-то кровожадное чудовище, распоров живот поверженного наземь корчащегося человека, пожирает его кишки. Вся пасть чудовища вымазана в крови. Тут же скакали по крышам живые «подданные» царя Ханумана — длиннохвостые рыжие обезьяны, за которыми с криком гонялись ребяташки.

На узком пятачке площади Ядгиргутты шла своя привычная жизнь. Бродячий торговец предлагал молящимся коко-

совые орехи, душистые снадобья и амулеты. С дарами в руках спускались в святилище пилигримы. Из пещеры временами появлялись небольшие процессии и несколько раз обходили кругом дхармшали. Участники процессии несли тарелочки с курениями, звенели в маленькие колокольчики. Шедшие впереди полуголые упитанные брахманы несли что-то завернутое в пестрые тряпки, свистели в свирели и напевали гимны. Вид у них был весьма равнодушный. Они делали деньги.

Глядя на брахманов Ядгиргутты, я вдруг вспомнил одного знакомого мне джентльмена — очень прогрессивного, начитанного человека. Одевался он по-европейски, шеголял английским языком и вел себя как лондонский денди. Каково же было мое изумление, когда я узнал, что он брахман и регулярно проводит пуджи (молебны) в одном из храмов в окрестностях Хайдарабада, место в котором ему досталось по наследству от отца. Этот брахман, не веря ни в бога, ни в черта, зарабатывал себе средства на жизнь в храме, а остальное время оставался «прогрессивным».

Очевидно, физик Сатьянараян смотрел на все шедшее кругом весьма скептически. Мы ходили с ним по пяточку, присматриваясь к жизни Ядгиргутты, а он рассказывал:

— Англичане написали пропасть книг о хиндуизме и, конечно, немало вздору. Я думаю, можно было бы насчитать добрую дюжину сложнейших философских систем, созданных хиндуистскими философами. Хиндуизм кажется непосвященному человеку невероятно сложной и малопонятной религиозной системой, где люди поклоняются сотням тысяч богов. Но темные народные массы ничего не знают об этих философских системах. Вера их предельно проста. Они знают своего деревенского божка-покровителя, знают героев пуран, Рамаяны и Махабхараты и их похождения. Время от времени они целыми семьями паломничают по святым местам. И знаете зачем?

— Зачем?

— Не подумайте, что для свершения каких-то таинственных восточных обрядов. Ничего такого нет и в помине. Они являются к святым местам с чисто практической целью — заключить со святыми самую обыкновенную сделку. Бедняки преподносят божеству монетку, сладости, банан, иногда даже свои скромные фамильные драгоценности. Взамен от божества ожидается конкретная помощь. Попутно по традиции они совершают перед молитвой ряд обязательных процедур — хотя бы купание вот в этом зеленом пруду.

И доктор показал на пруд Ядгиргутты, кишевший людьми. Там купались взрослые и дети.

— Не думаю, чтобы он был чистым, этот пруд, — заметил я.

— Чистым! Это настоящий рассадник заболеваний. Моя жена, заботясь о будущем нашего новорожденного, хотела однажды выкупать его в этом пруду, но я не позволил. Кто поручится, что ребенок не подхватит какой-нибудь гадости.

— Разве пруд не дезинфицируется?

— Почему же, дезинфицируют. За такими прудами в порядке общественной нагрузки смотрят врачи, но купающихся много, и все они не слишком чисты, особенно с дороги. А место это поэтическое, неправда ли?

Окрестности Ядгиргутты в самом деле были очень красивы.

Купив у лоточника свежих кокосовых орехов, мы напились прохладного сока и двинулись в дальнейший путь на северо-восток, к Варангалу.

ХРАМ ТЫСЯЧИ КОЛОНН

Варангал — небольшой город, важный железнодорожный узел Андхры-Прадеш. Его название произошло от искаженного слова телугу «ораккал», что значит одинокий утес. По сторонам бетонированных озелененных улиц Варангала стоят просторные двухэтажные дома. Всюду много народу.

— В Варангале есть колледж, — рассказывал доктор Сатьянараян. — Мне пришлось целый год заведовать им, и у меня тут много знакомых.

— А есть ли тут исторические достопримечательности?

— Мы увидим их сегодня: это Храм тысячи колонн, крепость и озеро Пакхал с большим заповедником. В Пакхале водятся крокодилы, а в окрестных лесах встречаются тигры. Может быть, нам удастся поглядеть на одного из них.

Мы остановились отдохнуть на тихой окраинной улице Варангала в общежитии колледжа, где живут иногородние студенты. В общежитии — жилые каморки, небольшой балкон. На другой стороне улицы стояло несколько хороших, но заколоченных домов. И это в городе, где большая нехватка жилья! Старшина общежития, мужественный парень лет двадцати восьми, кратко пояснил:

— В этом доме обитают духи.

Эти слова не были для меня новостью. В Хайдарабаде всегда можно видеть дома, оставленные хозяевами. На то бывают «веские» причины. Например, семья хранила в кладовой гур — неочищенный сахар. Вдруг хозяйка замечает, что сбоку как будто кто-то отломил кусочек. Хозяйка помнит, что ключи были всегда при ней и в кладовую без нее никто не мог пройти. В доме тревога: поселился дух. Жить в одном помещении с духом нельзя, и семья уходит из дома.

Я слышал рассказ одного «очевидца» о «духе», поселившемся у него в доме:

— Он бородатый старик в ширвани и чалме. Весь белый-белый, а в руках какая-то бумага. Тихо ходит по дому, больше в ночное время. Что-то шепчет. Задевать никого не задевает, а жить вместе с ним все равно страшно!

Один знакомый рассказывал, что после окончания университета он взял в аренду такой «зачумленный» дом. Дом пустовал уже лет десять: в нем постоянно шла какая-то тихая возня, слышались непонятные звуки. Аренду хозяева запросили пустяковую.

— Трусил я поначалу страшно. Будь у меня достаточно средств — ни за что бы не стал жить в таком доме, — рассказывал он. — Потом я решил исследовать, откуда идут подозрительные звуки, и понял в чем дело: большое старое дерево царапало сучком о карниз крыши. Скрип этот и напугал хозяев. Я прожил в том доме семь лет, а уезжая рассказал хозяину в чем дело. Тот сильно ругался, обозвал меня жуликом и тотчас же въехал в оставленный дом.

Старшина общежития накормил нас бириями, напоил чаем и проводил в дальнейший путь.

Мы поехали к Храму тысячи колонн.

Храм тысячи колонн стоит на окраине Варангала, среди гранитных, заросших зеленью скал. Он невелик, приземист и отлично вписан в окружающий суровый пейзаж. В древности вокруг храма располагалась столица раджей Какитьев — Ханамконда.

В Индии в начале второго тысячелетия столкнулись две совершенно отличные друг от друга архитектурные традиции, о которых следует сказать несколько слов.

Ислам категорически запрещает изображать на страницах книг и на стенах мечетей растения, животных и людей. И это наложило отпечаток на творчество старых мусульманских архитекторов и художников. Архитекторы стремились находить для мечетей и дворцов мусульманских владык наиболее совершенные и гармонические формы, широко применяли арки. Среди мелких архитектурных деталей мечетей в Индии лишь изредка можно увидеть цветок — влияние индуизма.

Мусульмане художники достигли большого мастерства в каллиграфии. Они разработали множество поразительно красивых шрифтов. Изречения из Корана, духовные стихи, исполненные этими шрифтами, и являются главным внутренним и наружным украшением мечетей.

Архитектура хиндуистов с давних времен зиждилась на совершенно ином принципе. Для хиндуистских архитекторов была не столь важна общая композиция храма, сколько его пышная подавляющая воображение внешняя отделка. Им незнакома была стрельчатая арка, украшающая мусульманские строения. Зато они воздвигали гопурамы — огромные пирамидальные башни над воротами храмов. Гопурамы в Южной Индии представляют собой настоящие каменные книги, рассказывающие о похождениях героев Рамаяны и Махабхарты. Содержание древних эпосов, священных для хиндуистов, как бы проиллюстрировано бесчисленными скульптурными сценами на крутых скатах гопурамов.

Храм тысячи колонн был воздвигнут в 1162 году правителем Телинганы раджей Пратапом Рудра Девой. Об этом говорит древняя надпись на полированной плите из черного мрамора, что стоит у ворот.

Изящный, словно искусно вырезанная шкатулка, храм поражает воображение своей древностью и тонким художественным вкусом телингов, которые при помощи примитивнейших инструментов сумели построить настоящее мраморное чудо.

Из середины храма видны три массивных святилища, посвященных Шиве, Вишну и Сурье — богу Солнца. В каждом из них стены, потолки и карнизы густо украшены каменными кружевами орнамента. Сложное переплетение потолочных балок поддерживают крупные колонны из черного мрамора. Их словно вырезали на гигантском токарном станке.

Стоял жаркий день, а под сводами старинного храма было прохладно. Перед одним из святилищ дымным пламенем горел светильник. Рядом сидела женщина, погруженная в пуджу — молитву.

— Обратите внимание на поверхность колонн, — заметил Сатьянараян. — Они покрыты облицовкой.

На первый взгляд это казалось невероятным, но после тщательного осмотра можно было, пожалуй, согласиться, что дело обстоит именно так. Облицовка колонн — какой-то прочный состав, напоминающий по структуре мрамор, — почти тысячу лет успешно противостояла ветрам, солнцу, дождям и времени — главному врагу всех сооружений на свете.

Храм более или менее сохранился изнутри, но снаружи были заметны сильные разрушения. Стены его сложены из больших плоских каменных плит, и, очевидно, из-за оседания почвы симметрия их была нарушена. Кое-где грозящие падением каменные блоки были подперты колоннами, скреплены подручными средствами — все заботами доктора Гуляма Яздани.

Неотъемлемой частью храма была мандапа — длинная крытая галерея, крыша которой покоится на трех сотнях

искусно, с большим умением расставленных колонн. В противоположность богато декорированным колоннам храма, колонны мандапа совершенно гладки. В общей сложности во всем храме насчитывается ровно тысяча колонн.

Между самым храмом и мандапа, повернувшись мордой к храму, лежит небольшой базальтовый бычок — Нанди. Голова у него слегка попорчена, но тело все еще гладкое и блестящее. Этого бычка встречаешь на Декане повсюду. Он лежит на пьедестале, подогнув под себя переднюю ногу, другая выставлена вперед.

Согласно пуранам, великий бог Шива всегда ездил верхом на Нанди — любимом бычке. В Индии образовалась даже секта шиваитов, которые поклоняются быку.

Обожествление быка в Индии фактически произошло по вполне материальной причине. Без быка и коровы не прожить бы крестьянину Индии. Животные совершенно необходимы в хозяйстве. Бычок тянет плуг в поле, корова дает молоко. Их навозом хозяйка топит ангочху — очаг — и им же подправляет стены хижины.

Нанди — древнее божество крестьян Индии. Имя Шивы приплетено к честному и трудолюбивому животному совершенно напрасно.

Позже я узнал, что в храме имеется надпись на телугу с описанием отваги некоего Шитаб Хана — командира, служившего в армии соседнего мусульманского владыки. Хвалебная ода мусульманину в хиндуистском храме — дело совершенно необычное. Согласно версии одного из ученых Хайдарабада доктора Хирананда Шастри, Шитаб Хан был местным жителем, членом низшей касты неприкасаемых, который позже перешел в ислам. Посредством этой надписи он или его люди выразили свою ненависть высшей иерархии брахманов за то, что они не считали за людей членов низших каст.

От Храма тысячи колонн мы двинулись к крепости Варангал.

КРЕПОСТЬ ВАРАНГАЛ

Ехать до крепости пришлось недолго. Вскоре показалось что-то вроде высокой железнодорожной насыпи с проездом под ней, сложенным из рыжего камня. Подъехав поближе, мы увидели не железнодорожное полотно, а обвалившиеся земляные бастионы, внутрь которых вели могучие ворота, сложенные из неправдоподобно больших каменных блоков. Ворота вели в Варангал, в прошлом столицу всей Андхры.

Крепость — настоящий археологический музей, кладбище цивилизации, существовавшей здесь в XII—XIII веках.

По виду страны, лежавшей вокруг остатков древних стен, можно было безошибочно определить, что когда-то в этом районе был центр интенсивного, высокоразвитого земледелия. Виднелись остатки плотин, каналов и колодцев.

Крепость Варангал была построена в ту пору, когда на Декане еще не появились мусульмане и их техника строительства крепостей не была здесь известна.

Старинные сторожевые башни из самана, уцелевшие кое-где в деревнях Андхры, являются образцами наиболее ранних фортификационных сооружений Южной Индии. Каменная кладка начала применяться здесь не сразу. Вплоть до появления мусульман хинду использовали при возведении крепостей огромные каменные блоки. Кладка была, как правило, неровной. Абсолютно отсутствовали цемент или какие-либо другие скрепляющие вещества. Края камней идеально обрабатывали долотами и затем их плотно укладывали один к другому. Сцепление между отдельными рядами камней достигалось благодаря их огромному весу.

Крепость Варангал относится к переходному времени строительной техники на Декане. Стены ее возведены из самана, а ворота сложены из камня. Время победило саманные боевые стены — они представляют сейчас собой высокие глиняные холмы, на которых мирно пасутся козы. Однако ворота стоят несокрушимо, не поддаваясь атакам времени.

Мы направились в глубь крепости. На пыльных ее улицах виднелись покосившиеся хижины.

— В центре крепости есть руины старинного храма, среди которых можно видеть отлично сохранившиеся ворота, — рассказывал Сатьянараян. — Вы, вероятно, уже видели их на репродукциях. Эти ворота — символ старого Варангала, старой Андхры. Вот они видны из-за деревьев.

Мы подъехали к храму, или, верней, к тому, что когда-то было большим храмом. Перед нами возникла обширная яма, усеянная каменными обломками. Очевидно, фундамент здания был подрыв водами муссонных ливней, и здание провалилось. На дне ямы, полузасыпанные песком, валялись разрозненные архитектурные фрагменты. Здесь ничего уже нельзя было сделать, кроме как подобрать части разрушенного здания. Это как раз и сделали англичане, увезшие в Англию все его наиболее ценные и красивые архитектурные детали.

С четырех сторон ямы, словно плакальщицы над могилой, сиротливо стоят знаменитые киртистхамба (Ворота славы) — триумфальные ворота из серого гранита, через которые когда-то шли дорожки к дверям храма. Расстояние между воротами равняется полутора метрам, и это говорит о том, сколь велик был погибший храм.

Каменные плоскости Ворот славы покрыты хорошо сохранившейся резьбой со множеством всяких фигур и эмблем. Сверху по краям ворот стоят кансы — павлины. Смотря издали на ворота, трудно отделаться от впечатления, что они деревянные. Вероятно, много тысяч лет назад индийцы строили свои храмы из дерева, так как весь Декан был покрыт лесами. Строители более поздних времен сохранили деревянные конфигурации ворот, которые они «вытесывали» уже из гранита.

...Уже к вечеру мы направились к озеру Пакхал, которое лежит еще дальше на северо-восток. Пакхал — одно из величайших искусственных озер Индии. Периметр его холмистых, покрытых густым лесом берегов превышает восемнадцать километров. Западный, самый низкий берег образован гигантской плотиной длиной в полтора километра, которую в незапамятные времена воздвигли раджи Варангала. Наполняет озеро небольшая речка, стекающая с отрогов гор Виндхья.

На следующий день рано утром мы встретили на плотине восход солнца, а потом долго бродили по каменным распадкам окрестных заповедных гор в поисках тигра. Тигр не пожелал встретиться с нами, зато мы наткнулись на целую стаю мартышек, которые с гамом и гиканьем двигались по перушкам деревьев куда-то на юг.

Только к концу дня на низком топком берегу, почти скрытом пышно разросшимися кустами, я заметил след громадной когтистой лапы царя индийских джунглей. Он приходил сюда на водопой, и, как видно, совсем недавно.

Посередине озера неподвижно лежали несуразные коряги. После долгого пристального наблюдения за одной из этих коряг мы заметили, что она сделала едва заметное движение. Это был один из пакхальских крокодилов.

На этом и кончилась наша поездка в древнюю столицу Андхры.

ПРАЗДНИКИ ХИНДУ

Индия — страна множества праздничных торжеств. Общественные, индуистские, мусульманские, сикхские, христианские, парсийские, джайнские и прочие праздники следуют здесь один за другим. Кроме того, в каждом штате, в каждом районе есть еще и местные праздничные дни, которые отмечаются с большим усердием. Праздники, как и древние храмы, являются достопримечательностью Индии.

Выше было рассказано о праздниках мусульман. Не меньше их у индийцев, исповедующих индуизм. Большинство индуистских праздников ведет свое начало с глубокой языческой древности, и корнями им служат все те же пураны,

Рамаяна и Махабхарата. Из восемнадцати главных хиндуистских праздников я попытаюсь рассказать о тех, которые мне пришлось наблюдать в Хайдарабаде. Это досехра, холи и дивали.

Досехра символизирует собой триумф добра над злом. Она приходится на сентябрь или октябрь и празднуют ее целых десять дней.

В Рамаяне есть такой эпизод: герой Рама, для того чтобы отнять у Равана свою жену Ситу, призвал на помощь Дургу — богиню войны. Так страшен и так силен был десятиглавый Раван, что Рама не сумел бы одолеть его без помощи Дурги. Художники хинду изображают Дургу десятирукой. В каждой из ее рук зажато смертоносное оружие.

Первые девять ночей досехры посвящены как раз Дурге. По иллюминированным улицам городов и деревень Индии движутся процессии, в которых разряженные актеры имитируют яростные битвы между Рамой и Раваном. За колесницами с актерами идут тысячные толпы энтузиастов, бегут дети. Стоит всеобщее веселье.

На берегу Муси в первые дни досехры воздвигалось необычайное сооружение из бумаги и бамбука. Посередине песчаной арены, окруженной амфитеатром старых городских стен, изо дня в день вырастала громадная фигура Равана. Я не раз приезжал сюда, чтобы поглядеть, как растет чудовище. У бумажного Равана было толстое брюхо, большая отвратительная голова и хищный рот, полный громадных зубов.

И наконец пришел десятый день досехры, когда праздник достигает своего апогея.

Вечером я, моя жена и Мохаммед отправились на берег Муси. Мы едва протолкались сквозь толпу возбужденных зевак, собравшихся поглядеть на захватывающее зрелище гибели Равана. Зрители усеяли высокие зубцы городской стены, вытягивая шеи, смотрели, что там делается с Раваном.

Местечка на стене отыскать не удалось, и мы забрались на штабеля дров соседнего дровяного склада. Сердитая хозяйка склада, ругательски ругаясь, гнала зрителей прочь:

— Каждый год так! Пропади он пропадом, Раван, и вы вместе с ним! Дрова мне раскидывают! Ишь расселись, как вороны на заборе!

Молодежь хохотала, а мы делали вид, что не понимаем брани хозяйки. Зрелище было интересным. У ног размазанного, надутого тщеславием Равана шла суeta. Одетые в доспехи люди разыгрывали последние акты древней драмы. Виден был Рама со своим неразлучным луком и колчаном стрел, выделялся белой физиономией царь обезьян Лакшман и другие персонажи Рамаяны.

Между зрителями ходили факиры. Голые, обросшие волосами мужчины, позванивая бубенчиками на ногах, немилосердно истязали себя щелкающими ударами огромных бичей. У многих животы и спины были в крови. Следом за факирами шли женщины с небольшими барабанами. Они терли кожу барабанов прутьями, отчего те издавали надрывный громкий скрип. Иные из зрителей бросали факирам монетки, иные поспешно отвертывались.

Подходил заключительный момент празднества. Человек в обезьяньей маске, сделав разбег, с решительным видом полез по лестнице к подножию злодея Равана. В руках у него горел факел. Народ зашумел.

— Смотрите, мистер Хануман подымается на помост к Равану! — возбужденно сказал Мохаммед.

— Подожжет его? — спросил я.

— Не сейчас. А на третий раз! Видите, он уже слезает!

«Мистер» Хануман в самом деле слез с помоста. Он снова залез и опять слез. На третий раз его факел коснулся края роскошной бумажной тоги Равана, и та вспыхнула ярким пламенем.

— Горит! Раван горит! — разнесся ликующий вопль зрителей.

Огонь разрастался, с каждым мгновением приближаясь к огромной голове Равана. Когда наконец вспыхнула и она, с громом начали лопаться спрятанные в ней шутихи. В темное небо взвились ракеты. На месте сгоревшей головы Равана появилось огромное проволочное колесо. Оно бешено вертелось, разбрызгивая разноцветное пламя бенгальских огней. Так плачевно закончилась судьба Равана.

После сожжения бумажного чучела ярко освещенная дорога вдоль берега Муси всю ночь была забита гуляющим народом, в основном молодежью. Люди весело разговаривали, пели и смеялись. В руках у них были высокие зеленые ветви какого-то растения — символ минувшего праздника.

Другой большой праздник хинду носит название холи.

Холи состоит обычно в феврале — марте. Праздник этот очень древний. Он возник в языческие времена в связи с окончанием полевых работ.

В ночь накануне холи люди по всей Индии жгут на улицах городов и деревень костры. Особенно большие и яркие костры горят в Раджастанханах.

Незадолго до наступления холи неискушенный иностранец, глядя на жителей Хайдарабада, может подумать, что они стали малярами: на всех стиранные-перестиранные рубахи и штаны в красных, зеленых и синих подтеках. В целях экономии люди одеваются в старые одежды, оставшиеся от прошлогоднего холи.

В день холи с самого раннего утра в Хайдарабаде происходят невероятные дела. Все вдруг начинают яростно красить друг друга. Одни поливают знакомых и соседей цветными струями из самодельных насосов, другие пускают в ход яркие порошковые краски. И все это делается весело, с любовью, от души. Только специально для сахукаров-ростовщиков, торговцев и старост, притесняющих народ, припасается добрая горсть саж.

В разгар холи ехать по городу небезопасно: могут хватить ведром крашеной воды или обрызгать из насоса. Но зрелище буйного празднества необычайно интересно. Вдоль улиц веселой гурьбой шагают люди с физиономиями, вымазанными блестящей алюминиевой краской (она самая дешевая). Встретятся друзья — обнимутся, усердно вымажут друг друга, и оба довольны.

Только к часу дня в городе появляются наконец чистые белые рубашки. Перемазанный красками народ собирается на берегах Муси и у пруда Хуссейнсагар. От праздника на тротуарах остаются цветные кляксы. А если поехать в центр Старого города и заглянуть в торговые переулки вокруг Чарминара, то все стены домов, в которых живут марвари, почти сплошь залиты красной краской, смыть которую в силах только хороший дождь.

Но самым интересным хиндуистским праздником является, по-моему, дивали (праздник огней), который бывает в одну из ночей октября или ноября. Еще в дневную пору жители побогаче выстраивают вдоль карнизов своих домов бесконечные ряды глиняных светильников с масляными фитилями. Те, кто победней, довольствуются двумя-тремя. Когда наступает ночь, весь город бывает залит морем переливающихся, мигающих огоньков и представляет собой фантастическое, сказочно красивое зрелище.

В дни дивали у женщин хинду хлопот полон рот. У своих порогов они делают красочные рисунки разноцветной рисовой мукой, посыпая ее тоненькими струйками на чисто выметенный участок земли. Из-под их искусных рук выходят великолепные орнаменты и замысловатые узоры. Соседки во всю соревнуются в этом своеобразном древнем искусстве.

У дверей домов и магазинов воздвигаются небольшие зеленые арки из банановых листьев. Горят фейерверки, всюду музыка и песни.

Дивали — праздник в честь Лакшми, богини богатства и изобилия. Всяк стремится заманить ее к себе. Люди знают — Лакшми, не останавливаясь, пройдет мимо порога, не украшенного лампадками и красивыми рисунками из рисовой муки. А фейерверки рвутся в воздухе для того, чтобы «отпугнуть злых духов».

Люди празднуют дивали всяк по-своему. Крестьяне во многих отдаленных районах страны в этот день идут на свои поля и благодарят «духов» за урожай. Каждый пахарь три дня подряд является перед кучей навоза, накопленной возле его дома для вывоза в поле, простирается перед ней и смиренно просит, чтобы удобрение улучшило его поле и позволило ему собрать хороший урожай. Чтобы задобрить навозную кучу, ей преподносятся цветы, рис и фрукты. Ведь скоро надо выезжать в поле на «зимний» сев!

Усердней всех отмечают день дивали купцы и торговцы, которые молят Лакшми, чтобы та даровала им богатство. Дивали для них — конец старого и начало нового коммерческого года. Они сжигают старые расходно-приходные книги и заводят новые, обставляя сей важный акт большой торжественностью.

Ночью в праздник дивали торговые кварталы Хайдарабада сплошь залиты светом. Повсюду оглушительно орут граммофоны и радио. Магазины и лавки открыты, и хозяева, нарядившись в лучшие одежды, восседают в них на чистых простынях. Тлеют палочки агрбатти, все жуют супари и бетель. Под ногами с громом рвутся хлопушки, взрываются петарды. В небо летят фейерверки. Непривычный человек выдает совершенно оглушен и сбит с толку всем этим световым и шумовым хаосом.

Как-то в ночь дивали я шел по бесновавшемуся торговому кварталу в сопровождении одного моего хорошего знакомого. Мой спутник — человек насмешливый и большой остролов, заглядывая в лавки сахукаров, говорил:

— Как они там колдуют над изображениями Лакшми: окуривают их дымом агрбатти, преподносят дары! Но не подумайте, что они видят перед собой сказочную женщину — фортуна.

— Что же они видят?

— Золото! Лакшми представляется им в виде золотого слитка: они поклоняются золоту в буквальном смысле слова.

— То есть, как это так?

— Видите ли, по старинному обычаю, торговцы и ростовщики всегда держат наличное золото при себе. Они не верят банкам. Золотые слитки и монеты хранятся в укромных местечках, в ямах, куда их прячут под большим секретом. В дни дивали золото выкапывается, и хозяева поклоняются ему как божеству. Желтый металл для них — воплощение силы, власти и богатства. В торговых кварталах сейчас идут отчаянные карточные баталии с громадными ставками. Сахукары, торговцы и контракторы, словом богатые люди, в день дивали теряют всю свою осторожность. Сахукары верят, что

если они выиграют в день дивали, то весь новый финансовый год для них будет удачным. Возле Чарминара еще совсем недавно люди враз ставили на кон сотни тысяч рупий, прогорали в прах или выигрывали крупные состояния. Вот вам новая сторона дивали, о которой вы, вероятно, и понятия не имели!

— А простой народ?

— Простой народ празднует дивали по-простому. Выставит бедняк на порог пару плошек с фитильком, да и все тут. И молит он у Лакшми не кусок золота, а кусок хлеба.

Да, в Индии много праздников. Люди нуждаются в них, так как они помогают отвлечься от нелегкой, полной забот и лишений жизни, дают повод повеселиться вместе с друзьями и знакомыми. Религиозного элемента в них осталось мало, главную роль играет зрелищная сторона.

Кроме досехры, холи и дивали, у хинду есть много других, менее значительных праздников. Вдруг видишь, что по всему городу происходит нечто непонятное: люди обвязывают друг у друга запястья рук золотой канителью с блестками, а на лицах у них радостные улыбки. В чем дело? Оказывается, хайдарабадцы отмечают день ракхи. Если в день ракхи хороший знакомый украсит ваше запястье шелковой ниткой, то это значит, что он дарит вам символ дружбы, братства и любви. Нечего и говорить, что для молодых людей и девушек это благословенный случай выразить друг другу свои чувства и симпатии.

Что ни день, то в одном, то в другом конце Хайдарабада гремят барабаны, поют флейты, в садах и на фасадах домов зажигаются разноцветные огни — значит, там происходит какое-нибудь семейное торжество. По улицам часто движутся процессии с музыкантами, плясунами и ловкачами фокусниками. Впереди процессии идут кули с яркими фонарями на головах, а посередине едет всадник, сплошь увешанный гирляндами цветов. Что такое? Оказывается, это свадебная процессия. На коне едет жених.

И так из года в год чередой идут в Индии праздники — большие и малые.

СИНЕЛИКИЙ ФЛЕЙТИСТ

Есть у хиндуистов божество, окруженное всеобщим поклонением и любовью. Божество это — Кришна, который на бесчисленных рисунках и цветных репродукциях изображается в виде прекрасного юноши с синим телом и с флейтой в руках. Кришне поклоняются сотни миллионов людей, и порой кажется, что его слава затмевает славу всех остальных богов хиндуистского пантеона.

Согласно официальной версии, Кришна является восьмым аватаром (воплощением) бога Вишну на земле. Хиндуисты верят, что время от времени боги в облике аватаров сходят на землю, чтобы навести на ней порядок, заступиться за бедняков и урезонить власть имущих.

«Биография» Кришны очень сложная и противоречивая (ее «писали» на протяжении тысячелетий бесчисленные авторы, придерживавшиеся порой совершенно противоположных взглядов), вкратце такова. Кришна родился в древней Матхуре. Родители были вынуждены сразу же тайком отправить его из города в деревню и спрятать в семье пастуха Нанды. На то были веские причины: царю Матхуры злодею Кансе астрологи предсказали, что в будущем этот мальчик, став взрослым, покарает его за издевательства над народом.

Кришна вырос в пастушеской семье. В детстве он заработал репутацию отчаянного озорника, но уже в отрочестве им было совершено немало героических дел. А выросши, Кришна стал учить пастухов поклоняться не богам и не брахманам, а рекам, горам и лугам, на которых пасется скот — источник их жизни.

В конце концов Кришна возвратился в Матхуру и в жестокой борьбе убил царя Кансу. Он посадил на престол Матхуры Уграсену, а сам стал его первым советником и полководцем. Кришна совершил бесчисленные подвиги в войнах с богатыми и царями, которые не хотели подчиниться бывшему пастуху, мечтавшему о полном объединении всей Индии. Погиб Кришна от стрелы дикаря в одной из своих бесчисленных войн.

Словом, по древним легендам, Кришна был народным героем, который побивал всех богов древнего хиндуистского пантеона, высмеивал брахманов и защищал народ.

Видя большую популярность Кришны, брахманы приобщили его к пантеону хиндуистских богов и по-своему истолковали историю его жизни и его деяний. Они сделали Кришну своим героем, приписали ему царское происхождение. В их трактовке Кришна ведет себя как ортодоксальный брамин, и конечно, в нем убито все живое, чем его щедро оделила фантазия народа.

По сей день Кришна живет в народной памяти как прекрасный юноша, удалой пастух, при звуках флейты которого люди забывают обо всем на свете, как озорник и лукавый обманщик, от которого только и жди какой-нибудь каверзы.

Именно таким выводят Кришну народные барды и бесчисленные самодеятельные театры, на представления которых собираются толпы восторженных зрителей.

Чтобы понимать классические индийские танцы, посвященные древним хиндуистским богам и героям, чтобы по-

настоящему оценить их, совершенно необходимо знать истории жизни и деяний этих богов и героев. И тогда непонятные на первый взгляд, но полные глубокого скрытого смысла мимические танцы приобретают большое очарование и интерес. В самом деле, в немых сценах артисты средствами мимики рисуют перед зрителями широко известные эпизоды из древних эпосов. Каждое их движение, каждый жест имеет свое значение, свой смысл.

Однажды наша хорошая знакомая, студентка университета мисс Мэхэр Нигар, пригласила нас с женой к своему преподавателю на урок танцев бхарата-натьям.

— Он брамин из Мадраса,— рассказывала она нам.— На уроках у него очень интересно. Я учусь у него уже полгода.

Мы знали, что мисс Мэхэр Нигар мечтает стать танцовщицей. У нее были очень хорошие физические данные — высокий рост, гибкая талия, прекрасное лицо. Ее сольные выступления с танцами в колледжах и на всевозможных конкурсах всегда проходили очень успешно. Кроме того, Мэхэр Нигар была еще и начинающей писательницей. Она писала рассказы для детского журнала на языке урду.

И вот мы поехали к учителю Мэхэр Нигар, который жил с женой, дочерью и старухой матерью в небольшом чистом домике недалеко от Урду холла. Учитель оказался человеком средних лет с гармонически развитым, красивым и гибким телом. Очевидно, он обладал завидным здоровьем — об этом говорило его смуглое цветущее лицо, прекрасные белые зубы. Из-под белоснежной рубашки учителя танцев виднелся джанеу — брахманский шнурок с ладанкой. Учеников у него было много, и жил он, видимо, неплохо.

Мы явились как раз к началу отчетного занятия. В доме учителя был наготове оркестр: музыканты с дхольком (барабаном), скрипкой и гармонием. Тут же лежал ситар — подобие большой гитары с широченным грифом, массой струн и двумя корпусами. На ситаре играла супруга учителя.

Поджидали еще одного танцора — студента Колледжа изящных искусств Джанака Кумара, который тоже изучал здесь искусство старинного танца. Джанак Кумар должен был выступить заглавной фигурой в предстоящем домашнем спектакле в честь синеликого флейтиста Кришны.

До прихода Джанака Кумара одна из учениц исполнила несколько пантомим из какого-то древнего эпоса. У танцовщицы — невысокой миловидной девушки мусульманки — ладони рук и ступни ног были окрашены в ярко-оранжевый цвет, лицо слегка подкрашено, прическа в темных густых волосах была присыпана красной краской. Ею же были слегка тронуты и зубы. Такой туалет считается очень красивым в Индии.

Танцовщица, выйдя на середину, поклонилась зрителям. Этот церемонный поклон — каскад раз и навсегда установленных па — мы видели позже много раз в начале выступлений других танцоров, и всегда он был примерно одинаковым.

Танцевала юная танцовщица хорошо. Крепко стуча голыми пятками об пол, она рисовала удивительно красивыми и точными движениями рук, ног, головы и бровей загадочный для нас рисунок — кусочек какой-то древней истории. Лицо ее выражало радость, гнев или презрение — как того требовал ход пьесы.

Наши критерии совершенно не подходили для оценки ее искусства, но мы видели, как доволен был учитель и как сиял счастьем и гордостью ее отец.

— Мне знакомы эти красивые жесты и позы, — сказал я учителю, когда танцовщица села отдохнуть.

— Конечно! — засмеялся тот. — Это те жесты, и те самые позы, в которых застыли древние танцоры-скульптуры в наших южноиндийских храмах. Танцы в стиле бхарата-натьям так же стары, как наши храмы, которые вы, конечно, видели. Бхарата-натьям был когда-то очень популярен на всем юге Индии. Его превратили в высокое искусство профессиональные танцовщицы хиндуистских храмов. Древние скульпторы, видевшие их танцы, увековечили наиболее характерные позы в камне, а мы, через многие века, глядя на позы статуй старинных храмов, корректируем искусство, доставшееся нам от наших предков.

— Популярен ли сейчас бхарата-натьям?

— За последние два века о нем почти совсем забыли. Нечему было о нем заботиться. Мой дед и отец, да еще несколько стариков, оставались почти единственными знатоками его секретов. Но сейчас дело пошло в гору. У людей снова проснулся интерес к бхарата-натьям.

Меж тем явился и Джанак Кумар — невысокий красивый паренек с орлиным носом и шапкой густейших волос. Не медля ни минуты, Джанак Кумар сбросил сандалии, засучил штанины и пустился в пляс вместе с отдохнувшей юной танцовщицей. Они выбрали популярную тему, которую, как видно, успели отработать до мельчайших деталей: Кришна, подговорив деревенских мальчишек, совершает набег на хлев, в котором хранит молоко одна из гопи — молочниц.

Это была очаровательная, веселая сценка, которую мы поняли до мелочей, потому что содержание ее рассказывал учитель. Вот гопи доит корову. Ее движения изящны. На лице у нее ласка к животному. Правая рука делает быстрые доящие движения, выменем служат пальцы левой руки. Закончив «дойку», гопи ставит кувшин с молоком на голову, спешит домой, запирает молоко и уходит.

Озорник Кришна тут как тут. Выглядывая из-за угла, он лукаво улыбается. На лице у него написано невероятное желание напракаться. Озираясь, он пробирается в хлев, на цыпочках подходит к кувшинам с молоком, отпивает из них по несколько глотков, облизывает куски масла. Вообще аватар ведет себя как русский мальчишка, попавший в погреб, который забыла закрыть на замок его зазевавшаяся мамаша.

Но вот приходит молодая хозяйка. Она в ужасе всплескивает руками — Кришна выпил все молоко и слизал все масло. Хуже того — он пролил на пол простоквашу! Разгневанная гопи задает бесцеремонную трепку восьмому воплощению бога Вишну. Кришна обижается, плачет и вырывается из ее рук. И тут только вдруг видит гопи, что это не простой мальчик, а бог. Очарованная и потрясенная великим сиянием могущественного Вишну, она падает к его ногам.

Джанак Кумар и его партнерша разыграли еще несколько веселых пантомим из жизни Кришны. И глядя на гибкие сильные тела молодых танцоров, на их замечательные танцы, мне вспомнилось, как лет семь назад я был на спектакле труппы индийских артистов в Большом театре. Индийские танцоры показывали тогда несколько сценок мифологического содержания. Танцевали они красиво, с душой. Но для московских зрителей мифологические сценки казались каскадом экзотических па, исполняемых под аккомпанемент знакомых инструментов, не более. Сути танцев никто не понимал.

Именно там, в доме мадрасского учителя танцев, я и открыл для себя, что в классических танцах Индии нет ничего загадочного и непонятного. Загадочными и непонятными кажутся они непосвященному зрителю потому, что он не знает богатой мифологии народов Индии, составляющей душу их искусства: музыки, пения, танцев, живописи и скульптуры.

Позже я не раз встречался с Джанак Кумаром — поклонником искусства древних ваятелей. В своих скульптурных композициях он не без успеха воспроизводит изящные фигурки каменных танцоров, которыми украшены стены храмов. Для этого ему приходится иногда совершать путешествия по окрестностям Хайдарабада.

— Я не принадлежу к касте брахманов, — как-то рассказывал он. — Я каястх¹. В наше время каста в Индии значит все меньше и меньше, но иногда мне все-таки дают почувствовать, что я не брахман. И знаете где?

— Где?

¹ Каястх — член касты писарей. Каястхи служили посредниками между высшей иерархией чиновников мусульман средневековой Индии и народом. Говорят они на урду.

— В доме учителя танцев, где мы с вами встретились впервые.

— Неужели сам учитель?

— Нет. Наш учитель, хоть он и носит джанеу, человек нового времени и не обращает внимания на подобные мелочи. Если бы он начал унижать своих учеников, то вскоре остался бы без заработка. Ведь большинство его учеников — мусульмане или люди низших каст, как говорили раньше: нечистые.

— Но кто же тогда?

— Его мать. Она ортодоксальная брахманка. Обидно, знаете, когда тебе не дают стакана напиться и смотрят на тебя так, будто ты какая-нибудь гадкая букашка! Но я отомстил старушке, и знаете каким образом? Однажды, когда старушка ушла на базар, мы с Мэхэр (она ведь тоже «нечистая»!) потихоньку проникли к ней в кухню и потрогали руками все ее чашки и плошки!

Веселые огоньки играли в глазах Джанака, когда он объяснял мне смысл подобной «мести».

— Вы знаете, убежденные хиндуисты верят, что душа человека не умирает, а без конца перевоплощается. Если в этом рождении у хиндуиста все в порядке, то в следующем своем рождении он перевоплотится в богатого коммерсанта или, положим, в майсурского раджу. Но если он оказался грешен в чем-нибудь — не миновать ему ходить в ослиной шкуре. А то еще хуже: в следующем рождении он может появиться на свет в виде червяка! Своими «нечистыми» руками мы осквернили посуду брахманки, стало быть — на ее душе грех. Пускай-ка она в следующем своем рождении перевоплотится в кошку или жука!

Не иначе как сам Кришна вдохновил Джанака Кумара на такую озорную проделку. Надеюсь, моя книжка не дойдет до старой брахманки, и она никогда не узнает о том, что «нечистые» Джанак и Мэхэр касались пальцами ее плошек.

НОВОЕ И СТАРОЕ

В Хайдарабаде у меня было много знакомых, которых по религии их предков следовало бы отнести к хиндуистам. Следовало бы, говорю я в сослагательном наклонении, потому что большинство их считают себя прежде всего гражданами Индии, а принадлежность к той или иной религии теряет для них смысл. Правда, все они вынуждены весьма и весьма считаться со старыми традициями, которые до сего дня сильны в городах и деревнях Индии.

За три года жизни в Хайдарабаде нам не раз приходилось обращаться за помощью к тамошним частным врачам. Общение с этими людьми во многом помогло нам увидеть те

сдвиги и новые тенденции, которые имеют место в хиндуистском обществе, очень ортодоксальном и застойном.

Однажды мы несколько дней подряд являлись на прием к известному в городе доктору Свами. Доктор — типичный андхра: у него массивная костистая фигура, широкие плечи, большая голова. Добродушная улыбка не сходит с его смуглого лица. Доктор Свами хороший практик, и поэтому он работает в Кинг Эдвардс Мемориал — лучшей больнице Сикандарабада, читает лекции студентам медицинского колледжа при Османском университете, лечит членов правительства Андхры-Прадеш и, кроме того, имеет обширную частную практику.

Уютная приемная доктора Свами, где висит его собственный большой портрет и роскошный диплом об успешном окончании какого-то английского университета, — отличный наблюдательный пункт. Сюда приходят к нему различные люди за советом или помощью. Если посетителей нет, доктор выходит в приемную и садится отдохнуть. Он большой любитель потолковать о том и о сем.

— Рамлу! — кричит он. — Чаю!

На зов является Рамлу — молодой парень, слуга, шофер и ассистент, без которого доктор не может сделать ни шагу. У Рамлу удивительно смышленное лицо, на лице веселая улыбка. На подносе у него три чашки чая.

Чай — прелюдия к разговору.

— Доктор, я слышала, что ваша фамилия Свами означает святой. Вы и в самом деле святой? — спрашивает моя жена.

Доктор перестал жевать бетель, секунду удивленно глядит на нее, затем закидывает голову на спинку кресла, разевает рот и начинает хохотать так, что все его массивное тело ходуном ходит в кресле. Шутка вполне оценена им.

— О, я в самом деле святой! — говорит он, отхохотавшись. — Очень большой святой! В деревне, откуда мы родом, святей нас не было никого. Впрочем, вернее было бы сказать — я бывший святой. Быть доктором и ортодоксом брахманом, знаете ли, очень и очень трудно, просто-таки невозможно!

— А ваш отец?

Отец доктора, высокий седой старик, постоянно помогает ему в работе.

— Ну, мой отец — человек старой закваски. Он убежденный ортодоксальный брахман, и его не переделаешь. В самом начале моей врачебной карьеры у нас с ним были довольно серьезные стычки. Ему многое не нравилось в моих делах и жизни. Но мало-помалу он смирился. Сейчас мы живем и работаем вместе, не мешая друг другу. Я не вмешиваюсь в его

жизнь и убеждения, а он — в мои. Должен признаться, что отчасти под влиянием отца, а отчасти из-за моей собственной половинчатости и слабости характера жизнь в нашем доме все еще идет по-старому.

Доктор говорил правду. Мы ни разу не видели его жены, хотя вся его семья живет тут же за стеной кабинета. Она избегает попадаться нам на глаза. Сквозь решетчатые окна видно, что жизнь в доме доктора идет по-старинному. По углам стоят голые кхаты — кровати. Белье и постели семьи лежат на полу. Стены комнат совершенно голые и не слишком чистые. Последнее, впрочем, мало зависит от Свами. Он снимает нижний этаж дома за солидную сумму. Жилье сейчас дорожает, и его могут в любую минуту попросить освободить помещение.

Судя по рассказам доктора, жизнь даже очень состоятельных брахманов, особенно в окрестных деревнях, далека от требований современной культуры. Ими не соблюдаются элементарные правила гигиены, отчего в их среде очень часты всевозможные болезни. Садясь за обед, ортодокс брахман передко обмазывает все вокруг себя жидким навозом «святой» коровы. Им же он «дезинфицирует» полы своего дома. При более чем обильном питании люди в брахманских семьях ведут малоподвижный образ жизни, что пагубно сказывается на их здоровье.

Особенно тяжело приходится в старых индуистских семьях женщинам. Согласно старинным порядкам, она является чем-то вроде служанки мужа и детей. Мужья встречаются друг с другом, занимаются своими делами, пьют и гуляют, развлекаются, играют в карты, зачастую изменяют женам (брахманы, особенно молодые, ни в чем себе не отказывают), а жены не выходят из дома. Их мир — воспитание детей, приготовление пищи. Главное их развлечение — разговоры об украшениях и новом сари, иной раз вылазка в деревенский храм.

Сравнительно недавно в Индии существовал дикий обычай: когда брахман умирал, его жену подвергали остракизму. Ее лишали всех прав и низводили на положение парии те самые родные и близкие, среди которых она недавно была равноправным членом, матерью семейства.

В одном из кварталов Сикандарабада я часто видел нищую, сравнительно еще молодую женщину. Изможденная, вся в белом, с начисто обритой головой она тяжелой походкой проходила мимо. Черты лица у этой нищей были поразительно правильными. Губы изогнуты в какой-то гордой, надменной складке, и у нее был тот самый прищур глаз и пронзительный взгляд, которые я хотел бы назвать брахманскими. Было совершенно очевидно, что это брахманка, но она

была на самом дне жизни. Прохожие хинду заметно сторонились ее.

Какой-то стоявший на пороге чапраси, увидев, как пристально я наблюдаю за проходившей мимо нищей, заметил:

— Бева (вдова)!

Чапраси рассказал, что эта женщина — ортодоксальная брахманка и несет свой вдовий крест добровольно. Семья у нее богатая, но она отказалась от богатства и поступает так, как поступали в подобном положении ее прародительницы.

В приемной доктора Свами мы не раз видели ветхого старика брахмана. Он появлялся в сопровождении молодой цветущей женщины лет двадцати. Сначала мы думали, что это дочь приводит больного отца, но они оказались мужем и женой. У старика была тяжелая форма туберкулеза и какая-то сердечная болезнь. Он едва ходил, и его молодая жена старательно ухаживала за ним.

— Он вдовец и недавно женился, — пояснил доктор Свами. — Семья у него большая, деньги водятся, вот он и женился на девушке из бедной семьи. Первый раз его принесли сюда на носилках. Сейчас, правда, он стал несколько лучше — я делаю ему уколы.

Старик — настоящая развалина — был очень неопрятен, харкал кровью, однако женился — буквально на смертном одре. Брахман, если у него умерла жена, может и даже должен вскоре жениться снова, и непременно на молодой девушке.

Уже накануне отъезда из Хайдарабада мы познакомились с молодым отоларингологом, доктором Рао. Он тоже получил образование за границей и работал заместителем директора больницы Сароджини Дэви в Старом городе. Необыкновенно деловито, с большим знанием дела он оказал помощь моей жене, дал все требуемые советы, прописал лекарства и тут же сказал «гуд бай», давая понять, что аудиенция окончена. За дверями его кабинета стояла большая очередь больных.

Позже, при встрече с доктором Рао я выразил свое восхищение его оперативностью и необыкновенной деловитостью. Доктор от души расхохотался и объяснил, что у него просто много работы, поэтому у него нет времени беседовать с клиентами, но если нам угодно, мы можем встретиться в Английском клубе и потолковать на свободе.

В Английском клубе доктор Рао представил нас своей супруге. Узнав о том, что госпожа Рао ревностная католичка, я спросил доктора, хорошо ли они живут, принадлежа к разным религиям.

Доктор Рао только улыбнулся.

— Мы живем очень и очень хорошо. Недавно у нас родилась девочка, и мы очень ею гордимся. А что касается религии, то моя жена ходит в церковь и молится там.

— А вы?

— А я хожу в свою больницу! Я очень люблю свою профессию, и, откровенно говоря, мне нет дела до всей этой чепухи. Моя жена очень хорошая и заботливая хозяйка. На ее плечах весь наш дом, и она с радостью несет это бремя. Иногда мы ходим на заседания Ротари клуба, иногда сюда, в Английский клуб, пообедать. Вот и все.

— А как же смотрят на ваш брак родственники?

— О, я имел массу неприятностей! Вся моя родня — закоренелые хинду. Когда, закончив образование, я приехал из Англии и женился на христианке, это мигом воздвигло высокую стену предрассудков между мной и моими родителями со всеми родственниками в придачу. Вы ведь знаете, что у нас в Индии семьи несколько иные, чем на Западе. Семья — это не только отец, мать и дети, но и ближайшие родственники. И вот все они вдруг отшатнулись от меня как от зачумленного, даже мать, которая очень любила меня и, я уверен, любит и сейчас. Все это было бы ничего, если бы я не ушел от них и не поселился в доме моей жены. Этот мой поступок шел совершенно вразрез с их представлениями. Сейчас я не имею никакого контакта с родней. Они презирают меня и, очевидно, долго не простят мне отхода от религии и дедовских обычаев. Но что я могу поделать. Жить по-старому я не в состоянии!

Доктор Рао не стал больше распространяться на эту тему. Он рассказал, что собирает деньги на поездку в Европу для совершенствования своих медицинских познаний. По пути непременно заедет в Советский Союз, о достижениях отоларингологов которого он много наслышан.

В Хайдарабаде мы встретили еще одну такую же интересную пару. Он был хинду, а она христианка. Когда они решили соединить свои судьбы, то родственники жениха настаивали, чтобы невеста перешла в хиндуизм, что ей и пришлось сделать.

Молодая женщина с большим юмором рассказывала, как она «перевернулась» в хинду.

— Пришлось мне при всей будущей родне взять в рот свежего коровьего помета и пожевать его. Такая, знаете, гадость! Но что было делать — я сильно полюбила моего Рангу. Если бы не он, то ни за что бы не взяла в рот навоза. Зато сейчас он мой муж, и мы живем с ним счастливо и дружно. Счастье требует жертв!

Мероприятия правительства Андхры-Прадеш по развитию общего образования в штате дают первые, пусть скромные, но плодотворные результаты. Образование и культура, как известно, несовместимы с принципами и догмами любой религии, даже такой гибкой, как хиндуизм. Многочисленные колледжи Османского университета готовят немало специалистов — инженеров, врачей, агрономов из местной молодежи.

Большие массы деревенского населения Андхры приходят на заработки в Хайдарабад и другие большие города штата, формируясь в рабочий класс. Возникающие в Андхре заводы и фабрики, электростанции, железные дороги, учебные центры поглощают массу людей, нивелируют и переламинают ее, давая качественно новый людской материал, мало-помалу избавляющийся от нелегкого наследия прошлого.

ТЕЛИНГАНА

В старину Андхра была известна еще и под именем Телинганы. Обитателей ее звали телингами. Однако в настоящее время под Телинганой понимают центральную и южную части Андхры, долгое время входившие во владения хайдарабадского низама и отличавшиеся большей отсталостью по сравнению с приморскими районами Андхры, которые были под прямой властью английской колониальной администрации.

В конце сороковых годов имя Телинганы прогремело по всему миру, когда там произошло крупнейшее крестьянское восстание, направленное против засилия феодализма и деспотической власти низама.

НА ЮГ, В ГЛУБЬ СТРАНЫ

Совершить экскурсию в глубь сельскохозяйственных районов Андхры я собирался уже давно, но удобный случай представился лишь после знакомства с Хасн-уд-Дин Ахмедом — главой администрации района Карнул.

Г-ну Ахмеду лет тридцать пять. Он очень худ. У него плоская грудь, густая шевелюра блестящих, аккуратно уложенных волос, мефистофельские усики и подбородок. Знакомиться он явился сам.

— Пришел спросить, не нужна ли вам какая-нибудь помощь,— сказал он.— Считаю своим долгом помогать иностранцам, посещающим наш город. Я сам много ездил и знаю, как это бывает иной раз кстати.

Вскоре Хасн-уд-Дин Ахмед пригласил меня и мою жену посмотреть индийскую деревню, и несколько дней спустя рано утром мы уже катили на стареньком джипе по пыльной дороге к Карнулу, который находится к югу от Хайдарабада. Задние сиденья машины были забиты корзинами с овощами, фруктами и хлебом. Тут же помещались термос и вместительный сурахи — кувшин из красной слабообожженной глины. Сурахи хорошо охлаждает воду. Выступая наружу через поры глины, испаряясь и забирая с собой тепло, вода как бы охлаждает себя. Индийцы уверяют, что сурахи очищает воду от дурных привкусов. Через три-четыре недели сурахи, однако, теряет свои качества. Тогда ее разбивают и покупают новую. Цена сурахи на базаре — всего две-четыре анны.

Вскоре остались позади последние заброшенные мечети Хайдарабада, поросшие бурьяном руины старых опустевших поселений, развалившиеся хавели и вырубленные манговые сады. Мы находились в самом сердце Телинганы.

Был конец февраля, и начинало заметно припекать солнце. Мимо проплывали бурые поля, по краям которых грозными часовыми стояли кактусообразные растения с громадными шипами. Скотине сквозь них не продрасться. В полях мелькали большие одиночные деревья, рогули колодцев, густо пестрел пасущийся скот. Несмотря на то что трава успела побуреть, а окрестные кустарники выжгло солнце, Телингана была чарующе красива. Особенно пленительными были ее синие дали, уставленные ровно срезанными конусами нагих скалистых гор.

Земля Телинганы — красная и жесткая, словно спекшийся ноздреватый сургуч. Прокаленная солнцем, она с трудом поддается кудалу — кетменю. Но стоит пролиться дождю, как она преобразается и становится удивительно щедрой. С такой землей, под таким солнцем здесь можно было бы брать по три богатых урожая в год.

Можно было бы! А мы с сожалением и с горечью смотрели, как мимо без конца бегут редкие-редкие приземистые посевы, сквозь которые виднеется голая, твердая как камень земля. Это были посевы клещевины (Телингана — мировой экспортер касторового масла). Над посевами зерновых высились трехногие платформы, на которых сидели крестьяне и бдительно охраняли поля от прожорливой птицы. Нигде и никогда в жизни не приходилось мне видеть таких убогих полей и таких редких всходов!

На пути попадались яркие бензиновые колонки «ЭССО» и «Калтекс», добротные здания американских и канадских миссий.

Г-н Ахмед вытащил из-под сиденья несколько толстых книг на урду.

— Полюбопытствуйте, — сказал он, протягивая мне одну из них.

Я посмотрел. В книге ровные привычные стихотворные строки на урду, но в них густо мелькают цифры. Видя мое замешательство, г-н Ахмед засмеялся.

— Это книги налоговых обложений для нескольких здешних районов, — пояснил он. — Но написаны они в стихах. Эти «налоговые поэмы» были сочинены еще при моих дедах. Здешний депюти-коллектор, мой знакомый, хочет сравнить современные данные об урожайности с тем, что было ранее. Урожайность здешних полей за последние сто-двести лет катастрофически упала!

Индия могла бы кормить полмира, но она сама сейчас вынуждена ввозить рис из Бирмы и пшеницу из Америки. Правительству Индии часто приходится ликвидировать очаги голода, возникающие то в одном, то в другом конце страны, путем срочной переброски зерна в угрожаемые районы.

К полудню мы подъехали к окраине Карнула — большого поселка, где находится резиденция администратора района. Карнул выглядит неказисто. По обе стороны пыльной дороги, понурившись, стоят глиняные лачуги, крытые бурыми пальмовыми листьями. Из-за жидких прутьяных заборов клубятся темно-зеленые манговые рощи. Всюду бродят буйволы, коровы, овцы и козы. У обочины дороги крепкий темнолицый парень с тяжелыми выдохами крушил молотом камень на щебенку. Небольшими группами шли женщины банджара с вязанками сучьев на голове. Они возвращались с полей. Одежда на них была обтрепанная. Из деревни всплесками долетали звуки барабанов. Где-то мерно работал движок.

— Дает энергию для кинотеатра,— пояснил г-н Ахмед.

— Как? Здесь есть кино?

— Да, ведь это районный центр. Крестьяне приходят сюда смотреть кино со всех окрестных деревень.

— А сколько же деревень в вашем районе?

— Триста пятьдесят. Поэтому я постоянно кочую из деревни в деревню и почти никогда не бываю дома.

Когда мы добрались до бунгало Хасн-уд-Дина Ахмеда, он тотчас же отправился к соседнему большому дому, возле веранды которого густо толпился народ. Там районный суд. Крестьяне ждали администратора для разрешения своих тяжб и споров. Большинство из них явились с просьбами об отсрочке налоговых платежей.

Вскоре мы поехали осматривать соседнюю деревню.

КРЕСТЬЯНЕ ТЕЛИНГАНЫ

Уже полдень. Жарко. Солнце стоит высоко над головой. За джипом, который козлом прыгает по ухабам проселочной дороги, тянется длинный шлейф удушливой пыли, и в ней пропадают на миг встречные арбы, в которые впряжены понурые бычки. Крестьяне, отплевываясь от пыли, долго смотрят нам вслед. Кругом окаменевшие поля, и над ними маревом дрожит раскаленный воздух. Урожай с полей уже убран, только кое-где видны убогие редкие посевы, в которых копошатся женщины и дети. Утомившись, они садятся отдыхать под корявые развесистые деревья, растущие у колодцев. Пыль, духота!

Вот наконец и деревня! Она отгородилась от всего мира беспорядочной грудой серых глиняных стен и заборов. Ни единое окошко не смотрит в поле. Пышные зеленые кроны манго и нимов, клубящиеся над бурыми соломенными крышами хижин, немного скрашивают сурово-унылую картину. Вершины деревьев к вечеру превращаются в ночлег для тысяч небольших белых цапель, которые весь день, словно

ростовщики в конторе, важно расхаживают по кочкам пересохших рисовых полей.

Мы въехали на кривую узкую улочку, сошли на ковер раскаленной пыли и двинулись в глубь беспорядочной груды глиняных хижин, жмущихся к мощным бастиям старинной глиняной крепости в середине селения.

Как печален, как уныл был вид деревни! Будто банда злоумышленников ободрала и раскочегорила стены ее домов, обвалила глиняные заборы, растрепала старую кровлю на крышах и затем дело своих рук присыпала густой пылью, похожей на траурный пепел. Мы медленно шли по улочкам мимо жалких лачуг, входы в которые напоминают лазы в темную берлогу. Возле дверей слепленные из глины лежанки. Здесь отдыхают вечером хозяева. Тут же канавы с высохшими нечистотами. Кругом валяются головешки, черепки посуды, обрывки тряпья.

В этом царстве старой, потрескавшейся глины живут люди. Вот седая старуха рассыпает на чисто подметенном дворе стручки красного перца для сушки. По улицам снуют женщины банджара. Из-за глиняного забора на миг появляется милое девичье лицо и, встретив чужой взгляд, тотчас же исчезает, только косички змейками взлетают над черепками, сохнувшими на гребне забора. Бронзовый пастушок тащит куда-то упирающегося козла с рогами, выкрашенными красной краской. Прикрывая лица анчалами — верхними краями сари, — проскальзывают мимо женщины. Степенно проходят седоусые пожилые крестьяне. Они одеты одинаково: на них фиолетово-красные тюрбаны и белые дхоти. В руках у всех высокие пастушеские посохи. У многих крестьян мощные торсы и мускулистые руки. В здешних невероятно трудных климатических и жизненных условиях люди каким-то чудом сохранили естественную человеческую красоту и большую физическую силу!

Крестьяне Телинганы — простой и сердечный народ. Они не слишком разговорчивы, однако полны доброжелательства, и на слово их можно положиться. Честность их удивительная. Не так давно какой-то чиновник, проезжая этими местами, уронил с багажника велосипеда портфель с бумагами и деньгами. Несколько дней портфель лежал на обочине дороги. Мимо него прошли тысячи людей — была как раз ярмарка, — но никто его не тронул, пока он не был подобран клерком администратора.

Но самое примечательное в здешних крестьянах — какое-то внутреннее чувство собственного достоинства, которое не смогли растоптать раджи и магараджи, сборщики податей Кутб Шахов и низамов. Очевидно, это и помогло им выжить в тяжелой многовековой борьбе за жизнь.

По узким улочкам мы обошли всю деревню — она сплошь состояла из лачуг. Какой-то седоусый крестьянин пригласил зайти к нему в дом, и мы воспользовались этим приглашением. У входа в его дом лежала в горячей пыли облезлая больная собака. Из-за парши кожа у нее была совершенно голой, и палящее солнце, как видно, причиняло ей невероятные страдания. Тяжело приподнявшись, собака опять упала в пыль.

Хижина состояла из веранды и большой комнаты без окон. В доме топили по-черному. В углу стояла ангочха (очаг), и от нее вся комната, корявые балки, глиняный потолок и стены были в густой саже. От постоянной копоти, духоты и плохого освещения обитатели таких хижин часто болеют легочными и глазными болезнями, особенно женщины, проводящие у очагов большую часть своей жизни.

Гораздо легче дышалось на веранде. Здесь свисала с потолка люлька. По стенам сохли лекарственные растения, висели яркие календари, фотографии членов семьи. По углам стояли кхаты — кровати без тюфяков (тюфяки в Индии днем снимают с кроватей и ставят в углы). В «садике» при доме росло несколько чахлых растений.

— Эта хижина еще не так плоха, — заметил г-н Ахмед. — Глава семьи работает полицейским. У других дома куда хуже.

Всю дорогу по деревне нас сопровождала девушка волонтер из Хайдарабада. Правительство Индии шлет в деревни страны образованную молодежь для того, чтобы с ее помощью хоть в какой-то степени приобщить крестьян к культуре. Это была хорошая, ласковая девушка. Рассказав о трудностях своей работы в деревне, она потащила нас посмотреть на глиняную печку с гончарной трубой и конфоркой — новшество, которое сейчас мало-помалу внедряется в Андхре-Прадеш.

Эта же девушка свела нас к штабу кооперативного крестьянского общества по переработке шерсти. В кооперативе занято человек пять-шесть. Они изготавливают грубые шерстяные одеяла.

* *
*

С одного края деревни дома оказались побольше и почище, а улица просторней. Стены домов были аккуратно подновлены свежим навозом с глиной и украшены вертикальными бело-коричневыми полосами. Такие полосы украшают большинство индуистских храмов в Южной Индии, ими же обозначают жилища брахманов. Над крышами виднелись антенны радиоприемников, слышалась музыка. Из дверей выглядывали упитанные, хорошо одетые мужчины и женщины.

Это был квартал сахукаров — ростовщиков.

Из века в век сахукар производит немудреную операцию: в дни посева он дает крестьянину займы зерно, а в уборку возвращает его себе с большим процентом. Перед посевом зерно дорогое, а в уборку дешевое — вся разница идет в карман сахукару. Он же ссужает деньги под проценты. В конечном счете крестьянин оказывается опутанным растущими долгами и все отдает сахукару, который оставляет ему ровно столько, чтобы тот не умер с голоду.

Все доходы крестьянина уходят в бездонный карман сахукаров.

— Неужели и сейчас позволяют им грабить крестьян? — спросил я г-на Ахмеда.

Тот пожал плечами.

— Что делать! Крестьянин сейчас может взять деньги в кооперативном банке под меньший процент, но чаще он все-таки идет к сахукару, хоть того и ограничивают законом.

— Почему же?

— По привычке. А потом, обращаясь к ростовщику, крестьяне избегают всякой волокиты. Не надо уговаривать чиновников.

Но не сахукары самые богатые люди в Телингане. Куда богаче настоящие ее хозяева — помещики райоты.

Высокая дозорная башня крепости, которая маячит в середине деревни, была некогда твердыней местной феодальной династии. Этому массивному сооружению из глины, перемешанной с соломой, — свыше двухсот лет. Метровой толщины стены, некогда отлично выдерживавшие удары пушечных ядер, и сейчас еще выглядят весьма внушительно. Однако в стенах крепости пусто. Там находятся лишь разрушенные временем и дождями жилые дома, склады, солдатские бараки, заваленные колодцы.

Отсюда в былые времена помещик правил деревней. Несколько дюжин мерзавцев наемников держали в трепете все ее население. Сюда закабаленные крестьяне несли плоды своих трудов, и здесь же они укрывались от набегов соседних заминдаров и бандитских шаек.

Однако здешние помещики давно оставили стены деревенской твердыни. Последний из них живет сейчас на краю деревни в отличном двухэтажном доме городского типа с балкончиками и красивыми архитектурными деталями. Здешний помещик — глава панчаята (деревенского совета старейшин), он владеет многими сотнями акров земли и большими стадами. Основные доходы он получает от сдачи в аренду своих земель крестьянам. Не брезгает также коммерцией и ростовничеством.

Рассказывая о Телингане, невозможно не упомянуть о событиях, которые имели там место в конце сороковых и начале пятидесятых годов, а именно о восстании крестьян.

До самого последнего времени крестьяне-арендаторы Телинганы — бесправные, жестоко эксплуатируемые, невероятно забытые и отсталые — были лишены элементарнейших человеческих прав.

В конце сороковых годов политическая жизнь в Индии крайне активизировалась. Битвы против англичан, шедшие по всей стране, громким эхом отдавались и в Телингане, но здесь, больше чем где бы то ни было, острое народного гнева было направлено против засилия заминдаров и джагирдаров, против отвратительных феодальных пережитков. Борьбой масс в Телингане руководила демократическая крестьянская организация Андхра махасабха. Среди участников и руководителей этой борьбы было немало коммунистов.

В 1947 году в Телингане произошло мощное вооруженное выступление крестьянства, бушевавшее вплоть до 1952 года.

Восстание вспыхнуло вскоре после разделения страны на Индию и Пакистан. В нем вылилась долго сдерживаемая ненависть крестьянства к сахукарам, заминдарам и джагирдарам.

Как и в старину, заминдары Телинганы держали крестьян в страхе с помощью наемников. Они содержали их, снабжали оружием и с их помощью подавляли малейшее возмущение и сопротивление крестьян. Гуунда (негодяи, бандиты) — называли этих наемников в народе. Гуунда совершали налеты на непокорные деревни, творили насилия, избивали крестьянских вожakov. Особенно свирепствовали гуунда одного из заминдаров Налгонды — района к югу от Хайдарабада. После наиболее жестокого их налета на одну из тамошних деревень крестьяне района подняли вооруженное восстание, которое, словно степной пожар, охватило две тысячи деревень Телинганы. Огромная территория с населением в пять миллионов вышла из-под контроля заминдаров и правительства низама. В деревнях образовывались народные комитеты, распределявшие земли заминдаров.

Первая фаза народной войны заключалась в бесчисленных стычках крестьянских отрядов самообороны с отрядами гуунда, окопавшихся в имениях заминдаров. Перевес был на стороне народа. Когда гуунда появлялись возле какой-нибудь деревни, все жители как один человек вставали на ее защиту и прогоняли бандитов. Заминдары и джагирдары в великой панике бежали в Хайдарабад.

Если у гуунда имелись старые ружья и клинки, то крестьяне были вооружены кольями, пиками, косами. В ход шли луки и стрелы, а также большие рогатки, из которых крестьяне били камнями по отрядам гуунда. Жестокость заминдаров и их отрядов по отношению к захваченным повстанцам была невероятной. Гуунда нападали на деревни тогда, когда местный отряд самообороны уходил на помощь соседям. Часто, возвратившись домой, повстанцы находили на месте своей деревни пепелище, перерезанных стариков, женщин и детей.

Низам, некоторое время выжидавший, как будут развиваться события, в конце концов тоже вступил в войну. У него была своя армия — несколько бригад и отряды разакаров-добровольцев, набранных местной реакционной помещичьей организацией. Началась вторая фаза войны, шедшая с переменным успехом. Войска низама действовали близ городов и больших населенных пунктов. Им противостояли крупные отряды повстанцев, которые скрывались в лесах и горах.

Эта война была суровой и тяжелой для повстанцев. В условиях летней жары, испытывая нехватку в вооружении, провианте и воде, они выстояли около двух лет против сильного противника. И в этих боях открылись замечательные боевые и патриотические качества крестьян Телинганы — основной силы повстанцев. Они бились с врагом с большим воодушевлением. Дисциплина в их отрядах была прекрасной.

Армия низама не смогла добиться успеха в борьбе с повстанцами. В сентябре 1948 года в княжество Хайдарабад вступили индийские войска. Некоторое время отряды повстанцев вели с ними борьбу, но движение уже шло на убыль. Мало-помалу затихли последние бои. В Телингане была объявлена всеобщая амнистия. Между крестьянами была распределена часть помещичьей земли. Помещики вернулись в свои владения.

До сих пор вся Андхра живет под свежим впечатлением беспримерного выступления крестьян, боровшихся за лучшую долю. Они показали, на что способны вчерашние рабы, поднявшиеся на защиту своих погранных человеческих прав.

Но вернемся к нашей деревне.

ШКОЛЫ

В середине деревни помещается местная начальная школа. За посещение ее нужно платить, поэтому здесь учатся дети, родители которых обладают каким-то минимумом необходимых для этого средств. Мы зашли во дворик, огороженный глиняными стенами. Пригнувшись, вошли в низкую веранду

под глиняно-черепичной крышей, которую вместо балок поддерживают крупные хворостины.

В классе шел урок. Худой, длинный учитель в сером ачкане (кафтани) вел урок в переполненном классе. Ему приходилось буквально перешагивать через ребяташек. Стоило посмотреть на облик учителя и его неумелые действия у классной доски, чтобы безошибочно решить, что он очень беден и малограмотен.

Дети сидели плотно прижавшись друг к другу. Ими был набит даже темный коридор, уходящий в глубь здания. Рядом со школьниками лежали тканевые сумочки с тетрадками и книгами, в руках — грифельные доски.

Случайно бросив взгляд на заднюю стену классной комнаты, я заметил грубо обтесанную дверь. Она была слегка приоткрыта. Видны были пальцы маленькой руки, не дававшей двери закрыться, виднелось детское лицо.

Учитель сам открыл ее настежь, и мы увидели темную камеру с земляным полом. Там тоже сидели дети, но они были страшно оборванные, худые, со следами долгого недоедания. У некоторых из них парша выстригла половину волос на голове, и они выглядели маленькими старичками.

— Дети хариджанов,— кратко пояснил учитель.— Им разрешено присутствовать на занятиях бесплатно.

Не скрою—вид детей вызывал чувство жалости. Отец нации Махатма Ганди назвал неприкасаемых хариджанами, то есть божьими людьми, и слово это укрепилось в Индии. В городах страны сейчас уже нет открытого разделения общества на неприкасаемых и «дважды рожденных», но в глуши этот пережиток существует по сей день.

— Это старая школа,— заметил Хасн-уд-Дин Ахмед.— Сейчас по всей округе строятся новые. Часть денег на них выделяет государство, часть дает население. Поедемте посмотрим одну из них.

Мы поехали в соседнюю деревню. На ее окраине стоит одноэтажное здание, похожее на букву П. Двери справа и слева ведут в две классные комнаты с каменными полами. В каждой из них, в углу,— доска и столик. К доскам приколоты написанные на телугу имена дежурных по классу и их обязанности. На стенах азбука в картинках, кое-какие наглядные пособия. С потолков свисают на веревках длинные палки. В дни праздников дети украшают их флажками и лентами.

Снаружи, между крыльями здания, имеется крошечная площадка с высокой мачтой посередине. В дни национальных праздников дети подымают на ее вершину тираंगा — трехцветное знамя республики — и поют гимн «Джана-гана-мана».

— Крестьяне не очень охотно отпускают детей в школу, — заметил Хасн-уд-Дин. — Их помощь нужна на полях. Правда, намечается уже известный перелом. Выгоды образования постепенно доходят до сознания всех, даже самых темных.

— А где ученики?

— Занятия происходят вечером, когда не так жарко.

ОБЩИННЫЙ ПРОЕКТ

Вечер в Телингане был красив и величествен. Спрятавшееся за горы солнце окрасило небо пурпуром. Из болотистых рисовых полей с криком потянулись к насестам стаи белых цапель. Стало прохладней. И в это время за нами явился посланец из драматического кружка Карнула.

— Пойдемте на наше представление! — сказал он. — Посмотрите сначала спектакль, а потом бурра каттха¹. Идти тут недалеко.

Когда мы вышли из бунгало Хасн-уд-Дина Ахмеда и направились к центру Карнула, было уже совсем темно.

Незабываемо прекрасны безлунные ночи Декана! Звезды в эту пору горят особенно ярко. В ночной темени поля, горы, скалы и деревья словно приходят в себя от дневной летаргии и кажутся одухотворенными, полными жизни. В степи звучат приглушенные голоса и шепоты, слышен тихий хрустальный звон. Как будто кто-то витает вокруг и с любопытством заглядывает в лицо. Значительным кажется молчание трав и кустарников, и невольно сам молчишь, вслушиваясь в ночное безмолвие.

Именно в такую ночь шли мы к деревенскому клубу. Было очень темно и тихо. Издали доносился лай собак, бой барабанов и ясные, несмотря на расстояние, людские голоса. Впереди с ярким фонарем в руке шагал босой чапраси. Освещая дорогу, он указывал на рытвины и кочки на дороге. Так, наверное, в былые времена расхаживали в ночи навабы и раджи Телинганы. Встречные крестьяне с почтением приветствовали администратора сахиба.

— Салам, саб!

— Намасте!

Когда мы явились к назначенному месту, представление уже началось. Перед сценой, ярко освещенной фонарями, сидела на скамейках масса народу, главным образом молодежь. Нас посадили на почетные места, вместе с местной интеллигенцией и чиновниками.

Сцена стояла на открытом месте, возле школы, и выглядела вовсе неплохо. Она была заботливо оформлена, со вку-

¹ Каттха — древние народные театрализованные представления из жизни индийских богов и героев. Бытуют в Алдхре по сей день.

сом украшена цветной материей и рисунками. Спектакль, посвященный проблемам, связанным с Общинным принципом, был незамысловат по содержанию, но очень интересен и актуален. Написал его местный учитель.

Как раз в это время в Карнуле, как и в других деревнях Индии, начал осуществляться Общинный проект — план развития сельского хозяйства страны. Предыстория проекта вкратце такова.

Чтобы получить ресурсы для претворения в жизнь программы индустриализации страны и строительства многочисленных плотин и металлургических предприятий, для того, чтобы обеспечить страну своим хлебом, индийское правительство сразу же после образования республики вынуждено было принимать срочные меры по подъему общего уровня индийской деревни. Ведь в индийской деревне живет свыше восьмидесяти процентов населения страны. Крестьянин является главным налогоплательщиком, главной силой в стране, а он был доведен до совершенного разорения за века колониального господства Англии.

Мы знаем, как была ликвидирована отсталость и раздробленность сельского хозяйства в СССР. В свободной от эксплуататорских классов советской деревне возникла на национализированной земле колхозная система. Члены артели получили от государства землю в вечное пользование.

В Индии, стране капиталистической, в сельском хозяйстве которой сохранен принцип земельной собственности, индийское правительство пошло по другому пути. Оно пытается, не затрагивая существующих аграрных отношений в деревне, поднять общий уровень сельского хозяйства путем помощи крестьянам со стороны государства..

По инициативе премьер-министра Индии Джавахарлала Неру была выработана обширная программа восстановительных работ в деревне. По всей стране начали внедрять сверху так называемый Общинный проект. Организационно он выглядит так.

Каждую сотню деревень с населением в пятьдесят-шестьдесят тысяч обслуживает один блок Общинного проекта. В блоке имеется центр — его главная организующая сила. Во главе блока стоит начальник, ответственный за дела проекта в данном районе. В его распоряжении имеется сравнительно немногочисленный штат, который для большей оперативности разбросан по деревням блока. Это управляющий мастерскими по обучению крестьян, глава кооперативного движения в блоке, животновод, полевод, заведующий лабораторией и т. д.

Я посетил в Андхре-Прадеш несколько блоков Общинного проекта. Они в самом деле дают немало полезного для

вконец обедневшей деревни: дают крестьянам хорошие агротехнические советы, организуют кооперативные банки, прилагают усилия для развития образования в деревне. В тридцати километрах от Хайдарабада, в небольшом поселке Викарабад, я посетил блок, в котором было построено за несколько лет около тридцати двух новых школ. Прогрессивность этих мероприятий очевидна.

— Вмешивается ли блок в отношения между крупными собственниками земли и мелкими крестьянами и батраками? — спросил я одного из сотрудников блока.

— Нет, никоим образом, — ответил тот. — Мы помогаем в деревне всем. Например, господин Малиappa, крупный землевладелец Викарабада, очень охотно следует нашим советам. Благодаря нам он получает весьма хорошие результаты на своих полях и в садах. Но с крестьянами — дело делать трудней. Они недоверчиво относятся ко всем новшествам. Кроме того, у них нет сил и средств перенимать все лучшее, что мы несем в деревню. Поэтому результаты нашей работы довольно скромны.

Является ли Общинный проект тем рычагом, той кардинальной мерой, которая сможет существенно облегчить участь многострадального крестьянства Индии? Пока земля в руках помещиков, надеяться на это не приходится. Пусть даже крестьяне Викарабада станут сводить концы с концами. Но разве не «съест» их всех господин Малиappa? Конечно, «съест»! Ведь законы капиталистического развития сельского хозяйства неумолимы для Индии, как, скажем, и для «передовой» Америки, где ежегодно разоряются миллионы фермеров, куда более сильных экономически, чем их индийские собратья.

Представление в Карнуле не кончилось спектаклем об Общинном проекте. За пьесой последовала бурра каттха.

* *
*

В бурра каттхе, кроме главного действующего лица — сказителя, есть еще один неперемный участник — мусхара, что значит шут или шутник. Сказитель ведет рассказ, а мусхара забавляет слушателей. Он то и дело прерывает сказителя, вставляя от себя острые словечки и шутки. Например, сказитель, ударив в барабан, заводит старую местную бывальщину:

«Случилось это, братцы, давным-давно в Варангале, во времена правления славного раджи Урма Дэви из рода Какитьев, когда...

Вот тут-то и вмешивается мусхара:

«...когда нашего такого-сякого заминдара и в помине не было!»

Сказитель не останавливается:

«...было это тогда, когда Какиты были еще сильны и когда...»

«...и когда животы у крестьян были набиты вкусной пищей и молоком, а не всякой дрянью, как в нынешние времена!» — дополняет мусхара.

Острые и едкие ремарки мусхары вызывают смех слушателей, разнообразят долгое эпическое повествование.

Бурра каттха необычно популярна в Тилингане. И сейчас не перевелись в ней замечательные сказители и острые на язык мусхары. Они пользуются в народе великим почетом. Но если раньше главными героями каттхи были персонажи из Рамаяны, Махабхарты и местных героических эпосов, то теперь ею пользуются все партии (включая коммунистов) для доведения до крестьянства своих политических идей. Для того чтобы крестьяне лучше поняли эти идеи, их облачают в привычные образы знакомых им с детства старинных религиозных сказаний.

Узнаёт крестьянин, что в таком-то месте собирается народ на бурра каттху, и как бы он ни устал, все равно не поленится отшагать за ночь десятков километров, чтобы не пропустить любимого развлечения, потолковать с друзьями, узнать, что творится на белом свете. На такие собрания сходятся иной раз тысяч двести-триста народу — куда больше, чем на знакомые нам мошаэры.

На сцене перед нами развертывалась именно такая бурра каттха. Можно было лишь догадываться, что участники ее комментируют последние события в Карнуле и протаскивают отдельных его жителей. Только начинал мой толмач — учитель — переводить на язык урду, о чем вел речь сказитель, как мусхара ввертывал какую-то шутку. Кругом раздавался смех, и толмач, схватившись за живот, сгибался в хохоте. Без его помощи невозможно было понять, о чем говорилось на сцене, — я не знал телугу.

Закончилась каттха далеко за полночь.

В ГОСТЯХ У МИССИОНЕРОВ

Весь следующий день мы посвятили осмотру других окрестных деревень, которые как две капли воды похожи на виденные нами ранее. А вечером решено было осмотреть американскую миссию. Она была совсем недалеко от Карнула.

До этого я не раз бывал в баптистских, лютеранских и католических церквях Хайдарабада, но миссий мне посещать еще не приходилось. В Андхре их великое множество. День-

ги на их содержание поступают в основном из Америки, Канады, Австралии, Западной Германии и Швейцарии. Наиболее старые миссии в Андхре были основаны англичанами, французами и итальянцами.

...Мы сели в джип и вскоре оказались перед дюжиной старых зданий барачного типа, расположенных в открытом поле. Было уже темно, и мы довольно долго стояли с фонарями около забора миссии, ожидая, пока чапраси сообщит хозяевам о нашем визите.

Наконец в темноте блеснул огонек. Чапраси доложил, что глава миссии уехал в гости к соседним миссионерам, но в доме есть две леди, и они приглашают нас к себе. Через минуту мы оказались у большого одноэтажного здания, в окнах которого горел тусклый огонек керосиновой лампы. Нас встретили две немолодые американки.

Они знали от чапраси, что приехали сахибы из риясат — так называют здешние крестьяне Англию и вообще все страны за пределами Индии, и тот факт, что мы оказались русскими, взволновал и перепугал их. Не зная, что говорить и как говорить, они перекидывались взглядами, выдававшими большую растерянность и смущение. К тому же вместе с нами был сам глава администрации района, его заместитель и акцизный чиновник!

Вскоре, однако, тревога их улеглась. Мало-помалу завязался разговор. Американки принесли чай, печенье, и состоялось небольшое чае-вае.

— Говорите ли вы по-украински? — спросила меня одна из них на украинском языке.

Честное слово, можно было ожидать чего угодно, но только не певучей украинской мовы в сердце Телинганы, да еще в устах американки!

— Нет, а откуда вы знаете этот язык?

— Я американка украинского происхождения, — ответила она.

— Вот что! А как вы попали сюда?

— Нас вербуют в Америке на работу в миссиях.

— И хорошо платят?

— Не очень. Средне. Но нам представляются оплачиваемые отпуска, и мы каждый год ездим отдыхать в Америку. Скоро подходит моя очередь.

Очевидно, мы расположили к себе хозяек и рассеяли их опасения, ибо они сами, без наших просьб, предложили осмотреть миссию. Взяв фонари, мы вышли из дома с его высокими потолками, керосиновой лампой и массивным холодильником.

— Пойдемте осмотрим сначала школу, — сказала старшая из американок. — У нас учится около сотни местных

крестьянских детей. Мы обучаем только тех, кто принял христианство.

— Берете ли вы плату за учебу?

— Нет, наша школа бесплатная. Платят только состоятельные родители. Кроме того, у нас есть еще и приют, где дети живут и получают пищу. Сейчас мы зайдем в младшие классы, там как раз идет урок.

Мы вошли в просторное помещение, заполненное партами, столами и стульями. На передних партах, ближе к фонарю и доске с географическими картами, сидела группа девочек лет девяти-десяти. Старшая американка обратилась к ним на телугу с просьбой спеть в честь гостей такую-то строфу из Библии. Девочки спели, а потом с гордостью показали нам свои тетрадки. Как у всех детей мира, их тетрадки были заполнены каракулями, кляксами и потешными рисунками. Только каракули у них были не простые — они походили на длинные цепочки кружков, сердец, кренделей и репок с хвостиками. Так выглядит алфавит телугу для непосвященных людей.

Американки повели нас к соседней группе барачков — больнице миссии. Это был стационар со стандартным оборудованием, носилками и довольно большой аптекой. Топчаны были покрыты чистыми простынями. Лечили здесь тоже бесплатно.

В открытых больничных палатах находились в основном туберкулезные. Тяжелый надсадный кашель то и дело сотрясал скрюченные тела больных, которые, завернувшись в темные одеяла, лежали на верандах прямо на каменном полу.

— Много ли тут туберкулезных больных? — спросил я старшую из американок.

Та махнула рукой.

— И не спрашивайте — кажется, половина населения! Мы кладем в стационар только тех, у кого тяжелая форма туберкулеза, и выдерживаем по несколько месяцев. Самое важное не лекарства, а покой и регулярная сносная пища. Лечить больных на дому, особенно женщин, — безнадежное дело. Люди здесь не понимают, что такое режим, не соблюдают, да и не в состоянии соблюдать его.

— Высок ли процент выздоравливающих?

— Да. Правда, бывают смертельные исходы, но это умирают больные с совершенно запущенной формой туберкулеза. Тут уж мы не в силах ничего сделать!

Распровавшись с американками, мы поехали в Карнул. На обратном пути разговор долго не налаживался. В глазах у всех были распростертые на полу, молчаливые тощие фигуры, закутанные в черные старые одеяла.

Туберкулез — настоящий бич Андхры. В одной только туберкулезной клинике Хайдарабада, открытой здесь Всемирной Организацией здравоохранения при ООН, зарегистрировано свыше сорока пяти тысяч больных с открытой формой туберкулеза. Но в туберкулезных диспансерах регистрируются далеко не все хайдарабадцы. Много больных туберкулезом и в Телингане. Причина столь широкого распространения туберкулеза — тяжелые условия жизни, непосильный труд, плохое питание и полное отсутствие медицинской помощи.

— Индийское правительство вынуждено терпеть присутствие иностранных миссий в стране, — рассказывал после Хасн-уд-Дин Ахмед. — У нас острая нехватка учителей и врачей. Возьмите хотя бы Карнул: на всю здешнюю округу есть один-единственный доктор. За лечение у нас платят, а где возьмет деньги крестьянин? Он идет в миссию. В миссии лечат бесплатно. Не будь миссионерских клиник в деревнях Телинганы — положение было бы просто ужасным! Кстати, в миссии Карнула медицинское обслуживание поставлено неплохо. Они принимают людей, больных всеми болезнями. Бенедиктинцы же принимают только больных проказой.

— А между делом вербуют для себя паству?

— Да, конечно. Недавно крестьяне района Медак прислали жалобу правительству Андхры-Прадеш на тамошних миссионеров. Те ставили обязательным условием для получения медицинской помощи обращение в христианство. Произошел громкий скандал, миссионеров одернули.

Американки из миссии часто появляются в окрестных деревнях. Они читают в школах проповеди, вербуют среди крестьян и их детей перекрещенцев, и не без успеха: хинду довольно часто переходят в христианство, чего не скажешь о мусульманах.

— Что же заставляет людей менять религию?

— Их толкает на это надежда — надежда получить образование, надежда лучше устроить свою жизнь, пусть даже она чаще всего не сбывается. Каждый клерк, например, охотно перекрестится в любую веру, если он только будет уверен, что он или его дети получают хорошее образование.

— Ну это клерки. А крестьяне, простые люди?

— У них другая забота. Как правило, перекрещенцы — бывшие неприкасаемые. Хотя касты и отменены, но они сильно чувствуют на себе этот пережиток. Переходя в христианство, неприкасаемые раз и навсегда разделяются с этим наследием прошлого.

— Только поэтому?

— Нет, почему же. Есть и другие причины. Люди надеются, что в трудную минуту миссия окажет им какую-ни-

будь помощь. Миссионеры иной раз дают работу — положим, должность сторожа при церкви. В миссиях иногда раздают горячую пищу. Не думайте, впрочем, что, приняв христианство, крестьяне в самом деле становятся ревностными христианами. Большинство их зажигают у себя дома лампы, ходят в церковь, но в душе остаются теми же хинду, особенно поначалу. Живут они так же, как и раньше, и Христос для них лишь еще одно божество в обширном пантеоне хиндуйской религии, не больше.

Все это были правильные рассуждения, но в них отсутствовало самое главное. Об этом главном пишут в Индии только наиболее прогрессивные газеты. Еще полтора столетия назад яростный враг колонизаторов-англичан Типу Султан отлично знал известную формулу: «Куда явился поп, туда непременно явится армия фергинов» (так звали здесь раньше англичан).

Времена сейчас переменялись. Колониальным армиям не маршировать больше по просторам Индии, но миссионеры продолжают верой и правдой служить своим хозяевам — американским и прочим монополиям, которые через миссионерские общества запада, вербуя проповедников из числа местного населения, стремятся укрепить свое влияние в стране, иметь своих питомцев в государственном аппарате, армии и системе образования.

Индия — суверенная страна. Миссионеры ведут себя здесь осторожно, маскируясь благотворительной деятельностью. Но в слаборазвитых странах, правители которых идут в фарватере политики западных держав, миссионеры стесняются гордо меньше.

УРС ПИРА НАРАНДЖАНА

Вернувшись из миссии, мы были весьма склонны хорошенько отдохнуть, но, как говорят в Индии, судьбе было угодно распорядиться по-другому. Ночью к нам зашел Хаснуд-Дин Ахмед с весьма заманчивым приглашением.

— Не хотите ли посетить урс? — спросил он. — Урс состоится в соседней деревне Рангапуре, миль за сорок от Карнула. Спешу предупредить, что спать вам в таком случае едва ли придется.

Что тут было делать! Не очень хотелось ехать в глухую ночь в такую даль, но мы решили пожертвовать сном ради урса. Позже мы нисколько не сожалели об этом, ибо виденное в ту ночь навсегда останется ярким впечатлением в нашей памяти.

Джип старательно пожирал те сорок километров, которые отделяли нас от Рангапуры. Здесь уже не было прекрасных

бетонных дорог, которыми славится Хайдарабад. Он плавно катил по грунтовой дороге, скакал на кочках, медленно перелезал через неглубокие канавы с водой, и потом снова стремглав несся мимо темных лесов и кустарников. В свете его фар белесыми тенями то и дело мелькали кролики.

Было темно и довольно прохладно. Дебелая супруга акцизного чиновника, ехавшая с нами на урс, всю дорогу ворчала на тряску и куталась в широкую и теплую кашмирскую шаль. А Хасн-уд-Дин Ахмед рассказывал мне о Рангапуре. По его словам, это совсем небольшая деревенька у подножия высоких гор. Известность в Андхре она получила благодаря даргаху пира Наранджана, который жил пять или шесть веков тому назад.

— Наранджан,— рассказывал он.— Всю жизнь просидел на большом камне под огромным баньяном, которые по сей день можно найти в Рангапуре. Он был постоянно окружен почитателями и учениками — жителями окрестных деревень. Наранджан славился своей ученостью, знал персидский и арабский языки и оставил после себя ряд интересных книг. Он учил гуманности, добру и правде и еще при жизни завоевал в народе славу и доброе имя.

До Рангапуры была еще целая миля, но уже явственно видны были первые признаки урса. Вдали в кромешной темноте совершенно безлунной ночи появились тусклые отблески бесчисленных огней. Они тревожным багровым заревом вставали на горизонте. До нас долетел гул бесчисленных барабанов, приглушенные расстоянием человеческие голоса, непонятный шум, который все нарастал и нарастал, по мере того как джип, разрезая темень мощными фарами, приближался к месту урса.

Чем ближе мы подбирались к даргаху, тем больше было народу. Обе стороны дороги были запружены арбами. Рядом с дышлами арб, жуя солому, лежали выпряженные бычки. Фары автомобиля вырывали из темноты бесчисленные белые фигуры, сидевшие и лежавшие вокруг гаснущих костров. Люди были сломлены усталостью. Ведь они прибыли сюда за многие десятки миль! Шофер то и дело тормозил, чтобы не раздавить спящих.

— Тысяч двадцать-тридцать собралось, не больше,— со вздохом заметил акцизный чиновник.— А раньше сюда являлось тысяч до ста народу.

По живому сонному коридору мы медленно продвигались к даргаху, где все было в беспорядочном суматошном движении. Люди суетились, двигались по всем направлениям, освещая дорогу факелами и о чем-то разговаривая. Центр урса был впереди, откуда доносился громовой бой барабанов и гул бесчисленных людских голосов.

Однако весь этот таборный шум перекрывала усиленная микрофоном вдохновенная песня кавваля, славившего святого Наранджана. Мелодия вольно неслась над многотысячным табором. Она была полна экстаза, тоски и мольбы. Только глубокая вера в чудо и во всеисилие святого могла породить такую захватывающую мелодию, которая властно и неотразимо брала человека за сердце.

— Слепой кавваль поет,— пояснил Хасн-уд-Дин.— Из Хайдарабада пришел.

— Один?

— Что вы! Тут их собралось не меньше двух десятков. Будут петь до самого утра.

— А кто им платит?

— Кто что подаст, тем они и довольны. А вот и даргах!— сказал он, указывая рукой.

Мы вступили на тесную площадь, до отказа набитую народом. Посередине ее стоял даргах. На высоких белых стенах даргаха горели лампы, бросавшие яркий свет на новое вавилонское столпотворение, происходившее внизу.

Хасн-уд-Дин велел остановить машину в полусотне шагов от даргаха. Здесь, под могучими старыми деревьями, для нас было заблаговременно разбито несколько больших палаток. Палатки имели несколько отделений, полы в них были устланы ковриками и матрацами. Оставив в них имущество и припасы, мы пошли смотреть урс.

При мятущемся свете бесчисленных костров, факелов и керосиновых ламп можно было хорошо рассмотреть, что происходит кругом. От стен даргаха и баньяна, под которым пять веков назад сиживал Наранджан, шла на восток широкая просторная улица, сплошь заставленная легкими балаганами торговцев, явившихся сюда со своими товарами. Улица эта возникла всего два-три дня назад. По обе ее стороны тянулись бесчисленные чайные, кондитерские, харчевни. Возле балаганов чернели на таганах громадные котлы. Тут же крошили зелень, обдирали баранов и поджаривали на решетках мясо. Лоточки торговали ярко раскрашенными игрушками, воздушными шарами и отчаянно скрипящими надутыми воздухом резиновыми колбасками. То и дело над толпой раздавался громкий выстрел — это откупоривали бутылки с самодельными прохладительными напитками.

Вся эта широкая улица, заботливо устланная тростниковыми матами, была полна народа. Зеваки — в большинстве крестьяне — ходили вдоль балаганов, разглядывая привезенные из Хайдарабада и других городов товары. Купить что-нибудь, как правило, им было не на что. Расспросив хозяина скобяной лавки, мы узнали, что выручка его за два-три дня урса ничтожна: всего пять или десять рупий.

Мы медленно двигались вдоль импровизированной улицы. Впереди шел чапраси. Властно опуская тяжелую руку на плечи людей, он сдвигал их с дороги или говорил, что за ним идет сам администратор сахиб. Закутанные в одеяла крестьяне (было довольно холодно) поспешно отступали, давая дорогу. За чапраси шел слуга с фонарем, а затем мы.

— До этого я не навещал здешнего урса — не хотел подогревать религиозного фанатизма крестьян, — говорил Хаснуд-Дин. — Они могут подумать, что я придаю урсу большое значение, а это непременно вызовет еще больший приток народа в будущем году.

Вы для начала пойдите и послушайте каввалей. Потом посмотрите сандаловые процессии. Зайдите в даргах, — продолжал он. — Только будьте осторожны — вас могут сильно помять.

Тем же «походным порядком» мы пробились сквозь толпу и группы сидящих женщин и детей к подножию баньяна. Как раз отсюда и разносились песни, тревожившие ночной покой. На каменной платформе среди мощных переплетенных корней баньяна собралось несколько сот любителей пения. В самой середине толпы перед микрофоном, который сверкал в свете ламп, подвешенных к ветвям, сидел молодой слепец.

Кавваль пел, аккомпанируя себе на двух небольших звучных барабанах. Это его слышали мы, подъезжая к даргаху. Пел и играл он мастерски. Голос у него был хриплый, но приятный. Казалось, слепец захлебывается песней, в которую он вкладывал всю свою душу. И слушатели были тоже доведены до экстаза: широко открытые блестящие глаза, восхищение на лицах, одобрительные возгласы, слезы.

Когда мы протолкались в середину, слепой уже кончил петь. Забрав деньги, положенные ему в шапку, он поднял свои барабаны и, вращая белками незрячих глаз, ушел нетвердой походкой. Вслед ему раздавались голоса ценителей:

— Душевно пел слепой!

— Как в былые времена!

Место слепого занял пожилой мужчина в серой фуфайке. Он не спеша расстелил платок для доброхотных деяний и поставил перед собой гармониум. Рядом с ним села девочка лет десяти.

И опять полилась песня в темени ночи. Кавваль заводил куплет, а девочка — его дочь — изо всех сил подхватывала припев. Она была бывалой артисткой и, не робея, аккомпанировала себе ударами в ладоши. Глаза у нее были полны вдохновения.

— Славно поет дочка! — со слезами умиления качал головой какой-то старик.

— Сорвет голос! Гляди, как у нее жилы на шее надуваются! — вторил ему древний сосед.

На певцов немо смотрели тысячи глаз, а они, сменив мотив, запели другую песню. Я с удивлением слушал слова — они никак не вязались с обстановкой. Это была песенка из популярного кинофильма, и смысл ее сводился к тому, что времена теперь пошли иные, и все норовят ездить на велосипедах. Отец и дочь с воодушевлением выводили припев:

«Фяшан ка хэ, замана!» (Нынче время моды).

Большинство людей, не уловив перемены, слушали новую песню с тем же восхищенным выражением на лицах. Но вскоре слышались негодующие возгласы:

— На урсе не место таким песням!

— Разве тут можно петь о людях?

— Бога бы побоялся!

Кавваль, слыша упрёки, замолчал и начал оправдываться, говоря, что народ требует такие песни.

Выслушав еще несколько песен, все мы вернулись на импровизированную торговую улицу, и очень вовремя: там началось сильное движение, народ бежал навстречу массе факелов и ламп, медленно приближавшихся к даргаху. Побежали и мы.

— Сандал идет! Сандал!

— Откуда?

— Из Рангапуры!

Гром барабанов приближался. К нему примешивались резкие звуки труб, дудок, выкрики песни. Прямо по матам, устилавшим дорогу, к даргаху двигалась большая процессия. Две трети в ней были хинду. Это несли сандал из Рангапуры. Готовясь ко дню урса, самые почтенные старики деревни несколько дней старательно терли камнями сандаловые доски, накапливая в посудилах пахучие опилки. Верующие считают, что для души святого нет ничего приятнее, чем эти опилки, разбросанные вокруг его надгробия! Их-то и несли в большом блюде, прикрытом сверху расшитым зеленым покрывалом, под просторным зеленым же балдахином на высоких шестах, который окружала дюжина факельщиков.

Во главе процессии усердно, самозабвенно танцевали женщины банджара. Так и мелькали подола широких красных юбок, малиновым звоном звенели бесчисленные браслеты.

За банджара следовал оркестр, подымавший дикий шум, потом сандал и, наконец, факельная процессия, которая по мере приближения к даргаху на глазах обрастала народом. Увязался со всеми и я.

У входа в даргах была бешеная суматоха. Люди словно обезумели. Охваченные религиозным экстазом, они жались к стенам, и кордон полицейских в мятых темно-зеленых ши-

неях с великим трудом сдерживал их напор. Латхи — бамбуковые палки — то и дело угрожающе подымались в руках служивых. Впрочем, их ни разу не пустили в ход. Все стены были облеплены белыми фигурами. Только вход, заваленный сотнями чукяк, сандалий и ботинок, был открыт для старейших и набожнейших почитателей старого Наранджана.

Я с великим трудом протискался в набитое людьми нутро даргаха. Там, посередине платформы, высилось надгробие, заботливо укрытое зеленым расшитым балдахинном. Кругом лежали цветы. У края надгробия стояла глиняная кадильница, из которой подымался дым ароматических курений. Тут же лежал морчхал — род веера из павлиньих перьев, прикосновение которого, по общему мнению, равно прикосновению руки божьей.

Старики мусульмане благоговейно припадали к надгробию, низко сгибаясь перед ним в поклоне, целовали край покрывала. Сквозь узкие, забранные кирпичной решеткой окошки видны были приникшие к ним неподвижные белые силуэты. Это были женщины (женщин часто не пускают внутрь даргахов).

Когда наконец к даргаху прибыл сандал из Рангапуры, внутри него началось великое замешательство. Сквозь дверь, полощась над головами людей, просунулось широкое ярко-зеленое знамя на гибком бамбуковом древке. Люди трясущимися руками ловили его край, прижимали к губам.

Раздались возгласы:

— Свету, свету больше!

Высокий человек с головой, закутанной в платок, полез на стену и принялся накачивать воздух в баллоны ламп¹. В их ярком свете еще лучше стали видны возбужденные лица и горящие глаза молящихся.

Наконец чаша с сандалом появилась в даргахе. Человек пять пожилых людей в фесках, закрыв глаза, густыми низкими голосами запели газель, вторые строфы которой кончались словами: «Ас салам-ул-малек!» Общее смятение достигло предела. Люди, толкаясь, начали суматошно растягивать поверх надгробия гирлянду — четырехугольную нить с нанизанными на ней цветами. Кто-то из стариков, размахивая бутылкой с розовой водой, щедро кропил всех присутствующих, другие разбрасывали вокруг надгробия сандаловые опилки.

Прижатый в угол даргаха, потрясенный, я наблюдал это необыкновенное зрелище, в котором были фанатизм и какое-то коллективное сумасшествие.

Когда я кое-как протолкался к выходу, меня встретил обеспокоенный Хасн-уд-Дин Ахмед.

¹ В Индии в большом ходу очень яркие керосиновые лампы с горелками накаливания, действующие по принципу примуса.

— А я боялся, что вас там задавят! — обрадованно сказал он.

— Этот сандал последний? — отдышавшись, спросил я.

— Что вы! Процессии с сандалом придут из всех окрестных деревень, а их тут немало!

Долго потом бродили мы по огромному табору урса. Всю ночь пылали огромные костры. Со всех сторон неся тревожный пульсирующий грохот самодельных крестьянских барабанов, похожих на опрокинутые лукошки. Два-три барабанщика шли впереди, за ними плелся нанявший их крестьянин. В руках он держал поднос с кокосовым орехом, монеткой или сладостями. Люди несли дары святому Наранджану, ожидая от него помощи — исцеления близкого, поддержки в хозяйстве и т. д.

А когда, отойдя от «главной улицы», мы вступали в густую тьму, где стояли возы и лежали бесчисленные неподвижные фигуры, то наблюдали житейские сценки. Какой-то парень, примостившийся у колеса арбы, обнимал девушку, пытаясь поцеловать ее. Девушка, смущаясь, отталкивала ухажера. Всюду шли тихие разговоры о хозяйстве, о делах и заботах, бедах и несчастьях, болезнях и смерти, о надеждах на будущее.

Утром, когда из-за гор выкатилось огромное пылающее солнце, молящимся был дан приказ администратора района и полицейского инспектора разъезжаться по домам.

— Обычно здешний урс празднуют дня два-три, — пояснил Хасн-уд-Дин. — Но тут образовалась такая скученность и антисанитария, что может вспыхнуть эпидемия. К тому же в округе сейчас мало воды.

И люди, повинаясь приказу, стали разъезжаться. Двинулись в обратный путь и мы. Но перед этим забрались на высокий склон горной гряды, возле которой ютится Рангапура, и с орлиной высоты долго любовались на безбрежную равнину, лежавшую у наших ног, и на синие дали, где плоские сизые горы смыкаются с такими же сизыми небесами.

Заканчивая главы, посвященные Хайдарабаду и Андхре, в целом мне хочется сказать, что я коснулся далеко не всех сторон их жизни. Они слишком многообразны, чтобы изложить их на полутора сотнях страниц.

Даже сами местные ученые и те недостаточно знают историю Андхры, историю государств, существовавших некогда на ее территории. Очень мало исследованы современная жизнь и культура народов и племен, населяющих страну.

В штате есть горные и лесные районы, населенные отсталыми племенами, где никогда не бывали даже вездесущие англичане и сборщики наваба. Никто не исследовал пока жизни, языка и богатейшего фольклора банджара, так напоминающих наших цыган.

Было бы неправильным думать, что в Хайдарабаде и в Андхре — до недавней поры настоящих заповедников феодализма — нет ростков нового.

В Хайдарабаде работает несколько довольно крупных предприятий, в том числе текстильная, табачная фабрика, выпускающая сигареты «Чарминар». К северу от Хайдарабада в Шакарнагаре работает сахарный завод, в Шахабаде — цементный завод, в Сирпуре — бумажная фабрика.

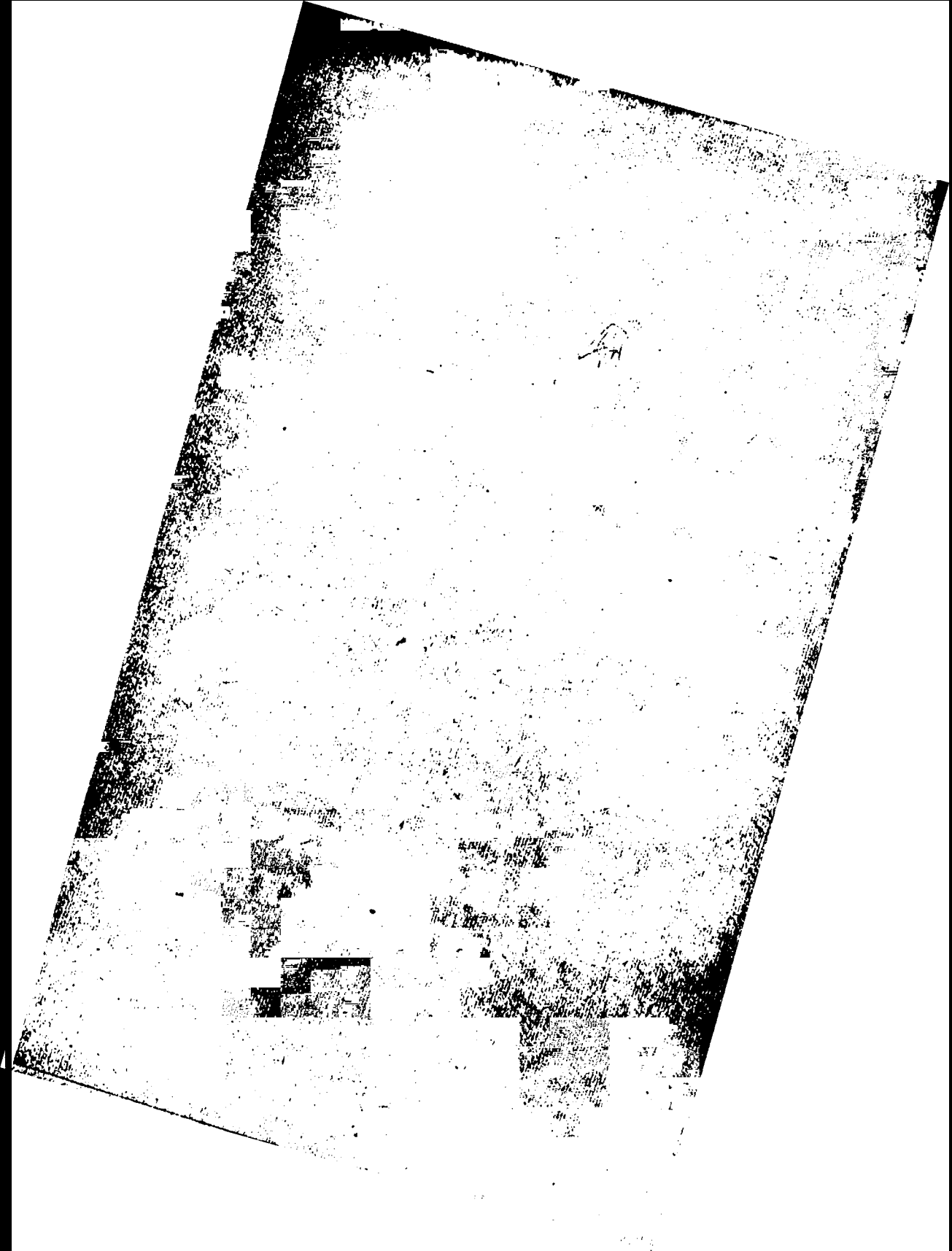
Андхру-Прадеш ждет большое будущее. На ее территории намечено строительство целого ряда промышленных предприятий, в том числе автомобильного завода, фармацевтической фабрики, в строительстве которой примут участие советские специалисты. К югу от Хайдарабада на капризной реке Кришне сооружается громадная гидроэлектростанция. Плотина не позволит реке выходить из берегов и наносить ущерб хозяйству страны, а вырабатываемая электроэнергия окажет большую помощь в преобразовании засушливых районов Андхры и Майсура. Под волнами моря, рожденного плотиной, будут навечно погребены развалины древнего буддийского университета, над изучением которых работают сейчас индийские и зарубежные археологи.

Однако обо всем этом расскажут другие люди, которым доведется посетить Андхру-Прадеш.

ГЛАВА II

ПО СЛЕДАМ АФНАСИЯ НИКИТИНА

СТОЛЬНЫЙ ГОРОД БИДАР

Кто из советских людей не знает Афанасия Никитина? Кто не слышал о его долгом и трудном путешествии «за три моря», в далекую чудесную Индию? На ладьях, пешком с попутными караванами и верхом, он преодолел многие тысячи длинных и трудных верст и достиг Западного побережья Индии. Он посетил древнюю Гулбаргу, город Бидар — столицу могущественного в то время султаната Бахманидов, знаменитую алмазами Голконду и великий храм Парват на берегу Кистны. А потом он совершил такой же богатырский переход на родную сторону и умер в известном монастыре, так и не дойдя до родной Твери.

НА ПОСЛЕДНЕМ ПРИВАЛЕ...

Образ отважного русского землепроходца занимал меня давно. Ведь некогда ему тоже привелось видеть чарующие пейзажи Декана. Он тоже ходил по этим дорогам и слышал певучую речь людей андхра! Когда, думая о нем, я закрывал глаза, то передо мною тотчас же возникал подстриженный под горшок, коренастый широкоплечий русак с окладистой бородой и голубыми глазами, который пытливо и зорко наблюдал за всем, что попадалось ему по дороге.

...Однажды, наверное, караван, с которым он шел к Бидару — столице Бахманидов, остановился на ночевку в одном перегоне от цели. Ночью, закинув руки за голову, лежал Афанасий возле походных костров и глядел на огромную медную индийскую луну, на перламутровые облака, плывущие по темному небу, и на звезды, не похожие на русские. Громко хрумкал сухую траву стоявший рядом на привязи

статный конь. Во сне чмокали губами и бормотали на разных языках его разноплеменные спутники. Стрекотали цикады. Прохладный, напоенный чужими ароматами ветер приятно оведал усталое тело и ноющие ноги, шевелил волосы, раздувал яркие красные точки в серой золе погасшего костра. Вдыхая, Афанасий вспоминал о том, что видел в дороге, думал долгие бесконечные думы:

«За два года вон сколько верст отмахал. А все не везет мне. Мать честная! Видно, в недобрый час из Твери вышел, коли в дороге все потерял: и добро свое и товарищей. Загнала меня судьба на край света. Другие съезжают до Хвалынского моря — глядь, везут короба денег да сундуки добра. А я, горемычный, одного коня и того никак не продам. Может, в Бидаре повезет. До него всего один переход остался. Говорят, тамошние бояре нужду крепкую в конях имеют. Сосну-ка я малость — путь завтра не короткий!»

И Афанасий, повернувшись на бок, сунув под голову пону, засыпал чутким сном, готовый при малейшей тревоге вскочить на ноги и защитить коня — единственное свое достояние, с которым он связывал столько надежд.

А утром, осенив себя широким крестным знаменем, он наскоро съел жесткую сухую лепешку, запил ее водой и зашагал с караваном.

Земля, по которой он шел, была черной и удивительно напоминала родную русскую землю. Меж перелесков на узких полосках ковырялись с сохами босоногие мужички в белых тюбанах с жилистыми черными руками. Однажды он видел, как знатный всадник, не слезая с коня, хлестал арапником пахаря.

«Порядки-то, видно, по всей божией земле одинаковы, — невольно думал Афанасий, вспоминая, как лютуют бояре над смердами на далекой Руси. — Везде народу тяжело живется. И христианам и нехристям».

Цель была уже близка. Бренчали колокольчики на шеях верблюдов и бычих рогах, отчаянно скрипели колеса арб. Гортанными голосами перекликались караванщики. Странники, полуголые факиры с нетерпением смотрели вперед. Еще один поворот дороги, еще один бугор, еще один лесок...

— Эй, люди-и! — вдруг закричал караванбаши, указывая рукой вдаль. — Бидар! Хвала аллаху! Мы прибыли благополучно к стольному граду могущественного Мохаммеда Шаха, да славится его имя!

Прикрыв глаза ладонью, Афанасий жадно смотрел вдаль и видел темно-зеленые массивы манговых садов, красно-бурые линии крепостных стен с мощными башнями. За стенами видны были крыши строений и два тонких высоких минарета. А перед стенами Бидара пестрели яркими разноцветными

пологами бесчисленные полотняные шатры. Вздывая пыль, скакали отряды всадников. Мерно шагали слоны, караваны верблюдов. Видно, Мохаммед Шах затевал военный поход.

Прямо перед головным верблюдом каравана осадил коня неизвестно откуда появившийся громадный всадник со свирепым лицом.

— Стой! Откуда караван? — заорал он.

Афанасий, вздрогнув, незаметно перекрестился.

«Ну вот! И добрался я до Бидара! — подумал он. — Что-то ждет меня здесь: богатство или неволя? Земля русская далеко, надеяться не на кого».

И немного позже вместе с попутчиками он уже вступил в ворота столицы Бахманидов.

Так, наверное, полтысячелетия назад увидел Афанасий великий Бидар. А может, и не так. В своем «Хожении» он об этом не рассказал.

БАХМАНИДЫ

Кто такие были Бахманиды, в столице которых Афанасий Никитин пробыл целых два года? При каких обстоятельствах возникло их государство?

С 1325 по 1351 год на троне Дели сидел султан Мохаммед бин Туглак. Под его скипетром была вся Северная Индия. Завоевал он и Декан. Своей главной штаб-квартирой на Декане Туглак сделал старинную крепость Деогири (рядом с теперешним Аурангабадом).

Чтобы закрепить за собой деканские владения, Туглак в 1327 году повелел семьям своих амиров (сановников) переселиться из Дели в Деогири, переименованный в Даулятабад, и передал им во владение обширные земли. Сам султан постоянно курсировал между Дели и Даулятабадом, поддерживая порядок в своей обширной империи.

Историки говорят, что, завоевав Декан, Туглак потерял покой. Его наместники на Декане предпринимали все более решительные попытки отделиться от Дели и создать свое самостоятельное государство.

В конце концов объединенные силы феодалов северного Декана под командованием искусного полководца Зафар Хана полностью разгромили армии наместников Туглака. Решительная битва произошла в местечке Синдтан, недалеко от Даулятабада.

Армия, феодалы и народ Даулятабада провозгласили Зафар Хана шахом Декана. И третьего августа 1347 года он был коронован в большой мечети Даулятабада под пышным титулом: Сикандар-и-Сани Алла-уд-Дин Хасан Бахман шах ал-Вали,

Так возникло государство Бахманидов, на протяжении двух столетий игравшее первостепенную роль в истории Декана. Почти одновременно с ним на самом юге Декана образовалось государство Виджайянагар. Бахманиды и Виджайянагар поделили весь Декан почти поровну. Границей им служила река Кришна.

К концу жизни Зафар Хан перенес столицу из Даулятабада в Гулбаргу — ближе к центру своего разросшегося государства — и оставил наследникам большую сильную империю.

Вся история государства Бахманидов полна отчаянными битвами с раджами Виджайянагара и другими соседями за первенство на Декане, яростной грызней старых деканских феодалов, пришедших сюда из Дели вместе с Туглаком, и афаки — более поздних выходцев из Персии, Аравии и Туркестана, которыми в то время была наводнена вся Индия.

Бидар стал столицей Бахманидов в 1424 году, когда правил девятый Бахманид — Ахмед Шах Первый. Ахмеда Шаха пленило то, что кругом Бидара были хорошие плодородные земли. Климат здесь оказался гораздо лучше, чем в душной и знойной Гулбарге. Недаром существовала на Декане поговорка: «Старик в Бидаре сильнее юноши из любого другого района Декана, и бидарский кролик отважнее собаки из любого другого района Индии!»

Когда Афанасий Никитин прибыл в Бидар, город был столицей Бахманидов уже около полувека. На престоле в те годы сидел молодой Мохаммед Шах Третий, но фактически государством правил его премьер-министр Махмуд Гаван, принадлежавший к числу афаки — новой знати.

Махмуд Гаван, бывший премьер-министром при трех шахах, являлся цементирующей силой богатого, но уже дряхлеющего государства. Он умел направлять внимание Мохаммеда Шаха на завоевательные походы, умел сдерживать крупных феодалов, стремившихся к независимости. Но когда по наговору Мохаммед Шах велел казнить своего премьера, то он лишился доверия феодалов. Опасаясь за свою жизнь, они держались настороже и, приезжая в Бидар, останавливались вне его стен, боясь разделить участь Махмуда Гавана. Мохаммед Шах остался безо всякой поддержки.

После смерти Мохаммеда Шаха в 1482 году на троне Бидара целую четверть века сидел Шихаб-уд-Дин Махмуд Шах. Но сам он был пешкой в руках своих всемогущих визирей — Касыма и Бариды. Начался развал государства.

После смерти Махмуда Шаха (1518) на троне Бидара в течение двадцати лет сидели еще четыре Бахманида, но все они были пленниками Баридов, и их владения не простирались дальше стен города. Последний Бахманид — Калимулла

(1526—1538), прослышав, что с севера в Индию вторгся Бабур, начал было искать его помощи, чтобы скинуть ярмо Амира Барида. Опасаясь мести Амира Барида, Калимулла в конце концов был вынужден бежать в Ахмеднагар, где он и умер. Его сын Илхамулла, не решившись занять трон отца, уехал в Мекку, чтобы никогда больше не возвращаться.

Так закончилась династия Бахманидов. Ее место заняла сравнительно слабая династия Баридов, из которых самым значительным правителем был Али Барид. Бидар навсегда потерял свое бывшее значение.

Тем, кто интересуется историей государства Бахманидов, следует прочитать объективную, написанную на хорошем научном уровне хронику д-ра Харуна Хана Ширвани «Деканские Бахманиды», которая включает в себе много интересного материала по истории северного Декана.

ЗДЕСЬ ЖИЛ НАШ ЗЕМЛЯК

Целых два года я не мог собраться в Бидар, хотя до него было всего сто двадцать километров. Хайдарабадцы рассказывали, что это старинный городок с населением тысяч в тридцать. Он стоит в стороне от главных дорог, затерявшись на каменных просторах Декана.

Может быть, я так и не попал бы в Бидар, но однажды на мое имя пришла открытка от бидарского историка Саэда Мохаммеда, с которым я познакомился на праздновании дня Мохаммеда Кули Кутб Шаха. Он писал:

«Приезжайте к нам в Бидар. Не раскаетесь. Вы увидите в нашем городе много интересного. Архитектура здешних памятников напомнит вам Бухару, Самарканд, Хиву и другие города Средней Азии. У нас бывал ваш соотечественник Никитин. Дайте заранее телеграмму, и я вас встречу».

Упустить такой случай было просто невозможно. Обождав, пока наступивший муссон укротит несусветную жару, 27 июня 1959 года мы выехали в Бидар.

Из окна дизельного поезда были хорошо видны разительные перемены, которые принес муссон. В природе господствовали нежные чистые краски весны. Под затянутым сизыми тучами небом, на котором не видно было больше безжалостного солнца, словно кусочки изумруда, сверкали полоски свежих всходов риса, джовара и баджры. Похорошели леса. Покрылись молодой травой равнины. Даже серые камни и скалы и те принарядились в ярко-зеленые мхи!

В полсотне километров от Хайдарабада местность начала заметно менять свой облик. Вместо нагромождений бурых скал и красных равнин, заваленных камнями, потянулись бесконечные просторы темной земли с редкими-редкими де-

ревьями. Как это ни покажется странным, но было много русского во внешнем облике страны. В окне мелькали широкие поля, перелески, сглаженные холмы, вздувшиеся речонки и пруды. Низко нависшее небо было полно сизых туч. Тянуло прохладой. В окна поезда то и дело дробно стучали крупные дождевые капли.

Полевые работы были в самом разгаре. Тут и там на полях работали крестьяне. Шла вспашка. Поднятая земля жадно впитывала в себя щедро лившуюся с неба влагу.

Первыми дали знать о том, что Бидар уже близко, древние мусульманские гробницы: высокие, совершенно заброшенные строения с куполами в виде луковиц. Они проще и суровей на вид, чем гробницы Кутб Шахов, и века на два старше. Потемневшие от времени, с отвалившейся штукатуркой и потрескавшимися стенами, заросшие диким чертополохом, гробницы надежно хранят тайну лежащих под ними людей.

Гробницы виднелись всюду: на возвышенных местах, на уступах и на равнинах. Одни из них стояли на отшибе, в угрюмом одиночестве, другие — в пределах кладбищ. Бесчисленные могильные камни скрывали под собой целые поколения людей, которые жили здесь в течение многих-многих веков!

Чем ближе к городу, тем гробницы становились выше, величественнее. Неожиданно справа промелькнул небольшой, вполне современный поселок, а вслед за ним высоко над открывшейся бескрайней низиной возникли высокие красноватые крепостные стены. Вырастая из глубоких рвов, они громоздились ввысь, поражая воображение своими размерами. Над стенами низко нависали хмурые тучи. Прямо из середины города в небо целилась колоссальная каменная игла одинокого минарета. Это был Бидар — столица древних Бахмидов.

* * *

Саэд Мохаммед с вокзала повез нас в город. Мы миновали огромные крепостные ворота Бидара и не спеша показывали по его улицам.

Старый город был невелик по размерам. Он свободно разместился в несокрушимо прочных крепостных стенах, которые явно велики для него. На его узких, но очень чистых улицах и в переулочках почти нет движения. Тишина. Не видно людей. Вольно бродят коровы, собаки и козы.

К небольшим домам с подслеповатыми оконцами ведут гранитные мостки, перекинутые через канавы городской канализации. Дуканы (лавки) города похожи на открытые в сторону улицы квадратные коробки. Товары в них очень

испритязательны — большей частью здешнего производства: простая, старинного фасона металлическая посуда, гончарные изделия, зерно в мешках.

На улицах часто попадаются старинные купеческие дома, украшенные затейливой деревянной резьбой, небольшие стройные мечети и храмы с изображениями страшных чудовищ на карнизах. А зайдешь внутрь храма — там постоянный двор с чисто вымытыми каменными полами, стойла для священных коров, спующие по двору полуголые парни работники.

Мы то и дело проезжали обширные пустыри, полуразрушенные глинобитные здания и оползающие от дождей дувалы — заборы, из которых густо выпирает каменная кладка. И всюду надгробия, надгробия. Немноголюдье, тишина, нависшее над головой сумрачное небо, полное сизых туч, и эти могилы навевали грустное чувство.

Время словно остановилось в некогда блестящей столице Бахманидов. Бидар живет ныне так же, как он жил много-много лет назад. Даже признаки нового времени — редкие фонарные столбы, асфальт и наклеенные кое-где яркие афиши — не могли ослабить первого сильного впечатления, мысли о том, что город безнадежно отстал от времени, заблудился в веках.

А ведь когда-то в этом сонном городке ключом была жизнь! Он был переполнен народом. И (подумать только!) наш земляк толкался вместе с бидарцами на здешних торжищах, дышал здешним воздухом и жил под сенью этих могучих красных стен.

В самом центре города бросается в глаза высокое, похожее на шахматную туру, круглое здание из красного кирпича. Его воздвигли раджи, правившие страной до Бахманидов. На железных полосах, которыми обиты его двери, висят громадные замки. Это Чаубара.

Говорят, в древности на верхней площадке Чаубары находился астрономический пункт, а позже — главный сторожевой пост города. Четыре радиальные улицы, отходящие от Чаубары, делят город на четыре таалима (квартала), которые носят имена их основателей: Сиддик Шах, Нур Хан, Маньяр и Пансал. В каждом таалиме некогда имелась своя акхара (борцовская площадка), своя мечеть и по крайней мере одна общественная школа.

Саэд Мохаммед рассказывал о том, каким оживленным городом был Бидар в дни его расцвета, как много было в нем народу, а мы видели пустые улицы и площади. Было безлюдно даже в центре, возле Чаубары.

— Чем же занимаются здешние жители, Саэд сахиб? — спросил я.

— Заниматься у нас тут нечем! — вздохнул тот. — Фабрик, заводов нет и в помине.

В городе, рассказывал Саэд, половина людей хинду, которые говорят на каннара, а другая половина — мусульмане, говорящие на урду. По референдуму Бидар отошел к штату Майсур, где говорят на каннара, хотя исторически город ближе к Хайдарабаду.

Пока мы разговаривали, из-за угла вынырнула шумная процессия. По дороге одна за другой катились с десятков колясок рикш, украшенных яркими афишами, рекламирующими новый индийский кинофильм. Патефон через усилитель горланил какую-то кинопесенку. Толпа любопытствующих бидарских ребятишек, ковыряя в носках, с серьезным видом следовала за рекламным кортежем. В городе есть маленький движок, который дает электрическую энергию для освещения середины главной улицы города, дома районного администратора и местному кинотеатру. Это едва ли не первые ростки современности в Бидаре.

НОЧЛЕГ НА ОБРЫВЕ

Начинало темнеть. Пора было думать о ночлеге. Мы вышли на северную окраину города, где возвышенность, на которой стоит Бидар, заканчивается крутым обрывом. Над обрывом грозно высились зубчатые стены. Дорога, выйдя из крепостных ворот, круто сбегала вниз на лежавшее под стенами Бидара бескрайнее Деканское плато.

Чуть в стороне от стен крепости, на самом краю обрыва, ласточкиным гнездом ютилось небольшое двухэтажное здание современной постройки. Сюда и привез нас Саэд Мо-хаммед.

— Вот вам и ночлег! — сказал он. — Раньше этот особняк принадлежал одному богатому бидарцу мусульманину, но после 1947 года он уехал в Пакистан, и теперь здесь гест-хауз — гостиница.

Мы вышли на широкий балкон, по которому, казалось, хлестали все ветры Декана. Ветер валил с ног, но не мог отвлечь нас от созерцания величественной панорамы. Внизу лежала необозримая, поросшая мелким кустарником равнина. На этой колоссальной равнине почти не видно было признаков жизни. Лишь кое-где бурыми пятнами выделялись маленькие деревеньки здешних крестьян да поля, усеянные крупными камнями. На самом горизонте виднелись приземистые, сизые от расстояния холмы.

Справа, в довольно глубокой лощине, издали похожие на серо-синие кегли, стояли крупные сооружения, окруженные густой зеленью.

— Гробницы Бахманидов,— объяснил Саэд Мохаммед.— Там лежат все они, начиная от султана Ахмеда Шаха Вали Бахмани, который перенес сюда столицу из Гулбарги. А даргах, что стоит на полдороге к гробницам, принадлежит династии пиров — духовников Бахманидов.

Мы обошли вокруг здания по балкону. С балкона был отлично виден и сам Бидар. Саэд Мохаммед рассказывал:

— Вон там, в обрыве, выкопана пещера. Видите крест? В пещере некогда жил христианский святой — переkreщенец из хинду. И по сей день каждый год здесь состоится урс в его честь. А вон те развалины — казармы негритянских сипаев (солдат), которые служили в армиях Бахманидов. Там же находились и их кухни. Котлы, конечно, давным-давно вывотрили и унесли, но каменные таганы, на которых они стояли, целы по сей день. Пять веков назад здесь не было пустого места. Ведь в Бидаре и вокруг него жило больше миллиона человек, да еще несколько сот тысяч служило в армии, в конной и слоновой кавалерии. И все это видел Афанасий!

Наступала ночь. Тучи, обложившие небо, так и не рассеялись. Равнина внизу затягивалась сизым холодным туманом. Вместе с порывами ветра на «ласточкино гнездо» все чаще обрушивались потоки мелкого, но упорного дождя. Саэд Мохаммед зажег два переносных фонаря, передал их нам и отправился домой.

Темнота сгущалась все сильнее. Упорней дул сырой резкий ветер, от которого дребезжали ставни. Стало по-осеннему холодно, и нам пришлось завернуться в пледы. Пустой дом содрогался под напором буйных стихий. Казалось, еще минута — и он покатится вниз, в пропасть. Сильные порывы ветра наконец погасили дрожащие язычки фонарей, и наступила кромешная темнота.

Дом словно ожил. По его пустым комнатам понеслись какие-то таинственные многозначительные перестуки, шелесты, громкий шепот. Ветер то пел заунывные, суровые песни, то свистел по-разбойничьи, и вдруг, сквозь весь этот шум, до нас ясно донесся шемящий сердце печальный колокольный звон. Он летел откуда-то издалека, вызвав в нас целую сумятицу чувств. Что за звон? Или, может быть, это просто почудилось?

И нам казалось, что Афанасий Никитин, о котором мы так много думали все эти дни, имя которого мы столько раз здесь слышали, невидимый, в тоске бродит вокруг дома и стучится в наглухо захлопнутые двери, разыскивая земляков!

Вот какие фантазии приходили нам в голову той ночью в пустынном доме на краю обрыва, когда кругом в непрогляд-

ной тьме бушевали неукротимые стихии! Мы спали, что называется, вполглаза.

А ранним утром словно ничего и не было. Лениво накрапывал дождик. Было прохладно и тихо.

У САЗДА МОХАММЕДА

Саэду Мохаммеду под шестьдесят. Он невысокого роста, курнос. Лицо у него темное, морщинистое. Если бы не старенькая турецкая феска, не широкие парусиновые штаны на веревочке и не ширвани, он мог бы вполне сойти за русского крестьянина откуда-нибудь из Рязанщины, привычного к работе в поле. Родной язык Саэда Мохаммеда — урду, по-английски он почти не говорит. Он автор многих статей о Бидаре. Его интересует история Афанасия Никитина, и он как может пропагандирует дружбу народов СССР и Индии.

Когда Саэд Мохаммед заехал за нами в помятом лимузине и повез к себе, я рассказал ему о колокольном звоне, который нам померещился ночью.

— Вы в самом деле слышали звон колоколов, — подтвердил он. — В Бидаре есть большая христианская миссия и много христиан — перекрещенцев из хинду. У них тут церковь. Живут они в хороших домах из песчаника. Это здесь основной строительный материал. Его по сей день выламывают из обрыва, над которым вы ночевали. Строения из песчаника получаются очень прочные и красивые. Стены Бидара, бастионы, бараки негритянских сипаев построены как раз из этого материала.

Саэд Мохаммед с семьей жил почти напротив громады медресе Махмуда Гавана. В его доме, глинобитной старой постройке, было темновато, пахло сыростью. Низко нависший глиняный потолок поддерживали корявые, коричневые от времени балки. Окна были низкие, подслеповатые. Чтобы вымыть руки перед завтраком, мы прошли во двор мимо каких-то глинобитных пристроек и чуланов. На пыльном дворе в крошечной мазанке и уютилась вся большая семья Саэда Мохаммеда: жена, девять детей и мамму (дядя со стороны матери) — старик лет восьмидесяти пяти. Вся обстановка в доме говорила о том, что жизнь его обитателей была нелегкой.

Свою единственную хорошую комнату в доме старый бидарский историк превратил в небольшой музей. В старинных, изглоданных древоточцами темных шкапчиках и в стенных нишах он собрал много редких книг на персидском языке и урду. Я нашел среди них отличные копии Корана, редкие рукописные книги по математике, поэзии и истории, старую красивую книжку стихов поэта Вали́ Аурангабади.

Занимая всю середину «музея», стоял длинный стол с витриной. Чего только не было под его стеклом! Черепки старинной бидарской посуды, мелкие украшения и виджайянагарские, голкондские, биджапурские монеты. Было там и несколько майсурских монет, чеканенных казначейством Типу Султана. На них изображен слон, оплетенный сетью арабских букв.

Видно было, что хозяин любит и холит свои коллекции, которые начал собирать еще его отец. В доме у него было действительно собрано очень много интересного материала.

— Ко мне приезжали сам прадхан-мантри (премьер-министр) и наш президент, — сказал Саэд Мохаммед, указывая на фотографии Неру и Прасада, которые засняты склонившимися над витриной коллекций Саэда Мохаммеда. — Жаль, нет у меня денег, чтобы содержать все это в порядке. А на сорок пять рупий моей пенсии много ли сделаешь? Мне пришлось сдать свой дом соседу доктору, а то бы всем нам пришлось худо.

Старшие сыновья Саэда Мохаммеда притащили для нас из дома доктора несколько стульев, принесли со двора поднос с пловом. Пришел доктор Мирза Мохаммед Бег — степенный, благообразный мусульманин с темной окладистой бородой. Он был полон доброжелательности к нам. Явился ночевавший у Саэда Мохаммеда родственник — староста соседней деревни.

Разговор шёл на урду. Староста — серо и небрежно одетый человек с помятым лицом и печальными глазами — долго рассказывал о том, как нелегко приходится ему на службе.

— Десять лет живу в деревне, сахиб. Работаю старостой. Только разве назовешь это жизнью? У собак и тех она интересней. Из года в год дни идут похожие друг на друга как две капли воды, и вспомнить нечего. Крестьяне — голь перекатная. Ничего у них нет. Грамоты не знают. Болезни одни да убогость. Бросил бы все и сбежал куда-нибудь, ей-богу! Разве это жизнь?

Потом все присутствовавшие стали расспрашивать о советской Средней Азии. Рассказы наши были выслушаны с большим интересом.

— Мы ведь тоже из Бухары! — объяснил доктор. — Интересно послушать про места, откуда пришли наши предки.

Мы попросили Саэда Мохаммеда рассказать, что он знает о жизни Афанасия Никитина в Бидаре. Оказалось, не так уж много.

— Где он жил, точно никто не знает. Известно только, что где-то в этом районе, возле медресе. В Бидаре он пробыл довольно долго. Торговал помаленьку. Говорят, он женился на индианке и имел от нее детей. А когда собрался в обрат-

ный путь, то оставил ей большую часть того, что сумел накопить. Кто знает, может, и сейчас в жилах иных бидарцев текут капли русской крови.

— И это все, что о нем знают здесь?

— Да, почти что все. Известно еще, что он часто встречался с местным святым пиром Бабой. Они толковали о жизни, о религиях. Раньше, должно быть, здешние люди больше знали о нем, да вот беда — от прежнего Бидара ничего не осталось. Пропали труды бидарских пиров, ученых и каллиграфов. При нашествиях маратхов, биджапурцев и Аурангзеба погибли бесчисленные рукописи и книги. Семьи многих исконных бидарцев навсегда покинули насиженные места. Делать тут нечего, нечем жить. Был великий город, и ничего от него не осталось.

ТВЕРДЫНЯ ДЕКАНА

Бидарская крепость — одна из самых мощных на всем Декане. Стены ее восемь раз выдерживали длительные осады, но ее ни разу не удалось взять приступом.

Расположенная на крутом обрыве крепость ошетилилась зубчатыми стенами. Подступы к ней сторожат глубокие рвы, вырубленные в гранитном ложе. Между зубьями стен и боевых башен до сих пор заметны желоба (с их помощью на головы врагов лили кипящее масло), углубления для пороха, ядер и пуль, широкие прорезы для стрельбы из тогдашних тяжелых ружей.

Мы начали осмотр бидарской твердыни с того, что въехали с восточной стороны в большие ворота Шираз Дарваза, построенные Аурангзебом. Затем последовали вторые массивные ворота Наубат Дарваза, украшенные цветными изразцами и великолепными арабскими надписями. Третьи ворота — Гумбад Дарваза — вели в самую крепость.

— Эту часть крепости между воротами мы осмотрим позже, — сказал Саэд Мохаммед. — Все ее постройки были возведены при Баридах. Сейчас здесь находятся городские учреждения и музей. Начнем с Соборной мечети.

Слева от ворот Гумбад Дарваза открывался вид на простую по архитектуре, но необыкновенно внушительную Соборную мечеть и на руины личных апартаментов Бахманидов. Мечеть сохранилась очень хорошо. В «божьем доме» грабить было нечего. Зато некогда роскошные дворцы шахов были буквально сровнены с землей.

Соборная мечеть Бахманидов носит название Солах кхамб масджид (Мечеть шестнадцати колонн), потому что фасад ее поддерживают шестнадцать массивных колонн, облицованных желтоватым алебастром. Восемьдесят круглых колонн

поддерживают ее крышу. Полы мечети выложены каким-то прочным камнем, который до блеска отшлифовали за века ноги молящихся.

В мечети было прохладно и очень чисто. Видимо, в свое время она оказалась тесной, и Бахманиды пристроили к ее фасаду большую открытую платформу. На крыше мечети сохранился огромный резервуар для снабжения водой ее хоуза (бассейна для омовения) и для нужд шахских дворцов.

От Солах кхамб масджид широкий проезд ведет к центру крепости, где некогда находился Тахт Махал (Тронный дворец) и другие строения.

Историк Харун Хан Ширвани рассказывает, что когда победоносные войска Аурангзеба приближались к Бидару, наместник Адил Шахов (правителей Биджапура) взорвал все его великолепные дворцы, чтобы они не достались врагам. Поэтому Тахт Махал и другие дворцы вокруг него превратились в груду каменных развалин. Уцелели только их платформы, мощные стены Тахт Махала, ванная комната и Хазар котхи — помещение с массой келий. Кроме того, при расчистке руин вокруг Тахт Махала недавно были открыты обширные подземные помещения — восьмиугольные комнаты, лестничные галереи которых выложены красивыми разноцветными плитками.

В свое время Тахт Махал, в котором короновались Бахманиды, представлял собой очень красивое зрелище. Глядя на его обширную платформу с остатками колонн, на уцелевшие части стен с богатейшей узорной мозаикой из разноцветных глазированных плиток (их заботливо расчистил и огородил решетками д-р Яздани), собрав скудные описания, оставленные людьми, которые его видели, можно легко представить себе размеры и великолепие этого сооружения.

Главным украшением экстерьера Тахт Махала были изящные, богато декорированные арки иранского типа. Стройные колонны легко держали довольно высокий карниз, украшенный разноцветными глазированными плитками, среди которых выделялись архитектурные детали из черного орнаментированного камня. С восточной и северной сторон фасад Тахт Махала украшала иранская эмблема — лев на фоне восходящего солнца. Искусно составленная из красивых цветных плиток, эта эмблема бросалась в глаза каждому, кто приближался ко дворцу.

Когда посетитель, поднявшись по нескольким ступеням, входил через арки в обширный Тронный зал, он оказывался как бы на восьмигранной открытой эстраде. Стены и потолок зала были украшены дивными орнаментами из разноцветных плиток. В этом зале среди сонма богато одетых придворных сидели на знаменитом Бирюзовом троне Бахманиды.

Из Тронного зала Тахт Махала открывался великолепный вид на территорию крепости. В свое время это был настоящий парк, полный редких деревьев и цветов.

Необыкновенная красота Тахт Махала вдохновила персидского поэта Шейха Азари написать следующее дошедшее до нас четверостишие:

Какая мощь! Величие какое! И сами небеса
Не боле как подпора крыше этого строения.
Но даже это пышное сравнение жалко, ибо перед нами —
Дворец владыки мира Ахмед Шаха!

Именно таким и видел Тахт Махал Никитин.

С великим сожалением глядели мы на груды развалин, лежащие на месте Тахт Махала, на открытый всем ветрам и дождям Тронный зал. Мы побродили меж стен дворца, крышей которому служит само небо. Из предметов домашнего обихода в Тахт Махале чудом уцелел лишь черный каменный столик, служивший подставкой для сосудов с водой.

Щебень, в который превратились все остальные взорванные дворцы, был увезен на строительство аэродрома. Осталось лишь несколько громадных каменных сводов, которые не разбились при падении на землю.

Территория крепости ныне совершенно запущена. В центре ее видна глубокая впадина со следами весьма обширной системы канализации и водосборных устройств. По краям впадины стоят развалины зданий. Все кругом заросло бурьяном, деревьями и кустарником и представляет весьма печальное зрелище.

Неутомимый в свои шестьдесят лет Саэд Мохаммед то забирался в развалины, чтобы перерисовать с обомшелого камня какую-нибудь старинную забытую надпись, то с увлечением рассказывал о крепости.

— Сейчас все здесь пусто и голо, а три-четыре века назад крепость была райским садом, в котором работали тысячи садовников и водоносов. Наверху все блестело богатством и роскошью, но жизнь шла и под землей. Там до сих пор сохранились обширные бараки для сипаев, укрытия для знати. Кроме того, под крепостью есть огромные тоннели, по которым раньше могли двигаться кавалеристы. Длина тоннелей — около двадцати четырех километров.

Саэд Мохаммед показал нам и главный колодец крепости. Вокруг колодца сейчас нет ограды, но он пугает своей глубиной. Звук от брошенного в него камешка приходит, кажется, чуть ли не через целую минуту. Уцелевшее водоподъемное устройство напоминает громадный трамплин высотой с четырехэтажный дом, который своей наивысшей частью нависает прямо над зевом колодца. На самом краю «трамплина» ко-

гла-то находилось большое колесо с желобом посередине. При помощи этого колеса в колодец на толстой веревке спускали громадный металлический сосуд. Слон, который, налегая грудью на лямку, спускался по отлогому краю «трамплина», за один раз вытаскивал из колодца тонны воды, разбегавшейся по желобам по всем уголкам крепости. Воды в крепости было в избытке.

Мощные красноватые стены вокруг Тахт Махала и прочих сооружений крепости и по сей день стоят несокрушимо. Пушек на их валах никогда не было. Они располагались на массивных цилиндрических бастионах из громадных отесанных камней, которые стоят под прикрытием стен, несколько возвышаясь над ними. Их всего четыре: Кала бурдж, Лал бурдж, Кальяни бурдж и Бари топ ка бурдж.

Чтобы рассмотреть устройство бастионов, мы забрались на Бари топ ка бурдж (Бастион большой пушки). С бастиона отлично видна была все та же низина, уходящая в синеющие дали. Бари топ (Большая пушка) смотрит туда своим широченным зевом.

Древняя пушка, сделанная искусными бидарскими оружейниками, имеет громадный вес и колоссальные размеры: длина ее пять-шесть метров, а диаметр жерла более полуметра. Тело ее оказалось склепанным из толстых железных брусьев. При Бахманидах пушка покоилась на мощном вращающемся штыре, который выступает из тела бастиона, но сейчас она просто лежит на платформе бастиона.

На жерле пушки выгравированы все данные о ней: сколько нужно закладывать пороха, какого веса требуется ядро. Персидские письма золотом по железу сильно пострадали. От благородного металла, конечно, ничего не осталось: его выковыряли ножами и гвоздями местные жители и туристы.

Заинтересованный наличием на вершине бастиона углубления, выложенного камнем, я решил, что древние артиллеристы хранили в нем порох и ядра. Оказалось, что это не так.

— Во время боевых действий в каменное углубление наливали воду, — объяснил Саэд Мохаммед. — Пушкари прицеливались, поджигали фитиль и ...ныряли в воду. Их уши не выносили рева этого чудовища.

На обратном пути между мечетью и воротами Гумбад Дарваза мы осмотрели позднейшие постройки бидарской крепости, которых не мог видеть Афанасий Никитин, потому что их воздвигли Бариды.

Очевидно, незначительные князьки Бариды чувствовали себя неуютно в могущественных постройках крепости. Тахт Махал, наверное, казался им слишком величественным, и они заняли для своих нужд уголок крепости возле ворот Гумбад Дарваза. Под громадным баньяном там можно видеть вме-

стителные сипайские бараки, и среди них павильон Рангин Махал с его широко известным Шах нашин (шахским местом), где сидели на троне Бариды.

По сравнению с громадными постройками Бахманидов Рангин Махал выглядит совсем маленьким. К нему ведет небольшая веранда с деревянными колоннами и балками, украшенными не слишком изящной резьбой. Харун Хан Ширвани считает их скверной копией резьбы по дереву, какую можно встретить в старинных храмах Чалукьев.

Войдя через узкие двери в Шах нашин, мы оказались в тесной комнате, стены которой украшены красивыми глазированными плитками и яркими каллиграфическими надписями. Здесь вершили государственные дела Бариды. Трон их не сохранился. На уровне пола помещения находятся низенькие, похожие на собачьи лазейки окошки, глядящие на пустырь.

Единственной и по-настоящему красивой достопримечательностью Рангин Махала является великолепно сохранившаяся каллиграфическая персидская надпись над самой дверью, лицом к которой сидел на троне ее создатель, самый сильный из Баридов — Али Барид. Придворные каллиграфы вырезали строки хвалебной оды Баридам на плоском куске черного мрамора и заполнили вырезы искусно подобранными кусочками из створок перламутровых ракушек. Черный камень и сияющий перламутр дают чарующий эффект и весьма украшают скромный аудиенц-зал Баридов.

Из крепости мы поехали посмотреть на последние пристанища Бахманидов и Баридов.

МАВЗОЛЕИ В ДИКОМ ПОЛЕ

Выехав из ворот Бидара, автомобиль долго спускался на тормозах с крутого обрыва в низину, которая оказалась настоящей каменной пустыней. Камни покрывают там всю землю, делая ее непригодной для пахоты.

В пяти километрах от Бидара, рядом с деревенькой Аштар, в заросшей высокими деревьями уютной лощинке, выстроившись в линию, стоят мавзолеи Бахманидов. Похожие с высоты «ласточкина гнезда» на кегли, они оказались весьма внушительными постройками.

Мавзолеи (их более полдюжины) могут служить наглядным доказательством того, как постепенно слабели Бахманиды. Первый самый красивый мавзолей принадлежит Шихаб-уд-Дину Ахмед Шаху, который перенес сюда столицу из Гульбарги. Мавзолеи его преемников Ахмеда Второго и Хумаюна — точно такого же размера, но попроще. Когорту за-

мыкают скромные постройку, в которых покоятся останки последних Бахманидов — Валиуллы и Калимуллы.

Самый старый мавзолей Шихаб-уд-Дина Ахмед Шаха — высокий прямоугольник с поставленным на него низким цилиндром, увенчанный громадным овальным куполом со шпилем, — сохранился лучше остальных.

Построил его архитектор Шукрулла из Казвина. На стенах мавзолея можно видеть три яруса неглубоких ниш в виде арочных окон. Со всех сторон в него ведут большие и высокие деревянные двери. Фасад облицован синей плиткой.

Изнутри мавзолей представляет величественную картину. Мы вошли в полутемное, чрезвычайно высокое помещение, освещаемое лишь через дверь, и остановились перед массивным надгробием. У изголовья виден закопченный светильниками камень, скромные приношения. Над надгробием и бархатным покрывалом висит на веревках защитный матерчатый навес. К стенам жмутся еще несколько надгробий — вероятно, ближайшие родственники шаха.

Самое интересное в мавзолее — чудесные росписи, сплошь покрывающие его стены и потолок. Росписи были выполнены под руководством известного средневекового каллиграфа Магхиса из Шираза. Он покрыл стены мавзолея именами пророка Мохаммеда и четвертого калифа Али, изречениями из Благородного Корана, суфийскими стихами. Учитывая постоянную темноту в помещении, Магхис применял кинovarь и темную-голубую краску как общий фон и писал по нему золотом. Тут и там среди надписей видны вкрапленные в стены яркие камни, иные из них большой ценности.

Знатоки утверждают, что среди росписей этого мавзолея — блестящего памятника каллиграфического искусства средневековой Индии — можно найти все стили написания арабских букв. Утверждают также, что каллиграфия в нем очень схожа с каллиграфией мавзолея Тамерлана.

Немало усилий для реставрации росписей мавзолея приложил д-р Яздани. Росписи были бережно вымыты, потускневшие камни подчищены. И древний памятник обрел почти прежнюю красоту. Только в одном верхнем углу муссонные ливни сильно испортили росписи на потолке. Там уже нельзя было ничего сделать.

При внешнем осмотре мавзолея Ахмеда Шаха мы заметили на его стенах свежие росписи в типично хиндуистском духе. Нас заинтересовало, почему хиндуистские росписи оказались на мусульманском памятнике. Оказалось, это были следы недавнего урса. Отмечать годовщину смерти Ахмед Шаха приходят десятки тысяч паломников со всего Декана. Причем день урса назначают не по мусульманскому календарю, а по хиндуистскому. На урсе всем распоряжается

джангам глава хиндуистской секты лингаятов из-под Гулбарги, который является сюда с толпой своих людей и целым караваном верблюдов и лошадей. В дни урса джангам входит в мавзолей с оркестром. Его люди трубят в раковины, разбивают у изголовья надгробия кокосовые орехи, кладут цветы — все так, как это делают хинду на своих праздниках. Но странное дело, джангам одет как ортодоксальный мусульманин. На голове у него шапка дервиша, в руке палка, на теле просторная одежда мусульманского святого!

Урс у гробницы Ахмед Шаха доказывает, как сильно переплелись на Декане культуры местных хинду и пришельцев мусульман. В то же время он дает основания полагать, что Ахмед Шах сумел еще при жизни завоевать авторитет у хинду, по крайней мере у их верхушки.

Осмотрев гробницу Ахмед Шаха, мы прошлись вдоль «выстроившихся в струнку» остальных мавзолеев. Второй из них сохранился неплохо, но третий оказался наполовину разрушенным. Народное предание говорит, что шах Хумаюн был залимом (тираном), и бог молнией разрушил его гробницу. Но согласно свидетельствам историков, Хумаюн залимом не был, а молния ударила в мавзолей почти через четыреста лет после его смерти. Четвертый мавзолей остался неоконченным — очередной скипетроносец умер в молодости. Он не успел достроить своей гробницы, а следующим претендентам на трон Бидара было не до нее.

Жалкими, слеplенными из глины игрушками, кажутся мавзолеи последних Бахманидов — Валиуллы и Калимуллы. Они возведены не из камня, а из менее стойкого и менее прочного материала. В них нет даже надгробий. На чисто подметенном полу там лежали черные козы и жевали свою жвачку, на потолке висели летучие лисицы.

Чтобы осмотреть гробницы Баридов, нам пришлось поехать на другую сторону города, туда, где на ровном поле стоят старые железные столбы. Некогда Бариды играли здесь в чауган — конное поло. Тут же они воздвигали свои гробницы, по архитектурному замыслу и форме совершенно не похожие на гробницы Бахманидов.

Привлекает к себе внимание гробница Али Бариды — самого сильного из Баридов. На приподнятом гранитном цоколе подымается на большую высоту удивительно красивая, величавая и в то же время строгая по формам постройка, снизу напоминающая Чарминар. Однако ее венчает огромный правильной формы овальный купол. Под высокими сводами гроб-

пины, открытой всем ветрам, видно надгробие, испещренное персидскими письменами. Изнутри своды выложены красивыми плитками. На них красуются многочисленные надписи, стихи, строки из Корана. Все было сделано совершенно в ином стиле, чем то, что мы видели сегодня в низине. Из персидских стихов на стенах гробницы Али Бариды мне запомнились лишь две строчки:

Я с розой нежной схож,
Что увядает, едва успев расцвести...

Сложенная из крепчайшего гранита, гробница Али Бариды будет стоять невредимой еще многие-многие века. На ее широком цоколе под открытым небом ровными рядами выстроились сто каменных квадратов. Это могилы ста жен Али Бариды. Рядом притулились более скромные гробницы еще нескольких Баридов.

Бариды разделили судьбу Бахманидов. Вскоре после Али Бариды его потомки потеряли всякое влияние и силу, и Бидар был бесцеремонно присоединен к соседнему Биджапуру.

Наубат-ханэ при гробнице Али Бариды опустела не так давно. Англичанин Роулинсон, посетивший Бидар полвека назад, писал:

«Бидар стоит в величественном уединении, среди зеленой равнины, и слепой барабанщик в наубат-ханэ по сей день меланхоличным рокотом своего барабана салютует утренним и вечерним зорям».

МЕДРЕСЕ.

Большая медресе (духовная школа) является, пожалуй, самым замечательным историческим памятником Бидара. Она была построена в 1472 году, как раз в то время, когда Афанасий Никитин проживал в Бидаре. Строили ее архитекторы, бывавшие в Самарканде, так как здание во многом похоже на медресе знаменитого среднеазиатского ученого — монарха Улугбека. Как учебное заведение она не имела равных во всей тогдашней Индии.

Вероятно, только что отстроенная медресе могла поразить кого угодно своей красотой и величием. Она была настоящим чудом средневекового архитектурного искусства. Весь ее громадный фасад представлял собой щит из синих и зеленых глазированных плиток, ярко сверкавших на солнце. Минареты тоже были украшены плитками, расположенными в виде зигзагообразных линий. Обширный двор медресы был занят низкими длинными строениями с массой келий, в которых жили студенты и профессора, съезжавшиеся сюда со

ного Востока. Медресе располагала обширной библиотекой с массой ценных книг и манускриптов. Обучение, одежда и питание в ней были бесплатными.

В 1696 году, то есть через двести двадцать пять лет после ее постройки, медресе постигла судьба афинского Парфенона. Военачальники Аурангзеба, захватившие город после разгрома деканского султаната Биджапура, хранили в ней боеприпасы. По чьей-то оплошности произошел взрыв пороха, и весь фасад великолепного здания и правый минарет рухнули на землю в виде бесформенных обломков.

Медресе представляет собой огромный замкнутый прямоугольник, все четыре стороны которого прорезают посередине высокие сводчатые ворота с круглыми башенками. Наружные окна забраны каменной решеткой. Согласно старинной восточной манере строительства подобных сооружений, фасад медресе обращен внутрь, во двор.

Мы вошли в этот двор через обширный пролом. Правая, развороченная взрывом сторона фасада медресе, ничем не защищена от дождей и ветра. Чтобы сохранить то, что осталось от этой части здания, д-р Яздани в свое время подвел под ее перекрытия квадратную каменную колонну, которая по сей день честно несет свою службу.

Изнутри здание выглядит как конгломерат арок. Вплоть до крыши поднимаются арочные ворота. Внутренние стены между ними украшены тремя ярусами арочных широких окон. Геометрически правильные контуры здания, величественные арки придают медресе очень красивый и торжественный вид.

Мы обследовали все три ее этажа и нашли несколько вместительных аудиторий и множество небольших комнат, в которых когда-то шли занятия. В нижнем этаже уцелевшего левого крыла находится мечеть. Медресе могла бы поспорить со многими современными зданиями по обилию света и воздуха в аудиториях и обширных коридорах.

Осмотр здания был завершен карабканьем на высоченный минарет. На огромной высоте было как-то неприятно на сердце, несмотря на прекрасный вид открывавшегося оттуда города. Для подъема на вершину минарета служит старинная, очень тесная винтовая лестница с крутыми ступеньками. В стенах лестничного тоннеля тут и там проглядывают куски деревянных стропил. Древесина стропил похожа на старый засохший воск. Несмотря на свой пятисотлетний возраст, она еще достаточно крепка и надежна.

Так в общих чертах выглядит ныне медресе — примечательный памятник средневекового индийского зодчества, некогда крупнейший центр образования на Декане.

Осталось добавить несколько слов о строителе медресе — великом визире (премьер-министре) Бахманидов Махмуде Гаване, с которым знаком был некогда Афанасий Никитин. С его именем связана целая эпоха в истории государства, длившаяся с 1466 по 1481 год. В это время могущество империи Бахманидов достигло зенита.

Многие современные историки утверждают, что великий визирь Бахманидов был одержим идеей прославить свое имя. Его обвиняют в организации кровавых грабительских походов на соседние государства, в стяжательстве колоссальных богатств, а также в узурпации власти (за что он и был зверски зарезан по приказанию Мохаммеда Шаха). Даже строительство медресе он затеял якобы с единственной целью прославиться среди современников.

Очевидно, все это верно, но бесспорно и то, что Махмуд Гаван был широко образованным человеком, неплохим поэтом и большим ценителем художественного слова. Он понимал толк в литературе, и, говорят, не было лучшего средства добиться его расположения, чем приподнести ему в подарок какой-нибудь ценный старинный манускрипт. Благодаря его работам медресе процветала.

От медресе мы решили съездить и на могилу Махмуда Гавана, которая находится на окраине Бидара. По обе стороны дороги виднелись манговые рощи и поля. Тут и там попадались на глаза заброшенные крошечные древние мечети. Иные из них давно обратились в груды мусору.

Когда мы подымались на пригорок к могиле премьер-министра Бахманидов, моросил дождь, по небу катились сизые тучи. Весь горизонт был затянут дождевыми полосами. По дороге нам попало несколько глубоких карьеров, откуда в древности добывали красный песчаник. Они были полны водой. Один из таких размытых карьеров успел превратиться в озеро. Вода в нем была густо-красная.

Могила Махмуда Гавана оказалась сравнительно скромной. Это была обнесенная железными перилами размерами десять на пятнадцать метров каменная платформа, на которой стоит несколько высоких надгробий. Окрестные крестьяне хинду превратили могилу в свое святилище. Ниша в изголовье надгробия густо закопчена светильниками, замаслена. Кругом лежат остатки приношений душе усопшего. Традиция длит уже полтысячи лет.

Широкая, испещренная персидскими буквами мраморная доска рассказывает о Махмуде Гаване, его роли в государстве Бахманидов и об обстоятельствах его гибели. Доску эту полвека назад поставил кто-то из семьи низамов.

Неверно было бы, впрочем, утверждать, что город Бидар совсем «забыт богом и людьми». О Бидаре очень хорошо знают не только в Индии, но и в Англии, Америке и других странах мира. Этой известностью Бидар обязан своим кустарям, выделявающим так называемое бидри, которое расходуется по всей стране и экспортируется за границу.

Изделия бидри можно видеть во многих лавках Хайдарабада. На их витринах взгляд привлекают небольшие изящные поделки из вороненого металла с серебряной насечкой, узорами и художественно выполненными рисунками. Среди изделий бидри можно найти портсигары, небольшие шкатулки, кувшины и массу всевозможных безделушек, радующих глаз своей красотой и изяществом форм. Они никогда не ржавеют и не подвергаются окислению, но при падении разбиваются на куски.

Бидри появилось на свет лет пятьсот тому назад. Искусство насечки золота и серебра на медной и стальной основе занесли на Декан пришельцы из Аравии и Ирана. В Бидаре это древнее искусство претерпело изменения. Вместо меди и стали бидарские умельцы применяют в качестве основы сплавы цинка и меди.

Здесь кустари передавали секреты производства бидри из поколения в поколение. В старину спрос на бидри, особенно на кувшины, был велик. Деканская знать верила, что темный металл очищает воду.

Когда мы подъезжали к мастерским по выделке бидри, о близости их можно было догадаться по частым и легким ударам по металлу. Под навесами мастерских, сложив ноги калачиком, сидели на старых матах мастера и колдовали над чем-то при помощи молоточков и небольших узких зубил.

Управляющий одной из мастерских показал все процессы изготовления бидри. В задней части мастерской один из кустарей плавит в тигле медь и цинк и затем льет сплав в форму из специальной красной глины. Сплав остывает довольно быстро. Ловкий парнишка, разломав форму, вытаскивает на свет божий неуклюжую с заусенцами заготовку будущего изделия. Следующий кустарь снимает с заготовки лишний металл, чистит ее напильником и полирует шкуркой, пока она не приобретет требуемой формы. Процесс этот не отнимает много времени, так как литейщики очень искусны.

Далее следует первичное чернение. Мастер берет в руки неказистую и некрасивую на вид заготовку и слегка нагревает ее. Затем он макает тряпицу в черепок с какой-то бурой жидкостью, мажет ею заготовку, и та почти мгновенно принимает густо-темный дымчатый цвет.

Затем на сцену выступает художник. На вороненую поверхность будущего изделия он специальным шилом наносит рисунок: волнистые линии, узоры, цветы, сценки из росписей Аджанты и Эйлоры и так далее.

Дальше следует самый ответственный процесс. При помощи специальных стамесочек и молотков мастер, согласно рисунку, делает на поверхности изделия узкие и глубокие вырезы и загоняет в них тонкую серебряную проволоку. Этот процесс сложен и очень трудоемок. Иную вазу мастер обрабатывает до двух месяцев, пока не добьется совершенства в узоре или рисунке. Почти готовую вещь долго полируют и начищают, пока она не станет идеально гладкой и ровной.

Наконец изделия чуть-чуть нагревают, снова воронят и осторожно полируют смесью кокосового масла и древесного угля. На его вороненой поверхности четко выделяются блестящие белые линии серебряного рисунка.

— Откуда вы берете материал для своих изделий? — спросил я управляющего.

— Цинк и медь привозные, а серебро свое.

— А что за бурая жижа в черепке? Это не краска?

— Нет, нет! Это особый раствор. Мы делаем его из селитры и земли, которую добываем из одного потаенного местечка в бидарском форте. Если тряпкой с этим раствором потереть нагретое изделие из сплава меди и цинка, то оно мгновенно темнеет.

— Чем это объяснить?

Управляющий пожал плечами.

— А кто его знает. Чернеет, да и все тут. Вот, выберите для себя что-нибудь на этой витрине, — указал он на шкапчики, сплошь уставленные изделиями бидри.

Я выбрал несколько вещей, которые храню как память о старинном городе.

ПРИЕМ В МУНИЦИПАЛИТЕТЕ

С Шэш Рао сахибом — мэром Бидара — мы встретились утром в последний день нашего пребывания в городе. Он поймал нас на городском базаре, где продавались овощи и фрукты. Из небольшого черного автомобиля, который остановился у рыночных ворот, выбрался пожилой человек в тяжелых темных очках и матерчатой шапочке в виде пилотки. Это и был Шэш Рао сахиб.

— Очень рад видеть вас в своем городе! — сказал он, пожимая нам руки. — Вы знаете, совсем недавно я побывал в вашей стране, в городе Калинине, на открытии памятника вашему смелому соотечественнику Афанасию Никитину. Памятник ему поставили великолепный! Так как я мэр города

Бидара, где был однажды Никитин, то меня пригласили в Россию и приняли превосходно. Было уже холодно, и городской совет одел меня в такое тяжелое пальто и такую лохматую шапку, каких я никогда не видел. Мне показали весь город Калинин и его окрестности, надавали много подарков и альбомов — словом, это было чудо гостеприимства, которого я никогда не забуду. Приезжайте в два часа в мэрию. Мы устроим прием в вашу честь.

Прием «в нашу честь» состоялся в саду, где собрались представители местной власти — человек двадцать во главе с Шэш Рао сахибом. Под крышей маленького павильона стояли на столе тарелочки с наперченной сухой вермишелью, сладости, чай. Шэш Рао сахиб познакомил нас с членами муниципалитета, показал фотографии о своем пребывании в Калининне.

— Мы счастливы, что через пятьсот лет после Афанасия Никитина мы снова видим у нас в Бидаре его соотечественников, — сказал он в своем кратком выступлении. — Я сам был в России и видел, что русские уважают нас и всегда готовы нам помочь. Огромный металлургический завод в Бхилаи, который мы строим с их помощью, — последнее слово техники. Наш долг крепить дружбу Индии и России!

А через полчаса мы уже ехали обратно в Хайдарабад. Нежно пахли гирлянды влажных свежих цветов, которые преподнесли нам на прощание бидарцы. Скрылся за горизонтом одинокий минарет бидарской медресе. В окнах снова замелькали могилы, надгробия, даргахи, развалины.

Слишком много могил, слишком много давно ушедшего прошлого видели мы в Бидаре, и пока очень мало современного.

ГУЛБАРГА

Гулбарга находится примерно в ста восьмидесяти километрах к западу от Хайдарабада. Этот маленький городок довольно известен в Индии. Некогда он был столицей Бахманидов. С тех времен на его окраине высятся большой даргах пира, которого звали Гесудараз Банданаваз¹. Кроме того, неподалеку работает крупный цементный завод.

Гулбарга, как и Бидар, входит сейчас в индийский штат Майсур.

ГЕСУДАРАЗ БАНДАНАВАЗ

Гулбаргские отделения Общества содействия прогрессу урду и Общества содействия прогрессу языка хинди давно уже приглашали меня выступить с лекцией на урду о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине. А мне хотелось посмотреть тамошний знаменитый даргах. После нашей поездки в Бидар посетить Гулбаргу было просто необходимо, так как Афанасий Никитин упоминает о ней в своих «Хождениях».

И вот в дни зимних каникул 1959 года мы с женой оказались в Гулбарге. Гостеприимные хозяева приняли нас по-царски — нам отвели обширные комнаты во дворце Шахи Махал². В свое время в Шахи Махал останавливался низам, когда он приезжал на здешние урсы. Низам, как видно, не любил тратить время попусту. Его вагон подходил прямо к дверям Шахи Махал, для чего сюда была проложена специальная железнодорожная ветка, заросшая сейчас травой. Со времени ликвидации княжества низам сюда больше не ездит.

Раз в год в Гулбарге собирается столько пилигримов, что их приходится по два, по три на каждого местного жителя, которых тут полтора-два тысяч. Городок на целую неделю превращается в весьма многолюдный лагерь. Это происходит в дни урса в честь здешнего пира Гесудараза Банданаваза.

Пир Гесудараз Банданаваз сыграл видную роль в судьбах государства Бахманидов. Как уже говорилось, в старину всякий видный индийский правитель стремился освятить свою власть моральным авторитетом знаменитых пиров. Восьмой

¹ Гесудараз — означает «длинноволосый»; Банданаваз — «пастырь рабов божиих».

² Шахи Махал — Царский дворец.

по счету Бахманид Фируз Шах не один год приглашал в Гулбаргу знаменитого пира, но когда восьмидесятилетний пир явился в город в сопровождении великого множества своих духовных последователей и учеников и когда вдруг Фируз Шах обнаружил, что ореол святого совершенно затмил его особу, он потребовал, чтобы пир удалился из Гулбарги, так как бесконечные религиозные песнопения и духовная музыка мешают ему жить спокойно.

Повинуясь приказу Фируза, пир Гесудараз Банданаваз переселился на окраину города, обосновавшись на том месте, где вот уже шесть веков высится его громадный даргах. Он отплатил монарху за свое унижение. Когда развратник и интриган Фируз почувствовал, что дни его сочтены, он решил возвести на престол своего сына. Однако Гесудараз Банданаваз помазал на царство шахского брата Ахмеда. И столь велико было влияние пира на знать и народ, что его слово оказалось решающим. На престол Бахманидов прочно сел Ахмед Шах.

Любопытна военная хитрость, при помощи которой опальный претендент на престол Ахмед, рыскавший вокруг Гулбарги с небольшой армией, победил превосходящие силы своего венценосного брата. Уже окруженный войсками Фируз Шаха, Ахмед вдруг узнал, что по соседству остановился табор банджара с громадным стадом вьючных быков. Он тут же купил у банджара быков, посадил на них своих пеших сипаев и двинул на войска брата. Полководцы Фируза уже покручивали усы и посмеивались, считая, что Ахмеду не уйти из ловушки. Что может поделаться Ахмед — ведь у него мало кавалерии!

И вдруг перед ними нежданно-негаданно появилась целая «конная армия», запылившая весь горизонт. Не разглядев со страху рога быков и к тому же обнаружив у себя в тылу ударный кавалерийский отряд самого Ахмеда, полководцы Фироза обратились в постыдное бегство, очистив Ахмеду путь к Гулбарге и трону.

Едва Ахмед Шах сел на трон, как скончался его духовный патрон пир Гесудараз Банданаваз. Ему было к тому времени свыше ста лет. Выстроив пиру величественный даргах, Ахмед Шах переехал в Бидар. Ему было не по себе в Гулбарге, где большинство жителей считали его узурпатором и убийцей старшего брата.

За пять с половиной веков, прошедших со времени тех событий, старый городской форт Гулбарги оказался совершенно разрушенным. В пределах его приземистых, крепких и почерневших от времени стен — сплошные развалины. Нетронутой осталась лишь громадная Соборная мечеть. Не-

сколько сот ровных прямоугольных колонн поддерживают ее высокую крышу, которая, если поглядеть на нее сверху, имеет вид множества опрокинутых больших котлов, поставленных на ровный стол для просушки. В бесконечных коридорах мечети может вместиться несметное число молящихся, и все они, несмотря на колонны, могут хорошо видеть и слышать имама, стоящего на высоком мамбаре.

Соборная мечеть Гулбарги имеет большое сходство с мечетью в Кордове (Испания), и ученые полагают, что строил ее мавр.

Почти все строения в Гулбарге, возведенные Бахманидами, ныне не существуют. Время и войны стерли их с лица земли. Иной оказалась судьба даргаха пира Гесудараза Банаваза.

К знаменитому даргаху нас повез молодой управляющий местным отделением хайдарабадского банка и сам хайдарабадец. Его большой автомобиль быстро катился по хорошо асфальтированным улицам городка, а по обеим сторонам мелькали чистенькие, окруженные садиками дома, лавки и магазины, склады и торговые дворы. Мимо мчались автомобили, моторикши и велосипедисты. Не в пример Бидару, жизнь в Гулбарге была ключом. Там и тут на стенах виднелись большие объявления на урду, гласившие, что русский профессор прочтет сегодня вечером доклад о великом русском поэте Пушкине.

Управляющий рассказывал:

— В Гулбарге о вашем соотечественнике никто ничего не знает. Вероятно, он был тут проездом, и его пребывание никем не было зафиксировано. Но я уверен, что он видел тут много интересного. Форт тогда был в исправном состоянии. Дворцы стояли целехонькими.

— А видел ли он даргах Гесудараза?

— Да, конечно. Даргах тогда выглядел примерно так же, каким он выглядит сейчас.

Среди окрестных зеленых полей то тут, то там виднелись заброшенные мавзолеи, примерно такой же архитектуры, как в Бидаре. В них спасались от жары буйволы, коровы и козы.

— Эти даргахи не были использованы по прямому назначению,— объяснил управляющий.— Строитель, построивший их полтысячелетия назад, запрашивал за них такие цены, что покупателей не нашлось, и он умер от горя. Так они и остались незанятыми. Смешно, не правда ли? Впрочем, для Гулбарги хватит даргаха Гесудараза. Вон он, смотрите!

Мы подъехали к массивным древним каменным воротам. Рядом с воротами сложены высокие стены из грубых больших камней, за которыми по сей день живут многочисленные

потомки пира. На содержание даргаха государством выделен большой джагир, довольно обильны частные пожертвования, так что потомки Гесударазы неплохо кормятся возле даргаха.

На обширной территории даргаха Гесударазы, сплошь выложенной известковыми плитами, стоит около сорока больших и малых мавзолеев, которые венчают ослепительно белые купола с пузатыми шпилями.

Мавзолеи потомков Гесударазы Банданавазы, которые были тоже пирами, не могут идти ни в какое сравнение с главным даргахом, в котором лежит основатель религиозной династии. Этот даргах самый большой и красивый. Внутри него, вокруг массивного надгробия, стоит деревянная рама, сплошь обитая тонкими серебряными пластинками с выдавленными на них сурами из Корана и суфийскими стихами. Поверх рамы висит старый, но роскошный балдахин. Стены изнутри испещрены надписями. Словом, все так же, как в других даргахах.

При даргахе Гесударазы Банданавазы имеется сравнительно неплохая библиотека, в которой хранятся книги, написанные самим пиром. Он писал на персидском, арабском и на урду.

Старые пиры, в том числе и Гесудараз, сыграли видную роль в деле развития, совершенствования и распространения урду. Общаясь с учениками и простым людом, пиры говорили с ними на урду. А для того чтобы шире довести религиозные идеи до своих почитателей, они первыми начали складывать на этом новом языке яркие пословицы, поговорки, речения, а порой даже целые поэтические и прозаические произведения.

Если из стихов делийского поэта Эмира Хусроу сохранилось всего лишь несколько строк на урду (все его диваны написаны на персидском языке), то вскоре вслед за ним один из деканских пиров, полузабытый даргах которого стоит недалеко от Гулбарги, сочинил на урду целую маснави — поэму, которой было положено начало поэзии урду. Гесудараз Банданаваз тоже сделал немало для этого языка. Среди любителей словесности урду до сих пор в ходу небольшие интересные книжечки с подробным жизнеописанием старого пира и его высказываниями по самым различным вопросам.

Кроме библиотеки на обширном дворе даргаха помещается небольшая коллекция старинного оружия и древней утвари, бытовавшей при Бахманидах. При даргахе функционирует несколько школ.

Среди гулбаргских любителей словесности урду и хинди, которые собрались у нас в Шахи Махал накануне вечера, посвященного Александру Сергеевичу Пушкину, мне запомнился один пожилой человек с обветренным, словно дубленным, лицом крестьянина. Одет он был просто, даже бедно. Оказалось, что это известный в Гулбарге поэт, который пишет на старом дакхни. На дакхни широко говорят в здешних деревнях. Поэта знают далеко за пределами Гулбарги.

Он автор многих стихов об индийской деревне, но до сих пор не было выпущено ни одного его сборника. Причина была все та же — у него нет на это денег.

Поэт по моей просьбе прочел несколько стихотворений, посвященных здешним крестьянам, их жизни, природе Декана. Не скажу, что я полностью понял их — дакхни ушел довольно далеко в сторону от урду, — но все-таки, как сквозь туман, по интуиции принаравливая грамматические формы дакхни к привычным свойственным урду, я почувствовал их красоту.

Поэт с любовью рассказывал о каменистой, неподатливой, но дорогой ему земле Гулбарги, о том, как в жаркую пору индийского лета над растрескавшимися полями встает марево и как душно бывает тогда в убогих хижинах. Он рассказывал о том, как в дождливую пору здешние крестьяне выводят своих бычков в раскисшие от воды поля и дедовскими плугами ковыряют землю, моля природу смириться над ними и дать им собрать добрый урожай, чтобы не голодали жены и детишки.

Сколько в Индии таких безвестных поэтов! Они есть в каждом городке, в каждом поселке, но о них мало кто знает, потому что они не могут печататься. Что ж, остается надеяться, что и для них когда-нибудь придут лучшие времена.

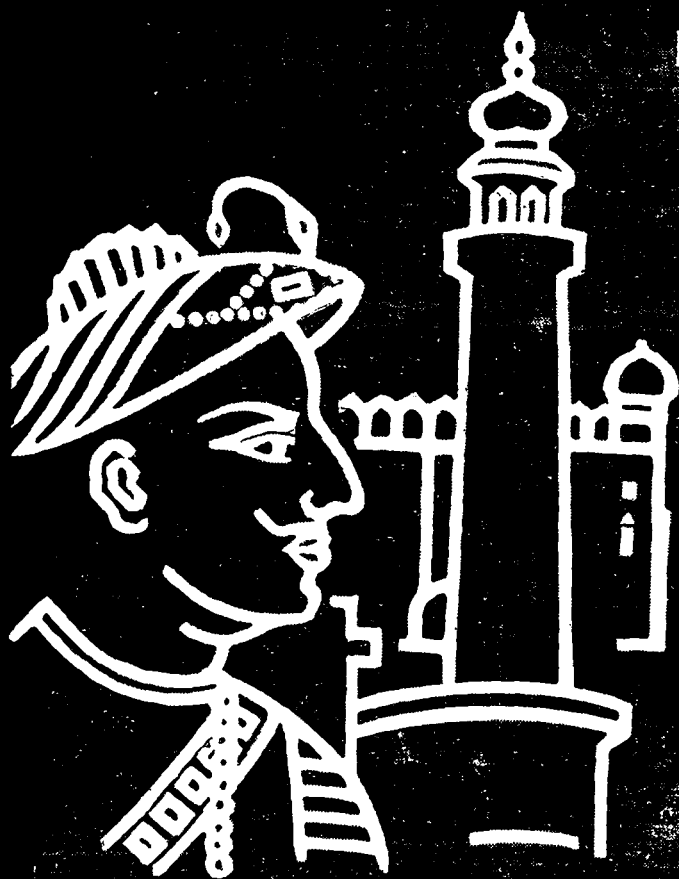
А немного позже, уже ночью, я рассказывал гулбаргцам о творчестве и жизненном пути нашего Пушкина. На окраине города возле маленького пустого дома — штаб-квартиры Общества любителей литературы урду и хинди — обширная площадь была заранее покрыта циновками и простынями. На сцене, устланной ковриками, стояли микрофон и стол. Народу собралось несколько тысяч, и вся эта масса людей целый час внимательно слушала доклад о жизни и творчестве великого русского поэта.

Почаще бы состоялись такие встречи. Они хорошо служат делу дружбы и сближения народов Индии и Советского Союза.

В Гулбарге мы нашли много друзей, но не узнали о нашем соотечественнике ничего нового. Никитин упоминает в своих «Хожениях» еще ряд индийских городов, которые ему пришлось посетить в странствиях по Декану: Чаул, Джунир, Кулур. Но там мы не были.

Путешествием в Гулбаргу закончилось наше «Хождение» по местам, где проходил в далеком прошлом отважный тверич.

ГЛАВА III

**В СТРАНЕ
ТИП
СУЛТАНА**

ЛЕВ МАЙСУРА

О Типу Султана я впервые узнал в 1947 году, когда был еще студентом индийского отделения Московского института востоковедения. Мне попался сборник «Новейшая история Индии» со статьей доктора исторических наук Игоря Михайловича Рейснера о Типу Султана — правителе южноиндийского государства Майсур — и о его отчаянных войнах против захватчиков англичан. Статья была написана с подъемом и большой симпатией к этому незаурядному человеку, который предпочел гибель на поле боя незавидной доле пенсионера английской Ост-Индской компании.

Уже тогда личность Типу Султана очень заинтересовала меня, а когда я оказался в Хайдарабаде, от которого до Майсура рукой подать, интерес этот вырос еще больше.

РОЖДЕНИЕ МАЙСУРСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Княжеством Майсур, расположенным на замкнутом горном плато южного Декана, в далекой древности правила династия Водеяров. Им принадлежали тридцать три деревни вокруг современного города Майсура. В средние века княжество входило в империю Виджайянагар. Наместник виджайянагарского раджи в Майсуре постоянно сидел в соседнем городке Шрирангапатнаме (городе святого Ранги), который расположен на острове в среднем течении Кавери — одной из самых больших рек Декана (англичане переделали потом название города в Серингапатам).

В 1610 году Воядеры добились независимости. Они изгнали Тирумаларао — последнего виджайянагарского наместника — и расширили свои владения за счет соседей.

В середине XVIII века власть у раджей Майсура отнял их удачливый провинциальный военачальник Хайдар Али. Номинально оставаясь главнокомандующим, он был фактически неограниченным владыкой Майсура.

Хайдар Али, суровый неграмотный солдат, оказался прекрасным администратором и политиком. Он в несколько раз увеличил территорию Майсура и превратил его в сильное централизованное государство с отлично экипированной и вооруженной армией. Ему удалось завоевать огромный авторитет и уважение в глазах народа Майсура одинаковым отношением к своим подданным: хинду и мусульманам.

Простыми, но эффективными мерами Хайдар Али привел в порядок оросительную систему в стране, повысил продуктивность сельского хозяйства, умерил всевластие и аппетиты местных начальников.

Это обеспечило ему поддержку народа Майсура.

В своих завоевательских планах по расширению территории Майсура Хайдар Али столкнулся с сильным противником — Ост-Индской компанией англичан, в войнах с которой прошла большая часть его жизни. Он сумел победить англичан в первой англо-майсурской войне (1767—1769) и почти опрокинул их во второй (1780—1784). Во время второй войны с англичанами он умер от раковой опухоли, оставив своему сыну и наследнику Типу Султану обширное государство, богатую казну, многочисленную армию и неоконченную войну с сильным и коварным противником.

В 1782 году на престол Майсура сел Типу — тридцатилетний удачливый кавалерийский командир, уже не раз отличившийся на полях сражений и имевший громадный авторитет в армии.

ЛУЧШЕ ПРОЖИТЬ ДЕНЬ ЛЬВОМ, ЧЕМ СТО ЛЕТ ШАКАЛОМ

Типу правил Майсуром восемнадцать лет, вплоть до дня своей трагической гибели в 1799 году, и все эти годы были полны отчаянных битв Майсура с соседними княжествами, за спиной которых в большинстве случаев оказывались англичане. Типу пришлось заканчивать вторую англо-майсурскую войну, начатую Хайдаром Али, и провести еще две кровопролитные войны, в первой из которых он потерял половину своих владений, а в последней — государство и жизнь.

До самого последнего времени вся жизнь этого незаурядного человека была окутана густейшим туманом предвзятых представлений и бессовестной клеветы. Клевета всегда являлась орудием тех, чьи намерения и цели были нечистыми и кто не мог добиться успеха в честной битве.

Ни об одном из исторических деятелей Индии не было распространено столько небылиц и лжи, сколько о Типу Султани. Английские историки обвиняли его в мании величия, в религиозном фанатизме, в жестоком отношении к пленным англичанам и в сотнях других грехов.

Лев Майсура — с уважением называли и называют Типу Султана индийцы.

Типу был одним из самых больших государственных деятелей Индии, талантливым полководцем. Вся его деятельность, все помыслы были посвящены одной цели — изгнанию англичан из Индии. Сельское хозяйство Майсура при нем было в цветущем состоянии. Развивались торговля, местная промышленность и банковское дело. Не где-нибудь, а именно в Майсуре искали спасения тысячи разоренных крестьянских семей из завоеванных англичанами соседних княжеств. Типу давал крестьянам землю, ссужал деньги на обустройство хозяйством. Налог на землю в Майсуре был фиксированным и не слишком тяжелым для крестьян, и они с воодушевлением сражались в рядах его армии — самой спаянной, дисциплинированной и боеспособной среди индийских армий того времени.

Однако, несмотря на то что Майсур был сравнительно сильным государством, а Типу Султан обладал незаурядными организаторскими и полководческими способностями, победа англичан была предreshена. Типу старался как мог ссментировать свое государство в единое целое, но весь Майсур раздирали внутренние смуты. Главными помощниками и исполнителями воли Типу были завистливые феодальные начальники, мечтавшие сами занять место на троне Майсура.

Войскам Типу было трудно противостоять хорошо обученным вооруженным силам англичан, имевшим в своем распоряжении наиболее передовую военную технику того времени. И главное — феодальный Майсур не имел своей промышленности. Он не мог долго меряться силами с самой мощной державой мира, которая переживала период промышленной революции и располагала громадными ресурсами.

В третью англо-майсурскую войну (1790—1792) английский генерал-губернатор Корнваллис с помощью маратхов и хайдарабадского низама отнял у Типу половину его государства и вырвал громадную контрибуцию из казны Майсура. Поведение Корнваллиса во время заключения мирного договора с Типу может послужить образцом вероломства. Заставив Типу уплатить контрибуцию и взяв заложниками двух его сыновей, он вдруг потребовал передачи ему Курга — лесной страны на западе от Майсура. Типу не хотелось рисковать жизнью сыновей, и ему ничего не осталось, как отдать Кург, до которого от Серингапатама было всего сто километров.

В 1799 году английские войска под командой генерал-губернатора Вэлсли еще раз пришли в Майсур, чтобы окончательно сокрушить Типу Султана. На этот раз с ними активно сотрудничал низам. Вражеская армия в несколько сот тысяч человек быстро разбила сорок тысяч сипаев Типу и штурмом взяла Серингапатам.

В решительный момент штурма Серингапатама визири Типу Султана — Мир Садык и Пурнайя, а также другие должностные лица, подкупленные лазутчиками англичан, дезорганизовали оборону столицы, а Мир Садык закрыл городские ворота перед Типу, который, преследуемый английскими солдатами, возвращался в крепость. В последней свирепой схватке у Водяных ворот один из приближенных Типу сказал ему:

— Джахан панах (государь)! Объявитесь, и вы сохраните жизнь!

— Никогда! — ответил Типу. — Лучше прожить день львом, чем сто лет шакалом!

Разгромив и ограбив Серингапатам, англичане глубокой ночью занялись поисками тела Типу. Его нашли еще теплого в груди мертвых тел. И тогда английский генерал, командовавший штурмом Серингапатама, коснувшись шпагой тела Типу, воскликнул:

— Типу мертв! Отныне Индия наша!

Так погиб Типу — непримиримый враг англичан. Майор Диром, штабной офицер, участвовавший во взятии Серингапатама, писал: «Все предали Типу Султана в этой последней войне. Не предал его только народ Майсура». И это сущая правда. В бесчисленных лаванис — балладах — народ Майсура по сей день поминает Типу Султана и его битвы с ферингами — англичанами, его почитают в Индии как национального героя и гробницу его посещают тысячи патриотов, а на могилу предателя Мир Садыка, зарезанного майсурскими солдатами за измену, по сей день с омерзением плюют и кидают камни прохожие.

Вскоре после разгрома Майсура англичане разделились и с маратхами, которые держали в этой войне нейтралитет и лишили независимости своего «союзника» низама. Битва за Индию была ими выиграна. Богатейшая страна Востока на полтора века стала колонией Англии.

ПОДГОТОВКА К ПУТЕШЕСТВИЮ В МАЙСУР

В Хайдарабаде я нашел больше чем достаточно материала о Типу Султани. Мне удалось познакомиться со здешними старожилами, предки которых приходились ему родней.

Особенно близко сошелся я с (ныне покойным) навабом Басит Али Ханом, который жил на холмах Ред-Хиллз¹ возле Шубатпахара. Наваб, шестидесятилетний старик, бережно хранил ряд вещей, принадлежавших когда-то Типу Султану. Он показал мне прекрасный кинжал, который Типу Султан отправил было в подарок Наполеону Бонапарту вместе с предложением объединить усилия Франции и Майсура в борьбе против англичан. Майсурский корабль, не дойдя до Франции, вынужден был вернуться, а кинжал какими-то судьбами достался навабу.

И не только кинжал. В приемной наваба я видел записную книжку Типу с его собственноручными записями на персидском языке, оттисками его личной печати и его подписями, кое-какие мелкие вещи и несколько редких книг о нем, с которыми наваб дал мне возможность ознакомиться.

На стенах приемной наваба висели картины с изображением Типу. На одной из них Типу — великолепный наездник — во главе кавалерийского отряда несется вскачь на своем белом коне в атаку. На другой — он изображен в царском наряде: плоском бурханпурском тюрбане, просторном халате с дорогим ожерельем и поясом, усыпанным драгоценными камнями. Дом наваба был обставлен старинной мебелью, бытовавшей в богатых семьях Майсура позапрошлого века.

Короче говоря, дом наваба был настоящим музеем, посвященным Типу.

Немало вещей, принадлежавших Типу, было собрано и в музее Саларджанга. Там можно видеть портреты Типу Султана, его одежду, любимые им стулья из слоновой кости, тюрбан, подобранный на месте его гибели, и самое главное — его меч, которого так страшились захватчики англичане.

Но больше всего сведений о Типу я почерпнул в библиотеке Османского университета. Преподавателей университета беспрестанно пускают во все его книгохранилища, и они могут сколько угодно рыться в книгах. Пользовался этим правом и я. Типу посвящено очень много книг, написанных в основном англичанами, и это ясно показывает, какое место занимала личность Типу в их умах. Яростный их враг, главное препятствие к овладению всей Индией, Типу Султан стал пугалом, которым матери в Англии пугали своих детей. Редко-редко можно найти в этих книгах правдивое слово о Типу.

Хорошо вооруженный знанием истории Майсура и жизни Типу, я решил повидать те места, где в 1799 году разыгрались драматические события, положившие начало окончательному завоеванию Индии англичанами.

¹ Ред-Хиллз (Красные холмы) — зажиточный район в Новом городе.

БАНГАЛУР

Бангалур (или Бангалуру) означает на языке каннара «деревня жареных бобов». В этой связи рассказывают следующую историю. В давние времена какой-то принц будто бы заблудился в чистом поле на месте теперешнего города и набрел на деревушку, где старуха накормила его жареными бобами. Принц повелел называть деревушку Бангалуру, и название это дошло до наших дней.

Достоверная история города начинается с 1537 года, когда раджа Кемпегоуда повелел возвести на месте нынешнего городского центра форт из кирпича-сырца и четыре каменные дозорные башни на окрестных каменных склонах, определив ими территорию будущего города.

В середине XVII века Бангалур принадлежал султану Биджапура, затем маратхам. В 1687 году его купил у маратхов Чикка Дева Райя Водеяр — раджа Майсура. С 1761 по 1799 год Бангалур принадлежал Хайдару Али и Типу Султану, которые обнесли его каменной стеной.

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

В Бангалур — столицу штата Майсура, первый пункт нашего путешествия по стране Типу Султана, — мы двинулись в декабре 1959 года. В Хайдарабаде в это время стояли прохладные ясные ночи. В листьях джамуна, срывая спелые синие ягоды, шелестели летучие лисицы и с криками разлетались, испуганные ружейными выстрелами хозяев садов.

Поезд прибыл в Бангалур в пять часов утра, когда весь город был густо затянут туманом. Сквозь его сизую пелену виднелись высокие деревья, подстриженные кустарники и небольшие добротные постройки в староанглийском стиле с красными черепичными крышами.

Первым, кто нам попался на пути в отель, был пожилой англичанин, совершавший по пустынным улицам утренний моцион. С тростью в руках, в шляпе, рубашке и коротких, до колен, штанах, которые открывали синие в венах ноги, он семенил по тротуару. Всецело занятый самим собой и своим здоровьем, он даже не заметил нас, хотя мы шли ему навстречу.

Европейский отель Вест Энд оказался слишком шикарным для нас. Там были величественные лакеи, роскошные номера. За все это нужно было платить самое меньшее по двадцати пяти рупий с человека в сутки. У подъезда отеля как раз гру-

милась в сверкающий кадиллак удивительно дородная американка. У ней ходили ходуном необъятные тела, тряслись багрово-румяные щеки и губы. В руках у нее таяла крохотная собачонка; все свободные сиденья были завалены баулами, чемоданами и корзинами с провизией.

Мы вполне удовлетворились номером в более скромном хиндуистском отеле Вуудлэндз.

Бангалур — настоящий город-парк. Его широкие и прямые улицы заполнены добротными европейскими зданиями и коттеджами с красными коническими крышами (каких совершенно нет в Хайдарабаде).

Исторических мест, связанных с глубокой стариной, именами Типу и его отца, в городе оказалось не так уж много.

Прежде всего мы пошли в ботанический сад, который был в свое время заложен Хайдаром Али и затем расширен Типу Султаном.

Этот сад был любимым местом отдыха майсурских правителей. В центральной его части густо растут могущественные старые деревья, многие из которых были посажены рукой самого Типу Султана. Дух Типу Султана незримо витает над садом, хотя в центре его возвышается конная статуя Чамараджа Водеяра — позднейшего правителя Майсура. Расширили и придали ему современный вид англичане.

Пройдя по богатейшим розариям и аллеям с деревьями чичу¹, нагнавевшись на бамбуковые заросли и громадные баньяны, мы поднялись на макушку каменного пригорка к одной из дозорных башен. Башня — седой страж города — походила на сказочную избушку на курьих ножках, окна которой смотрят во все четыре стороны. С платформы башни был виден весь Бангалур, далеко переросший пределы, положенные ему Кемпегоудой. В каменных выбоинах холма блеснули озера, в которых плескались головастики. Кругом сидела шумливая молодежь, любовавшаяся красивой панорамой.

От ботанического сада мы поехали к самому древнему местному храму — Храму быка. Возле его дверей под громадными баньянами были вкопаны в землю позеленевшие от времени каменные пластины с изображением кобры. В старину существовало поверье, что если бесплодная женщина принесет такой дар богу, то у нее будет ребенок. Странно было смотреть на эти пластины. Камни — символы немой просьбы все стоят, а женщин уже давным-давно нет в живых!

Поручив обувь мальчишкам, мы вошли в храм, где нас встретил старик жрец, чуть-чуть говоривший на урду. Он был

¹ Чичу — фруктовые деревья. Их плоды по виду и цвету очень напоминают небольшие темные картофелины. Мякоть, обволакивающая бобок, сладковата и приятна на вкус.

гол по пояс, словно индеец, разрисован белыми полосами. Полосы были у него на лбу, плечах, груди и руках. Когда мы переступили порог храма, он звякнул в колокол (мол, вошел твой раб, о боже!).

Из глубины темного помещения, выпучив глаза, на нас смотрел гигантский черный бык, лежавший на пьедестале. Сделан он был грубо и неумело. За много веков верующие сплошь залили его жертвенным маслом, смешанным с благовониями. На наших глазах женщины возлагали к переднему копыту быка цветы, клали монетки возле кадилъницы, сплошь покрытой густым слоем пепла, зажигали палочки агбатти.

Получив от жреца обычный дар — розу (это обходится в рупию), мы, спотыкаясь в темноте, обошли вокруг быка, кроме которого в храме ничего не было. Стены и потолок храма обросли сизым мохом. В нем пахло сыростью, минувшими веками и масляным перегаром. И мы не без облегчения вышли на свежий воздух, где все было залито лучами нежаркого декабрьского солнца.

Форт и Деревянный дворец Типу находились неподалеку от Храма быка.

Форт Бангалура — отличный образец мусульманской фортификационной техники XVIII века — сохранился в целости. Он весьма невелик, но имеет мощные стены, двое ворот для ввоза пушек и вылазок гарнизона. Как и в Голконде, створки ворот унизаны острыми шипами.

Резиденцией Типу во время его недолгих стоянок в городе служил деревянный двухэтажный дворец, неизвестно каким образом уцелевший среди военных бурь и пожаров конца XVIII века. Ныне он совершенно затерялся среди соседних массивных построек, но даже англичане — современники Типу — считали его весьма внушительным зданием.

Дворец был выстроен в 1787 году в так называемом сараценском стиле. У него открытый фасад. Точеные деревянные колонны поддерживают слегка выдвинутый вперед карниз. Внутри здания господствует коричневый цвет, коричневые разводы и цветы. Если подняться по узеньким скрипучим лестницам на второй этаж дворца, то там целый лабиринт узких переходов и комнат, обитых толстой раскрашенной материей и золотой бумагой. Внутри комнаток полутемно и прохладно. Проведший всю жизнь в походах Типу, говорят, любил отдыхать здесь во время коротких наездов.

Гравюры рассказывают, что вокруг Деревянного дворца был разбит большой сад, полный экзотических растений. У входа в него постоянно дежурили отряды телохранителей — гвардейцев, стояли наготове кони под седлами и лежало несколько слонов с богато убранными хоудахами и присло-

женными к их бокам лесенками. Типу ненавидел носилки — распространенный тогда в Индии вид транспорта, которые таскали специальные кули, и предпочитал боевых коней и слонов.

ЗАПОВЕДНИК БЫВШИХ ВЛАДЫК ИНДИИ

Совершавший моцион английский джентльмен в коротких штанишках, виденный нами в утро нашего приезда, оказался своего рода символом города. Бангалур — настоящий заповедник бывших господ страны. Все здесь говорит о их былом могуществе. На широких городских площадях, в парках и на улицах, носящих английские названия, то и дело попадаются статуи англичанам. В одном месте это старушка Виктория, которая сидит развалившись в удобном кресле — любимое место голубей, в другом — конная статуя Марка Каббона, английского резидента в Майсуре, в третьем на пьедестале торчит английский колониальный солдат в кепке, униформе и с ружьем в руке, в четвертом — король Эдуард IV.

После того как лорд Вэлсли разбил Типу, город был облюбован английскими чиновниками для постоянного жительства. В Бангалуре оседали крупные военные, плантаторы и бизнесмены. Их влекли сюда сравнительная прохлада и умеренные дожди. В здешнем гарнизоне всегда приходилось держать значительные вооруженные силы, ибо майсурцы долго не хотели смириться с английским игом.

Колонизаторы приспособили Бангалур к своим нуждам, и он стал в отдельных своих частях настоящим английским городом с непременным ипподромом, бильярдными клубами, английскими отелями, пышными правительственными зданиями, учебными заведениями, католическими церквями (их тут больше тридцати) и довольно развитой промышленностью. Его деловыми центрами являлись две улицы — Банковская, сплошь занятая английскими банками, и Коммерческая, на которой были сосредоточены богатые магазины.

И сейчас еще в Бангалуре много англичан и еще больше англо-индийцев. Их можно видеть повсюду — на улицах, в магазинах, кафе и ресторанах. Многие из них работают сейчас управляющими местных заводов и фабрик, кофейных плантаций в Курге, владеют домами, работают в банках и государственных учреждениях, держат свои магазины.

На большинстве коттеджей гордо висят таблички с английскими и французскими фамилиями, а рядом с ними можно часто видеть древних старух с клюками в руках, седоватых очкастых леди и чопорных высокомерных джентльменов. Но по всему видно, эти люди потеряли прежнее положение и довольство. Это можно заметить, в частности, по их скромной одежде и довольно потрепанным автомобилям.

На главной артерии Бангалура — Махатма Ганди-роуд — очень чистой улице с массой магазинов нам довелось увидеть картину, очень символичную для прошлых отношений Великобритании и Индии. Сморщенная и почерневшая от древности старуха англичанка в старой шерстяной шапке и толстых очках ехала куда-то в ободранной коляске на низеньких, скрипучих деревянных колесах. Упираясь животом в перекладину коротких оглобелей, тележку тащил совершенно седой слуга-индеец. Старик бережно вез свою престарелую хозяйку. Это был первый беговой рикша, увиденный нами в Индии.

* * *

Но не древние сторожевые башни, не Храм быка и не многочисленные мандиры влекут сюда туристов, посещающих Индию. Не слишком могут заинтересовать их и «бывшие хозяева» страны, доживающие свой век в тихих углах города. Туристов влекут в Бангалур дымь больших заводов, которые словно грибы растут по периферии города. Они-то и являются его настоящей гордостью.

Пожалуй, нигде во всей стране, за исключением Калькутты и Бомбея, не сосредоточено в одном месте так много заводов и фабрик, как в Бангалуре. Только крупных предприятий здесь около двадцати пяти, многие из которых заняты выпуском продукции, жизненно необходимой для страны. В Бангалуре находятся авиазаводы, где производится сборка самолетов, в том числе сверхзвуковых истребителей, и машиностроительные предприятия. Здесь делают телефонные аппараты, автомобили, вагоны, бронемашины, электро- и радиоприборы, всевозможные ткани, ковры, лекарства и множество других товаров и изделий, широко известных в Индии.

В ГОСТЯХ У РЕРИХОВ

О том, что художник Святослав Рерих, сын известного русского живописца Николая Рериха, давно и навсегда обосновался в Бангалуре, нам было известно еще до приезда в Индию. Поэтому на второй день нашего пребывания в столице Майсура мы отправились к нему в гости.

И вот мы в старинном доме на окраине города. В этом доме несколько больших, со вкусом обставленных комнат, где имеются все современные удобства. На веранде, густо увитой орхидеями и плетями тыквы, стоят столики, плетеные стулья, цветы.

Лучам солнца не добраться до веранды: над ней высится громадный баньян с глубоким дуплом внизу, в котором таится

маленький, размером в тумбочку, храм с медным изображением какого-то божества. К этому храму приходят молиться окрестные крестьяне, а под баньном, говорят, не раз стояла походная палатка самого Типу Султана. Все пространство вокруг дома занято плантацией каких-то очень странных деревьев, похожих на яблони. У них гладкие стволы и совершенно голые без единого листочка ветви.

Откуда-то сбоку появляется Святослав Николаевич Рерих. Он поднялся на веранду, поздоровался и извинился, что не мог встретить нас: он только что отмыл руки от краски.

Рерих — шатен. У него седые усы и бородка клинышком, седые виски, бледное лицо с высоким лбом, стройная фигура. Несмотря на годы, он движется очень легко и плавно. Только в самом начале разговора он, очевидно, испытывает легкое затруднение, но потом говорит на хорошем русском языке, в котором слышатся иногда старые полузабытые обороты.

Мы пьем чай с домашними пирожными, пробуем лесной мед, только что принесенный крестьянами, которые, как видно, весьма уважают Рерихов. Наш гостеприимный хозяин рассказывает о судьбах семьи, об отце — старике Рерихе.

Николай Рерих был очень образованным и эрудированным человеком. Его интересовало все на свете. В своих последних картинах он воспевал Индию и Гималаи. В Гималаи была влюблена вся семья.

— Не хотите ли осмотреть усадьбу? — спрашивает художник.

И вот мы шагаем по песчаной дорожке. Рерих идет впереди и рассказывает, как много пришлось приложить труда, чтобы оборудовать усадьбу для полива, разбить клумбы, прокопать каналы под корни деревьев.

Голые деревья, удивившие нас своим необычайным видом, оказались эфирносами из Мексики. Они дают огромный урожай плодов, из которых давят сок, очень ценимый в парфюмерной промышленности. Рерих ключом слегка надрезает кору на дереве. Оттуда течет едкая маслянистая жидкость, пахнущая не то спиртом, не то скипидаром. Его плантация мексиканских эфирносов — единственная в Индии. Плоды этих деревьев закупают у него на корню, оптом. Плантация дает художнику свободу в материальном отношении, и он может полностью отдаваться любимому искусству.

По вскопанной дорожке подходим к довольно большому пруду. Запруда существовала еще до Рерихов, хотя они живут здесь более тридцати лет. Кругом пруда раскинулся чудесный парк, полный животных, которых супруги всячески оберегают.

— Всего года два-три назад сюда часто являлись из лесов слоны. Целых четырнадцать штук! — рассказывает Ре-

рих. Купались в пруду, трубили. Только они уже больше не приходят. Леса редеют, а звери истребляются.

Рерих с горечью вспоминает о том, как страшно вырубались на Декане леса во время второй мировой войны. Декан за эти годы совершенно опустел. Чувствуя неминуемость потери Индии, английские колониальные власти действовали по принципу: после меня хоть потоп! И ему, большому любителю природы, было тяжело видеть, как истребляется замечательная природа Декана.

Из парка мы вышли на вершину небольшого холма. Там, на вскопанном «пяточке» земли, стоит деревянная скамейка. С «пяточка» открывается очаровательная панорама: покрытые кустарниками бесконечные покатые холмы, бескрайние синие дали и такое же синее небо. Полнейшее безлюдье.

— Там дальше Майсур,— показывает рукой Рерих.— В ясные дни его можно хорошо видеть отсюда. А еще дальше — горы Нильгири, Аравийское море.

После осмотра усадьбы Рерих повел нас в студию показывать свои картины. Студией ему служит просторное светлое здание с широкими окнами, выходящими в сад. Вдоль стен студии стоят низкие длинные столики, заставленные книгами на русском, английском и немецком языках и образцами старинной индийской бронзы. Кроме того, на столиках разложены большие яркие кристаллы, мелкие карандашные и акварельные рисунки и множество всякой всячины — все любопытно и очень интересно.

В правом углу студии в крепких желтых рамах стоят картины. Ни на минуту не прерывая интересного разговора об искусстве, своей работе, семье, России и Индии, художник одну за одной показывает их нам. Картины его яркие, красочные, как сама природа Индии. Вместо масляных красок, быстро портящихся от большой влажности и высокой температуры, Рерих пишет темперой. Он готовит ее сам, примерно по тем же рецептам, по которым ее готовили древние мастера, расписывавшие стены и потолки Аджанты и Эйлоры. Главный элемент в ней — яичный желток.

Чувствуется, что Рерих очень любит природу Индии. Вот он показывает нам свою очередную картину. На фоне гигантских древесных стволов, шагая по красной пыли, возвращаются с базара крестьяне. Бронзовые их тела почти сливаются с землей. Они дети этой земли. За плечами у них мешки с немудрящим скарбом, на бедрах женщин сидят дети. А над ними — роскошное вечернее небо, сгущающийся мрак. Картина реалистична, но в то же время романтически поднята. Угадывается мысль художника, что природа прекрасна и прекрасны населяющие ее люди.

Перед нами вторая картина: полусжатое поле. На нем работают крестьяне. На переднем плане сидит отдыхающая женщина. Необычайно красив и грациозен изгиб ее смуглой шеи. От полотна веет покоем. Снова предельно ясна мысль: вечно трудятся люди на земле.

А вот праздничное шествие в горах. Сверкая саблями, танцуют искусные танцоры. В толпе ликование, веселье. Кого-то несут в паланкине. Мелькают лица крестьян и крестьянок. Их головы украшают красивые уборы из перьев горных птиц. Ревут трубы, гремят барабаны, и весь этот пестрый люд шумным потоком стремится куда-то на фоне величественных ярких гор и синих небес.

Следующая серия картин удивительно оригинальна. В середине февраля, когда температура начинает подниматься, Рерихи устремляются в Гималаи, в долину Кулу — место редкой красоты и первозданной дикости. Художник запоем работает там несколько месяцев подряд. Отец в полной мере передал ему свою любовь к Гималаям, и Святослава Рериха можно по праву назвать певцом горного великана Канченджанги. Могучая гора на его полотнах то пылает огненными расцветками, то чуть тлеет медным ущербным пламенем, а в окрестных долинах клубятся туманы, движутся причудливые тени.

— Не подумайте, что это моя фантазия,— заметил Рерих.— Кисть не в силах передать и десятой доли тех ярких красок, которые нам приходится наблюдать в Гималаях.

Художник придает очень большое значение фону. Он у него всегда яркий, приподнятый, хорошо оттеняющий главное.

Двое чапраси и сам художник бережно вытаскивают из штабелей все новые и новые картины. Вот перед нами циклопические горы Ладакха с орлиными гнездами феодальных замков на вершинах. Чтобы выбрать место для работы, художнику приходится много лазить по горам. Ладакх — место совершенно дикой, первозданной красоты, которого еще не коснулась цивилизация. Одежда и обувь жителей Ладакха поражают необычностью своих форм, богатыми красками и узорными вышивками. Танцы их медлительны и полны своеобразия.

Тридцать лет жизни в Индии не прошли для художника даром. Уехал он из России в раннем детстве; унаследовав от родителей большую культуру и оставаясь исконно русским человеком, он пошел в своем искусстве путем, сближающим его с индийскими художниками, с которыми у него есть много общего. Он не русский, а индийский художник, и к его своеобразному и интересному творчеству нужно подходить с особыми мерками.

В разговоре постепенно выясняется, сколь широк круг интересов Рериха. Он все знает, обо всем имеет свое мнение.

Индию он объездил вдоль и поперек. Постоянный гость Гималаев, он не раз бывал и в горах Нильгири на юге, где самобытные отсталые племена живут так же, как тысячу лет назад жили их предки,— на деревьях.

Рериха очень интересуют результаты раскопок в Мохенджо-Даро и Хараппе (район реки Инда). Он не может говорить без восхищения об удивительном чувстве пропорций, которым обладали строители древних храмов, об искусстве индийских миниатюристов, которые создавали свои шедевры в средние века.

Индийские князья из поколения в поколение ревниво оберегали в своих частных собраниях бесценные художественные сокровища: бронзу, старые миниатюры местных и могольских мастеров, скульптурные произведения, старое оружие и т. д.

Но когда после реформ 1947 года всех их посадили на пенсии, они начали широко распродавать фамильные коллекции. В результате многие бесценные художественные произведения уплыли за океан и безвозвратно потеряны для Индии. Художника это очень огорчает.

— Мне хочется организовать где-нибудь в Индии, лучше всего в Бангалуре, хорошую картинную галерею из произведений местных индийских миниатюристов и современных художников,— рассказывает он.— И еще мне хочется собрать в одном месте свои картины и картины моего отца. Неустроенные как следует, без надлежащего ухода и охраны, они часто безвозвратно гибнут. В Хайдарабаде, например, не так давно существовала небольшая галерея работ моего отца. Там было около двенадцати очень хороших его полотен, но вся галерея погибла. Ее сожгли фанатики. Кто-то распустил слух, будто собираются сносить стоявшую по соседству мечеть. Разъяренная толпа разбила все дома вокруг и подожгла здание экспозиции. Слух оказался ложным, но погубленного не вернетишь!

Из соседней комнаты Рерих приносит автопортрет отца, памятью которого он очень дорожит. Старик Рерих рисовал себя уже в преклонных годах. На нем головной убор вроде колпака. Он в очках, пальцы у него чуткие, нервные. Этот автопортрет и еще несколько других картин старшего Рериха художник бережет как зеницу ока и никогда не расстается с ними.

Давно уже наступил вечер. За интересной беседой мы не заметили, как в окна студии начала заглядывать слепая ночь. В кармане у меня билеты на ночной поезд в Майсур, а уходить от гостеприимных хозяев не хочется.

Мы встаем, прощаемся с хозяевами, благодарим за хлеб-соль.

— Я очень рад, что вы заехали ко мне,— говорит Рерих.— Надеюсь, встретимся в Москве. До свидания!

В СТОЛИЦЕ ВОДЕЯРОВ

Город Майсур существует более двух тысяч лет. Согласно мифологии, он получил название по имени Махшасуры — чудовищного великана с бычьей головой. О Майсуре есть упоминание в древнем эпосе индийцев Махабхарате. В III веке до нашей эры император Ашока посылал сюда своих эмиссаров проповедовать идеи буддизма.

В средние века Майсур стал столицей раджей Водейров — выходцев из Гуджарата. Позже Водейры сделали своей столицей крепость Серингпатам, но после гибели Типу они снова вернулись в Майсур.

ТРИ ДНЯ В МАЙСУРЕ

Мы приехали в Майсур глубокой ночью. Отчаянно зевавший шофер такси отвез нас по темным улицам в английский отель Карлтон, где мы досыпали ночь под москитными сетками, пахнущими пылью, чесноком и временем.

Только утром мы могли вполне оценить место, куда нас «занесло». В самом деле: чем черт не шутит, пока бог спит! Нашей резиденцией была небольшая темная комната без окон. В ней стояли две деревянные кровати с жесткими как камень постелями, старинные стол, стулья и комод. Потолки, балки и деревянные стены были темными от времени. На красном плиточном полу лежал истрепанный ковер. Вместо крана с раковиной для умывания на треноге стоял древний, совершенно обитый эмалированный таз. Рядом с ним красовалась большая медная кружка.

Карлтон оказался старинным английским отелем, или, как здесь называют такие учреждения, пансионом, в котором заезжие англичане останавливались еще больше ста лет назад. Наверное, немало разного люда повидало это старинное под черепичной крышей приземистое здание с широкими верандами, на которых стоят древние, совершенно ободранные кресла. Как-то подсознательно отель Карлтон ассоциировался в наших глазах со всей одряхлевшей Британской империей.

Когда, кое-как управившись с почтенными предметами туалета, мы пошли завтракать, то оказались в тесной, наполненной застарелыми кулинарными запахами дайнинг-рум (столовой) со столом посередине. Стены столовой были увешаны свежими яркими календарями и старинными синими блюдами с цветными рисунками. Сюжеты их были взяты из староанглийской жизни. По бокам на столиках красовались горки старого, не слишком хорошего саксонского фарфора, который нам до сих пор доводилось видеть лишь в музеях:

чайнички, тарелки, блюда и чашки. Глядя на них, можно было подумать, что мы очутились вдруг в Англии прошлого века.

Со стены прямо на нас смотрел портрет женщины в короне, усыпанной бриллиантами. Художник постарался придать ее вполне ординарному лицу побольше красоты и вдохновения. Это была Елизавета Вторая — королева Англии. Рядом с портретами висела табличка с предостерегающей надписью, что бог — высший судия — незримо присутствует в этом доме. Ему вверяют хозяева отеля свою судьбу. И все тут должны соблюдать благочестие.

Единственный слуга в отеле, согнутый годами старик индеец, странно гармонировал с темными стенами отеля, несвежими скатертями и посудой, покрытой сетью трещин. Он принес нам невкусный, плохо приготовленный завтрак, кофе с разбавленным молоком.

Мимо нашего стола серыми мышами юркнули к себе в комнату две монашки. Где-то за грязным пологом чуть слышно гремели посудой, слышалось негромкое потрескивание огня в печи.

В Карлтоне жили несколько англичан, и они тоже казались неотъемлемыми частями старого отеля. Среди них выделялась какая-то очень пожилая пара. Он был высок, сед, с буро-красным лицом и белыми усами. Она — со старообразным, раньше времени сморщенным лицом, в очень поношенном платье. Подолгу, не шевелясь, они сидели на веранде в продавленных креслах. Он курил трубку с пахучим табаком, а она часами не отрываясь глядела на газон перед верандой.

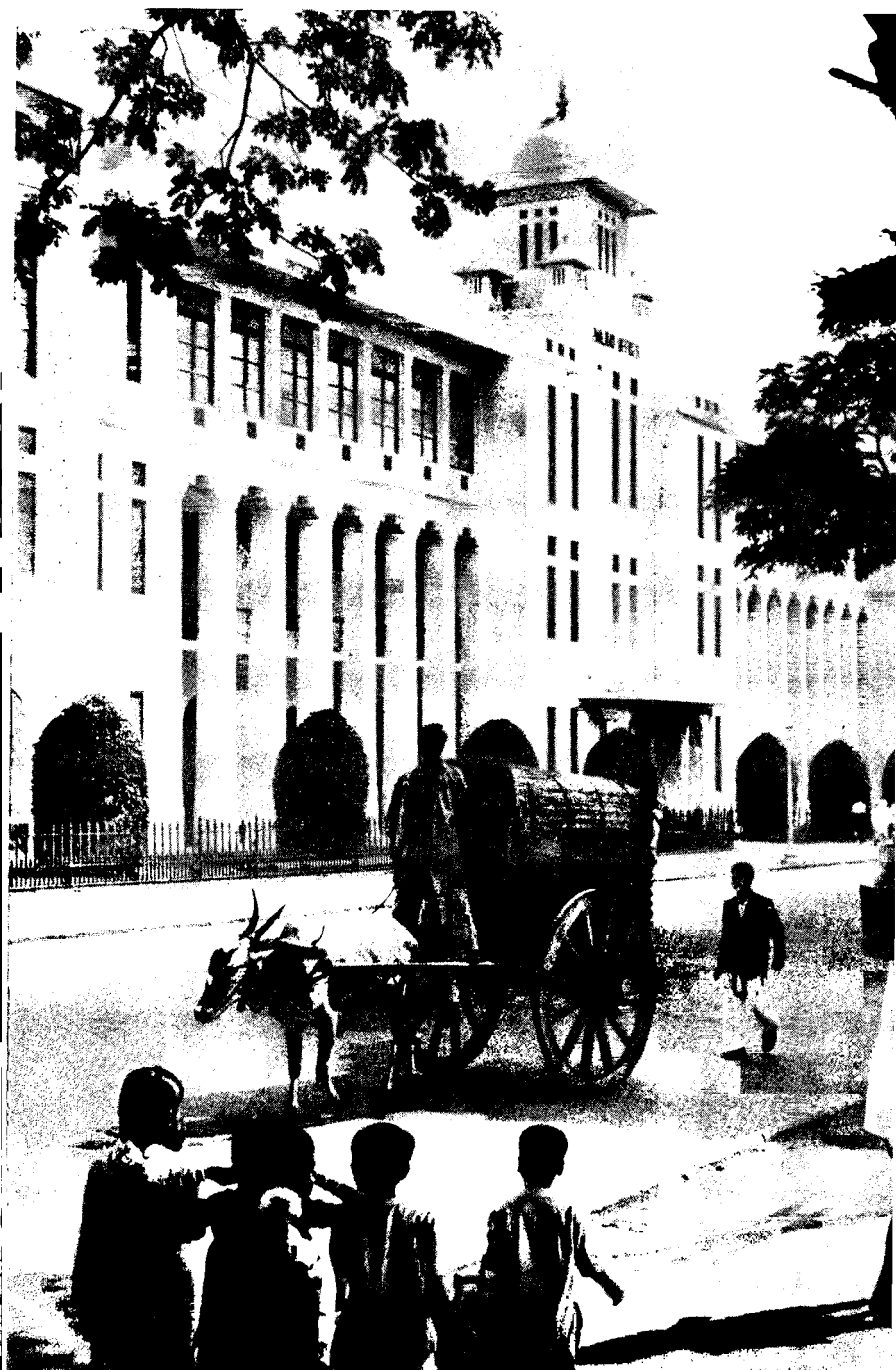
Управляющий — высокий лысый джентльмен — принес нам билль (счет) сразу за четыре дня вперед, что шло вразрез с общими для всех отелей правилами, и цену с нас он хотел взять на четыре рупии выше обозначенной в прейскуранте. Действия управляющего сильно противоречили девизу о благочестии, красовавшемуся на табличке в столовой, и мы, чтобы не видеть этого противоречия, в тот же вечер переехали в Модерн хинду отель возле станции.

* *
*

Красив Майсур! По обе стороны его улиц и дорог шеренгами стоят большие густые деревья. Неповторимое своеобразие придает городу высящаяся над ним с юго-восточной стороны гора Чамунди, на вершине которой, по преданию, богиня Чамунди убила Махисасуру — чудовище с бычьей головой.

На рассвете вершину Чамунди затягивают тучи. В пору

Майсур. Уличная сценка

Храм Чамунди на вершине каменного холма вблизи г. Майсура

Так в Индии матери носят детей

Серингапатам

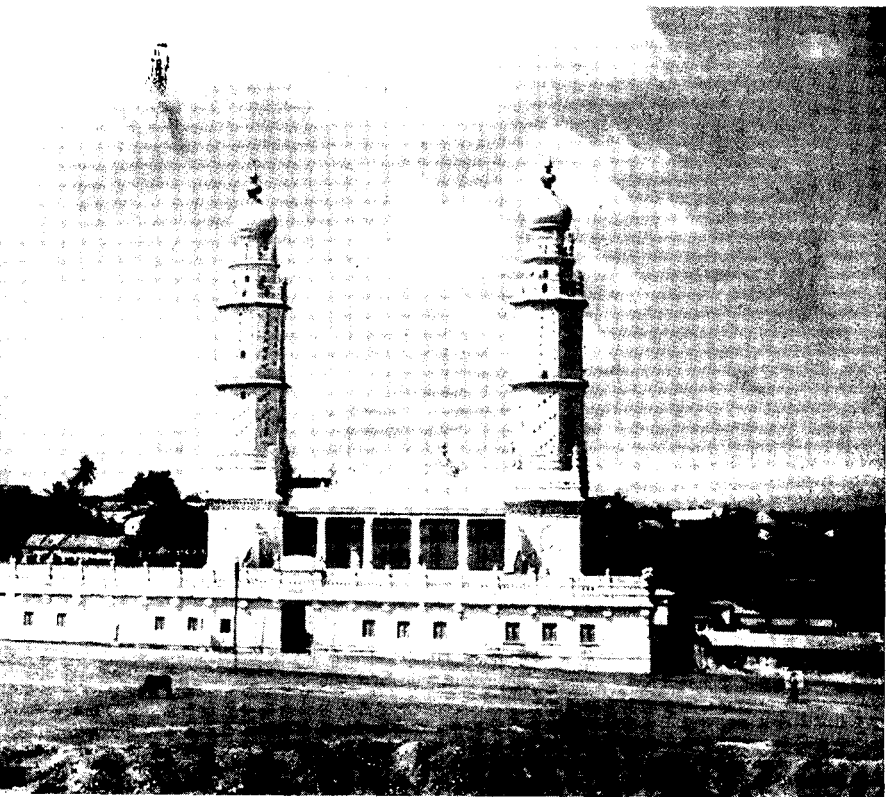
Здесь был убит Типу Султан...
Серингапатам

Гумбад — гробница Типу Султана
и его семьи

Представители народа каннара на улице Майсура

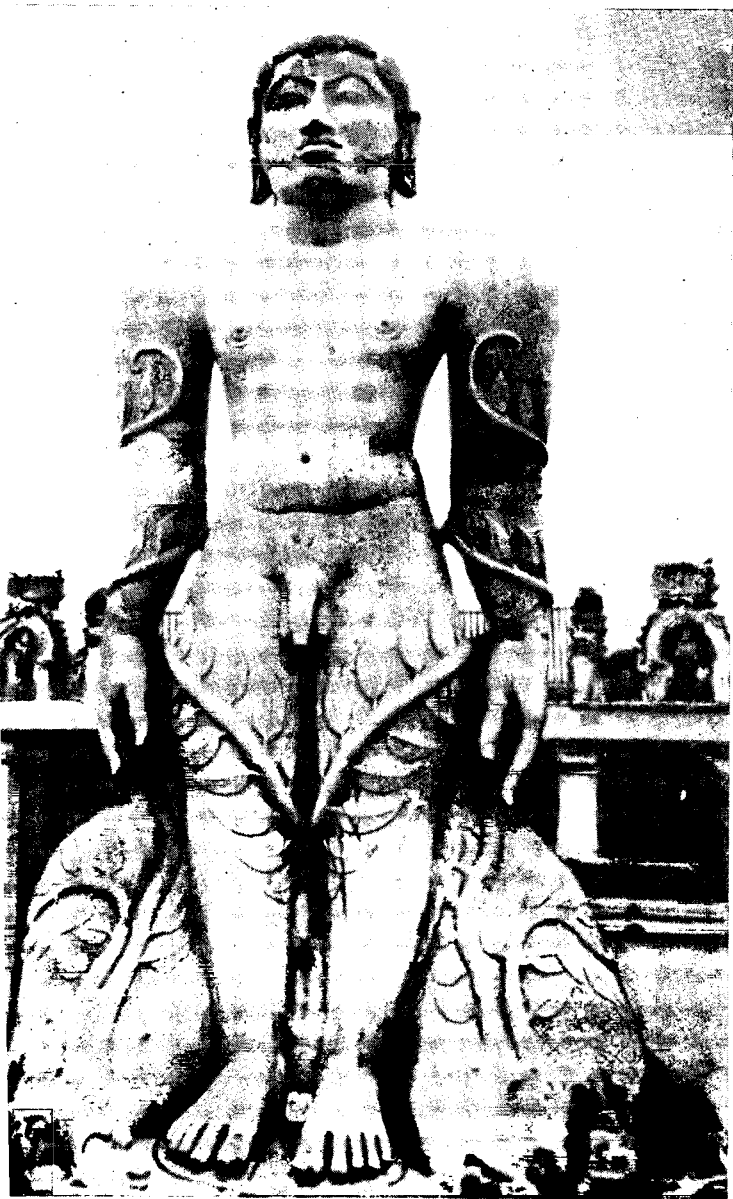
Мечеть Масджид-и-Аала (Великая мечеть) в Серингапатаме

На дороге из Бангалура в Майсур

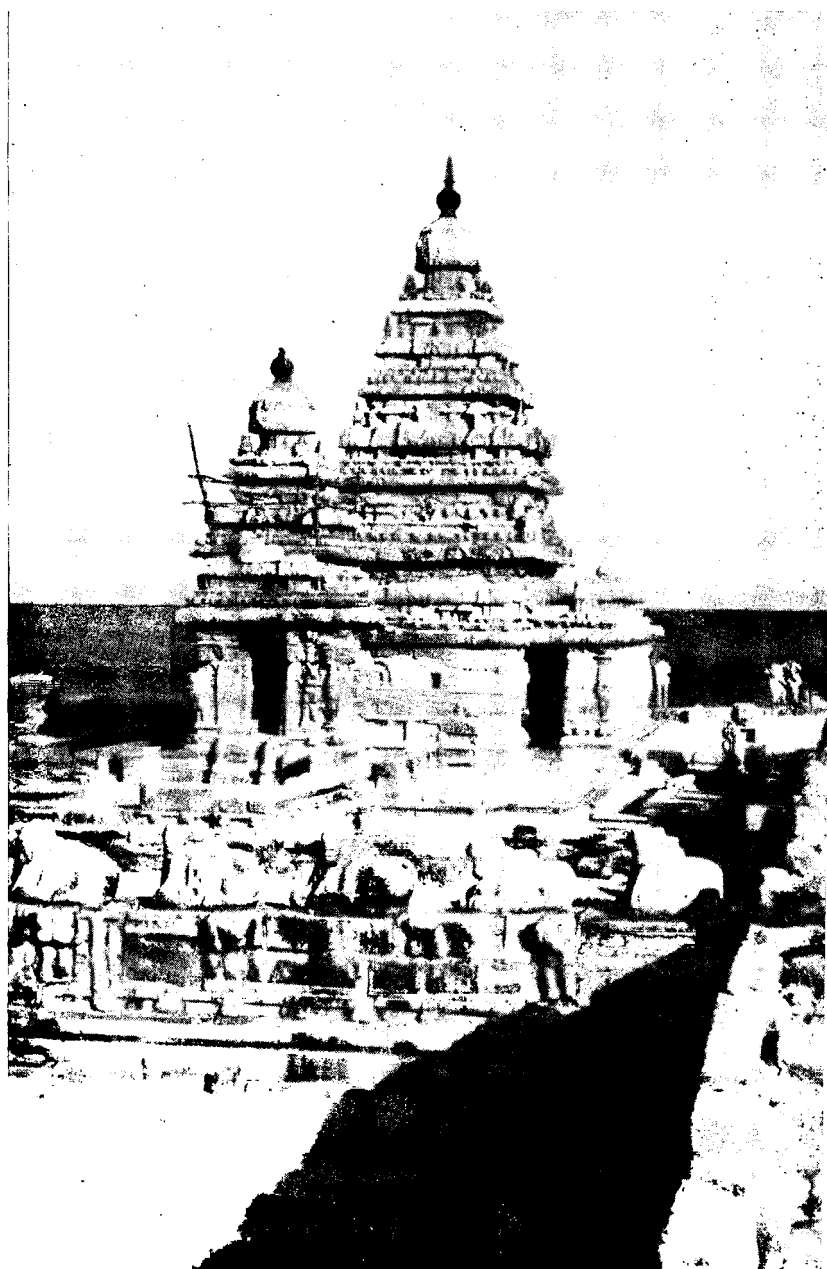
Воздушные корни гигантского баньяна в Мадрасе

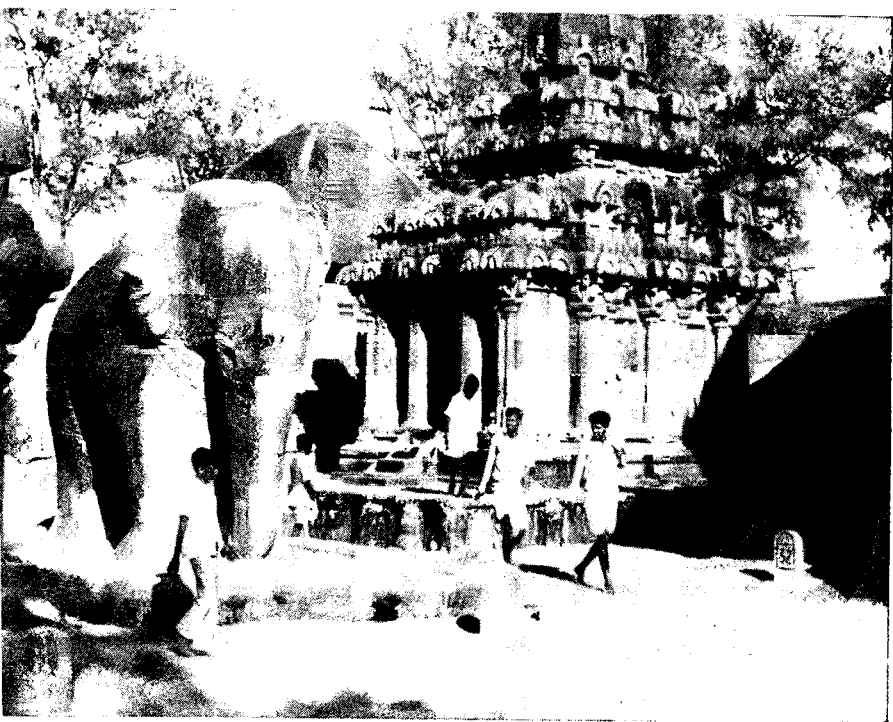

Гигантская статуя джайнского святого Гоматешвары в Сраванобелголе Майсур

Храм на морском берегу в Махабалиपुरаме, южнее Мадраса

Махабалипурам, к югу от Мадраса. Здесь древние индийские зодчие
высекли в серых каменных глыбах храм и фигуры животных

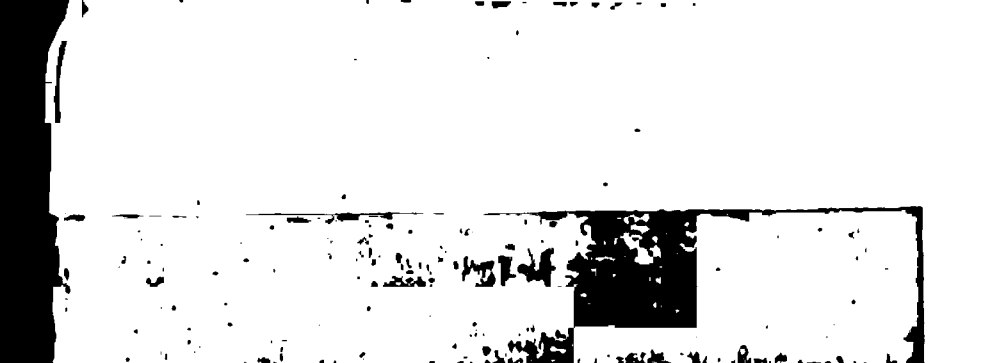
Одна из улиц в г. Мадурай

У прилавка торговца мануфактурой

Берег Бенгальского залива Индийского океана в Махабалипураме

Слоны в одном из южноиндийских заповедников

Утром у колодца

Улыбка

муссона, когда садится солнце, склоны ее сверкают изумрудной от росы зеленью. В сухую пору они окрашены в розовые цвета. А ночами их перечеркивают длинные нити ярких электрических лампочек.

Высящийся на Чамунди белоснежный дворец Раджендрашилас задумчиво смотрит на равнину у подножия горы, которую в дневную пору сплошь усеивают пасущиеся стада.

В музее Джаганмохан явились мы осмотрели коллекцию картин и произведений искусства, причудливые музыкальные инструменты народа каннара, портреты всех Водеяров, сидевших на троне Майсура.

Один из небольших залов музея отведен под картины Рериха-старшего. Здесь собрано несколько его небольших работ. На них все те же Гималаи, написанные в характерной для художника сдержанной манере. На стене висит небольшая фотография Рериха, а под ней — основные даты его творческого пути и краткая биография. Рериха-старшего очень уважал Джавахарлал Неру, произнесший на его похоронах прочувственную речь о заслугах художника перед мировым искусством.

После осмотра Джаганмохана мы направились к величественному в индо-сараценском стиле трехэтажному дворцу магараджей Майсура, похожему на громадную резную игрушку. В нем есть очень интересные фрески, посвященные празднованию досехры, о которой читатель имеет уже некоторое представление.

Этот праздник, как было уже сказано ранее, длится целых десять дней. Первые девять дней идут торжественные молебны во дворце, куда собирается множество жрецов. По утрам слуги водят от дворца к храму Сомешвары разукрашенных в пух и прах так называемых государственного коня и государственного слона. Животных сопровождают оркестры и барабанщики.

Вечерами во дворце состоятся торжественные дарбары. Когда магараджа садится на свой пышный трон, в этот миг вспыхивают тысячи лампочек, которыми иллюминирован дворец. В определенный день праздника магараджа выходит на двор поклониться коню и слону, а также вынесенным на двор царским эмблемам.

Его приветствует трубным сигналом слон.

А на десятый день — великий день победы Рамы — над Майсуром гремят пушечные салюты, поют фанфары. Магараджа, восседая в раззолоченном хоудахе, едет на слоне по улицам города в сопровождении большого оркестра босоногих, пестро разодетых сипаев и множества приближенных. За ним следуют раскрашенные слоны, а также лошади, верблюды и экипажи.

Так повторяется здесь все из года в год. Сейчас досехра воспринимается как красочный маскарад, но мало кто знает, что все церемонии досехры в неприкосновенности дошли до наших дней из XVI века, когда югом Индии правили раджи Виджайянагара. Традиция празднования досехры не прерывалась даже в те времена, когда во главе государства стояли мусульмане Хайдар Али и Типу.

Досехра в Майсуре по сей день отмечается необычайно пышно и торжественно и привлекает тысячи посетителей со всех концов Индии.

СЕРИНГАПАТАМ

Целью нашего приезда в Майсур было посещение столицы Типу Султана — Серингапатама, защищая которую от иноземных захватчиков, он сложил свою голову. Поэтому на четвертый день мы сели в автобус, идущий на север, к городу Льва Майсура.

СТАРАЯ ДОРОГА

Дорога Майсур — Серингапатам змеится по сильно всхолмленной зеленой местности. По обе ее стороны лежат квадратики рисовых полей, отгороженные один от другого невысокими земляными бортиками. Рис на полях уже скошен, и на них густо щетинится желто-коричневая стерня. Тут и там между полями видны утопанные, чисто подметенные участки земли, где стоят небольшие стожки из рисовых снопов, подерживаемые деревянными подпорками. Это импровизированные тока.

На токах повсюду идет молотьба. Взяв рисовые снопы за комли, крестьяне изо всех сил хлещут колосьями о камни или специальные широкие доски. Выбив зерно из снопов, они отбрасывают их прочь и берут новые. На соседнем току молотьба идет несколько по-иному. Вокруг кола, вбитого посредине тока, флегматично ходят бычки. Хватая на ходу пучки соломы, они месят расстеленные у них под ногами рисовые снопики. На третьем току бычки тащат тяжелый каток. Словом: всяк молодец на свой образец!

Тут же идет веяние. Зерно веют на ветру лопатами, совками, сыплют из тазов и лотков. Некоторые крестьяне взбираются на высоченные трехногие подставки и оттуда сыплют из лотков зерно. Ветер относит полову в сторону, а у подножия подставки растет горка чистого зерна.

На токах работают крестьяне от мала до велика. Закончив молотьбу, мужчины скидывают тяжелые мешки и корзины с рисовым зерном на скрипучие арбы и везут их в деревни.

Полтора-два десятилетия назад предки этих крестьян так же трудились на этих полях, а мимо них шагали войска Типу Султана. Они шли отражать набег стремительных маратхов, сразиться с неповоротливыми ордами низама или красномундирными наемными полками англичан. И, вероятно, так же вот, защищая глаза ладонью, смотрели крестьяне на колышущиеся ряды майсурских сипаев, на их красные, зеленые и синие тюрбаны, желто-коричневого цвета униформы с тигриными полосами, на их скатки из грубых верблюжьих одеял и тяжелые французские ружья с широкими штыками.

Наверное, интересно было им смотреть на марширующие колонны майсурцев! Во главе колонн шагали знаменосцы с веящими на ветру зелеными полотнищами, на которых были изображены слоны и солнце. Играли оркестры. Сипаи то тут, то там затягивали песни. А потом шли боевые слоны. Мотая рогатыми головами, сильные бычки тащили за собой пушки на грубых крепких лафетах, зарядные ящики с порохом и ядрами. Справа и слева, появляясь и исчезая в неровностях местности, неслись отряды знаменитых майсурских кавалеристов луути-вала — грозы вражеских обозов.

Может быть, как раз здесь луути-вала сшибались в яростной схватке с вражеской кавалерией, и бешеные кони безжалостно месили копытами древнюю землю, обильно политую потом майсурских землепашцев. Может быть, здесь, по этим чудесным местам, чарующим путника роскошными пальмовыми рощами, невысокими каменистыми грядами и полными воды широкими каналами, вели свои бесчисленные орды людей и животных Корнваллис и Уэлсли, приходившие из Калькутты раздавить Типу, который не пожелал стать данником всемогущей Компании!

Город Льва Майсура все ближе и ближе. Сквозь зеленые пальмовые рощи и волнующиеся на ветру седые заслоны не скошенного еще сахарного тростника проглядывает наконец усеянное гранитными глыбами ложе реки Кавери, а над ней — укрепления Серингапатама!

СТЕНЫ СЕРИНГАПАТАМА

Издали город-крепость похож на поверженного в битве солдата, тело которого покрывают бесчисленные раны. После пронесшихся над Серингапатамом гроз в нем мало что сохранилось от прошлого. Из-за опустошительных войн, пожаров и грабежей город обезлюдел, и тем не менее он способен произвести глубокое впечатление даже на тех, кто незнаком с его бурной историей.

Когда проезжаешь Кавери по высокому каменному мосту, сооруженному некогда французскими инженерами, с него хорошо видны крепкие прямые стены и квадратные хиндуистские бастионы Серингапатама. Их подножия сплошь заросли высокими кокосовыми пальмами, которые, шелестя зелеными косматыми головами, кокетливо смотрятся в светлые воды реки. Прилепившись к основаниям стен, стоят маленькие, словно игрушечные, храмы. Но обширные щели в стенах, глубокие вмятины от ядер красноречиво говорят о бушевавших здесь некогда кровопролитных сражениях.

Стены немало пострадали и от времени. Там и тут безнадёжно обвалились бастионы, выветрилась известковая связь

между каменными плитами и длинными плоскими кирпичами, из которых сложены стены.

А когда-то эти полуразваленные боевые стены были грозными стражами столицы. Выбеленные до ослепительной белизны известью, окруженные глубокими рвами, с двумя сотнями добрых пушек на бастionaх и роями сипаев на валах, они были надежными союзниками майсурцев.

За стенами города видны позолоченные вершины хиндуистских храмов Ранганахти, Гангадхарешвары и Нарасимхи, какие-то массивные каменные кубы, крыши домов. В кипении сизых голубиных стай тянутся вверх два шестигранных минарета Масджид-и-Аала (Великой мечети) — главной мечети Серингапатاما.

Итак, здравствуй, Серингапатам — столица отважного Льва Майсура!

КОГДА ВЪЕЗЖАЕШЬ В БАНГАЛУРСКИЕ ВОРОТА

Остров, на котором стоит Серингапатам, слегка похож на корабль, плывущий на запад, против течения Кавери. На носу корабля, занимая треть его палубы, возвышается каюта в виде утюга. Утюг — примерная форма крепости Серингапатاما.

Для осмотра острова пришлось нанять тонгу — расстояния тут немалые. Тонга покатила к тыльной части «утюга», к Бангалурским воротам. Дорога проходит сначала через срезанный холм.

В самом узком месте горловины справа и слева — низкие сводчатые караульные помещения, в которых когда-то коровали время стражи. Дальше — глубочайший ров и поперек него — узкая насыпь, ведущая к Бангалурским воротам.

Бангалурские ворота — главные ворота города — очень высокие, но узкие, рассчитанные на то, чтобы через них могли пройти боевые слоны. Внутри ворот в их стенах видны гранитные выступы с отверстиями. Когда-то, еще задолго до Типу, к ним приковывали государственных преступников.

Когда пройдешь ворота, то открывается широкая перспектива Серингапатاما. Слева виден массивный каменный пьедестал, на котором полоскалось зеленое знамя Майсура. Неподалеку видны остатки триумфальных ворот, развалины зданий. Дальше за пьедесталом помещались весь артиллерийский парк государства, сипайские бараки и военный плац.

Но мы едем вдоль правой северной стены, по дорожке, протоптанной поколениями туристов и почитателей Льва Майсура. И сразу же перед глазами встает Масджид-и-Аала (Великая мечеть). Она была построена Типу Султаном в 1787 году. По легенде, шестилетний Типу играл здесь как-то с мальчишками. Мимо проходил факир, который сказал Типу,

что быть ему правителем Майсура! Будто бы в память об этом событии и была воздвигнута мечеть.

Великая мечеть — очень простое, но весьма величественное сооружение. Чтоб представить ее форму, нужно взять папирсную коробку и на ее середину положить плашмя коробку от спичек, а по бокам спичечной коробки — два массивных мунштука. Когда-то Великая мечеть, как и большинство зданий в городе, была окрашена в любимый желтый цвет Типу с тигровыми полосами. Но сейчас окружающая мечеть стена с резной балюстрадой, два высоких шестигранных минарета, увенчанных золотыми куполами, побелены известью.

В узеньком дворике мечети негде повернуться — столько там надгробий. Надписи на них рассказывают о покоящихся здесь почтенных серингапатамцах. Справа и слева закопченные караван-сарай. Камни в них до блеска отполированы поколениями странников. Справа виден пустой с уступчатыми краями хоуз (пруд для омовения).

Великая мечеть тщательно выбелена изнутри. В нишах стен лежат завернутые в чистые тряпицы кораны. Над нишами черными буквами начертаны имена калифов — наследников империи пророка Мохаммеда. Сбоку — дверцы, ведущие в хранилище обрядового имущества мечети. Поднявшись по деревянным спиральным лестницам одного из минаретов, нам пришлось буквально протиснуться сквозь узкий люк, чтобы выйти на самую высокую платформу. Но вид Серингапатама, реки Кавери и Майсура оттуда был отличный.

Здесь, перед Великой мечетью, рассвирепевшие английские солдаты истребили около четырех тысяч почти безоружных майсурских сипаев, которых предатель Пурнайя послал сюда якобы для получения жалованья, а на деле для того, чтобы оголить один из решающих участков крепости. Их гибель решила судьбу Серингапатама.

...От Великой мечети дорога снова побежала на запад, вдоль северной стены крепости. Когда-то с внутренней ее стороны, защищенные зубцами, на валах стояли пушки, бочки с порохом, пирамиды ядер. Тут же дымили горны для раскаливания ядер.

Если поглядеть из-за зубцов, то внизу хорошо виден северный рукав Кавери. Река, лишенная могучей поддержки муссона, была похожа на жалкий ручеек. Но отполированные водой каменные глыбы, сплошь покрывающие ложе реки на добрых двести метров от стен, красноречиво говорят о том, как широко разливается Кавери в период муссонов. Полтора-два столетия назад, когда мостов не было, в разлив ее нелегко было переехать даже в местных лодках, похожих на большие, обтянутые бычьей кожей корзины.

В северной стене Серингапатама и поныне сохранились трое ворот: Пани Дарваза, Диди Дарваза и Дели Дарваза. Типу погиб в отчаянной рукопашной схватке недалеко от Пани Дарваза. Специальная табличка стоит на месте, где нашли его тело.

Ворота Пани Дарваза, ведущие на берег Кавери, совсем небольшие. Внутри них, в закопченных караульнях, стены расписаны грубыми цветами. Но вход в ворота стерегут мощные оборонительные укрепления, густо заросшие травой, кустами и пальмами. Через Пани Дарваза обычно проходят женщины на реку стирать белье.

Где-то посередине северной стены в низком месте видно обширное сводчатое помещение. Некогда здесь была полу-подземная военная тюрьма. Под массивными сводами бывшей тюрьмы сумрачно и прохладно. В середине ее лежит огромная французская пушка. В 1799 году во время осады Серингапатама она упала с бруствера и пробила потолок тюрьмы.

В подземной тюрьме коротали время английские офицеры, взятые в плен Типу во второй англо-майсурской войне. Отпущенные на свободу после заключения мира, они уходили в Мадрас и Бомбей, клянясь в душе отомстить за унижительный плен. Многие из этих офицеров возглавляли английские войска в двух последних англо-майсурских войнах.

ХРАМ СВЯТОГО РАНГИ

Дорога снова бежит на запад. Слева, в стороне от стены, виднеются массивные фундаменты. Когда-то здесь стоял дворец Типу и его служебные помещения. Ныне от них ничего не осталось. Их разграбили и сожгли английские солдаты.

Недалеко от развалин виден невысокий, потемневший от времени гопурам — ворота над оградой храма, и перед ними целый рой полунагих факиров и нищих. Рядом стоит затянута брезентом ратха. Это храм святого Ранги.

Удивительна судьба древнего храма! Он был воздвигнут невообразимо давно — в 894 году. Постепенно вокруг него вырос городок, названный по его имени. Позже городок стал столицей сильного государства. Затем город погиб и опустел, а каменные стены святого Ранги, его гопурам все стоят, как стояли они в конце прошлого тысячелетия!

Снаружи храм святого Ранги, раскрашенный, как и все деканские храмы, вертикальными коричнево-белыми полосами, выглядит неказисто, однако он довольно велик. Через широкие храмовые двери виден двор, заполненный бесконечными колоннами — грубыми, поставленными «на попа» гранитными столбами. По чисто вымытым каменным полам

расхаживают брахманы. За колоннадой совершенно не видно святилища — сердца храма.

Внутри храма нас не пустили. Вероятно, для утешения тех, кто не имел права войти в храм, в стене, в особом вырезе, помещена точная уменьшенная копия идола. Идол лежит на правом боку. Он совершенно черный с серебряными украшениями на голове, руках и ногах.

Этому идолу поклонялись Водеяры. У его ног собирались по ночам члены семьи Водеяров, верховные жрецы, гонцы из Мадраса от английских генерал-губернаторов. При свете масляных лампад они шепотом совещались, строя заговоры против Хайдара Али и Типу Султана. Богато украшенный цветами, посыпанный краской, одурманенный курениями агр-батти, идол был единственным поверенным всех их ночных заседаний. На него можно было положиться!

В самом западном участке крепости, ныне отрезанном Майсуру-Бангалурской железной дорогой, 4 мая 1799 года состоялся решительный штурм города англичанами. Перейдя вброд южный рукав Каверн, штурмующие колонны англичан через пробитый пушками пролом в стене Серингапатама ворвались в город и рассеялись по нему, неся смерть и разрушение, грабя и убивая жителей. Там по сей день можно видеть брешь в стене и памятник англичанам, павшим в день штурма.

Обратно к Бангалурским воротам мы поехали не вдоль стен, а прямо посередине маленького городка, сегодняшнего Серингапатама, столь похожего на множество других таких же ничем не примечательных индийских городков и поселков.

ШАХР ГЯНДЖАМ И ГУМБАД

Проехав Бангалурские ворота, мы направились на восток. Дорога вилась по холмистой местности, которую оживляли рощицы, каменные распадки. Во времена Типу весь этот район был занят палатками отрядов луути-вала, коновязями и фуражерами.

Некогда на этом клочке земли, ограниченном рукавами Кавери, происходили грозные события. По лугам, низинам, вгоркам, по обожженным солнцем холмикам, меж высоких деревьев — всюду виднелись могилы, могилы и могилы... Во время двух последних англо-майсурских войн здесь погибло и умерло от ран множество майсурцев, а также англичан и французов.

На расстоянии полутора километров от Бангалурских ворот, по левую руку от дороги, лежит крохотная нищая деревушка Шахр Гянджам. Это все, что осталось от некогда процветавшего поселения майсурских купцов, ремесленников и сипаев. По описаниям людей, видевших его до 1799 года, это был густонаселенный, полный зелени городок с хорошими домами и широкими прямыми улицами. В нем жили пушкари, садовники, стеклодувы и оружейники, служившие у Типу Султана. Кустари Шахр Гянджама делали красивые ткани, мололи муку и выделывали белый сахар. Они могли делать даже часы. Один из таких часов Типу подарил английскому генерал-губернатору Джону Шору — они были ничуть не хуже английских.

От цветущего городка не осталось буквально ничего. В 1792 и 1799 годах англичане полностью разрушили его.

* *
*

От Шахр Гянджама дорога идет под уклон, по-прежнему на восток. Всюду бесчисленные могилы. Слева мелькает крошечная церковка знаменитого французского священника — падре Дюбуа. Дюбуа прожил здесь почти сорок лет и оставил после себя прекрасную книгу о хиндуизме. Наконец, с правой стороны вырисовываются очертания большого сада. Видны арки, прямая как стрела аллея лиственниц, а за ними невысокий, но удивительно красивый купол. Это Гумбад — могила Хайдара Али, его жены и их сына Типу Султана.

Тонга подкатывает к входной арке. Наверху ее — просторные помещения, куда ведет узкая лестница. Там наубат-ханэ. Каждый день между двенадцатью и часом дня специально назначенный человек отпирает двери наубат-ханэ, где стоят большие барабаны, и окрестности наполняются глухим и торжественным барабанным боем. Это звучит наубат в честь Типу. Сто шестьдесят три года назад (4 мая 1799 года) как раз в это время он пал на поле брани, и наубат неукоснительно отмечает это печальное событие.

Пройдя арку, мы спускаемся вниз по лестнице и по зеленой аллее, посыпанной свежим песком, идем к Гумбаду.

Гумбад — братская могила людей династии Хайдара Али. Вокруг Гумбада лежат также их родичи, выдающиеся государственные деятели Майсура, полководцы Хайдара и Типу. И тем не менее Гумбад вместе с вплотную примыкающей к нему мечетью Масджид-и-Кхас не производит впечатления могилы. Грაციозные, украшенные богатой лепкой белые постройки кажутся воздушными. Они праздничным пятном выделяются среди окрестных лугов, лесов и полей.

Гумбад прост по архитектуре, но удивительно элегантен. Это сооружение, покоящееся на низкой гранитной платформе, представляет собой правильный куб, покрытый массивным в виде луковицы куполом с золотым шпилем. Нижняя половина куба огорожена крытой галереей, которую поддерживают изящные колонны из черного мрамора.

Хайдар и Типу построили совсем немного — жизнь их прошла в бесконечных войнах. Но то, что они успели построить, говорит о неплохом архитектурном вкусе. Они понимали толк в красоте строений. Свидетельство тому — Гумбад, Великая мечеть и деревянные дворцы.

Хайдар приказал воздвигнуть для себя Гумбад в те дни, когда он умирал в походной палатке в разгар второй англо-майсурской войны. Тело скончавшегося Хайдара поместили сначала в длинный ящик, наполненный пахучим ароматическим веществом абиром, и отвезли в городок Колар, где была гробница его отца. А когда Гумбад был выстроен, тело перевезли в Серингапатам.

Сняв обувь, мы поднимаемся на цоколь Гумбада. Платформа, на которой высятся Гумбад и Масджид-и-Кхас, совсем невелика. Она выложена плитами из белого камня. От Гумбада веет прохладой, и весь его вид настраивает на раздумья о людях, нашедших здесь свой последний приют. Колонны из черного мрамора холодны на ощупь. Их поверхность слегка запотеваает от ладони.

На платформе справа и слева рядами стоят надгробия. Имена на многих уже давно стерло время. Выделяется черным цветом и размерами камень над могилой сипахсалара (высший военный чин Майсура) Бурхан-уд-Дина, двоюродного брата Типу, который погиб в битве с англичанами. Вплотную к стене Гумбада покоится кормилица Типу.

В Гумбад ведут четыре двери, над которыми резные персидские письма в честь усопших. На главных дверях висит медный замок в виде знака «параграф». Он висит на пробое со дня постройки Гумбада, но им не пользуются, так как механизм его портится от употребления. Мы просим привратника впустить нас в Гумбад. Тихо открывается богато инкрустированная слоновой костью деревянная дверь, и мы вступаем в прохладную усыпальницу.

На полу Гумбада три надгробия в ряд. В середине лежит Хайдар Али, справа от него его жена (мать Типу) и слева Типу Султан. Конической формы надгробия убраны богатыми покрывалами из красного и синего бархата. Их время от времени меняют. На надгробии Хайдара лежит морчхал — связка павлиньих перьев.

В Гумбаде все очень чисто и опрятно. Стены изнутри выкрашены в желто-коричневый тон с тигровыми черными по-

лосами. Над надгробиями свисает с потолка специальное покрывало, чтобы предохранить их от пыли.

Тело Типу положили в Гумбад на второй день после падения Серингапатама. Похороны его происходили при весьма необычных обстоятельствах. Серингапатам еще пылал в пожарищах, в нем свирепствовала обезумевшая от крови солдатня, а из Бангалурских ворот в сопровождении почетного эскорта английских солдат и множества жителей разбитого города вышла погребальная процессия. Плач и стоны стояли над толпами народа, который провожал в последний путь своего повелителя.

Когда тело Типу опустили в могилу и главный кази города призвал народ помолиться за душу убитого, раздались необычайной силы громовые раскаты. Ужаснейшая буря с молниями и страшным ливнем обрушилась на головы охваченных скорбью серингапатамцев, на разгромленный город, на горящие дома. Казалось, сами небожители были опечалены и разгневаны смертью Типу Султана, и они клубили темные тучи в низко нависшем небе, посылая громовые проклятия его убийцам.

Историки утверждают, что в огромном палаточном городе англичан и в стане предателя низама очень многие были тогда сражены молнией. Так это или не так, однако после смерти Типу Серингапатаму уже никогда не суждено было подняться. Водеяры переехали в Майсур. Англичане некоторое время держали в крепости гарнизон, но потом увели его. Полуразрушенные стены, развалины дворцов, бесчисленные могилы, разбитые жилища, опустелые мечети — это все, что осталось от города.

ДАРЬЯ ДАУЛЯТ БАГ

Чтобы осмотреть последний интересный объект на острове, нам пришлось вернуться почти к самым Бангалурским воротам. На некотором расстоянии от них, вплотную к северному рукаву Кавери, раскинулся сад Дарья Даулят Баг — в прошлом летняя резиденция Типу Султана.

Дарья Даулят Баг довольно велик. Среди вековых деревьев, каменных гхатов (лестниц) к Кавери и заросших бассейнов возвышается деревянное здание летнего дворца, напоминающее виденное нами в Бангалуре, только гораздо более внушительное и красивое.

Оно представляет собой правильный прямоугольник. По краям невысокой платформы стоят редкие колонны, пространство между которыми загорожено двумя ярусами деревянных зеленых щитов. В щитах нижнего яруса видны полукруглые вырезы, чтобы можно было свободно выходить наружу с про-

сторной галереи, идущей вдоль всех четырех сторон дворца. Щиты можно подымать на веревках, подперев их снизу шестами. Когда щиты опущены, образуется тень, когда они подняты — ветер свободно гуляет по всему зданию. На крыше видны белоснежные надстройки.

Дворец Дарья Даулят Баг предназначался для торжественных приемов. На нижнем его этаже — просторные помещения, широкие галереи. Сверху над галереей нависает с одной стороны красивый деревянный балкончик с полукруглым козырьком, разрисованный, словно палехская шкатулка. На этом балконе появлялся перед своими подданными и иноземными послами Типу Султан. Он выходил из небольших комнат на втором этаже и садился на кресло слоновой кости. По бокам его стояли телохранители и двое слуг с опахалами.

Вероятно, в свое время дворец выглядел изнутри очень величественно. Колонны его и стены были красиво расписаны натуральными красками, оклеены золотыми обоями, которые накладывались на грубую материю. Золотые обои делали в Шахр Гянджаме. Исходным материалом для золотой краски был сок какого-то местного растения.

Дворец интересен замечательными стенными росписями — своеобразными иллюстрациями к войнам Типу и Хайдара Али. Огромные красочные панно, защищенные от солнца щитами, покрывают две стены дворца.

По этим стенным росписям можно восстановить форму и вооружение майсурских войск, их пушки, снаряжение, убранство коней. Очень впечатляюще изображены пышные, но малоэффективные войска низама. Там масса богато убранных слонов, помпа и показная роскошь. Боевые действия на панно показаны во всех подробностях: гремят пушки, скачет кавалерия, лежат убитые сотрубленными головами, рекой льется кровь.

Росписи, изображающие многих участников кровавых событий отдаленных лет, которые сталкивались на полях сражений Декана, представляют собой большую историческую ценность. Их тщательно берегут, реставрируют и охраняют. Недавно дворец стал государственным музеем.

* * *

После падения Серингапатама и гибели Типу Султана был сломлен один из самых мощных противников экспансии англичан. Захватив Майсур — довольно большое процветавшее государство со значительными людскими и материальными ресурсами, Ост-Индская компания использовала их на дальнейшее завоевание Индии.

Здесь я хотел бы закончить главу о Майсуре и перейти к Кургу — следующему этапу нашего путешествия по стране Типу Султана.

КУРГ — СТРАНА КОФЕ

Кург расположен на самом юге современного штата Майсур. С севера на юг он тянется на девяносто, с запада на восток — на шестьдесят километров. Территория его сплошь покрыта лесами, из которых треть заповедники. Население — около ста пятидесяти тысяч.

Несмотря на свои малые размеры, Кург играет важную роль в экономике страны. В его пределах находятся крупнейшие в Индии плантации кофе. Их владельцы — богатые плантаторы, принадлежащие к высшей касте кургов, — получают большие доходы от владения крупными, хорошо организованными капиталистическими хозяйствами, в которых широко применяется труд местных и пришлых сезонных рабочих.

ТИПУ, КУРГ, АНГЛИЧАНЕ

Создавая сильную централизованную державу, Типу беспощадно ломал сопротивление палаяккаров — так звали на юге Декана мелких феодалов. Только сломив их, он мог рассчитывать на успех в борьбе с английской Ост-Индской компанией, ибо палаяккары готовы были продать все и вся ради «своего» джагира, «своих» доходов, «своей» независимости, ради права грабить «своих» подданных.

Кург был совсем рядом с Серингапатамом. Кургские магараджи, отстраненные от власти Типу Султаном, подстрекали слепо преданных им крестьян на массовые восстания, и Типу не раз приходилось ходить войной на маленькую страну.

С отчаянной отвагой сражались воинственные суровые курги с кушунами (бригадами) Типу. Они бились за свободу родины, за своих магараджей, но откуда было знать бесхитростным жителям лесов, что их магараджи были простыми пешками в руках английских агентов? Англичане стремились захватить Кург с его лесами, богатыми перцем и кардамоном, и оттуда взять за глотку Майсур!

Кург, вероломно отнятый у Типу Султана англичанами в 1792 году, сыграл в последней англо-майсурской войне роль пистолета, приложенного к груди государства Типу. Английские колонны, словно ядовитые змеи, выползли из лесов Курга, быстро пересекли сотню миль и неожиданно ударили по Серингапатаму...

ДОРОГА В СИДДАПУР

Увидеть Кург нам помог случай. По дороге в Майсур мы познакомились с капитаном авиации Бидапой — кургом по национальности. Он ехал в отпуск в Кург и пригласил нас к себе в гости в поселок Сиддапур.

Возвратившись из Серингапатама в Майсур, мы дали телеграмму капитану Бидапе и на завтра ранним утром пришли на городскую автобусную станцию.

Было четыре часа утра, и Майсур был еще объят ночной тьмой. Где-то рядом высилась гора Чамунди. Мутными белыми пятнами выступали памятники Водеярам. Но город уже просыпался. Он наполнялся обычным шумом, говором, кашлем, шарканьем ног, скрипом поднимаемых ставней, цоканьем копыт, криками кочванов — извозчиков.

Под окнами нашего большого комфортабельного автобуса расхваливали свои товары лоточники, и пассажиры прямо из окон покупали у них мунгпхали — жареные земляные орехи. Сидевшая перед нами молодая индианка купила с лотка гирлянду свежих желтых цветов и повязала ее на затылке поверх свернутых в жгут черных кос.

Автобус тронулся, когда над горой Чамунди начала запылать алая утренняя заря. Миновав рабочие пригороды, он помчался на запад. Встречные крестьяне, крепко держа бычков, накидывали им на головы одеяла: испуганный бычок может опрокинуть арбу или утащить ее со всем скарбом в канаву!

В этот утренний час в «знойной Индии» было весьма прохладно и сыро. Небо плотно затягивали свинцовые тучи. Над лесом и полями висел густой туман.

К девяти часам утра потеплело. Взошедшее солнце рассеяло тучи, разогнало туман. Стало как-то веселей. Пассажиры, оживившись, толковали о делах, покупали еду на остановках. В этой части Декана господствовал язык каннара.

На сороковой миле от Майсура ландшафт резко изменился. Всхолмленное зеленое плато с просторными полями и густыми одиночными деревьями сменили леса. Заросли гигантского бамбука все плотней обступали дорогу. Бамбук рос вольно, огромными пучками. У его корней были видны топкая сырая почва, прелые листья.

Появились рощи тика, нима, баньяна и розового дерева. Их стволы густо обвивали какие-то ядовито-зеленые лозы. Дорога не была уже прямой и ровной. Она змеей вилась между ярко-зеленых от моха скал, могучих рощ и болот.

И наконец лес заполнил собою все. Он громоздился по горным кручам, нависал с обрывов, сплетал кроны деревьев над узкой полоской шоссе. Появился густой подлесок — кусты с ярко-зелеными листьями и гроздьями красноватых ягод. Стало прохладно. Над нами прямо на глазах формировались густые белые облака.

В естественных воротах из громадных камней автобус сделал недолгую остановку. Из одинокой станции, поживаясь от

холода и сырости, вышли одетые в брезент люди и осмотрели багаж. Здесь граница Курга. В Курге сухой закон, и туда не разрешается ввозить спиртное.

Еще минут пятнадцать-двадцать ныряния в бесконечном зеленом коридоре — и мы въехали в Сиддапур, крошечный лесной поселок. Автобус остановился. От бамбуковой ограды отделилась коренастая фигура Бидапы. Наш чемодан был сброшен с крыши, и через минуту автобус скрылся в лесном море.

Капитан подвел нас к человеку в широкой фетровой шляпе, зеленой защитной одежде и высоких сапогах.

— Знакомьтесь, — сказал он. — Мой брат г-н Пува, плантатор. Сейчас мы поедem в его поместье.

Фиат покатил вдоль дороги, исполосованной канавами и крупными корнями. Кругом видны были молодые деревья и саженцы, заботливо укутанные соломой и травой. Коричневая земля была рыхлой и влажной.

У просторного, утопающего в зелени бунгало, который приютился на склоне горы, г-н Пува сказал нам:

— Милости просим в Карадигод!

ПОМЕСТЬЕ КАРАДИГОД

Мы были в самом сердце Курга. Знакомство с ним началось с того, что г-н Пува пригласил нас на плоскую крышу бунгало, чтобы мы могли лучше рассмотреть окрестности.

Сказочно красивой показалась нам лесная страна! Куда ни посмотри — до самого горизонта, очерченного синими вершинами Западных Гат, — вздымались бесконечные волны леса. От леса веяло свежестью, влагой, лесными ароматами и легкой приятной прелью. Со склонов гор, сквозь зеленую кипень леса, приветливо смотрели красные черепичные крыши соседних поместий. А ближе к бунгало, на опушке, густо поросшей подлеском, виднелись мелкие порубки. На траве, у корней высоких деревьев серебром сверкали капельки росы. В низинках, гонимые солнцем, таяли и пропадали прозрачные утренние туманы. Отовсюду неслись веселый птичий галдеж.

Господин Пува широко повел рукой вокруг.

— Моя кофейная плантация! — с характерной гордостью собственника сказал он.

Оказалось, что вокруг нас не дикий лес, а кофейная плантация. Лес и кофе — неотделимы. Кофейные кусты и нежные саженцы могут жить лишь в спасительной тени деревьев. По стволам деревьев карабкаются к солнцу и зеленые лозы черного перца. В самых тенистых и прохладных местах зреет кардамон.

Лес Курга создан человеком. Он союзник, защитник и хранитель нежных кустиков кофе. Правда, есть в Курге и запovedные леса, где до сих пор царствует первозданная дикая природа, водятся дикие звери, даже слоны, а изредка можно встретить и королевского тигра.

Хозяин повел нас на плантацию, рассказывая по дороге: — Кофе — трудоемкая культура. Прежде чем заложить кофейную плантацию, необходимо создать надежное прикрытие для молодняка, который мы высаживаем из специального питомника. Для этого на месте будущей плантации приходится сажать скороспелые породы деревьев, а потом уже, между ними, кофейные саженцы. Чтобы солнце не погубило и те и другие, их приходится окутывать соломой и травой. Поглядите, — сказал он, указывая в сторону. — В прошлом году я разбил вон там новую плантацию. Для этого мне пришлось сначала вырубить старый лес и посадить новый. Потом я посадил кофейные саженцы, прокопал канавы, внес удобрения. Через два-три года я сниму оттуда первый урожай.

— А долго ли живут кофейные кусты?

— Лет пятьдесят-семьдесят, но на практике по той или иной причине их приходится менять значительно раньше.

— Сколько же вы получаете дохода с одного акра?

— Около двух тысяч рупий.

Из дальнейшего разговора выяснилось, какими деньгами vorочают здешние плантаторы. Годовой доход Пувы с его поместья равен примерно ста тысячам рупий. Большая часть их — чистая выручка. Тысяч тридцать идет на покупку удобрений, содержание рабочего скота и машин, на транспортные расходы и т. д.

Рабочие здесь сезонные, и труд их обходится очень дешево. В сезон работ, когда производится трансплантация растений, уборка кофе, сушка и т. д., из Меркары и соседнего Майсура приходят массы бедняков в надежде подзаработать. Они нанимаются на работу целыми семьями. Плантаторы дают им бесплатное жилье в скверных бараках без самых элементарных удобств и платят за рабочий день взрослым рабочим по рупии или полторы, а женщинам и детям по восьми-двенадцати анн.

На плантациях Курга производят кофе в весьма больших количествах. Они снабжают им внутренний рынок и частично вывозят за границу.

Любопытно, как кургские плантаторы организовали сбыт своего кофе. В Меркаре и соседнем Мангалуре у них есть кофейный синдикат (пул) с отделениями по всей стране. Пул имеет свои кофеочистительные машины и сушилки. Он распродает кофе на ежегодных аукционах, куда съезжаются брокеры (агенты и перекупщики) со всей Индии.

Как правило, каждый плантатор сдает пулу весь свой кофе. Перед тем как отправить партию кофе на общий склад, эксперты проводят в лабораториях пула тщательный анализ всех качеств партии для определения доли будущего дохода каждого плантатора. При анализе о многом говорит уже внешний вид зерен: чем плотней срослись их половинки, образуя единый бобок, тем кофе лучше. Немаловажны цвет и запах. Те плантаторы, которые вносят больше удобрений, получают и большие доходы.

Плантаторы Курга всячески стремятся сделать свой кофе конкурентоспособным на мировом рынке, но пока добиться им этого не удалось. Хотя их кофе лучше бразильского, но он дороже.

В благословенном Курге действуют те же конкурентные законы, что и во всем остальном капиталистическом мире. Судя по рассказам Пувы, он разбогател во время второй мировой войны. В то время в мире бушевала спекулятивная горячка, и цены на кофе подскочили. Ему удалось значительно расширить свою плантацию, очевидно, за счет более слабых соседей.

Пува и его семья постоянно проживают в Карадигоде, но многие богатые плантаторы получают достаточно большие доходы, чтобы нанимать управляющих, которые ведут дела на плантациях, а сами они селятся в Бангалуре и горных курортах вроде Утакамунда.

КАЛАГУНДИ

Вечером в день нашего приезда капитан Бидапа решил навестить тестя. Разбитый болезнью старик лежал при смерти в своем поместье Калагунди, в десяти милях от бунгало нашего хозяина.

— Это старинное родовое гнездо, откуда я взял жену,— сказал Бидапа.— Поедьте, посмотрите его.

Машина полетела по дороге, ввинчиваясь в гущу леса. У обочин мелькали таблички с названиями поместий и именами их владельцев. Летчик-реактивник Бидапа вел фиат на огромной скорости. Каких только авиационных штук не припасла для нас дорога, на которой нельзя найти ровных ста метров! Бочки, виражи следовали один за другим, и от каждого из них душа уходила в пятки.

Бидапа кивнул на просторную, красиво обрамленную вечнозеленым лесом долину, покрытую полями еще несжатого риса.

— Вся эта долина и ее окрестности заняты поместьями моих родичей: братьев, сестер и т. д.,— сказал он.— Каждая

семья живет в своем поместье на земле джамма. У всех есть свое бунгало, плантации, сады.

— А что такое земля джамма?

Капитан оживился.

— О, это интересная история! Наши предки получали землю за службу в армии магараджей Курга. Ее называют джамма. Джамма считалась и считается до сих пор неотчуждаемой наследственной собственностью. Продавать и покупать ее нельзя. Практически джамма — земельная аренда на очень льготных условиях, которая с небольшими изменениями сохранилась до наших дней. Владение джаммой означает, что владелец ее — сын этой земли и что предки его были добрыми воинами.

— Я немало слышан о боевых традициях кургов, — сказал я. — А как сейчас?

— И сейчас то же самое. Для многих кургов военная служба и поныне пожизненная профессия. Настоящих кургов — настоящих ¹, заметьте, — не более сорока пяти тысяч, но мы составляем около пяти процентов офицерского состава армии. Первым главой индийской армии был кург генерал Гариappa. Тимайя — нынешний главнокомандующий — тоже кург. А завтра, к слову сказать, все мы поедем в Меркери поздравлять полковника Айяппу с присвоением ему генеральского чина. Так что наши традиции живы по сей день.

— Вы сказали «настоящие» курги. Разве население Курга неоднородно?

— Нет. Настоящие курги живут в районе городов Сиддапур, Сримангала, Бхагамандала и Меркара. Все остальные жители страны — а их около ста тысяч — пришлые люди, хотя всячески стараются доказать, что они тоже настоящие курги. Все они сидят на земле сагу. Владелец сагу платит вдвое больше, чем мы за равный участок джамма. В былые времена раджа не брал этих людей на военную службу. Иногда он переводил провинившегося курга на вид аренды сагу, и это считалось большим позором.

— Значит, весь Кург покрыт поместьями?

— Да, деревень в Курге мало.

Когда мы подъезжали к поместью Калагунди, солнце уже склонялось над лесистыми вершинами Западных Гат. В лесу стоял старый массивный дом под позеленевшей черепичной крышей, от которого на нас пахло чем-то старым и давно

¹ В этой главе всюду идет речь о высшей касте кургов среди одноименной народности. До прихода англичан «настоящие курги» (в том числе и их магараджа) владели рабами, которые обрабатывали их рисовые поля, а позже они стали богатыми владельцами кофейных плантаций. — *Прим. ред.*

обжитым. В его окнах слабо мерцали огоньки керосиновых ламп.

Подъезжая к дому, мы миновали несколько старых полуразваленных бараков. В них ярко горели печурки. Из темных провалов дверей выглядывали плохо одетые женщины и дети. Доносился запах приготовляемой пищи. В этих бараках жили слуги и батраки хозяев Калагунди.

Автомобиль остановился на просторном, хорошо утоптанном дворе возле каретника, заваленного старинными разбитыми экипажами и всяким хламом. Куда ни погляди, на тяжелом брезенте сушился свежесобранный кофе. Его заботливо ворошили лопатами батраки.

Мы вошли в небольшую полутемную гостиную, сели в кресла и взялись за чай — прелюдию к обстоятельному разговору.

Как видно, хозяева Калагунди были не слишком богаты. Старинная медная лампа бросала с потолка неяркий свет на темные от времени деревянные стены, оружие на них, старинные портреты, старые пыльные коврики и выдавшую виды мебель. В углах, куда не доставал свет лампы, шевелились густые таинственные тени. Все в доме было насквозь пропитано сильным запахом кофе.

Пока капитан Бидапа был у больного тестя, мы разговаривали с молодым хозяином поместья г-ном Повайя, который оказался настоящим кладезем всяческих историй о Курге, полных романтики и аромата времени. Специально для нас он оделся в национальный костюм и, выйдя из соседней комнаты, предстал перед нами во всей красе.

Национальный костюм кургов очень своеобразен: высокий белый тюрбан с золотой крест-накрест каймой, длинная черная рубаша без воротника с полурукавами, очень похожая на черкеску без газырей, традиционные дхоти и сандалии.

Самая важная и красивая часть костюма — пояс и оружие. Пояс — длинная лента из плотной материи с кистями из золотой бахромы. Ленту складывают вчетверо и затем ею трижды обхватывают талию. Спереди в складках пояса заткнут короткий нож с золоченой рукояткой. От рукоятки ножа отходит серебряная цепочка, держащая серебряную же пластину с набором мелких инструментов. Тут ложечка —ковырять в зубах, особые щипчики — прочистить ухо, шило и т. д. — всего пять-семь предметов.

Но не этот нож был главным оружием кургов, которые и сейчас одни во всей Индии имеют право носить и держать у себя дома холодное и огнестрельное оружие всех видов.

Г-н Повайя повернулся к нам спиной, и мы увидели киркутти — боевой нож кургов.

Представьте себе крепкую золоченую рукоять с треугольным тыльником, и на ней широкое лезвие, бумерангом загигающееся вперед вниз. Ножен для киркутти не полагается. Для его ношения служит специальная скоба. Киркутти висит за спиной в скобе, а скобу держит тяжелая серебряная цепь, которую обматывают вокруг талии и скрепляют на животе.

В былые времена киркутти был непременно спутником курга в битвах и в мирное время. Примененный как рубящее оружие — им рубили наискосок, справа сверху, налево вниз, — он давал поистине ужасный эффект. Им можно было рубить человека надвое. Сейчас киркутти служат кургам как топоры. При помощи киркутти можно легко свалить дерево, прорубить дорогу в густом лесу и нарезать съедобных бамбуковых побегов.

Тяжелые ружья с шестигранными стволами служили в старину кургам для охоты на слонов, стада которых еще полтора века назад наводняли страну. Из ружей поменьше они и сейчас бьют кабанов и обезьян, которые, выходя из лесов, совершают набеги на рисовые поля и сады.

С г-ном Повайя мы распростились поздно вечером, узнав от него много интересного о его родине.

МЕРКАРА — СТОЛИЦА КУРГА

На другой день капитан Бидапа пригласил нас в Меркару. И маленький фиат снова ввинтился в густую сень могучих кургских лесов.

Дорога на Сиддапур, показавшаяся нам необычно крутой и извилистой, не шла ни в какое сравнение с коротким участком пути до Меркары. То справа, то слева от нас проносились бездонные зеленые пропасти. Зеленые громады гор то нависали над головами, то отступали, и тогда открывались обширные долины, синие горы и быстрые речушки. Указывая на гребни Западных Гат, подернутых дымкой расстояния, Бидапа сказал:

— По ним идет водораздел. По ту сторону — крутой спуск к Аравийскому морю. Там Керала с ее каналами, пальмами, катамаранами, древней культурой народа малайялам. Керала красива по-своему, а мне кажется, что нет места красивей Курга. Поглядите, какой чудесный пейзаж! Это напоминает мне Уэльс.

Нам не приходилось бывать в Уэльсе, но мы никогда доселе не видели в Индии таких богатых лесов, страны с таким прекрасным климатом и столь редким населением. Порой мы проезжали несколько километров, а на дороге не попадалось ни одного человека.

— Вот и Меркара! — сказал через полчаса капитан.

Навстречу из расселины бежали веселые редкие домики с красными черепичными крышами, окутанные клубами зелени. Нависая один над другим, они, казалось, играли в чехарду. Среди них серым пятном угрюмо маячила на пригорке крепость, сверкали шпили небольшого храма.

Проехав по окраине Меркары, мы остановились на отвоеванной у гор ровной площадке, посередине которой притулилась заросшая дикими травами старая ограда. Из-за ограды выглядывали обросшие зеленым мохом кресты.

— Могилы англичан, — кивнул в сторону крестов капитан. — Они жили здесь в разное время.

— А есть ли они тут сейчас?

— Да, их тут немало. Они работают управляющими на плантациях, на лесоперерабатывающих фабриках.

— Осели здесь навсегда?

— Нет, как правило, сделав хорошие деньги, они уезжают на родину. Пойдемте-ка к обрыву!

Мы пошли за ним и очутились на краю бездонной пропасти. Казалось, мы могли видеть отсюда весь Кург во всей его красе. Он был похож на бескрайний вздыбленный зеленый океан. С огромной высоты лоскутками виделись полосы рисовых полей, ниточками тянулись речушки. Едва видны были фигурки людей. Захватывало дух от высоты.

— Раджи Курга любили сидеть в том вон павильоне и любоваться здешней панорамой, — сказал капитан. — А посмотрели бы вы что тут творится, когда расцветают деревья «пламя леса»! На них распускаются огромные огненно-красные цветы, и кажется, что весь Кург внизу полыхает пламенем. Здесь, между прочим, было и место казни. Неудобных радхам людей швыряли вниз, в пропасть.

Мимо нас к павильону кургских магараджей прошла стайка молодых индийцев. На них — белые монашеские одеяния, на груди — распятия. Все они были смуглыми и щуплыми, и среди них резко выделялся бычьей красной шеей и кирпичной физиономией одетый в такой же балахон белый священник. Характерная металлическая речь выдавала его за океанское происхождение. Должно быть, он был главой этой группы. Паства его безудержно хохотала — как видно, американец отмолил соленую шутку. На его физиономии, налитой добрым виски и пивом, играла снисходительная улыбка самоуверенного, знающего себе цену человека.

От обрыва мы поехали к крепости. Бидапа по дороге рассказывал:

— В крепости есть дворец кургских раджей. Он тесный, вентиляция в нем плохая. Раджи в нем жили с 1681 года, когда Вира Раджа Четвертый перенес сюда свою столицу. Во дворце после этого жили наместники Хайдара и Типу.

Старая крепость Меркары, несмотря на свои маленькие размеры, была когда-то довольно грозным сооружением. Над модернизированным дворцом раджей, где сейчас разместились военные власти, развевалась на высоком флагштоке тиранга — трехцветное знамя Индии. Грозные орудия, стоявшие некогда на валах, мирно покоились во дворе на деревянном помосте; валы, за которыми прятались курги во время осад, были начисто снесены.

— Здесь вот и отсиживались наши раджи от врагов, — рассказывал капитан. — Свозили сюда все ценное, сгоняли скот. Провианту было вдоволь, воды в колодцах — хоть отбавляй!

— А крестьяне?

— Уходили в леса. Они знали их как свои пять пальцев и оттуда совершали набеги на вражеские тылы.

Мы обошли вокруг дворца магараджей... и вдруг в углу крепости, среди рябой тени, падавшей от листьев и ветвей огромных деревьев, мы увидели изгибы хоботов, живые белые глаза, потом лобастые головы и массивные туши. В первый миг этих двух лесных великанов можно было принять за живых. Они стояли в очень естественных позах, и только черный цвет говорил о том, что они сделаны рукой человека.

Слоны были изваяны из алебаstra по приказу магараджи, желавшего удивить кого-то умением своих ремесленников. С тех пор прошло много лет, но алебастр на ногах, спинах и боках черных слонов почти не потрескался. Время, дожди и ветры пощадили массивные скульптуры.

Чтобы осмотреть усыпальницы магараджей Курга, мы долго ехали вверх по необыкновенно крутой главной улице Меркары, пока не добрались до подножий серых гранитных скал. Там есть небольшая ровная площадка в несколько гектаров, посередине которой стоят три сильно обветшалые гробницы.

Последние убежища повелителей Курга не отличаются пышностью — они похожи на большие сараи. Здешние свирепые дожди и сырость много поработали над их разрушением. Деревянные парапеты вокруг невысоких постаментов пришли в полную ветхость, ровные прямоугольные стены с низкими дверями почернели от дождей, карнизы зданий с изображениями Нанди, центральных купола и небольшие башенки по краям потеряли первоначальную белизну и были в плачевном состоянии. Позолота с куполов слезла.

На этом и закончился наш осмотр столицы Курга. В Сиддапур мы возвращались той же дорогой, среди роскошной природы, зеленых гор и долин, ласково улыбавшихся синему небу и курчавым облакам, ползшим в глубь Декана со стороны Аравийского моря.

С древних времен курги поклоняются духам предков. В домах жителей лесной страны неугасимо горят в честь предков тяжелые медные лампы.

Даже и теперь в определенные дни жители нескольких соседних поместий, предки которых жили некогда одной общиной в огромном родовом жилище, сходятся у общего небольшого храма для совершения молебствий. Божество такого храма, как правило, дальний предок, общий для распавшегося уже рода. В старину два враждующих рода в первую очередь старались разбить и разграбить храм противника.

Раджи Курга были выходцами из Каннары, то есть из древнего Майсура, и исповедовали индуизм. Согласно старой формуле «Религия короля — король религий», индуизм получил в Курге широкое распространение. По сей день многие старики в Курге наносят на лоб три поперечные полосы — знак поклонения богу Шиве. Многие регулярно совершают поминки к храмам южной и северной Каннары. Почетное место в пантеоне богов кургов занимают богиня богатства и удачи Лакшми и богиня мудрости Сарасвати.

Есть у кургов еще одно божество, занимающее особое место в их сердцах и их богатой устной поэзии. Примерно в сорока километрах от Меркары есть живописное местечко Талакавери. Вокруг Талакавери — кольцо холмов, одетых в мантию леса. Там много плантаций кофе и густых мандариновых садов. В Талакавери бьет небольшой родник, из которого рождается Кавери — великая река Декана.

Как рассказывал капитан Бидапа, ручей в Талакавери наполняет маленький пруд с каменными берегами. Из него вода подземным каналом попадает в другой — большой пруд. В день Тула Сакраман в первом пруду происходит «чудо»: вода в нем как-то странно закипает, бурлит и, выплеснувшись через край, устремляется ко второму пруду¹.

Среди кургов и индусов Декана родник в Талакавери окружен ореолом великой святости. Омовение в обоих прудах «снимает с человека все грехи». В праздник Тула Сакраман в Талакавери собираются со всего Декана несметные толпы паломников.

Оставив Кург, Кавери течет мимо Серингапатама, пересекает полуостров и впадает в Бенгальский залив. В период муссонов Кавери грозно вздувается, и ей становится тесно в берегах. Перебраться через нее в паводок — нелегкое дело. А в летнее время она чуть слышно журчит меж глыб, которыми

¹ Очевидно, речь идет о гидрогеологическом явлении, называемом сифон.

усеяно ее дно. На песчаных отмелях реки крестьяне роют канавки, делают грядки и выращивают арбузы. Если Кавери не вовремя вздуется, все труды крестьян пропадают даром.

Река Кавери священна для жителей всего южного Декана. Она символ плодородия и благополучия, так как служит там главным источником орошения полей.

Но источником благополучия Курга является не столько Кавери, сколько муссоны. В положенные сроки муссоны приносят с Аравийского моря огромное количество влаги и обрушивают ее на западный берег Индии. Особенно свирепствует муссон в июне — июле. Муссонные дожди жизненно необходимы сельскому хозяйству Курга. Девяносто процентов всех работ на плантациях Курга — пересаживание растений, рыхление почвы, подкормка и т. д. — происходит как раз в этот сезон.

— Бог был всегда милостив к нам, — сказала как-то госпожа Пува. — Недороды и голод обходят нас стороной. Здесь, в Курге, мы не знаем, что это такое.

И это сущая правда, хотя, конечно, бог тут вовсе ни при чем. Дело в том, что во всей остальной Индии безжалостно и неразумно уничтожены леса. А здешние плантаторы заинтересованы в сохранении леса, берегут его. В результате Кург не знает, что такое суховеи и эрозия — явления, типичные для Индии. Чудесные ландшафты, влажный климат, богатая природа Курга — хороший пример того, как щедрая природа сторожей воздает тем, кто сознательно или в силу необходимости сохраняет зеленый наряд земли, а не сдирает его по-варварски с ее груди, подставляя землю беспощадным лучам солнца, ветру и разрушительным водным потокам!

СВАДЬБЫ В КУРГЕ

Особое место в жизни кургов (богатых, конечно) занимают свадьбы. С ними связано решение чисто экономических проблем, главным образом наследование земли. Свадьба тут смахивает на коммерческую операцию, где чувства молодых людей играют далеко не первую роль.

Свадьбы в Курге привлекают массу участников. Курги идут на них в своих национальных костюмах. Среди многих свадебных обрядов сохранился старинный обычай: жених обязан при всех продемонстрировать свои силу и ловкость — одним ударом киркутти перерубить гроздь бананов.

С некоторых пор в Курге стали наблюдаться браки между близкими родственниками. Богатые и средней руки плантаторы стремятся не упустить из рук землю, так как она нынче сильно дорожает. Говорят, браки близких родичей вредно влияют на последующие поколения. Возможно, это и верно,

но, как правило, курги обладают завидным здоровьем. А женщины здесь не разделяют судьбы остальных индианок, многие из которых до сих пор сидят за пардой. Они, как правило, грамотны и свободно держатся в мужском обществе.

Курги стремятся сохранить чистоту общины, стараются сохранять традиции и неохотно принимают в свою среду чужаков. Однако нельзя сказать, что здесь не наблюдаются отступления от веками сложившихся законов и правил общественного и религиозного порядка. Бидапа рассказал такой случай.

— Недалеко от нас живет семья одного небогатого плантатора. Отец и мать, как могли, помогали своей единственной дочери окончить университет в Мадрасе. Она училась на доктора. Чтобы дать ей возможность получить высшее образование, родители продали все, даже землю джамма, которую по закону продавать нельзя. Словом, ради дочери родители лишились всего. Но каков же был их ужас, когда они узнали, что их дочь собирается выходить замуж за мусульманина. Ведь для кургов старшего поколения это смертный грех, невозможное дело!

В своих попытках воспрепятствовать этому браку они дошли до Верховного суда, да что толку! Судьба дочери была вне их власти. По теперешним законам молодым людям вполне достаточно зарегистрировать свой брак или просто сказать, что они любят друг друга. И дочь вышла замуж за мусульманина, а потом уехала с ним на Мадагаскар. Родители тогда чуть не умерли от горя.

Трудно было понять, на чьей стороне были симпатии Бидапы в этом запутанном деле.

— Впрочем, время лучший бальзам для душевных ран,— добавил он.— Говорят, старики почти смирились с поступком дочери, тем более что муж ее оказался очень хорошим человеком. Что поделаешь, она у них одна-единственная дочь!

* *
*

На этом я и закончу рассказ о Курге — чудесной зеленой стране, которую мы успели полюбить за короткие три дня, проведенные в ней.

У НОГ ГРАНИТНОГО ГИГАНТА

В Майсуре не сосчитать древних памятников архитектуры. Здесь много старинных крепостей, плотин и храмов. Большой славой в Индии пользуются здешние храмы Сомнатхпура, Белура, Халебида и Шрингери. Единственное в своем роде зрелище представляют сады Бриндрабана с их сказочными фонтанами, интересны слоновые заповедники штата, водопад Джог. Не менее любопытны и золотые рудники в Коларе, имеющие самые глубокие в мире шахты, металлургический завод в Бхадравати.

Хотелось посетить все эти достопримечательные места, однако времени у нас было в обрез, и мы решили ограничиться визитом в местечко Сраванобелголу к гранитному гиганту Гоматешваре.

Но сначала нужно будет сказать несколько слов об одной из древнейших религий мира — джайнизме.

ДЖАЙНЫ

Двадцать пять веков назад, когда персидский царь Дарий Великий создавал свою империю, когда жили Гераклит и Конфуций, в Индии возникла новая религия — джайнизм.

В те далекие от нас времена простому человеку в Индии жилось невыносимо трудно. Брахманы, теоретики господствующих классов, требовали от народных масс исполнения всех ведийских и религиозных ритуалов, которые совершенно принижали человеческую личность и делали людей бессловесными рабами господ.

Как протест против идей брахманизма среди кшатриев (наиболее развитого и образованного после брахманов военного сословия) возник джайнизм — учение, в известной степени враждебное брахманизму, которое получило поддержку закабаленных народных масс Южной Индии.

Джайны отрицали непогрешимость вед, отрицали пышность обрядов в храмах, отрицали самого бога. В их среде выработался целый кодекс строгих нравственно аскетических требований. Запрещалось всякое насилие, в том числе и уничтожение живых существ, хотя бы это был червячок или козявка.

Главным для джайнов была душа, которая, как они верили, присуща всем живым существам. Душа, по их представлениям, может достичь безграничной мудрости, силы и счастья. Но этому препятствует карма — сила страстей. Если преодолеть карму, полностью освободить себя от всего материального, говорят джайны, то душа достигает своего при-

родного совершенства и человек обретает безграничную силу, безграничное знание, безграничную силу и бесконечное блаженство. Такое состояние древние теоретики джайнов называли «состоянием освобождения». Оно-то и являлось целью каждого истинного джайна.

Достигшие освобождения тиртханкары (святые) были примером для остальных джайнов. Таких тиртханкаров у джайнов насчитывается двадцать четыре, включая великого тиртханкара Паршванатху и Махавиру — теоретика джайнов, который окончательно оформил весьма сложную религиозную, этическую и философскую систему джайнизма.

До наших времен в Индии сохранилось немало джайнских архитектурных памятников. Храмы джайнов, как правило, представляют собой замкнутый двор, посередине которого находится святилище. По сторонам двора — двадцать четыре алтаря со скульптурами тиртханкаров. Непременной принадлежностью храма является также стхамбха — красивая колонна из камня или металла.

Один из таких джайнских храмов находится в Сраванобелголе.

СРАВАНОБЕЛГОЛА

Еще не доезжая нескольких километров до Сраванобелголы, мы увидели ошеломляющее зрелище. В чистом поле на вершине большого гранитного холма стоит гигантское каменное изваяние нагого мужчины. Это — Гоматешвара, краса и гордость Майсура.

Поселок Сраванобелгола — священное место для джайнов Индии. Имя Белгола упоминается в надписях на окрестных скалах и под здешними статуями, воздвигнутыми в седьмом веке нашей эры. Место это связано с именами императоров древней Индии: Чандрагупты, который умер здесь, и Ашоки. В самой Сраванобелголе и окрестных деревнях есть много древних храмов с массой прекрасных джайнских скульптур из камня и бронзы, изваянных раджами из династии Гуптов, Хойсалов и Водеяров. Здесь издавна была резиденция главного гуру (учителя) джайнов. Отсюда распространялись по Индии доктрины джайнизма.

Поселок Сраванобелгола ютится между высокими каменными холмами Индрагири и Чандрагири. Мы въехали в пыльные узкие улочки древнего поселка и остановились возле огромного искусственного пруда, который окружает со всех сторон высокая ограда с воротами и красивыми башнями.

Пруд Сраванобелголы поистине величествен. В нем совершают омовения паломники перед тем, как подняться на вершину Индрагири на поклон к великану Гоматешваре. В обширном зале с колоннами на северной стороне пруда имеется

надпись с указанием о том, что ограда, ворота, башни и ступени, ведущие к пруду, построены раджей Чиккадевараджендрой и его внуком раджей Кришнараджей Водеяром (1713—1731).

УЛЫБКА КАМЕННОГО ВЕЛИКАНА

От пруда совсем недалеко до подножия Индрагири. Там, где начинаются вырубленные в гранитном склоне ступени лестницы, ведущей на вершину, стоят служебные пристройки, маленький храм и каменные ворота. Возле ворот всегда можно видеть несколько носилок-кресел с прибитыми по бокам жердями, за края которых берутся носильщики. К вершине Индрагири ведут ни мало ни много пятьсот ступеней.

Когда мы подошли к воротам, дородная джайнка садилась на трещащие под ней носилки. Четверо тощих носильщиков с кряхтением взвалили носилки на плечи и поволокли богомолку вверх. Мы тоже сняли сандалии и, доверив их какому-то старичку, полезли вверх по ступеням, немилосердно поджаривавшим пятки. Конечно, тут же оказался и брахман, который в предвкушении жирных чаевых набился в провожаемые. Он неплохо говорил по-английски.

Но кто такой Гоматешвара (другое его имя — Гоммата), лицезреть которого мы собирались? Он считается у джайнов большим святым. Легенда рассказывает, что между Гоматешварой и его старшим братом Бхаратой после смерти их отца — раджи Пурудевы — разгорелась борьба за престол; в ней Гоматешвара вышел победителем. Однако он отдал империю брату и ушел от людского общества. Наложив на себя епитимью, он победил все свои страсти и достиг полного освобождения.

Бхарата, восхищенный подвигами Гомматы и его победой над кармой, повелел воздвигнуть в его честь статую в местечке Пауданапура. Но впоследствии весь район Пауданапуры был захвачен ужасными василисками, а статуя сделалась невидимой для всех, кроме посвященных. Много позже — и тут легенда смыкается с реальностью — Чамунда Райя, министр раджи Раджамалли из династии Гангов, услышав о чудесной статуе, захотел увидеть ее и, когда это оказалось невозможным, решил повторить ее в Сраванобелголе. Он забрался на холм Чандрагири, зажмурившись, пустил стрелу, и она ударилась о громадный валун на холме Индрагири, который вдруг представился министру в виде самого Гомматы.

То, что «представилось» министру, воплотили в действительность безвестные талантливые мастера, вырубившие статую Гомматы из цельного куска гранита на вершине Индрагири. Слава о творении их искусных рук прокатилась по всей Индии и далеко за ее пределами.

Надписи на скалах определенно свидетельствуют о том, что гранитный колосс был вырублен из камня в 983 году нашей эры по приказу Чамунды Райи. Работа длилась около пяти лет.

Мы с успехом преодолели все пятьсот ступеней громадной лестницы. По бокам ее под углом тридцати-сорока градусов идет сплошной гранитный скат, на котором то тут, то там виднеются груды камней. Вероятно, многие-многие века камень, трескавшийся от ветра и смен температуры, осыпался с вершин и скапливался на склоне холма. Сбоку вдоль ступеней видны отлично отполированные узкие полоски. Их отполировали поколения сраванобелгольских мальчишек, которые в надежде заработать монетку у паломников, а позже у туристов, из века в век, кувыркнувшись через голову, ловко скатывались вниз на ягодицах. Подумать страшно — сколько штанишек было протерто здесь за долгие-долгие века, пока стоит на вершине Гоматешвара!

Наконец мы добрались до мощной оборонительной стены, которая кольцом окружает священное место. В стену тут и там включены огромные камни, с незапамятных времен лежавшие на вершине. Мы прошли через массивные ворота в стене, за ними виднелась высокая веранда с зубцами. Это был закрытый двор, столь характерный для джайнских храмов. Миновав последние ворота, мы вошли внутрь святыни и остановились, пораженные необыкновенным зрелищем.

Кажется, чувство удивления должно было бы притупиться после виденного нами множества чудесных творений, созданных гением народа Индии, но можно ли было остаться равнодушным перед величественной статуей Гомматы?

Гоматешвара — тридцатиметровый каменный гигант — стоит на развернутом лепестке большого каменного же лотоса. Руки у него сложены «по швам». У его ног виден вырубленный из гранита термитник с выползающими оттуда кобрами и ползучими растениями, которые, обвившись вокруг его бедер, доходят почти до самых плеч.

Гоматешвара смотрит прямо на север, на бескрайние просторы Декана. Древние камнерезы придали его лицу выражение какой-то глубокой мысли. Он словно погружен в вечное раздумье и с легкой снисходительной улыбкой смотрит на мирскую суету вокруг себя.

Очевидно, нелегко был труд древних скульпторов, создавших этот шедевр, но верен был их глаз и велико религиозное рвение!

Громадная статуя составляет единое целое с гранитной скалой, на которой она стоит. Ничто не поддерживает ее, кроме каменного термитника, достигающего лишь до верха голеней. Пальцы ног Гоматешвары сплошь вымазаны маслом.

Неподалеку от статуи на особой подставке стоит полуметровая точная копия Гоматешвары из бронзы, и перед ней плоское блюдо для подаяний.

Тысяча лет прошла с тех пор, как ушли отсюда камнерезы, но Гоматешвара успешно сопротивляется времени. С крыши окружающих построек можно рассмотреть его гладкие громадные плечи шириной в двенадцать метров, большую голову с оттянутыми мочками и волосами в крутых крепких завитках. Только отсюда можно заметить повреждения, которые нанесли гиганту дожди, солнце и ветры Декана. На его широкой спине видны кое-где похожие на лишай пятна. Это разрушается верхний слой камня. Время тронуло и лицо Гоматешвары — на нем появились мелкие трещины.

Весь дух джайнского аскетизма и самоотречения, вся суть религии в полной силе выражены в этой статуе. Гоматешвара совершенно нагой — истый джайн не нуждается в одежде. Он стоит выпрямившись — это выражает мысль, что он полностью подчинил тело своей воле. Добрая, чуть насмешливая улыбка освобожденного Гоматешвары говорит о том, что он достиг вечного блаженства и полон сочувствия к страждущему и борющемуся миру людей.

Наглядевшись вволю на Гоматешвару, мы осмотрели двор храма. В полутемных нишах крытых галерей, окружающих со всех сторон центральную статую, таятся сорок три статуи тиртханкаров. Тиртханкаров, включая Махивару, было двадцать четыре, но усердные джайны ставили в некоторые ниши по несколько статуй одного и того же святого.

Все пространство галереи за спиной Гоматешвары заполняют горы веревок и бамбуковых шестов, бывших, как видно, в употреблении, и притом не один раз. Зачем эти шесты и веревки, я узнал несколько позже, познакомившись с мастахабхесекхой.

МАСТАХАБХЕСЕКХА

В честь Гоматешвары состоится джатры, во время которых каменному великану устраивается мастахабхесекха. Длинное слово «мастахабхесекха» на языке каннара означает омовение головы. Праздник носит название Махахира джайянти и состоится каждые десять-двенадцать лет.

Откуда появился ритуал омовения головы? Легенда говорит, что, закончив строительство храма в Сраванобелголе, Чамунда Райя решил освятить статую. Для этой цели он велел приготовить массу глиняных сосудов с освященным молоком. Но сколько ни лили его слуги молока, оно никак не покрывало всего Гоматешвару. Что тут было делать? И вдруг откуда-то появилась старая набожная женщина, державшая

в руках небольшой глиняный сосуд — галаккаи. Главный гуру повелел Чамунда Райе взять у старухи галаккаи и вылить его содержимое на статую. И случилось чудо: молоко полилось из галаккаи и покрыло не только Гоматешвару, но и весь холм Индрагири!

Говорят, что была то не набожная бабушка, а сама богиня Падмавати. Она собственной персоной явилась на освещение статуи Гоматешвары для того, чтобы Чамунда Райя не загордился после сооружения им великолепной статуи.

Очевидно, в память этого легендарного события и возникла джатра Махавира джайянти. Первая, зафиксированная в старинных летописях джайянти состоялась в 1308 году, а последняя совсем недавно, в 1960 году.

За месяц до празднования Махавиры джайянти, дата которой определяется по расположению светил и звезд, в Сраванобелголе начинается большое оживление. Десятки тысяч пилигримов со всей Индии заполняют обычно сонную полупустую деревню. Люди являются из Бенгалии, из Гуджарата и Тамилнада. Во всех мандирах Сраванобелголы идут непрерывные молебствия, в том числе и пада-пуджа, то есть моление у ног Гоматешвары.

В последний день Махавиры джайянти, едва займется утро, все пилигримы дружно устремляются на вершину Индрагири, чтобы быть очевидцами великой священной церемонии, и вскоре вся она оказывается сплошь запруженной народом. К этому дню над головой Гоматешвары успевают соорудить громадный помост из бамбука. Отсюда главные гуру джайнов совершают обряд мастахбхесекхи и читают пуджу (молитву).

К десяти часам утра все уже готово к торжественной церемонии. Весь двор перед Гоматешварой устилается сплошным ковром окрашенного шафраном риса. На рис ставят тысячу ярко разрисованных глиняных кувшинов, наполненных освященной водой. Кувшины покрыты сверху кусками кокосовых орехов и украшены листьями манго. Их приносят с собой разодетые в красивые наряды девушки и женщины. Стоящие на высоком помосте гуру держат в руках горшки с водой, простоквашей и молоком, и по сигналу главного гуру из Колхапура содержание сосудов одновременно выливается на голову Гоматешвары.

Но это лишь предварительное омовение. Главная часть церемонии состоится в два часа дня. Под ужасный аккомпанемент многочисленных духовых инструментов вся тысяча сосудов, стоящих перед статуей, переходя из рук в руки, быстро доставляется наверх, на помост, где стоят жрецы. И те с молитвами опрокидывают сосуды над головой колосса. Зрители восторженно смотрят на красочную картину купания

громадной статуи, сопровождая ее громовым гулом возгласов: «Аха-ха, аха-ха!» и «Джай, джай, магарадж!»

Третье, последнее омовение происходит вечером. На голу Гоматешвары выливают еще пятнадцать сосудов. На этот раз в сосудах вода, кусочки кокосовых орехов, листья подорожника, выпаренный из сока пальм сахар, топленое масло, миндаль, финики, маковые зерна, молоко, сандал, золотые и серебряные цветы и монеты. Кроме того, к серебряным и золотым цветам и монетам примешиваются девять сортов драгоценных камней. Общая стоимость серебра, золота и камней достигает нескольких сот рупий; их расхватывают пилигримы.

На этом и кончается Махавира джайянти. Пилигримы расходятся по домам, а бамбуковые леса разбираются и прячутся за спиной Гоматешвары до следующего раза. Спускаясь с Индрагири, люди кланяются стоящей у входа в святилище статуе старой женщины с маленьким глиняным сосудом, которая «положила начало» этой красочной церемонии.

Следует добавить, что в Майсуре есть еще немало статуй Гоматешвары. Но самая большая из них достигнет, пожалуй, только плеча статуи в Сраванобелголе. Исполнены они из более податливого материала и поэтому хуже сохранились.

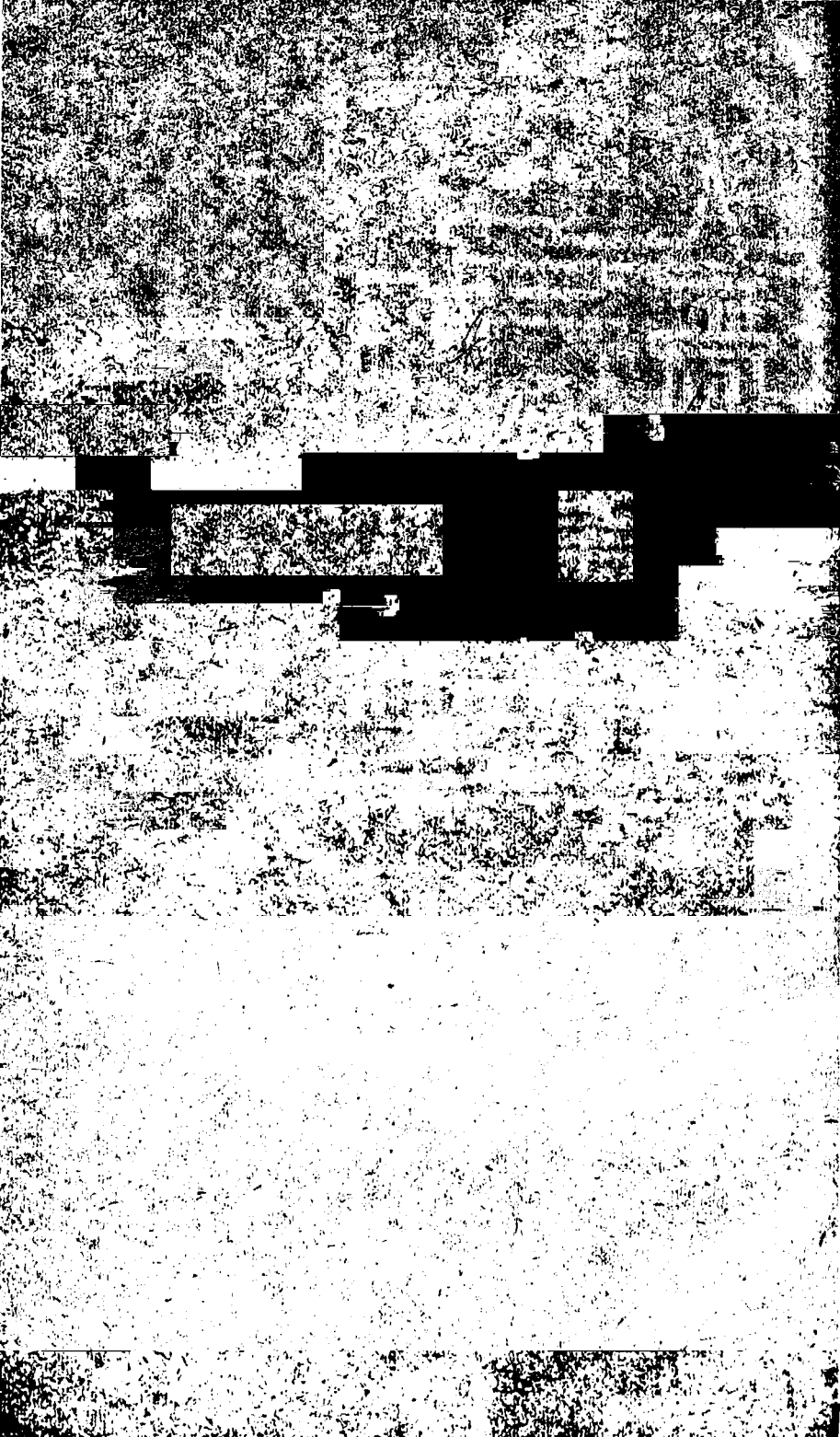
В настоящее время в Индии насчитывается около полутора миллионов джайнов. Все они сплошь богатые торговцы и ростовщики. Особенно много их в Бомбее. Еще сравнительно недавно там можно было увидеть последних джайнов-ортодоксов. Их узнавали по чистым белым одеждам и марлевым повязкам на лице, которые они надевали для того, чтобы не проглотить случайно букашку. Некоторые из них даже мели метлой перед собой дорогу, чтобы не раздавить ненароком насекомое.

Посещением Гоматешвары в Сраванобелголе и закончилось наше путешествие по стране Типу Султана.

ГЛАВА IV

**ТАМИЛНАД,
КЕРАЛА**

МАДРАС

Уже накануне отъезда из Индии мы решили осуществить давнишнюю мечту: побывать в Тамилнаде и Керале — штатах, расположенных на юге Декана. Был выработан подробный маршрут путешествия, куплены специальные туристские железнодорожные билеты со скидкой, дающие право сходить с поезда каждые сто миль. И вскоре мы оказались в столице тамиллов Мадрасе — политическом, культурном и промышленном центре восточного Декана.

НА ВЗМОРЬЕ

Большой, но сильно разбросанный Мадрас с его разношерстными англоизированными кварталами не произвел на нас особого впечатления. Вскоре, как, вероятно, это случается со всеми приезжающими сюда, мы оказались на городской набережной Марина Драйв, которая тянется на много километров с севера на юг, от порта до кафедрального собора святого Томаса.

Марина Драйв — краса и гордость Мадраса. На ней, словно солдаты на параде, выстроились лучшие постройки города: красивые, в индо-сараценском стиле университетские здания, резиденция бывших навабов Карнатика Чепак Махал, дворцы. По горячему асфальту набережной двигаются многочисленные в дневную пору пешеходы.

На самой середине набережной высится массивная, очень выразительная статуя «Апофеоз труду». Группа по пояс обнаженных рыбаков занята какой-то трудной работой. Мышцы их сильных, похожих на дубовые корни рук напряжены до предела, мощные торсы согнуты, готовые в следующий

момент распрямиться, словно стальные пружины. Лица рыбаков говорят, что они полны решимости довести до конца дело, за которое взялись. Это памятник труженикам моря, трудом и усилиями которых вырос и расцвел Мадрас.

А море, могучее и безбрежное, призывно синело за широкой трехсотметровой полосой белых прибрежных песков, и его свежее дыхание умеряло жару, которую источало солнце, раскаленные камни зданий и асфальт Марина Драйв.

Мы сошли с асфальта набережной и, увязая по щиколотку в горячем мелком песке, направились к воде.

Море было пустынно. В его глубине не видно было ни дымка, ни паруса. Темно-синее, все в белых барашках, оно сливалось на горизонте с голубым небом, полным светлых облаков. Тройной ряд высоких бурунов прибоя красивым белым ожерельем протянулся вдоль всего побережья. С разбегу накатившись на ровный берег, волны облизывали песок и с шуршанием откатывались назад, чтобы через секунду снова выплеснуть на берег белую пену.

Но если море было пустынным, на берегу его шла жизнь. Тут и там виднелись группы рыбаков. Низкорослые, дочерная обгорелые, они были заняты своими будничными делами.

Кажется, нет никого на свете беднее здешних рыбаков. На фоне огромного богатого города нищета их особенно бросается в глаза. Их жалкие деревеньки, похожие издали на груды старого бурого тростника, ютятся на песке перед самой Марина Драйв. Возле хижин — крошечные дворiki, аккуратно побеленные очажки, сохнувшие сети, вялящаяся на солнце рыба, которую прикрывают обрывками сетей, чтобы не растаскивали здешние невероятно нахальные вороны. Днем в рыбацких хижинах остаются одни женщины. Они хлопот по хозяйству, стирают белье, стряпают. Их мужья либо в море, либо ремонтируют немудрящие снасти и суда.

Вечером на песчаном берегу стали собираться рыбацки, ребята и женщины с прутяными корзинами — перекупщицы рыбы. Прикрывая глаза ладонями, они напряженно смотрели в морскую даль, послушав палец, определяли направление ветра.

И вдруг весь горизонт покрылся частоколом косых темных парусов, которые быстро приближались к берегу. Это были знаменитые катамараны — узкие плоты из нескольких связанных веревками бревен. Летучие плоты едва высывались из воды, и казалось, что их кормчие стоят прямо на воде. Подойдя к белой полосе прибоя, рыбаки опускали паруса и, выждав, когда волны отступят, изо всех сил гребли к берегу. Втроем-вчетвером они брались за борта катамаранов и на высокой волне, в брызгах пены, тащили их на берег. Затем, распутав веревки, они подхватывали бревна, из

которых состоят катамараны, на длинные коромысла и утаскивали их наверх сушиться до завтрашнего дня.

Возле каждого рыбака с его уловом, завернутым во влажную сеть, образовались маленькие базары. Поторговавшись, перекупщицы отсчитывали деньги за товар, затем взваливали полные рыбой корзины на головы и направлялись на городской рынок.

В стихах соловья Индии индийской поэтессы Сароджни Найдугупты можно найти немало вдохновенных строк, посвященных рыбакам, романтике их профессии. Но сами рыбаки едва ли чувствуют эту романтику. Они отрабатывают в море за взятые напрокат катамараны и рыболовные снасти, которыми их снабжают ростовщики — сахукары.

ТВЕРДЫНЯ ЗАМОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ

Пять веков тому назад первые португальские завоеватели, прибывшие из далекой Европы к берегам Индии, обосновались в приморском городе Мадрасе. Затем пришли англичане. Вытеснив идалго, они бульдожьей хваткой вцепились в мадрасское побережье.

В 1640 году Франсиско Дей — глава английской фактории в Армагоне¹ — построил форт Сент-Джордж, ставший затем резиденцией британского губернатора.

В те времена Сент-Джордж стоял на самом берегу моря, защищенный крепкой каменной дамбой. Порты тогда не было, и английские корабли, громом пушек известив о своем прибытии, бросали якоря на рейде в открытом море. В такие дни побережье под стенами форта кишело толпами темнокожих индийцев. Они тащили с собой паланкины — легкие ярко раскрашенные рундуки с занавешенными окошечками и ручками с обеих сторон. Тут же по песку среди носильщиков важно расхаживали осанистые джентльмены, дородные купцы, их толстые жены и офицеры наемной армии Ост-Индской компании.

Наконец за тройной линией прибоя показывались масула — вместительные черные баркасы. Взлетая на гребни волн, они подходили к берегу. Прибывшие из-за моря джентльмены в котелках, белых панталонах и штиблетах (клерки, спекулянты, откупщики, чиновники, офицеры), подождя, пока схлынет волна, козлами прыгали на мокрый песок и удирали со всех ног, спасаясь от нового вала. Босые кули

¹ Армагон — незначительный форт возле Пуликата, был первым территориальным приобретением англичан на индийской земле (1622), но ему не суждено было развиваться в большой город.

ташили из баркасов сундуки джентльменов, а их визжащих, обалдевших от страха супруг и дочек сажали в паланкины.

С возникновением английского сеттльмента началось постепенное укрепление англичан в Индии. Из Сент-Джорджа направлялись захватнические экспедиции Ост-Индской компании в глубь Декана против Типу, низама и маратхов.

Форт расположен в северной части города, недалеко от мадрасского порта.

За три минувших века море чуть не на целый километр отодвинулось от стен форта, отгородилось от него широкой песчаной полосой, по которой пролегли хорошие асфальтированные дороги. В здании форта, украшенных портиками с колоннадами, ныне находятся правительство и Законодательный совет штата. За небольшую мзду чапраси показывает любопытствующим просторные залы и уютные комнаты, в которых совсем недавно работали английские колониальные чиновники.

Во дворе форта стоят рядами двухэтажные солдатские бараки. Там же расположена церковь святой Марии — старейшая во всей Азии английская церковь. Строительство ее было завершено в 1680 году.

Самое интересное сооружение форта — двухэтажное здание столовой офицеров британского полка, некогда расквартированного в форте.

Бывшая столовая превращена теперь в музей, экспонаты которого наглядно показывают историю завоевания Южной Индии англичанами. Самый интересный из отделов — Оружейный, посвящен возникновению и развитию мадрасской наемной армии, главного инструмента в завоевании Декана англичанами.

Основав форт Сент-Джордж, английские купцы позаботились и о создании своей армии из индийцев. Необычайно колоритным был вид этих наемных солдат. Босоногие мадрасские сипаи носили красные куртки, и этим отличались от сипаев соседних раджей и навабов; их звали поэтому Лал палтан (Красный полк). Сипаи носили за поясом длинные кривые ножи, боевые топоры на длинных ручках, сабли и длинные луки. Командовал ими старшина, носивший особое ожерелье на шею.

В середине XVIII века мадрасское войско было уже внушительной боевой силой. Сипаи Лал палтана были неплохими воинами. Они вполне освоили европейские оружие и тактику. Их руками англичане завоевали всю Индию. Сипаям платили кое-какое жалованье, и набирать их не представляло труда. Достаточно было вербовщикам кликнуть клич по всем мохалла Черного города (район теперешнего мадрасского

порта), где индийцы жили в ужасной нищете, чтобы тысячи «добровольцев» встали под знамена колонизаторов.

В музее можно видеть множество интересных картин, коллекции монет и медалей, знамена распущенных британских полков, всевозможное холодное и огнестрельное оружие. А возле лестницы, ведущей на второй этаж музея, стоит мраморная статуя лорда Корнваллиса. Зловещий лорд изображен в военной форме и мантии пэра. У него хищное лицо, кривой нос и бульдожья челюсть. Это он в 1792 году, взяв сыновей Типу в качестве заложников, предательским манером отнял у него половину его владений. Каким циничным после этого выглядит изображенный на пьедестале памятник — ангел мира рядом с аллегорической фигурой Британии.

Да, Британия! Много ты пролила крови в Индии, и не скоро забудутся зловещие дела, которые ты совершила на этой древней земле!

ШЕДЕВРЫ ИЗ КАМНЯ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Покончив с осмотром Мадраса, мы решили съездить в местечко Махабалипурам, известное своими древнейшими каменными храмами, которое находится на берегу Бенгальского залива в восьмидесяти километрах к югу от города.

Беспощадное солнце раскалило крышу переполненного автобуса, и в нем было тяжело дышать. Над каменистыми просторами, гранитными холмами и серыми долинами стояло густое море. Раскаленный воздух дрожал и колебался, и, казалось, весь мир подпрыгивает и корчится, словно большая рыба, поджариваемая на сковородке.

Мы проделали на автобусе долгий и утомительный путь, пока вдали за полосой белого песка и молодыми лесными посадками не блеснула синяя полоса моря. Показались легкие постройки травеллерз бунгало (бунгало путешественников), деревенские дома. Неподалеку отсюда находился Махабалипурам, широко известный туристам всего мира.

В самом начале христианской эры Махабалипурам был уже большим морским торговым центром. Упоминания о нем можно найти в сочинениях греческих мореходов, которые посещали побережье Тамилнада в I веке нашей эры. О нем знал Птолемей. У берегов древнего Махабалипурама бросали якоря торговые корабли со всего света. Отсюда культура Тамилнада оказывала сильное влияние на культуру народов соседних южных стран.

Памятники древней архитектуры в Махабалипураме были созданы могущественными раджами из династии Паллавов, которые правили Тамилнадом и Андхрой в IV—IX веках на-

шей эры. Эти памятники могут быть разделены на четыре группы: монолиты, пещеры, храмы, сложенные из гранитных глыб, и скульптурные группы, вырубленные на скалах гранитных холмов.

К монолитам нам пришлось долго шагать на юг по песчаной дороге, утопанной поколениями паломников и туристов. Мы нашли их в каменном распадке, среди унылой, выжженной солнцем неровной равнины. Вытянувшись в ряд, там стояли четыре небольших храма, или, как их называют здесь, ратхи, вырубленные из единых кусков гранита. Чуть в стороне от них находится пятый храм и каменные статуи слона и льва. Кругом валяются большие куски гранита, носящие на себе следы инструментов древних камнерезов.

Ратхи Махабалипурама — образец древнейшей архитектуры подобного рода в Индии. Их воздвигли по приказу раджи Нарасимхавармана Первого, который правил Тамилом в 630—680 годах. Ратхи имеют крыши, окна, двери, колонны, алтари, но все это вырублено из единого куска гранита, а в нишах храмов, составляя единое целое с его стенами, стоят изображения хиндуистских богов. Не забыл раджа и о себе. Его статую нашли по подписи под нишей.

Но не ратхи являются главным сокровищем Махабалипурама. Невысокую каменную гряду, лежащую в километре от моря, древние камнерезы превратили в единственный в своем роде музей каменной скульптуры. Холм заключает в себе тринадцать пещер-храмов, и каждая из них украшена изнутри замечательными скульптурными группами.

Лучшая и самая обширная скульптурная группа в одной из пещер посвящена Кришне. Камнерезы создали настоящую «каменную иллюстрацию» к известной истории о том, как бог Индра, рассердившись на гопи (пастушек), поднял было страшную бурю, чтобы наказать их. А Кришна взял да и защитил девушек. Мощной своей десницей он поднял над головой гору Говардхану и укрыл под ней всех гопи. Гопи, столпившись вокруг Кришны, глядят на него, не веря свершившемуся чуду. Рядом справа другая очаровательная сценка: гопи доит корову, а та облизывает своего теленка. За ними — женщина с ребенком на руках, крестьянин, играющий на флейте. Рядом стоят еще одна гопи с кувшинами молока и связкой травы на голове, дровосек с топором на плече. На заднем плане — стадо коров. Все в высшей степени реалистично.

В следующих пещерах изображены бог Вишну, лежащий на свернувшейся в кольцо змее, богиня Лакшми, которую купают слоны, и множество других сцен из великих индийских эпосов, знакомых и горячо любимых тут всеми с раннего детства.

А вот богиня Дурга, которую величают еще и Махисасурамардини (убийца демона Махисасуры). Верхом на яростном льве она несется в битву со злодеем Махисасурой. В каждой из ее восьми рук — оружие. Следом за ней, потрясая палицами, мчатся йогини — амазонки. Махисасура вырублен очень рельефно. У него бычья голова, в руках сучковатая дубина. Нигде во всей Индии эта знаменитая сцена, повторенная десятки раз в камне, не исполнена лучше, чем здесь, в Махабалипураме.

На чудесном гранитном холме можно найти мартышек, вырезанных из камня. Маленькая скульптурная группа необычайно жизненна. Мама-мартышка ищет в голове у папаши аппетитных блох, а младенец безмятежно растянулся у нее на коленях.

Но «гвоздем программы» для посетителей Махабалипурама, безусловно, является колоссальная скульптурная группа под открытым небом, известная под названием «Епитимья Арджуны» или «Нисхождение Ганги», созданная в VI—VII веках. Ничего подобного ей нет во всей остальной Индии!

У народа Индии издавна жила легенда, что река Ганг, которая ассоциируется в фантазии индийцев с образом богини Ганги, некогда текла в небесном раю. Для того чтобы священная река низошла на землю и очистила ее, некий древний раджа наложил на себя невероятно тяжелый обет. Целую тысячу лет он стоял на левой ноге, подняв руки над головой в классической позе йогов. И богиня Ганга, тронутая его любовью, снизошла на землю, неся с собой всеобщее счастье.

Как раз это легендарное событие и решили изобразить древние скульпторы. Для создания панорамы размером десять на тридцать метров выбрали «каменное полотно» — почти вертикальные бока двух огромных соседних валунов с широкой щелью посередине.

Результаты их усилий поистине поразительны.

Скульптурная группа изображает сонмы ликующих богов, людей и животных, летящих, бегущих со всех ног к центру композиции, где в виде водяного бога изображена Ганга, спустившаяся на землю.

В центре панорамы, в расщелине, видны наги (змеи), символически обозначающие воду. А обе «страницы» развернутого «каменного альбома» заполнены интереснейшими, в высшей степени реалистическими барельефами, в которых отображены жизнь и верования древних тамилы.

Здесь можно найти раджу, взявшего на себя обет. Рядом, в компании двух уродливых карликов-шутов, стоит с трезубцем в руке бог Шива. Замечательно верно изображена семья слонов, явившихся на водопой. Слонята шалют как дети.

К воде бегут охотники и животные: лев, тигр и кабан. У вишнуйского храма застыли в молитвенных позах мудрецы, а пониже, у самой «воды», — их ученики, чудесно изображенные в самых естественных позах. Один из них тащит воду на гору, другой выжимает только что выстиранное белье, третий, защищая глаза ладонью, глядит куда-то вдаль. Радуются воде лесные жители.

Трудно было оторваться от этой реалистической каменной картины, созданной древними тамилами, которую можно было бы назвать ликующим гимном воде!

И наконец, пройдя с километр строго на восток, мы вновь оказались у самого Бенгальского залива, там, где стоит знаменитый храм у моря, воспетый в стихах индийских поэтов, тысячи раз воспроизведенный на картинах и фотографиях.

Волны с шумом разбивались о самый фундамент древнего храма, сплошь изъеденный морскими волнами и солеными ветрами. Ритуальные сооружения, стоявшие когда-то вокруг главного здания, были разрушены волнами и занесены песком, но храм по сей день отважно противостоит напору морских стихий. Удивительно пропорциональный, с двумя высокими уступчатыми башнями, увенчанными красивыми маковками, он одиноко высится над морем. Внутри храма, куда во время бурь заглядывают морские волны, сыро и неприятно. Стены его покрыты влагой и солью.

Говорят, в древние времена по соседству стояли еще шесть храмов, но они ушли под воду.

Рядом с сохранившимся храмом по песку, который то и дело жадно облизывают крупные волны, теперь, как и столетия назад, ходят рыбаки и собирают в корзинки моллюски для наживки. Неподалеку сохнут на песке катамараны...

КОРОМАНДЕЛЬ

Из Мадраса мы поехали на юг вдоль восточного побережья Декана, который здесь называют Короманделем.

В ГОСТЯХ У ПАХЛВАНА

На пути к Рамешвараму мы заехали в город Тиручирайпалли (Тричинополи). На гранитном холме над городом высятся прямоугольные стены его старинной крепости. С южной стороны склон холма изрыт галереями и пещерами. На макушке его уютится святилище бога Ганеша — сластены с отвислым брюхом и слоновой головой.

Отправляясь в этот храмовый город, мы запаслись рекомендательным письмом к главе местных любителей тяжелой атлетики, которых по старой традиции называют пахлванами (силачами).

Разыскивая улицу, где жил пахлван, мы заметили большое скопление автомобилей возле большого здания в центре города. Оказалось, что в Тричи — так сокращенно называют свой город тиручирайпальцы — проходила годовая конференция масонов. Загадочные надутые масоны с непроницаемым видом вылезали из автомобилей и, не глядя по сторонам, направлялись к дверям здания решать свои масонские дела.

К слову сказать, в Индии не счесть всевозможных объединений, обществ, союзов и ассоциаций. Дело порой доходит до курьезов: в Хайдарабаде, например, существовало Общество сексуального самоусовершенствования (понимай как хочешь его задачи!).

Я думал, что орден масонов давным-давно вымер, как вымерли мамонты. Ан нет! Оказалось, что в Индии их немало.

Рекомендательное письмо привело нас к дому с обширным двором, и на наш зов появился хозяин — массивный, атлетически сложенный человек. Он был распарен, как после хорошей бани, и, тяжело отдуваясь, обтирался полотенцем.

На дворе под навесом грудились опоясанные полотенцами, голые по пояс люди. Одни из них подымали тяжелые гири, какие-то снаряды, среди которых можно было разглядеть обычную штангу; другие мылись под краном. Народ был крепкий, ширококостый.

А вскоре мы сидели с пахлваном за обедом. Нагой по пояс старик со священным шнурком брахмана поставил перед нами по большому серебристому подносу и, широко улы-

баясь беззубым ртом, хлебосольно подкладывая лакомые кусочки, подливал соус, который оценишь лишь после того, как привыкнешь к нему.

— Тяжелая атлетика — моя слабость, — говорил хозяин. — Понабралось с десятков крепких парней, и вот занимаемся. Поломаешь кости, разомнешься, и вроде жить легче. Эге! Сразу видно, что вы побывали в Мадрасе! — спустя минуту заметил он. — Вы едите так, как едят мадрасские брахманы. Извольте кушать по-тиручирайпальски!

Сняв часы и засучив рукава, пахлван показал, как едят по-тиручирайпальски. Сначала он собрал все с блюда кончиками пальцев правой руки, затем, положив ладонь ребром на блюдо, стал ловко собирать жидкую часть еды на ладонь и отправлять в рот. Соус течет по руке? Не беда. Его можно догнать языком.

— Скажите, много ли спортсменов в Индии? — спросил я хозяина.

— Много, — ответил тот. — И среди них немало талантливых.

— Почему же тогда индийские спортсмены довольно неудачно выступают на международных состязаниях?

— Видите ли, на это есть причина. Мы тренируемся не по европейским системам, а по своим, индийским. У нас есть свои виды спорта, свои виды борьбы. Принципы и правила у нас совершенно другие. Заставь наших спортсменов играть в канадский хоккей, и они будут представлять собой жалкое зрелище. Но в травяном хоккее они не имеют себе равных. Все дело в традиции. А возьмите наших борцов. Надеюсь, вы слышали про нашего Дару Сингха? Это замечательный борец в вольном стиле. Недавно умершего Гамо — одного из величайших борцов мира — никто не клал на обе лопатки. В Индии много сильных борцов, и большинство из них, заметьте, вегетарианцы.

— Совсем не употребляют мяса?

— Совершенно. Зато они пьют много молока. Для них разработана специальная очень обильная диета, дающая силу.

Надо заметить, что в настоящее время в Индии широко пропагандируются и современные виды спорта. Так, в Хайдарабаде мы видели нашего киевского мастера спорта Пименова, который помогал индийским спортсменам овладеть секретами волейбола.

От тиручирайпальского пахлвана мне удалось узнать много интересного о своеобразных спортивных традициях Индии.

Всего полтора века назад на юге Индии большим почетом пользовались кулачные бойцы — джетти. В каждом

крупном городе имелось несколько гладиаторских школ. По горжественным случаям джетти из разных школ сражались друг с другом перед раджами. Во главе со своими учителями они выходили перед трибунами на арену, где до них устраивались битвы баранов, слонов или пеших бойцов с медведями и тиграми. Головы у джетти были начисто обриты. Мускулистые, с нагими телами, густо смазанными кокосовым маслом, в крепко привязанных к поясам желтых дхоти, джетти, низко пригибаясь, кружили друг против друга, выискивая слабые места в обороне противника. В руках у них были вудгамутти — кастеты с железными тупыми шипами на кожаном ремне.

Джетти были великолепными бойцами. Дрались они яростно. Кровь на их поединках лилась рекой, но до смертоубийства дело никогда не доходило. Победленным считался тот, кто, не выдержав сражения, падал на землю. Победителю вручался подарок — чаще всего красивый тюрбан. Раненые джетти быстро поправлялись, ибо в старину в Индии было развито искусство врачевания при помощи массажа. Кожу вокруг раны умело массажировали: подальше от раны — сильнее, поближе — послабей. Говорят, такой массаж давал чудодейственные результаты.

На юге Индии, как и по всей стране, издавна процветало искусство борьбы на палках. Умелый боец, вооруженный крепкой длинной палкой, оказывался совершенно неуязвимым, если даже на него нападали два или три сильных противника.

Однако все это было до англичан. Колонизаторы запрещали народные спортивные игры. Они усматривали опасность для себя в культивировании спортивных школ, которые издавна поддерживали в широких слоях народа Индии боевые традиции и отличную физическую закалку.

У АДАМОВА МОСТА

Рамесварам расположен на острове — первом в цепи островов, соединяющих материк с Цейлоном (эту цепь называют Адамовым мостом). Согласно легендам, на этом острове герой Рамаяны — Рама — просил Шиву простить ему убийство Равана. Поэтому каждый камень в Рамесвараме опоэтизирован народом. Отсюда и святость Рамесварамы, и толпы пилигримов, которые круглый год навещают здешний храм Раманатхасвами — выдающийся памятник старой дравидийской архитектуры.

Понистине неистощимой была фантазия древних индийских зодчих! Вокруг храма Раманатхасвами они воздвигли просторные и высокие галереи, тянущиеся на многие сотни мет-

ров. По сторонам галерей тесно стоят расписанные красками, покрытые богатейшей резьбой парные колонны, украшенные наверху диковинными зверями.

Мастерски решена была проблема освещения галерей. Сколько ни шагай по прямым как стрела крытым магистралям, а пол, колонны, потолки с декоративными кругами освещены ровным несильным светом, хотя окон в стенах почти что нет.

В галереях храма всегда много народу. В нишах между колоннами рядами сидят местные ремесленники, продающие сувениры. Но основное место торговли сувенирами — базар по дороге к морю. Там продают всевозможные раковины, покрытые надписями, геральдикой и местными пейзажами.

— Тут есть один мастер — настоящий профессор по части росписи раковин. Закажите что-нибудь на память, — посоветовал пахлван, решивший сопровождать нас до Рамесварамы. — Пока мы сходим искупаться в море, он выполнит ваш заказ!

«Профессор ракушечных дел», скрестив ноги, сидел прямо на деревянном прилавке среди готовых изделий и заготовок — больших пестрых раковин. Перед ним была целая батарея баночек, кисти, кучка острых резцов. Техника мастера была очень проста, но он умудрялся создавать изящные миниатюры. Сначала при помощи какого-то едкого раствора он размягчал створки раковин. Затем, нанеся требуемый рисунок, острым лезвием добирался до разных глубин створок, имеющих разные цвета, и из гаммы белых и коричневых тонов создавал пышные пальмы, морской берег, гопурамы.

Заказав сувенир, мы направились к морю.

Берег моря перед храмом был заполнен старинными заброшенными павильонами, пыльными руинами. Под их крышами отдыхали паломники. Многие из них купались в море.

— Самое излюбленное место для купания все-таки не здесь, — заметил пахлван, — а у Дханишкоди, в тридцати километрах отсюда. Там сливаются воды Бенгальского залива и Индийского океана. Там, между прочим, и конечный пункт ферри — железнодорожного парома, курсирующего между Индией и Цейлоном.

Море было спокойно. Поверхность его ослепительно сияла в лучах солнца. За белесой гладью моря совсем недалеко находился Цейлон.

— До Цейлона рукой подать, — задумчиво сказал пахлван. — Отсюда под покровом ночной темноты стартуют контрабандисты и эмигранты. Последних больше. Многие из тамилов нелегально отправляются на Цейлон — там легче достать работу.

На обратном пути заказанный нами в память о посещении Рамесварама сувенир был готов. На выпуклой стороне небольшой коричневой раковины на красивом бело-коричневом фоне были мастерски изображены поднятые створы разводного моста, парусник, плывущий по морю и солнце.

МАДУРАЙ

Пахлван проводил нас до Мадурай. Это был последний на нашем пути большой центр древней культуры тамиллов, центр старинного ткацкого мастерства.

Девять колоссальных гопурамов, вздымаясь над морем пальм и высоких деревьев, задумчиво смотрят на небольшой городок, вот уже два с половиной тысячелетия ютящийся вокруг храма рыбаглазой богини Минакши. Тесные галереи этого величайшего в Южной Индии храма до отказа набиты каменными скульптурами индуистских богов и героев. В здании несколько мандапамов — галерей, крыши которых поддерживают колонны в виде всадников на вздыбленных конях, тысячеколонный зал с массой каменных истуканов, заросший ряской большой пруд, бесчисленные алтари, громадные колонны, золоченые вершины которых выходят наружу через специальные люки в потолках, святилища Минакши и ее супруга Сундерешварара (одного из воплощений бога Шивы), всего не перечтешь!

Музыкальные колонны, стоящие по бокам ворот храма, показывают знакомство древних каменотесов со звуковыми свойствами гранита. Не нарушая целостности коротких толстых колонн, камнерезы вытесали по всей их длине восемь-десять каменных «струн» толщиной в руку. Ударь слегка по такой «струне» — и камень отзовется глуховатыми мелодичными звуками основных тонов древней индийской октавы.

Центральная и лучшая статуя храма с большим реализмом изображает свадебную сцену. Бог Вишну отдает свою сестру Минакши в жены Шиве. Оба бога, одетые в богатейшие наряды и в причудливых головных уборах, стоят в живых позах. Жесты богов и смущение Минакши красноречиво свидетельствуют о том, что тут происходит. А навес над скульптурной группой и пьедестал под ней — сплошное каменное кружево. Вся эта громада была выскоблена резцами из единого куска гранита. И таких скульптурных групп в храме Минакши сотни!

Чтобы рассмотреть поближе Саннадхи — самый высокий гопурам храма, мы решили забраться на храмовую крышу, но очень пожалели о своем опрометчивом решении. Громадная плоская крыша была раскалена солнцем. Обувь пришлось оставить у входа в храм, и камни невыносимо обжи-

гали голые пятки. Первым ретировался пахлан, а за ним и мы. Когда, спустившись с крыши, мы побежали прятаться от солнца под крышу соседнего мандапама, то увидели там пахлана. Он сидел на камешке и, поплеывая на ладони, прикладывал их к горевшим красным ступням.

В одном из дворов старого Мадурай мы видели, как работают кустари ткачи. Ткачеством здесь занимаются целые семьи. Полученные от ростовщика шелковую пряжу и золотую нить ткачи превращают в роскошные сари, которые золотым, алым и синим пламенем полыхают в магазинах Индии.

Главное орудие ткачей — деревянные ткацкие станки, челноки которых приводятся в движение ритмичными подергиваниями вправо и влево специальных веревок. За день напряженной работы ткач может соткать метр-полтора чудесной легкой ткани. Во дворе у ворот стоят чаны с красками. Ткачи осторожно опускают в них аккуратно скрученную в узлы пряжу и потом развешивают ее сушиться на солнце. Нужно обладать поистине необычайным терпением, мастерством и хорошим вкусом, чтобы делать восхитительные ткани, которые не имеют себе равных в мире по прихотливости узора, легкости и необычайно стойким ярким краскам!

Только большое мастерство, отточенное трудами многих поколений, позволяет индийским ткачам держаться и жить своим тяжелым ремеслом. Но гибель их ремесла предрешена — им становится все трудней конкурировать с фабриками.

* *
*

Уезжая из Мадурай, мы смотрели, как тают вдали громады гопурамов, и испытывали смешанные чувства восхищения всем виденным и какого-то недоумения. Как оценить, с какой меркой подойти к индийским храмам. Те, кто заставляли строить эти знаменитые храмы, хотели возвеличить себя и заставить народ трепетать перед мощью гигантских сооружений — святилищ грозных богов. Жрецы храмов веками воспитывали народ Индии в духе пассивности, непротivления и стоицизма. Сами храмы и каменные статуи в них создавались ценой грабежа и невероятных страданий народа.

Да, все это верно! Однако верно также и то, что в образах традиционных героев Рамаяны и Махабхараты, невообразимо древних пуран, вед и сказаний, народные умельцы, мощью своего гения прорвавшись сквозь тенета религии и опеку ортодоксальных брахманов, сумели воплотить в камне яркие образы своих современников, отразить свои взгляды на жизнь и искусство, современную им жизнь и свои ве-

рования во всей их красочности и разнообразии. И тем они на вечные времена возвеличили и прославили трудолюбие и талантливость народа Индии.

Читатель уже слышал о судьбе фамильных сокровищ, которые распродают бывшие феодальные владыки Индии. Не что подобное происходит ныне с древними скульптурами Декана. В Индии древние скульптуры можно найти не только в храмах, но и в заброшенных святилищах, у дорог и колодцев, в дхармашалах, а то и просто в поле или на горном склоне. Веками поклонялось им местное население. Никто не смел их тронуть пальцем. Но сейчас не те времена. Бесчисленные туристы, главным образом богатые американцы, скупают старинные индийские миниатюры и всевозможные диговинки, не брезгают они и скульптурными фрагментами.

И вот в связи с этим новым «спросом» в Индии возник неведомый до сих пор грязный промысел разрушителей и похитителей древних скульптур. Мародеры рыщут по стране в поисках забытых скульптур и разрушают их, выламывая и выпиливая самые красивые куски: лица, руки, каменные цветы, куски орнамента. Все это уплывает за океан и в Европу. Стране причиняется неисчислимый вред. Народ лишается своего культурного достояния.

У СЛИЯНИЯ ТРЕХ МОРЕЙ

Последние восемьдесят километров до мыса Коморин — крайней южной точки Индии — мы ехали по сказочно красивой изумрудно-зеленой стране. Справа всю дорогу маячили обрывистые и крутые горы, на склонах которых сквозь заросли редкого кустарника там и тут выступают обширные плоскости бурого камня. И — странный, никогда не виданный нами феномен — густые сизо-белые тучи клубились как раз над высокими пиками гор, похожие на парусные корабли, севшие на мель в небесном океане.

А слева неслась древняя, щедро политая потом пахарей, культивируемая до последнего кусочка плодородная земля. Словно зеркальца, вшитые в юбки женщин банджара, кругом блестели квадратики залитых водой рисовых полей. На узких межах между ними, задумчиво, свесив кудрявые головы, гляделись в потемневшие воды речек, каналов и прудов кокосовые пальмы. На окрестных вершинах виднелись храмы, побеленные камни, надгробия старых могил. Невольно вспомнилась старинная местная поговорка, что гора без мандира (храма) вроде и не гора!

Еще большее очарование местному пейзажу придавали глубокие вечерние тени и скользящие лучи солнца, которое,

скрывшись за горами, яркими прощальными красками расцвечивало вершины и груды облаков над ними.

Прекрасная плодородная страна могла бы в изобилии снабдить местное крестьянство всем необходимым для жизни, но оно было, пожалуй, беднее, чем в других районах Индии. Адвокат из Тирунелвели, любезно предоставивший нам свой автомобиль, всю дорогу рассказывал об отчаянной классовой борьбе в здешних деревнях. Крестьянство все решительней отказывается мириться со старыми феодальными порядками, которые еще в силе в этом краю.

Чем ближе к мысу Коморин, тем влажнее становился воздух, роскошнее пальмы и зеленой поля. В надвинувшейся темноте мы тихо ехали по дамбам среди бесконечных рисовых полей, пока наконец глухой шум прибоя не известил о близости моря. В четвертый раз оказались мы на его берегу, но на этот раз в точке, где сливаются воды Аравийского моря, Бенгальского залива и Индийского океана! Столь важное обстоятельство, сделавшее этот кусочек суши необычайно святым для религиозно настроенных индийцев, само по себе представляло большой интерес.

Невидимый в темноте океан глухо вздыхал, с шелестом накатывал на берег тяжелые валы. На прибрежной песчаной полосе призывно сверкали фонарики. Они освещали убогие прилавки, полные все теми же дивными дарами моря, которыми мы любовались в Рамесвараме.

— Мыс Коморин славен своими восходами и закатами, — рассказывал адвокат. — Природа кругом необычайно красива. Интригует то, что в этой точке сливаются воды трех морей. И вот почти все южные штаты понастроили здесь свои собственные рестхаузы (дома отдыха для путников). Если завтра погода будет хорошей, вы сами увидите, что такое здешний восход. Глядите не проспите!

Боясь проспать обещанное зрелище, мы всю ночь проворочались на пыльных тюфяках гостиницы и уже в половине пятого были на каменной платформе перед полосатыми стенами храма деви (богини) Кумари, по имени которой и получил название «край земли индийской» (мыс Коморин). Отсюда, как нам сказали, очень удобно наблюдать восход.

Постепенно светало, и окрестности, до сих пор пропадавшие в чернильной темноте ночи, начали приобретать реальные очертания. Слева показались два круглых каменных острова, справа стала видимой грядя каменных рифов. В редющем сумраке, неслышно скользя по воде, уходили в море парусные катамараны. Смутно прорезалась линия горизонта, забелели валы прибоя.

Рассвет стремительно приближался. Слева от нас на небе появилась темно-красная полоса, прорезанная линиямиплы-

вущих на горизонте плоских облаков. Полоса все разрасталась, пока сплошное пурпурное зарево, бросавшее алые блики на воду и землю, не залило полнеба. Далеко на горизонте над поверхностью воды вдруг появилась нестерпимо яркая огненная точка. Она на глазах превратилась в алый полудиск, и наконец из воды выплыло утреннее светило, которое вскоре потушило им же подожженный в небе пожар. Вступил в свои права очередной день.

Мы огляделись кругом. У ворот храма деви Кумари, куда не пускают «иноверцев», стояли и чему-то смеялись полуголые брахманы. Слева виднелся поселок местных рыбаков со множеством судов на причале. Позади поселка вздымались сумрачные шпили большого католического собора. На балконах рестхаузов толпились люди, любовавшиеся восходом солнца.

— Смотрите! — указал рукой адвокат. — Видите ли вы полосу, которая разделяет два моря? Справа — чистая и светлая вода Аравийского моря. Слева она чуть темнее — это воды Бенгальского залива. Видите?

Но мы, сколько ни всматривались, так и не могли увидеть воображаемой полосы, хотя слышали о ней не раз.

На мысе Коморин стоит Ганди ашрам — своеобразной конфигурации здание, имеющее вид нескольких сдвинутых разновысоких бочонков с положенными на них кирпичами. Ганди ашрамы — памятники, или, вернее, храмы, отцу нации Ганди — строятся сейчас по всей Индии. В них много фотографий, рассказывающих о жизни, деятельности и смерти Ганди, фотографии его книг и личных вещей.

Но Ганди ашрам на мысе Коморин был совершенно пуст. Возможно, не закончена была его постройка. В крыше ашрама есть отверстие, через которое внутрь проникает узкий луч солнца. Целый год этот луч бродит по всему полу здания, но в день и час, когда был убит Ганди, луч падает на участок пола с выгравированной на нем датой печального события.

...На этом закончилось наше пребывание на земле Тамилнада.

КЕРАЛА

Керала узкой полосой вытянулась вдоль западного побережья Индии, занимая южную его треть. Это самый маленький по территории штат Индии, но в нем самая большая в стране плотность населения и самый высокий процент грамотности — из каждых десяти керальцев четыре умеют читать и писать.

Слово «Керала» означает на местном языке малайялам — «страна кокосовых пальм». И в самом деле — едешь ли в глубине страны или вдоль ее обширных лагун, по берегам ли здешних стремительных рек, или вдоль побережья Аравийского моря, вдоль западных склонов высоких Западных Гат, которые отделяют Кералу от всего остального Декана, — глазам всюду представляется безбрежное зеленое море кокосовых пальм — главного богатства штата.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Исстари купцы многих стран устремлялись к берегам Кералы, чтобы купить у ее жителей кардамон, перец, сандаловое дерево и другие продукты керальских лесов.

Первыми достигли песчаных, обрамленных пальмами берегов Кералы древние финикийские мореходы. Они посещали здешние гавани уже в конце первого тысячелетия до новой эры. Находимые время от времени монеты древней Эллады и Рима говорят о некогда широких связях их с этой страной. В древности в керальском порту Куилоне существовала китайская торговая колония. В самом начале нашей эры в Керале обосновалась еврейская община. Одновременно с ними в Керале осели и арабы — лучшие мореходы древности.

В средние века, сменяя друг друга, на берегах страны хозяйничали датчане, португальцы и голландцы, пока в самом конце XVIII века их не вытеснили англичане, завладевшие в конечном счете всей Индией.

Вторжение в Кералу европейцев и последовавшее за этим нашествие христианских миссионеров привело к тому, что сейчас каждый четвертый кералец — христианин. В стране несчетное количество церквей, еще больше миссионерских школ. Эти школы всегда были проводниками западного влияния, но с другой стороны, распространяя грамотность, помогавшую керальцам знакомиться с лучшими достижениями культуры и литературы народов всего мира, они помимо воли церковников создали почву для возникновения прогрессивных устремлений в широких слоях народа Кералы. Не случайно

именно в Керале было сформировано первое и первое
Индии правительство штата, которое возглавлял коммунист
Е. М. С. Намбудирипад.

НА СЕВЕРО-ЗАПАД

От мыса Коморин до столицы Кералы — Тривандрама наш путь пролегал по «стране пальм». Дорога бежала теперь на северо-запад, и из окна автобуса можно было видеть, что пейзаж Кералы сильно отличается от того, к которому мы успели привыкнуть в Тамилнаде. В Керале почти нет храмов, столь характерных для всей страны тамиллов, зато много кокосовых пальм. Их бесконечные рощи обступают дорогу, заполняют собой все низины, теснятся на взгорках, склоняются над реками и озерами. Зеленое пальмовое море простирается до самого горизонта, где синеют пики Западных Гат.

Керала — густонаселенная страна. Мы ехали по сплошной деревне — так близко стоят друг от друга придорожные поселки. Чем дальше на северо-запад, тем роскошней и ярче природа.

Приглядываясь к местному населению, мы заметили, что керальцы отличаются от людей андхра и тамиллов. У них более тонкие черты лица, более гибкие и стройные фигуры. Одетые в белое девушки и женщины свободно ходят в одиночку и группами. Держатся они уверенно и очень независимо. Надо сказать, что в социальном отношении женщины Кералы были всегда гораздо выше, чем их сестры во всей остальной Индии.

Как и всюду в Индии, среди керальцев издавна было строгое разделение на касты. Самой высокой из них считались брахманы — намбудири. Затем следовало военное сословие наиров. Не знавшие воинской дисциплины, вооруженные старыми ружьями и широкими ножами, наиры были отважными воинами. В своих родных лесах, где им был известен каждый куст, каждая долина, наиры отчаянно бились с завоевателями — будь то соседние раджи, войска Хайдара Али и Типу, голландцы или англичане.

Проезжая по дорогам древней страны, мы видели вокруг себя потомков этих людей.

В неприступных лесистых горах Кералы по сей день обитают отсталые племена охотников-собирателей. Люди, принадлежащие к этим племенам, зачастую строят свои жилища на деревьях или сваях.

Останавливала на себе внимание одна характерная деталь керальского пейзажа: вдоль всей дороги по пригоркам,

над большими зданиями, всюду и везде полоскались на ветру флаги трех главных политических партий Кералы: Коммунистической партии, Национального конгресса и Мусульманской лиги. Они стояли, как правило, рядом на высоченных бамбуковых флагштоках.

Как раз за месяц до нашего посещения Кералы в результате происков реакции было распущено правительство штата, возглавляемое Намбудирипадом, и были назначены новые внеочередные выборы. Острая политическая борьба в штате находила отражение сейчас и в битве флагов. Члены каждой партии старались водрузить свой флаг как можно выше на бамбуковых шестах.

В Керале необычайно много школ. Справа и слева от дороги то и дело попадались низкие здания, сквозь широкие окна которых виднелись детские фигурки, прикипшие к столбикам,— мальчуганы в белых рубашках и темных штанишках и девочки в цветастых сари.

ТРИВАНДРАМ

Когда мы подъезжали к Тривандраму, начался дождь. Слева сквозь мокрые окна мы видели редкий лес, росший на песчаных дюнах, безбрежную серую гладь моря, на фоне которого маячат темные рыбацкие хижины. С правой стороны потянулись дома под черепичными крышами, палисадники, за ними высокие заводские трубы. Вскоре мы въехали на большую привокзальную площадь столицы Кералы, сплошь забитую автобусами, автомобилями и густыми толпами народа.

Тривандрам, словно Рим, раскинулся на невысоких холмах. Во многом похожий на другие города Индии, он в то же время весьма космополитичен. В архитектуре его построек, в планировке улиц, во всем его облике чувствуется сильнейшее влияние Запада.

По всему было видно, что совсем недавно в городе шли ожесточенные политические бои. Символами борющихся партий, лозунгами, призывами голосовать за такого-то и такого-то кандидата пестрели ограды и стены домов. И сами жители города тоже, казалось, еще не успели остыть от недавних событий.

Мы бегло осмотрели немногочисленные достопримечательности Тривандрама — украшенное колоннадой двухэтажное здание Секретариата (правительства штата) на главной улице, неплохой естествоведческий музей, зоопарк, храм Падманабхасвами, аквариум и известную галерею искусств Читралайям, где собраны древние, средневековые и более поздние миниатюры раджпутской, могольской и танжорской

школ, а также произведения современных индийских мастеров.

В Читралайяме нас ждал сюрприз — в одном из его залов размещается небольшая выставка работ Николая Рериха. Галерея была уже закрыта, и куратор никак не хотел пускать нас, но узнав, что мы русские, разрешил все-таки войти в просторный зал, по стенам которого висит около пятнадцати картин знаменитого русского живописца.

Кто бы мог подумать, что за многие тысячи километров от родины в этом высоком, затемненном шторами зале мы найдем кусочек милой старой России! А между тем это было так. Обращал на себя внимание небольшой яркий этюд, носящий название «Terra Seavonica» (Славянская земля). На этюде изображены крепостные ворота старинного, вероятно новгородского, монастыря, сложенные из огромных каменных глыб. На их фоне четко выделяется фигура монаха, который бредет по разбитой дороге. На маленьком кусочке холста художник любовно изобразил овеванные холодным ветром неоглядные русские просторы, неброский, но дорогой сердцу каждого русского человека пейзаж северной России.

У входа в зал висит довольно большое полотно: озеро ночью. Луны не видно, но ее присутствие угадывается в общей светлой гамме пейзажа. Тепло мерцают синим цветом заснувшие горы и долинки, а озеро, вобрав в себя скупой ночной свет, без остатка отдает его обратно, отражая в себе окрестные холмы. По поверхности озера скользит небольшая лодка с фигурками людей в старинных русских одеждах. Фантастично и красиво так, что захватывает дух! А подойдешь поближе, то удивись: так скупко наложены на холст краски.

Многие из остальных картин Рериха, развешанных в зале, посвящены все тем же Гималаям, которые так любил художник.

КЕРАЛЬСКИЕ ЛАГУНЫ

От Тривандрама мы проехали еще семьдесят пять километров на север к портовому городу Аллеппи. Индийцы называют Аллеппи Венецией Востока, и, пожалуй, это сравнение не лишено основания, так как город прорезает масса каналов, вдоль которых плавают по всем направлениям тяжелые барки. Барки гружены копррой. Копра — это коричневые волокна кокосовых орехов, их верхний волокнистый слой.

Копрой живет весь Аллеппи. Его жители работают на фабриках по очистке и сортировке копры, перевозят массивные тюки копры по каналам, заняты в мастерских, где из копры изготавливают плетеные изделия: мешки, маты, коврики, веревки и кисти, расходящиеся по всему миру.

Другой важной статьей экспорта из Алеппи является черный перец. Керальским и кургским перцем приправляют свою пищу жители многих стран мира.

Несколько часов из своего недолгого пребывания в Алеппи мы посвятили осмотру обширных лагун — достопримечательности Кералы. Эти лагуны играют немаловажную роль в жизни штата. Они таят в себе большие рыбные богатства, а кроме того, широко используются для транспортных целей.

В небольшом, обрамленном пальмами заливишке, где теснится множество посудин всех видов и размеров, мы наняли выдавший виды моторный баркас с тентом над дощатой палубой. Отчаянно дребезжа разбитым мотором, баркас резво побежал по каналу, который вился среди низких подмытых берегов. Прямо под его носом то и дело проскакивали крошечные долбленки, едва подымавшие борта над поверхностью воды. Гребцы в них мастерски орудовали веслами с одной или двумя лопастями.

Вдоль берегов канала тяжело двигались барки. Как видно, мелкое судостроение в течение веков достигло большого совершенства в Керале. Обводы длинных, до двадцати метров, барок очень изящны. Все они имеют одинаковые, красиво закругленные носы и корму, обширные круглые навесы, которые защищают груз от непогоды. Очень часто лодочники подымают на барках примитивный прямой парус, который весьма облегчает их тяжелую работу. Целый день бегают лодочники по бортам барок, упираясь в илистое дно длинными, отполированными от долгого употребления шестами и налегая на них грудью. А подует ветер — тяжело груженные махины без труда движутся по каналам.

Наш баркас вдруг выскочил на обширное водное пространство, которое широкой серой лентой на десятки километров тянется параллельно морскому побережью. Это были керальские лагуны. Очевидно, они сравнительно неглубоки, потому что и здесь барки гнали при помощи шестов.

Далеко-далеко виднелся другой берег. На самой середине лагуны выступали из воды валы из земли, стволов пальм и дерна, огораживающие собой обширные площадки водной поверхности. На их краях, на маленьких земляных площадках стояли постройки, росли большие деревья. Робинзоны, обитавшие на островах, были связаны с Алеппи и окрестными деревнями при помощи быстрых юрких челноков.

Кто-то из наших спутников рассказал, что огороженные дамбами квадраты водной поверхности лагун осушаются насосными станциями. На обширных участках отвоеванной у воды земли, которой так не хватает в Керале, сеют рис. Прекрасные урожаи, получаемые на осушенных участках, с лих-

вой покрывают расходы по осушке. Когда приходят муссоны, вода снова заливают осушенные участки. Крупные керальские землевладельцы, периодически осушая большие площади лагун, зарабатывают на производстве риса громадные деньги.

В недалеком будущем лагунам предстоит сыграть большую роль в развитии сельского хозяйства Кералы. Среди восьми главных оросительных и дренажных систем, строящихся сейчас в Керале для решения продовольственной проблемы, немалое значение будет иметь барьер у местечка Тханнермаккум, который преградит соленой морской воде вход в лагуны. Лагуны тогда превратятся в обширные пресные озера, вода их пойдет на орошение полей.

Первое время наше путешествие по лагунам проходило спокойно, но потом вдруг навалился муссон, который нет-нет да давал знать о себе короткими стремительными ливнями. Бешено замахали вершинами пальмы. Вода в лагунах потемнела. Рванул ветер, заходили крупные волны, обрушиваясь на наше суденышко. Бессильный бороться с крепким ветром, который решительно противился нашему пути в глубину лагун, баркас забился под высокий бережок с одиноким домиком смотрителя, где было относительно затишье.

По соседству переживало непогоду несколько грузовых барок. Под их навесами сидели закутавшиеся в ветошь лодочники. С борта баркаса было воочию видно, как хорошо приспособлены барки к плаваниям по лагунам Кералы. Ярость ветра и дождя разбивалась об их широкие плетеные крыши.

Ураган миновал так же внезапно, как и пришел. Ветер утих, волнение в лагуне улеглось, выглянуло солнце, и через минуту все минувшее начало казаться шуткой природы, не более. Ожившие лодочники расхватили длинные шесты, уперлись ими в дно и заставили свои барки медленно двинуться к Аллеппи. Другие, распутывая веревки, подымали корявые темные паруса.

От Аллеппи лагуны тянутся на север вплоть до следующего крупного города и морского порта Кералы Кочин-Эрнакулама. Памятуя о разыгравшемся урагане, пришлось отказаться от заманчивой идеи проехать полсотни километров до Кочин-Эрнакулама на моторном боте. Путешествие ночью в переполненном суденышке не представляло особого удовольствия, и мы решили отправиться в путь на автобусе.

Времени оставалось мало, и нам приходилось отказаться от посещения озера Перияр, которое лежит в восьмидесяти километрах строго на восток от Аллеппи. Вокруг озера Перияр расположен один из крупнейших заповедников Индии. Его огромную территорию в триста квадратных миль занимают нетронутые леса, где живут на свободе слоны, пантеры

и другие исчезающие животные Индии. Стрелять там запрещено.

До позднего вечера мы тряслись в автобусе, шедшем на Кочин-Эрнакулам, не выходя из него, переправлялись на пароме через какие-то обширные водные пространства. Наконец вдалеке замигали бесчисленные манящие огни большого города. Когда автобус остановился на конечной станции, вдруг грянул свирепый муссонный дождь, загнавший нас в первый же попавшийся хиндуистский отель. Мы сняли в нем маленькую комнатку за пять рупий в сутки. Денег у нас оставалось совсем в обрез.

КОЧИН-ЭРНАКУЛАМ

Оказалось, мы были в Эрнакуламе — новом деловом районе двойного города. Утром с балкона отеля можно было хорошо рассмотреть панораму порта. Перед нашими глазами открылся обширный залив, способный дать приют десяткам кораблей, вместительные доки, приколы для лайнеров, нефтепроводы для приема бензина и нефтепродуктов, сверкающие белизной бензохранилища, снующие всюду легкие суденышки.

Порт, через который ежегодно проходит полтора миллиона грузов, является центром жизни Кочин-Эрнакулама. С окончанием углубительных работ, с постройкой бетонной стенки, возле которой смогут пришвартовываться океанские лайнеры, значение его в экономике страны возрастет в неизмеримой степени.

Гавань Кочин-Эрнакулама — единственная на всем западном побережье Индии надежная стоянка для кораблей — сооружена самой природой. Прямо напротив отеля вдали виднелся узкий пролив, соединяющий гавань с открытым морем. По нему как раз медленно ползла белая громада какого-то иностранного лайнера. По обе стороны прохода густо стояли высокие кокосовые пальмы. Там на узкой полоске суши, между гаванью и Аравийским морем, находился Кочин — старинный центр города.

КИТАЙСКИЕ СЕТИ

Древние государства, существовавшие некогда на территории сегодняшней Кералы, обладали значительным торговым и военным флотами и вели широкую торговлю со всем известным тогда миром. В керальских гаванях можно было постоянно видеть сотни кораблей, грузящих дары лесов Кералы. Торговые агенты иностранных государств образовывали в городках Кералы целые слободки.

В числе других народов, ведших широкую торговлю с индусами древней Кералы, были китайцы. Поселения китайских торговцев в Керале существовали еще во времена правления династии Тангов. А во время правления хана Хубилая керальский порт Куилон и Китай обменялись послами. До сих пор то тут, то там на всем побережье Кералы находят привезенные из Китая изящные изделия из бронзы, фарфоровые сосуды, черепки.

Сотни китайцев жили некогда и вокруг Кочина. Однако от их культуры почти ничего не сохранилось, кроме характерных сетей, которые по сей день применяются рыбаками Кочина. Их называют китайскими сетями.

Китайские рыбацьи сети можно видеть на южном берегу протоки, соединяющей гавань Кочина с Аравийским морем. Вдоль протоки стоит несколько громоздких рыболовных сооружений, напоминающих так называемые пауки на Волге. Конструкция их одинакова. У самой воды выстроен примитивный помост из коротких бревен, а на нем установлен шарнир. От шарнира под углом в сорок пять градусов над водой идет длинная жердь, к концу которой привязано нечто похожее на четырехногого паука. Между лапами «паука» натянута большая пятнадцать на пятнадцать метров квадратная сеть.

Если жердь опустить, то лапы «паука» уйдут под воду и сеть ровно ляжет на дно. А поднимешь жердь и «паука», то наружу выйдет и сеть, а в ней все водные обитатели, имевшие неосторожность в этот момент прогуливаться в воде над сетью или любоваться на свет яркого фонарика, который ночью привешивают к макушке жерди.

Но быстро вытащить из воды широченную сеть не такое простое дело. Для этого служит бревно-противовес, укрепленное на том же шарнире, но установленное под сорок пять градусов к земле. Макушки жерди и бревна соединены длинной веревкой. С вершины бревна-противовеса свисают узловатые веревки, на которых висят гроздья тяжелых камней. Если бревно-противовес потянуть за веревки вниз, оно потянет за собой и жердь, на которой насажен «паук». Сеть тогда быстро выходит из воды.

Когда мы подъехали к сетям, рыбаки отдыхали, курили самокрутки, толковали о том и о сем. Потом, поднявшись, все они по команде старшего враз потянули веревки бревна-противовеса вниз, иные даже повисли на них, стремясь весом своего тела как можно скорей поднять сеть со дна протоки. Медленно показались из воды лапы «паука», а затем и сеть, в ней билось несколько крупных рыб и множество рыбьей мелочи, на которую с карканьем ринулись вороны, нетерпе-

ливо кружившие над водой. Один из рыбаков полез в сеть и собрал добычу. Сеть снова ушла под воду.

По словам рыбаков, лучший улов бывает утром, вечером и ночью. А днем работа идет почти впустую.

— Так зачем же вы тратите силу? — спросили мы. — Днем отдыхали бы.

— Сети не могут стоять без дела, — заметил старший рыбак. — Может, что и поймается. Нам их дают недаром. Вон идут уже за рыбой!

Он бешено сверкнул глазами на приближавшегося толстяка священника, которого сопровождали кули с корзинами на головах. Как оказалось, хозяйкой сетей была здешняя церковь. За пользование сетями рыбаки расплачиваются рыбой. Тяжелая работа дает им совсем немного — все идет в бездонный карман церкви. То, что почти все рыбаки Кералы христиане, в счет не идет. Вера верой, а денежки — особая статья!

Керала — второй в Индии штат по количеству потребления рыбы на душу населения. И все же рыбы здесь не хватает. Ловля с катамаранов и китайскими сетями никак не может удовлетворить потребности быстрорастущего населения штата. С целью поднять культуру и эффективность усилий керальских рыбаков индийское правительство пригласило норвежцев, которые с 1953 года работают вблизи Кочина, обучая керальцев строительству рыболовных судов, передовой технике рыбной ловли, обработке и хранению рыбы.

Ограниченность средств, которыми располагают рыбаки, их низкий культурный уровень, принцип частной собственности на суда и рыболовные снасти — все это еще долго будет сдерживать развитие рыболовства в Керале и во всей Индии.

* *
*

Если о китайцах в Керале напоминают лишь сети, то древние арабы во множестве обосновались в стране. Они полностью натурализовались, смешиваясь с местным населением. Мопла (так называют здесь натурализовавшихся арабов) живут к северу от Кочина вокруг города Кожикод. Арабский язык они забыли и говорят на местном наречии, но по религии они мусульмане.

К северу от Кочина в городке Кодангаллур находится самая древняя в Индии мечеть. Вероятно, она единственная в мире, алтарь которой не повернут в сторону Мекки. Верующие в ней молятся, глядя на восток. Мечеть была построена

в седой древности, когда еще не успела выработаться эта всеобщая особенность всех мечетей мира.

Материальная культура мопла, их обряды — удивительная смесь местных и древнеарабских традиций, разобраться в которой не так-то просто.

ОБЩИНА КЕРАЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ

Среди других древних пришельцев, нашедших приют в Керале, были евреи. Согласно легенде, первые из них появились здесь еще во времена Соломона Мудрого, когда финикийские корабли пристали однажды к керальским берегам. Часть евреев, прельщенная возможностями спокойной жизни и торговли, осталась, согласно преданию, в Керале. Первая небольшая еврейская колония возникла в городке Грангануре (Каннанор, к северу от Кочина). Историки утверждают, что случилось это в 72 году нашей эры.

По-настоящему община евреев укрепилась в Керале в конце IV века, когда ее духовный и светский глава Иосиф Раббан сумел добыть у местного раджи Паркарана Ирави Ванмара (во владения его входил Гранганур) медные пластины, на которых было написано, что Раббану даруется в вечное и беспокорное владение деревня Анджуваннам. В медных пластинах указывалось также, что Раббану пожалованы право сбора налогов за пользование лодками и арбами, ковер, для того чтобы слуги расстилали его перед Раббаном, когда он отправится куда-либо, паланкин, зонтик, барабан, фанфара и все прочие атрибуты власти.

В 490—518 годах на берега Кералы явились новые группы евреев из Вавилона и Персии. Немало их прибыло в Кералу и в середине VI века, когда был разгромлен Иерусалим. В XIV веке часть еврейской общины во главе с Иосифом Азааром переехала в Кочин, где вскоре была построена синагога. В 1492 и 1514 году в Кералу прибыли эмигранты из Испании. Большинство их осело в Кочине, так как в Грангануре арабские торговцы начали сильно притеснять тамошнюю еврейскую общину.

Причина враждебного отношения купцов мопла к евреям ясна: купцы евреи подрывали их монопольную торговлю по всему западному побережью Индии. Вражда кончилась тем, что в 1524 году гранганурская община евреев подверглась жестокому погрому, от которого она уже никогда не могла оправиться.

Немного позже, в 1565 году, португальцы изгнали из Грангуара последних евреев, и все они оказались сосредоточенными в Кочине.

...Чтобы осмотреть еврейскую слободку, нам пришлось

пройти ближе к морю, где тянется узкая улица с очень старыми просторными домами. Внешний вид улицы говорил, что здесь прожили многие-многие поколения людей. Казалось, камни были наполовину стерты и земля истоптана впрах людьми, которые веками жили на этом кусочке земли. На широких окнах домов висели занавески, не дававшие возможности видеть, что творится в полутемных комнатах. Только в одном из них была видна молодая, крупная и очень красивая женщина, склонившаяся над шитьем. У нее были иссиня-черные волосы, матово-белое лицо и полные руки. Перед окнами бегали белокожие кудрявые девочки.

Единственным представителем мужской части населения слободки, которого нам удалось видеть, оказался старик с библейским лицом. С кружкой в руках он стоял на крылечке двухэтажного дома и заботливо чистил зубной щеткой длинный желтый зуб, одиноко торчавший в верхней десне его пустого рта. Старик был очень тощ, но прям. На нем, словно на вешалке, висела широкая хламида, голову его украшала старая шапочка. Несмотря на преклонные годы, этот человек, как видно, полностью сохранял живой ум и природный юмор.

— В нашей слободке осталось мало народу,— сказал он нам.— Многие уехали в Израиль.

— А вы?

— Мне и здесь неплохо,— отвечал он.— Я свое уже прожил, а что там за морем — никто не знает. Израиль, конечно, отчизна, но умирать лучше там, где прожил жизнь. Верно ведь?

Мы, конечно, согласились с ним.

Несколько позже мне пришлось прочитать письмо группы евреев эмигрантов из Индии, напечатанное в бомбейской газете «Блитц». Письмо было сплошным плачем, сожалением об ошибке, которую они совершили, отправившись в Израиль. Они проклинали израильских вербовщиков, соблазнивших их на переезд.

Судя по письму, евреи эмигранты из стран Азии попадают в Израиле в очень тяжелые условия. Зачастую они оказываются без средств к существованию. «Отчизна» приняла керальских евреев неласково. Их звали в Израиль для того, чтобы завербовать как можно больше молодежи из их числа в армию. Но пожилым людям там трудно найти работу. Авторы письма жаловались на дискриминацию по отношению к евреям из Индии: «Ашкенази» (так называют себя белые евреи из Америки и Европы) норовят превратить всех нас в рабочий скот, потому что кожа у нас чуть темнее, чем у них. В заключение авторы письма просили помочь им вернуться на их настоящую родину — Индию.

Факт столь долгого существования в Керале крохотной еврейской общины, члены которой сквозь двадцать веков жизни в чужой стране пронесли свои обычаи, свою веру и не растворились в массе местного населения, сам по себе удивителен. Но этому есть простое объяснение: в Керале, как нигде в остальной Индии, всегда было особенно крепко и нерушимо разделение всего населения на касты.

ЗАПАДНЫЕ КОЛОНИЗАТОРЫ В КЕРАЛЕ

Первыми европейцами, достигшими берегов Кералы, были датские купцы. Датчане обосновали торговую факторию в местечке Колочер, однако от их поселения ныне ничего не осталось. В 1498 году путь к берегам Индии «официально» открыл португалец капитан Васко да Гама. Как раз с этого времени и ведет свое начало широкое знакомство Европы с Индией.

Уже в 1503 году в Кочине возник португальский форт. Немного позже в порту Куилоне был построен еще один форт. Обманом, угрозами и шантажом португальцы добились у керальских раджей исключительных прав на торговлю пряностями. Католические священники и религиозные ордена, главным образом иезуиты, твердой ногой стали на землю Индии. Символом владычества португальцев в Керале могло бы отлично послужить ужаснейшее орудие казни, которое мы видели в одном из южноиндийских музеев. В огромную деревянную ступу, врытую в землю, португальские чиновники бросали живых детей тех керальцев, которые отказывались им подчиняться. Вокруг ступы ходили бычки. Приводимый ими в движение пест размалывал детские тела в кровавое месиво. Для стока крови имелся специальный желобок. Обезумевшим матерям тут же отрубали головы.

Ужасная казнь совершалась под бормотание молитв в честь Иисуса Христа и португальских святых.

Из Кералы португальцы распространили свое влияние на Цейлон и на восточное побережье Индии (Коромандель). Около ста лет они беспощадно торговали с раджей Кералы, пока в 1602 году на керальских берегах не появились первые фактории голландской Ост-Индской компании. Голландские эскадры разгромили португальцев и дали возможность голландским купцам полтора-два десятилетия грабить страну, вывозя пряности и слоновую кость, пока к концу XVIII века их не вышвырнули из Кералы более сильные хищники — англичане.

Логично было бы подумать, что ревностные католики португальцы были первыми проповедниками слова Христова на берегах Кералы и во всей Индии. Однако это не так. Навер-

ное, и сами они были донельзя удивлены, узнав о том, что христианство на здешних берегах существует почти с начала новой эры!

Членов христианской общины, которая существовала в Керале задолго до прибытия португальцев, называют сирийскими или несторианскими христианами. У них свои церкви, свой архиепископ. О них упоминает известный итальянский землепроходец Марко Поло, который побывал на западном побережье Индии в 1293 году. Много несторианских христиан было в керальском портовом городе Куилоне. Хайдар Али и Типу, завоевавшие одно время Кералу, всячески покровительствовали несторианцам, давали им большие привилегии в торговле. В то же время христиане католики, связанные с Гоа (давний центр португальского владычества), были предметом их яростной ненависти. Местные христиане католики снабжали англичан займами, указывали британским войскам лучшие и кратчайшие дороги в тылы Майсура, во всем поддерживали завоевательские устремления купцов английской Ост-Индской компании. История керальских католиков служит наглядным примером того, что католические попы всегда играли роль разведчиков, готовящих почву для нашествия иноземных колонизаторов.

Чтобы ознакомиться с тем, что осталось в Кочине после колонизаторов из Европы, нам пришлось съездить сначала в пределы кочинского форта, где находится церковь святого Франциска и европейский квартал, затем на остров Болгати — к резиденции сначала голландского вице-короля, а позже английского резидента и, наконец, к так называемому Голландскому дворцу.

Церковь святого Франциска и окружающий ее квартал жилых домов резко отличаются от окрестных районов города. Приехав туда, мы испытали такое ощущение, будто каким-то волшебством перенеслись вдруг в старинный голландский городок где-нибудь поблизости Амстердама или в старую Португалию.

Это был настоящий средневековый европейский квартал, без всяких скидок на местные условия. Там рядами стоят массивные двухэтажные дома с высокими черепичными крышами, с элементами готики. Не в пример индийским постройкам, окна которых всегда защищены верандами и навесами, окна этих домов выходят наружу — как в Голландии, где много пасмурных дней, а солнце часто смотрит на землю сквозь тучи. Вокруг старинных зданий построены высокие деревянные заборы. Улицы европейского квартала пустынные. Ни души — словно население попряталось или вымерло. Лишь изредка мелькнет одинокая фигура, одетая в европейское платье.

Церковь святого Франциска окружена кладбищем, где похоронены жившие когда-то в Кочине португальцы и голландцы. Никто не заботится о могилах, и исписанные латинскими буквами надгробия заросли бурьяном, покосились, либо вовсе упали. Самых знатных европейских жителей Кочина хоронили в церкви.

Среди вделанных в пол церкви надгробных плит есть одна, которая неизменно привлекает к себе особое внимание иностранцев. На этой плите начертано имя португальского морехода Васко да Гамы, который открыл морской путь из Европы в Индию вокруг Африки. Несомненно, этим путем ходили и до Васко да Гамы, но именно его считают первооткрывателем морской дороги в «страну чудес».

Из истории известно, что в конце 1524 года Васко да Гама вторично прибыл в Индию, на этот раз уже в качестве вице-короля, но 24 или 25 декабря того же года умер в Кочине. Его останки с большой пышностью похоронили в церкви святого Франциска, однако через четырнадцать лет их перевезли в Видигвейру (Португалия), а в 1872 году многострадальные кости навеки успокоились в Лиссабоне. Надгробный же камень Васко да Гамы до сих пор можно видеть в старинной церкви Кочина.

Не менее интересен так называемый Голландский дворец в районе Матанчерри. Он был построен португальцами в начале XVI века. Невысокое двухэтажное здание под плоской черепичной крышей, с узкими прорезями окон и высокой лестницей выстроено в архитектурном стиле, типичном для средневековой Португалии. Португальские власти подарили этот дворец кочинскому радже в качестве компенсации за ограбление местного хиндуистского храма одним из португальских офицеров.

Поселившийся во дворце местный раджа повелел своим мастерам покрыть его стены росписями. Эти росписи, сами по себе необычайно интересные, имеют весьма фривольный характер, особенно в комнатах нижнего этажа, где помещался гарем и откуда через специальный узкий люк в потолке женщин доставляли в верхние покои. Росписи — поучительные иллюстрации жизни и нравов раджей Кералы — были сильно попорчены во время недавних реставрационных работ.

Резидентский дворец на зеленом острове Болгатти является типичным староголландским строением. Огромной черной шапкой сидит на нем высокая готическая крыша. Во дворце много просторных пустых помещений, обширных и очень удобных веранд с видами на гавань Кочина и здание Верховного суда. В этом дворце скучали британские резиденты, пока непрошенных квартирантов не попросили удалиться навсегда.

В 1947 году, почувствовав, что обстановка в Индии подобна вулкану, британские колонизаторы покинули Индию. Оставили вскоре свои небольшие индийские владения и французы. Но самая старая колониальная держава мира Португалия не хотела расстаться с Гоа, Даманом и Диу — своими давними колониями на западном побережье Индии. Четырнадцать лет Индия терпела на своем теле эти нарывы, оставшиеся от старых колониальных времен.

Но терпение это в конце концов лопнуло. В ночь с 17-го на 18 декабря 1961 года индийские войска в течение нескольких часов освободили Гоа, Даман и Диу — исконные индийские земли — от португальских колонизаторов, и этим справедливым актом была закрыта последняя страница истории господства колониальных держав на индийском подконтиненте.

ВАЛЛОМКАЛИ

Керальцы издавна были смелыми воинами и отличными мореходами. Сама жизнь заставила их быть таковыми. Страну постоянно сотрясали кровопролитные междоусобные войны. Войнам не было конца в древности и в средние века, когда Керала оказалась поделенной между раджами Траванкура и Кочина и заморином (королем) Каликута. Войны сотрясали маленькую страну и тогда, когда на ее берегах высадились соперничающие европейские завоеватели.

Боевые традиции народа Кералы нашли свое отражение в местных праздниках. Праздников в Керале очень много, однако самым важным из них считается онам. Он имеет место в августе — сентябре и длится целых десять дней. Во время этого праздника происходят соревнования молодых людей в силе и удали. Одетые в белоснежные одежды керальцы бьются на кулаках, меряются силами в борьбе. Керальские девушки танцуют, поют песни и водят хороводы.

Но самой важной частью онама является валломкали — лодочные гонки по керальским лагунам. Особенно популярны валломкали в центральной Керале, в районе городов Коттаям и Аллеппи. К валломкали молодежь Кералы готовится заранее. Суда чинят и подновляют. Подбираются команды, кормчие.

И наконец наступает долгожданный день гонок. Когда валломы — длинные, словно шуки, с высокой загнутой кормой лодки — выстраиваются, готовясь к поединку, берега лагун бывают сплошь запружены народом. Срываясь по сигналу с места, валломы стрелой проносятся мимо берегов. Молодые гребцы, одетые в белую одежду и белые тюрбаны, с такой силой гребут короткими веслами, что валломы буквально летят по водной глади. Чтобы весла опускались в воду одновременно, гребцы поют песни. Музыканты на вал-

ломах отбивают такт на цимбалах и барабанах, поодушевляя гребцов на еще большие усилия.

Под конец соревнований в борьбу вступают самые большие валломы, которые называются чанданами. Чанданы достигают в длину чуть не тридцати метров, и на каждом из них сидит по сотне гребцов. Стремительно несущиеся по лагунам чанданы, полные веселой, горлающей песни молодежи, гром оркестров, трещающие на ветру алые зонты с висающими по краям золотыми монетками и кистями — все это является поистине великолепным зрелищем.

Самое большое количество участников привлекает гонка валломов на приз премьер-министра Индии Джавахарлала Неру.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ

Природа щедро одарила Кералу всеми своими богатствами. Ее территорию покрывают леса и роскошные пальмовые рощи, на ее земле хорошо растут перец, кардамон, кофе, чай и каучуковые деревья. Поля Кералы дают прекрасные урожаи риса, а в ее прибрежных водах и лагунах в изобилии водится рыба. Муссоны изливают на Кералу обильные дожди, отчего вся страна круглый год утопает в свежей зелени.

Кажется, богато одаренный от природы, трудолюбивый народ Кералы мог бы безбедно жить в своей благословенной стране, не зная, что такое нужда и лишения, но на деле все обстоит наоборот. В Керале огромная плотность населения. Все пригодные земли давно уже распаханы, поэтому для пропитания населения приходится ввозить массу риса из соседних штатов, главным образом из Андхра-Прадеш.

Избыток рабочей силы породил в Керале отчаянную безработицу, которая свирепствует здесь больше, чем в остальной Индии. Приток рабочей силы из деревни, где условия жизни очень тяжелые, в города еще больше усложняет проблему.

Безработица, безземелье, тяжелые условия жизни, бедность большинства населения Кералы, с одной стороны, и сосредоточение обширных земель и больших богатств в руках керальских землевладельцев, с другой, послужили причиной обострения классовой борьбы в штате.

В условиях ожесточенной борьбы с церковниками и помещиками, которых поддерживали все реакционные силы в стране, Коммунистическая партия Индии во время парламентских выборов 1957 года сумела завоевать большинство в Народной палате и в Законодательной ассамблее штата.

Правительство Намбудирипада продержалось у власти целых двадцать восемь месяцев, с честью выполняя обяза-

тельства, данные народу во время выборов. Все это время велась энергичная подготовка к строительству многочисленных гидроэнергетических сооружений, запланированных в пятилетнем плане Индии, принимались меры к облегчению участи трудящихся штата, были созданы условия для дальнейшего роста торговли, промышленности и сельского хозяйства. Все эти мероприятия получили одобрение народа Кералы.

Однако в своей созидательной деятельности правительство штата столкнулось с ожесточенным сопротивлением реакционных сил.

В последовавших новых выборах коммунистам не удалось собрать большинство, достаточное для формирования правительства. Реакция и церковь мобилизовали все силы для победы на выборах; немало помогли реакции щедрые даяния из-за океана в виде долларов и марок.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Поездка в Кералу была нашим последним путешествием по Декану.

Пробегая глазами только что законченную книгу, я невольно подумал: а не обвинит ли меня читатель в том, что я говорил слишком много о старине, о прошлом Индии и почти не коснулся того нового, что совершается ныне в этой большой и интересной стране?

Что мне ответить на это? Я могу сказать в свое оправдание: получилось так потому, что большую часть своей жизни в Индии я провел в Хайдарабаде — настоящем заповеднике старины, где часто приходилось соприкасаться с такими сторонами жизни Индии, которые ныне быстро исчезают под напором нового.

Не напрасно ли я потратил так много страниц на описание уходящей старой Индии? Мне кажется, что нет. Ведь новое легче познается в сравнении со старым. Зная старое, можно правильнее оценить новое.

Каждый человек, попав в новую для него страну, рассматривает ее под своим собственным углом зрения. Здесь уместно вспомнить смешной рассказ о человеке, который, попав в незнакомый город, стал спрашивать прохожих, как ему добраться до нужного учреждения. Хозяйка указала ему путь, перечислив хорошо знакомые ей ориентиры: булочная, ларек, рынок, зеленная лавка. Любитель горячительного направила его по тому же пути, но рекомендовала держаться таких-то и таких-то пивных, закуской и винного ларька, а третий, маляр, указал ему путь по вывескам, сделанным его рукой.

Читатель, конечно, хочет знать как можно полнее о всех сторонах жизни Индии. Но все аспекты жизни этой большой страны не охватишь в одной книге. Поэтому я сделал попытку рассказать о том, что мне лучше знакомо. И если моя книга о Декане заинтересовала читателя, если он не отложил ее в сторону, а прочитал до конца, значит, я выполнил поставленную перед собою задачу, и усилия мои были не напрасны.

Хайдарабад — Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	5
------------------------------	---

ГЛАВА I

Великий город Декана

<i>Седые камни Голконды</i>	9
---------------------------------------	---

Крепость Голконда. Строительство города Хайдарабада. Гибель Голконды. Снова жизнь.

<i>Старый Хайдарабад</i>	16
------------------------------------	----

Чарминар. Фалакнума и Хуссаян-Алам. Патхаргатти. Похвальное слово индийской кухне. Музей Саларджанга. В старых мохалла. За длинными оградами. Новые времена.

<i>Новый город</i>	30
------------------------------	----

Река Муси. Пришельцы. За рекой Муси. Последний из низамов. Западный район Нового города. Нирмал Индастри. Банджара-Хиллз. Сикандарабад. Что осталось в Хайдарабаде от англичан.

<i>Мусульмане Хайдарабада</i>	46
---	----

Мечети. Святые пйры. Под стенами Макки масджид. Еще о пирах и урсах. Мусульманские праздники. Мухаррам в Хайдарабаде. Хайдарабадские встречи.

<i>Вокруг светильника</i>	71
-------------------------------------	----

Урду — дитя базаров. Ага Хайдар Хасан. Урду сегодня. Анджуман-и-таракки-и-урду. Мошаэра. О том, как опасно иногда принимать комплименты. Открытие литературы Голконды. Слава поэта.

<i>Хозяева своего дома</i>	91
--------------------------------------	----

Андхра. Дорога на северо-восток. Бхонгир. Храм Ядгиргутты. Храм тысячи колонн. Крепость Варангал. Праздники хинду. Синеликий флейтист. Новое и старое.

На юг, в глубь страны Крестыне Телингана Восстание в Телингана. Школа. Общинный проект. В гостях у миссионеров. Урс при Нариджана

ГЛАВА II

По следам Афинасия Никитина

Стольный город Бидар 145

На последнем привале... Бахманиды. Здесь жилили земляки Ночлег на обрыве. У Саэда Мохаммеда Твердыня Декана. Мавзолей в диком поле. Медресе. Бидри. Прием в муниципалитете.

Гулбарга 169

Гесудараз Банданаваз. Два поэта.

ГЛАВА III

В стране Типу Султана

Лев Майсура 177

Рождение Майсурской державы. Лучше прожить день львом, чем сто лет шакалом. Подготовка к путешествию в Майсур.

Бангалур 182

Прогулка по городу. Заповедник бывших владык Индии. В гостях у Рерихов.

В столице Водяров 191

Три дня в Майсуре.

Серингапатам 195

Старая дорога. Стены Серингапатама. Когда въезжаешь в Бангалурские ворота. Храм святого Ранги. Шахр Гянджам и Гумбад. Дарья Даулят Баг.

Курге — страна кофе 205

Типу, Кург, англичане. Дорога в Сидданур. Поместье Карадигод. Калагунди. Меркара — столица Курга. Боги кургов. Свадьбы в Курге.

У ног гранитного гиганта 218

Джайны. Сраванобелгола. Улыбка каменного великана. Маста-хабхесекха.

ГЛАВА IV

Тамилнад, Керала

Мадрас 227

На взморье. Твердыня заморских разбойников. Шедевр из камня на морском берегу.

<i>Коромандель</i>	235
В гостях у пахлавана. У Адамова моста. Мадурай. У слияния трех морей.	
<i>Керала</i>	244
Немного истории. На северо-запад. Тривандрам. Керальские лагуны. Кочин-Эрнакулам. Китайские сети. Община кераль- ских евреев. Западные колонизаторы в Керале. Валломкали. Двадцать восемь месяцев.	
Послесловие	261

Крашенинников В.

ПО ДЕКАНУ. ИНДИЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.
М., Географгиз, 1963. 264 стр. с илл. (Путешествия.
Приключения. Фантастика)

Вечеслав Леонидович

Крашенинников

ПО ДЕКАНУ

*

Редактор *Д. Н. Костинский*

Художник *Г. М. Чеховский*

Художественный редактор *В. Д. Карандашов*

Технический редактор *Э. Н. Виленская*

Редактор карт *Г. Н. Мальчевский*

Корректор *П. И. Чивикина*

Т-01831. Сдано в производство 19/X 1962 г. Подписано в печать
7/II 1963 г. Формат 60×90^{1/16}. Печатных листов 16,5, вкл. 2, 17. Условных
листов 18,67. Издательских листов 17,5. Тираж 70 000.
Цена 64 коп., переплет 15 коп. Заказ № 3484

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валуевская, 28.

79 коп.

ГЕОГРАФИЗ

В. КРАЩЕНИННИКОВ

ПО ЛЕКАНУ

Б203